

---

РАННЕ-  
ФЕОДАЛЬНЫЕ  
ГОСУДАРСТВА  
НА  
БАЛКАНАХ

---

VI-XII ВВ.



АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ  
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

---

РАННЕ-  
ФЕОДАЛЬНЫЕ  
ГОСУДАРСТВА  
НА  
БАЛКАНАХ

---

VI-XII ВВ.

*Ответственный редактор*

*Г. Г. ЛИТАВРИН*



МОСКВА  
«НАУКА»  
1985

В книге прослеживается зарождение и развитие государственности у славян Балканского полуострова в период распада Восточноримской империи: Византии, Первого Болгарского царства, Сербского государства, государства хорватов, государственности далматинских городов; подробно показываются межэтнические связи и межгосударственные отношения в VI—XII вв. в регионе и с Европой, социально-экономическая, общественно-политическая структура этих раннегосударственных образований, демография, роль церкви.

Для историков, юристов, экономистов, этнографов, филологов.

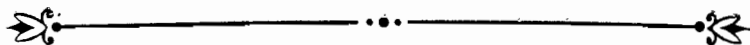
Редакционная коллегия

ИВАНОВА О. В. (отв. секретарь)

НАУМОВ Е. П. ФЛОРЯ Б. Н.

Рецензенты

Р. А. НАСЛЕДОВА, И. В. ЧУРКИНА



## ВВЕДЕНИЕ

**И**нтерес к истории славян в раннее средневековье характерен в настоящее время не только для историографии славянских стран, но и для мировой научной литературы в целом. Особенно большое внимание уделяется при этом древнейшей истории славянства: вопросам этногенеза и этнической истории славян, темпам и формам их хозяйственной и социальной эволюции, характеру взаимодействия с кочевыми народами, с Восточноримской (Византийской) империей и Франкским королевством, проблемам оформления у славян первых государственных образований.

Сектор древней и средневековой истории Института славяноведения и балканистики АН СССР в течение последнего десятилетия также систематически занимался древнейшей историей славянства в плане становления и развития этнического самосознания славянских народов как важнейшего фактора оформления раннефеодальных славянских народностей. Результатом этой работы явилась публикация вышедшего в свет в 1982 г. коллективного труда «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья». Следуя марксистско-ленинскому методологическому принципу исторических исследований, авторы труда разрабатывали проблему этнического самосознания в тесной связи с вопросами социально-экономического и государственно-политического развития славян. Однако, преследуя главную цель, коллектив авторов обращался к рассмотрению указанных сюжетов лишь попутно. Между тем недостаточная изученность проблемы зарождения и становления государственности в ее конкретных формах у разных групп славян ощущалась весьма остро. Еще в ходе работы над книгой об этническом самосознании славян возникла необходимость вернуться к проблеме государственности специально, поставив связанные с нею вопросы в центр исследования. Так, в плане работы сектора в 1979 г. появилась тема, название которой отражено в заглавии данной книги.

Опираясь на опыт и достижения своих предшественников, авторы решили несколько изменить и уточнить постановку проблемы. Новое при этом, на их взгляд, должно было состоять в следующем. Во-первых, исходя из единых критериев и принципов, проследить процесс зарождения и развития государственности одновременно у нескольких групп славян, консолидировавшихся позднее в различные этносоциальные общности (народности), с тем чтобы с возможно большей отчетливостью выявить общее и особенное в ходе эволюции и в ее конкретных формах. Во-вторых, параллельно с изучением вопросов становления раннефеодальной государственности у славян как представителей «варварского» мира рассмотреть процесс трансформации переживавшей кризис рабовладельческой государственной системы Позднеримской империи в государство раннефеодальное по своей классовой сущности. В-третьих, наконец, дифференцировать неизбежно встающую при такой постановке задачи проблему континуитета и дисконтинуитета: для «варварского» (славянского) общества континуитет, видимо, должен был состоять в сохранении элементов первобытнообщинного строя, а новое (дисконтинуитет) — в появлении и развитии элементов феодальной формации, включая противоречивое по своей сути воздействие поздне рабовладельческих порядков; что же касается восточноримского (ранневизантийского) общества, то для него континуитет заключался (здесь авторы следуют в русле установившейся историографической традиции) в пережитках рабовладельческой системы, а дисконтинуитет — в зарождении феноменов нового строя, включая влияние общественных институтов, принесенных с собою «варварами», т. е. в данном случае славянами.

Коллектив авторов ограничил территориально исследуемый ареал славянского мира. Представлялось наиболее рациональным избрать на данном этапе для изучения с отмеченных позиций только балканский регион. Он представлял собою в исследуемую эпоху (VI—XII вв.) относительно более органичное историко-географическое единство по сравнению с другими территориями, занятыми в то время славянами: накануне заселения Балканского полуострова славянами он входил в течение нескольких веков в состав Римской империи, являлся частью единой административно-политической системы, все его районы испытали в целом в той или иной мере нивелирующее воздействие позднеантичной (а затем ранневизантийской) цивилизации; кроме того, Балканы в относительно короткий хронологический период (в основном

с 80-х годов VI до 30-х годов VII в.) были заселены славянами, находящимися примерно на одинаковом уровне общественного развития. Именно это обстоятельство уже давно определило в марксистской науке, при попытках теоретического осмысления типологии генезиса феодализма в странах Европы, выделение территории Балкан в особый регион, для которого был характерен «умеренный» (или «уравновешенный») синтез позднеантичных и «варварских» институтов.

Необходимо, однако, в данной связи акцентировать внимание на том, что авторы данного труда отнюдь не рассматривают его как работу, посвященную раннефеодальной государственности только южного славянства (и именно — всех южных славян). Региональный принцип здесь прева­лирует над принципом этническим. Поэтому за рамками труда сознательно оставлена территория такой славянской (для этой эпохи — феодальной) народности, как словенская, принадлежащая к семье южнославянских народов: ее исторические судьбы в изучаемое время были теснее связаны не с балканским регионом, а с Центральной Европой (не говоря уже о том, что в силу причин внешнеполитического порядка у словенцев не сложилось устойчивого раннефеодального государственного образования).

Другая оговорка, о которой следует сразу же предупредить читателей, состоит в том, что, хотя в соответствии с региональным принципом в проблематику труда включен вопрос о превращении Восточноримской (позднеарабовладельческой) империи в Византийскую (феодальную), эта тема сравнительно с вопросами, касающимися славянских территорий полуострова, рассматривается в несколько ином плане: здесь авторы в большей мере прибегают к осмыслению результатов, достигнутых в новейшей историографии, чем исследуют проблему на основе производимого заново систематического анализа материала первоисточников. Вынужденный характер такого подхода очевиден: при ограниченности объема поставленные выше вопросы византийской истории не могут быть рассмотрены детально на протяжении семи столетий (т. е. с VI до конца XII в.).

По той же причине за рамками труда оставлены обзоры источников и историографии: слишком широки хронологические и территориально-параметры темы, чтобы на удовлетворяющем специалистов уровне можно было в данном труде охарактеризовать разнообразие, достоинства и недостатки основного фонда источников или дать представление хотя бы о главных концепциях и тенденциях, нашедших отраже-

ние в современной мировой научной литературе. Замечания на этот счет в главах книги даются лишь в самых необходимых случаях в примечаниях, где также не преследовалась цель привести по возможности наиболее полную библиографию — очень часто приходилось отсылать читателя к новейшим работам, авторы которых ставили перед собой выполнение этой задачи специально.

Каждой главе книги отведена своя подчиненная основным целям труда задача — об этой задаче подробно рассказано на начальных страницах соответствующих глав. Однако о VIII главе «Межэтнические связи и межгосударственные отношения на Балканах в VI—XII вв.» следует сказать особо. Помимо необходимости дать хотя бы самое общее представление о международных отношениях на Балканах в изучаемую эпоху, на фоне которых происходило зарождение и развитие раннефеодальных государств данного региона, при включении этой главы в книгу принимались во внимание еще три соображения. Во-первых, хронологические несоответствия и «разрывы» между различными главами в установлении конечной грани изложения: глава о болгарской раннефеодальной государственности доведена до 1018 г., сербской — до последних десятилетий XII в., а глава о политической организации далматинских городов — даже до середины XIII в. Хотя каждый из авторов определял эту грань самостоятельно, исходя из собственных научных представлений, указанное хронологическое разнообразие не является результатом произвольно-субъективных заключений: согласно принятому авторами общеметодологическому принципу, изложение во всех главах должно оканчиваться вместе с завершением раннефеодального периода, происходящего в разных странах региона на разное время. Но глава о болгарской государственности оборвана на 1018 г. не в силу соблюдения этого принципа, не в результате наступления в Болгарии периода зрелого феодализма, а потому, что в этом году независимое Болгарское государство было полностью завоевано Византийской империей. Поэтому краткое рассмотрение периода византийского господства на болгарских землях (1018—1186 гг.) содействует рассмотрению поставленных в книге проблем в рамках сравнительно единой исторической эпохи. Во-вторых, исследуемый в данном коллективном труде период раннефеодальной государственности в Византии не завершился с завоеванием болгарских земель в 1018 г., а продолжался по крайней мере до рубежа XI—XII вв., причем присоединение к империи территории Болгарии имело существенные последствия для

судеб византийской государственной системы. В-третьих, наконец, в период византийского господства государственно-политические традиции болгарского народа не исчезли, обусловив возрождение болгарской государственности в 1186/87 г., когда обрели полную самостоятельность и сербские земли, находившиеся с установлением византийской гегемонии на Балканах в разной степени зависимости от империи на разных этапах этой эпохи.

В заключение подчеркнем, что авторы не задавались целью достижения полностью согласованных мнений по всем вопросам: работа носит поисковый характер, последнее слово в каждой главе принадлежит, естественно, самим специалистам, которые, однако, сознавая крайний недостаток источников для разработки поставленных проблем, готовы признать некоторые свои суждения и выводы лишь рабочими гипотезами.

Приложением к труду является синхронная хронологическая таблица, в которой отражены этапы и поступательный ход развития государственности у народов Балканского полуострова в раннефеодальный период, а также те основные события, с которыми этот процесс был тесно связан. Таблица составлена О. В. Ивановой.

В научно-организационной и редакционно-технической работе принимали участие: Н. С. Захарьина, О. В. Иванова, С. А. Иванов, В. К. Ронин. Указатель имен составлен О. В. Ивановой.







## Глава первая

# ВОСТОЧНОРИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

### в V—VI вв.

**В** задачи данной, обзорной главы входит краткий очерк византийской (восточноримской) государственности к началу заселения Балканского полуострова славянами. Такой очерк представляется необходимым в силу двух основных причин: он должен послужить отправным пунктом для рассмотрения как проблемы превращения Позднеантичной рабовладельческой империи в феодальную средневековую монархию (Византию), так и процесса становления раннефеодальных славянских государств на некогда принадлежавших империи землях.

Основная трудность сжатой характеристики Восточноримской империи V—VI вв. состоит в том, что в настоящее время в марксистской историографии (не говоря уже о буржуазной литературе) обнаружилось существенные разногласия в трактовке основных проблем «протовизантийского» или «ранневизантийского» периода<sup>1</sup>. О глубине этих разногласий можно судить хотя бы по тому, что одни исследователи относят IV—VI вв. к «переходной эпохе», когда рабовладельческие отношения в целом уже потерпели крах (эти историки называют империю этого времени «Византийской»), другие считают, что она до начала — середины VII в. оставалась в своей основе позднеантичной, рабовладельческой (и именуют ее «Позднеантичной» или «Восточноримской») <sup>2</sup>.

Естественно, в данной главе невозможно дать представление о многих дискуссионных вопросах. Существенная трудность состоит также в том, что при характеристике империи в целом надлежит — в соответствии с задачами труда — сосредоточить главное внимание на ее балканских провинциях, не придавая в то же время им самодовлеющего значения и не искажая исторической перспективы.

Наконец, еще одно специфическое затруднение: современная историография констатирует наименьшую разрабо-

танность проблем как раз государственной системы Восточноримской империи и путей ее эволюции в связи с изменениями в ее экономической и социальной структуре. Указывая на многообразие факторов, отражавшихся на формах и специфике государственной власти, историки не считают возможным в настоящее время оценивать констатируемые при этом особенности в качестве одного из признаков типологии феодальных отношений в Европе, хотя и подчеркивают здесь как наиболее важное типологическое отличие сильную центральную власть и всеобъемлющую централизованную эксплуатацию непосредственных производителей через государственную налоговую систему<sup>3</sup>.

Сколько-нибудь полная характеристика процессов экономического развития империи в ходе V—VI столетий здесь, конечно, невозможна. Однако и обойти молчанием этот вопрос нельзя, поскольку он связан с проблемой социальной структуры восточноримского общества, а эта структура, в свою очередь, лежала в основе государственной системы империи в юстиниановский и постюстиниановский периоды.

Во времени воцарения Юстиниана I (527—565) империя, уже более столетия развивавшаяся совершенно обособленно от Западной Римской империи, окончательно конституировалась политически как самостоятельное государство, обнаружившее в IV—V вв. гораздо большую жизнеспособность, чем западная часть бывшей единой Римской державы.

Главные причины этой устойчивости состояли в том, что на Востоке кризис рабовладельческого строя протекал более медленными темпами и имел менее острые формы. Обусловлено же это было следующими факторами: рабовладение в восточных провинциях было вообще менее развито, чем на Западе; здесь был гораздо более многочисленным слой свободного крестьянства, игравшего существенную роль и в производстве, и в сохранении боеспособного войска; мягче, чем на Западе, были здесь также формы колоната; намного больше было на Востоке городов, славившихся своими изделиями и игравших крупную роль в международной торговле; значительно богаче были в Восточном Средиземноморье и природные ресурсы, и более благоприятными географические и климатические условия.

Обособление восточных провинций от западноримских, переживавших глубокий затяжной кризис, содействовало концентрации средств в руках господствующего класса и упрочению государства, которое окончательно сложилось к началу VI в. как военно-бюрократическая монархия, осу-

ществлявшая диктатуру класса рабовладельцев и крупных землевладельцев, а также высшего чиновничества.

В пределы Восточноримской империи вошли следующие земли: весь Балканский полуостров (кроме Далмации и Паннонии), Малая Азия, Северная Месопотамия, Сирия, Палестина, Египет, а также Крит, Кипр, Родос и другие острова Восточного Средиземноморья.

Балканский полуостров, северные провинции которого пережили расцвет в IV — начале V в., в целом уже не принадлежал к провинциям, составлявшим главную экономическую базу государства. Эту роль исполняли азиатские провинции, и особенно Египет. Однако равнины Фракии, Южной Македонии, Фессалии и Пелопоннеса славились и в начале VI в. высоко рентабельным производством злаков, фруктов и овощей. Высокопродуктивным было на полуострове также скотоводство.

Здесь были расположены и два крупнейших торгово-ремесленных центра империи: ее гигантская столица Константинополь и Фессалоника. Балканы пересекали три крупные торговые магистрали, ведущие к Константинополю: знаменитая «Виа Эгнация», шедшая от Диррахия через Фессалонику; путь из Виндобоны (Вены) через Сингидунум (Белград) и путь по правобережью Дуная до его устья и далее — на юг.

Как и прочие части империи, Балканский полуостров не представлял собой некоей однородной социально-политической структуры: он, впрочем, никогда не составлял полного единства также не только в природно-географическом, но и в этническом и общественно-культурном отношении.

Относительная общность всего региона была обусловлена в IV—V вв. единообразием политического и государственно-административного устройства. Тем не менее разные его части резко различались по уровню экономического и культурного развития, по степени интенсивности городской жизни, по общему укладу быта и организации поселений. Наиболее развитыми были южные области (включая Южную Македонию), населенные по преимуществу греками. В глухих горных районах (в Эпире, Родопах, на Пинде и Геме, в Иллирике) преобладали скотоводство и экстенсивные формы земледелия. Эти районы не испытали в V—VI вв. заметного подъема, но в них был менее острым и кризис рабовладения.

Неустойчивой была экономическая и социально-политическая жизнь в северных провинциях, ставших с III в. объектом нашествий «варваров».

Социальная структура восточноримского общества в рассматриваемую эпоху усложнилась. В последние годы все чаще высказывается убеждение, что исследователи предшествующего времени существенно преуменьшили значение рабского труда в Позднеримской империи V—VI вв. не только в ремесле, но и в сельском хозяйстве<sup>4</sup>. В эпоху Юстиниана I произошла стабилизация рабства<sup>5</sup>. Археология подтверждает факт сохранения на Балканах в VI в. крупных рабовладельческих вилл; закоподательство Феодосия II (408—450) и Юстиниана I не оправдывает мнения о специальном введении новых норм права с целью содействия процессу изживания рабства<sup>6</sup>. Напротив, эти законы способствовали его сохранению<sup>7</sup>. Следует учитывать также, что в горных районах существовали крупные скотоводческие хозяйства, в которых обычно рабы использовались в значительном числе (в качестве пастухов, на переработке сельскохозяйственной продукции, при доставке грузов и т. д.).

Хотя большинство сельских рабов было уже в VI в. посажено на землю, немало их еще обслуживало виллу. Множество рабов было среди квалифицированных ремесленников, садовников и виноградарей<sup>8</sup>. Знатные люди и даже простые крестьяне радовались победам над «варварами», так как это означало падение цен на рабов. Обладание рабами оставалось по-прежнему престижным; рабов хотели иметь даже бедняки и бывшие рабы<sup>9</sup>.

В Кодексе Юстиниана, действительно, проявлено меньше внимания к рабам сравнительно с колонами<sup>10</sup>. Однако статус колонов был низведен почти до рабского: даже при уменьшении в IV—VI вв. роли рабского труда в производстве рабство продолжало сохраняться как система; появление предпосылок нового способа производства в экономике не тотчас находило отражение в сфере социальных отношений — их перестройка происходила с запозданием<sup>11</sup>. Перевод рабов на пекулий не означал подлинного освобождения — состояние личной зависимости оставалось наследственным. Итак, VI столетие не может рассматриваться как эпоха полного крушения рабовладения. Это произошло только в VII в.

Столь же неоднозначны теперь и оценки колоната V—VI вв. Прежде всего отвергнуто еще недавно распространенное мнение о колоне как основном сельском труженике той эпохи. Во всяком случае о численном преобладании колонов над всеми прочими категориями крестьян говорить нельзя, хотя колоны и выдвинулись на передний план по значению их труда в сельском хозяйстве<sup>12</sup>.

В IV—V вв. колонны еще четко разделялись на свободных и приписных (энапографов). Главное их отличие состояло в прикреплении вторых к земле и к личности господина. Однако законом 531/2 г. оказались прикрепленными к земле и «свободные колонны». Происходило сближение статуса колоннов обеих категорий, как и наследственных арендаторов, вольноотпущенников и рабов на пекулии, — все они оказывались лишенными свободы передвижения и резко ограниченными в имущественных правах. И колонны по многим вопросам подлежали юрисдикции своего господина. Дарились и продавались они только вместе с обрабатываемой ими землей. В законе Анастасия I (491—518) от 500 г. упор делался не на том, как ранее, что через 30 лет непрерывного держания земли колон обретал наследственные права на арендованную землю и не мог быть с нее согнан, а на том, что после указанного срока он лишался права покинуть свой участок, как адскринтиций — энапограф; его статус сближался со статусом раба на пекулии<sup>13</sup>.

Это прикрепление являлось скорее инициативой государства, чем частных землевладельцев, и проводилось прежде всего ради обеспечения регулярного поступления налогов, ибо колонны являлись не только зависимыми арендаторами чужой земли, но и налогоплательщиками казны<sup>14</sup>.

Колонат был несомненным шагом вперед сравнительно с рабством. Он обеспечил возможность ведения непосредственным производителем самостоятельного хозяйства. Однако колон не был прообразом парика — колонат не означал решительного перехода к новым (отвечающим возросшим производительным силам) условиям ведения крестьянского хозяйства: имущественные права колона были слишком ограничены, свобода стеснена, правоспособность незначительна. Колонат оказался по существу тупиковой, а не промежуточной формой эксплуатации между рабством и феодальной зависимостью<sup>15</sup>. Он перестал обеспечивать даже прожиточный минимум крестьянской семьи и утратил ведущее значение в развитии аграрного строя<sup>16</sup>.

Ответом на рост эксплуатации были массовое неповиновение колоннов, их бегство, вступление в отряды «скамаров» (разбойников). Государство было вынуждено порой прощать недоимки, снижать второстепенные платежи, но и не могло функционировать без регулярного, в традиционно высоких нормах изъятия у колоннов продуктов их труда. Предельно ясно о заинтересованности центральной власти в эксплуатации колоннов и прикреплении их к земле свидетельствует эпизод с самаритянами, преследуемыми за веру уже при

Юстиниане I; их волнения в 551 г. вынудили императора вернуть им часть отнятых у них прав, а после нового их возмущения в 572 г. Юстин II (565—578) лишил их права наследования, сделав, однако, исключение для самаритян-колонов, участников волнений: в новелле подчеркивалось, что за этими колонами сохранено право наследования «не ради них самих», а «ради налогов и доходов», поступающих от них в казну<sup>17</sup>.

Что касается свободного крестьянства, то оно сохранялось в империи и в VI в., особенно на севере и в горных районах. Слой этот подвергался постоянной эрозии: для Фракии и дунайских провинций была характерна глубокая дифференциация среди свободных общинников (археологи засвидетельствовали выделяющиеся богатством сельские могилы рядом с массой бедных)<sup>18</sup>. Разложению свободного крестьянства способствовали непрерывные вторжения «варваров» и военные действия против них, а также непосильные налоги, произвол чиновничества и насилия крупных землевладельцев. Но ряды свободных крестьян одновременно пополнялись посаженными на землю «варварами», отслужившими сроки ветеранами, оседавшими в пограничных провинциях, беглыми рабами и колонами, вольноотпущенниками, арендаторами и т. п. Исследователи спорят о масштабах распространения среди свободных крестьян общинных отношений. Полагают, что там, где община (комитур, митрокомия) сохранялась, это была по преимуществу соседская община (марка), в которой пахотные наделы перешли в полную частную собственность и переделы уже не производились. В менее развитых горных районах встречалась и земледельческая община с периодическими переделами и даже большесемейная с сильными пережитками кровнородственных отношений.

Постепенная с конца V в. замена воинской повинности денежными или натуральными податями свидетельствовала об ослаблении материальных возможностей общинников. Вряд ли имели большое хозяйственное значение колонии иноплемеников («варваров»), поселяемых в III—VI вв. на запустевших землях на статусе свободных крестьян. До середины VI в. это были по преимуществу германцы. В основном они получали статус федератов, несших пограничную службу во главе со своими вождями и получавших обусловленное договором содержание. Эти поселенцы, как правило, проявляли мало прилежания в сельскохозяйственном труде, предпочитая жить за счет правительственных поставок, часто поднимая бунты, грабя коренных жителей, т. е. ведя

паразитический образ жизни. Особенно это было характерно для большей части готов, почти совсем отвыкших за сто лет пребывания на Балканах в качестве федератов от производительных занятий<sup>19</sup>.

Но и после ухода с Балкан основной массы готов в V в. какие-то их поселения сохранились в Мисии при Юстиниане I. Готский историк VI в. Иордан пишет: «Были еще и другие готы, когорые называются Малыми, хотя это — огромное племя... по сей день они пребывают в Мезии... это — многочисленное племя, но бедное и невоинственное, ничем не богатое, кроме стад различного скота, пастбищ и лесов; земли их малоплодородны как пшеницей, так и другими видами злаков; некоторые люди там даже не знают виноградников, — существуют ли они вообще где-либо, а вино они покупают себе в соседних областях, в большинстве же питаются молоком»<sup>20</sup>. Даже при возможности некоторых преувеличений в описании Иордана (отсутствие виноградников у авторов того времени приравнивалось к «варварству») все-таки ясно, что писатель видел в этих поселенцах скорее не земледельцев, а бедных скотоводов.

Развитие практики патронцииев, т. е. отдача себя вместе с собственной землей под покровительство магнатов, несмотря на запреты властей, вело к уменьшению числа свободных крестьян. В целом, безусловно, традиции сохранения свободного общинного крестьянства, восходящие к античности, затрудняли становление новых форм зависимости. Ни по численности, ни по степени социального расслоения в VI в., ни по роли в производстве позднеримское свободное крестьянство (как и рабство и колонат) не могло служить основой для перехода к новому общественному строю. Свободные крестьяне также, подвергаясь тяжелейшему гнету центральной власти, были лишены стимула к развитию производства.

Предметом дискуссии является также вопрос о среднем и крупном землевладении, как частном, так и государственном (императорском) и церковно-монастырском. Согласно новейшим исследованиям, несмотря на почти непрерывные в IV — начале VI в. вторжения «варваров» на Балканы, крупное землевладение, особенно на юге, еще удерживало свои позиции<sup>21</sup>. С V в. оно стало даже увеличиваться, например, во Фракии, особенно церковно-монастырское<sup>22</sup>. Но наиболее стремительно росло императорское землевладение в силу целенаправленного (наиболее отчетливо — при Юстиниане I) курса правительства, стремившегося упрочить права казны на все пезанятые земли и добиться сокращения крупного сенаторского землевладения. В отдельных районах

императорские земли занимали от 1/3 до 1/2 всех культивируемых земель и угодий. Однако в структуре имений в местностях, подвергшихся «варварским» набегам, произошли серьезные изменения: резко сократилась господская запашка, вилла превратилась из хозяйственного центра в управленческий и в место склада и переработки продуктов; перед угрозой нападения «варваров» — иногда совместно с мятежными рабами и колонами<sup>23</sup> — усадьба была укреплена прочными стенами и башнями. Все чаще господин имения постоянно проживал в ближайшем городе или самой столице империи<sup>24</sup>. Сокращение господской запашки стало характерным и для императорских имений; в условиях трудно осуществляемого контроля за кураторами императорских имений земля стала раздаваться в аренду, особенно — в долгосрочную (эмфитевтическую) и особенно — состоятельным сельским собственникам. Фиск предоставлял зачастую в обмен за уплату арендных взносов право отчуждения арендованной земли вместе с лежавшим на ней тяглом.

Сказанное не означает, что следует отвергнуть мысль о возникновении в рассматриваемый период ростков нового, феодального способа производства в недрах рабовладельческого разлагающегося общества. Ряд исследователей усматривает их в колонате, трактуя колона как предшественника (или даже как представителя) феодально-зависимого крестьянства<sup>25</sup>. Более оправданным представляется, однако, видеть прообраз париков в тех категориях сельских труженников, которые отнюдь не вышли на первый план в V—VI вв., но которые позднее, в X—XI вв., прямо приравнивались в правовом отношении византийскими юристами к современным им парикам.

Согласно конституции Анастасия I от 500 г., «парики» (этот термин там и употреблен) отличались и от колонов-энапографов и от эмфитевтов; в указе Юстина II (со ссылкой на конституцию Анастасия I) «парики» обозначены как свободные колоны (следовательно, несмотря на новеллу Юстиниана I от 531/2 г. о прикреплении к земле и свободных колонов, различие между ними и энапографами либо сохранялось, либо снова, что вероятнее, обрело значение). Юстиниану же принадлежит новелла (№ 120), в которой он повторял запрет Анастасия распространять «парическое право» на церковные земли. Кроме того, император подчеркивал, что «так называемое парическое право неведомо ни нашим законам, ни какому-либо иному вообще», т. е. объявлял условия парической аренды незаконными. Законодатели и правоведы (Лев VI и Александр в X в., Евстафий



Ромей в XI в.) считали законы Анастасия I и Юстина II (но — не Юстиниана I) правовыми актами, определившими юридический статус париков<sup>26</sup>. Все это дает основания думать, что особенность статуса парика-арендатора уже в VI в. состояла в том, что он, как и колон, имел право на наследственную аренду после 30 лет непрерывного держания чужой земли (его, как и колона, если он выполнял условия соглашения, нельзя было согнать с этой земли), но — в отличие от колона — парик сохранял право перехода к другому хозяину или вообще ухода с земли независимо от времени его аренды, если это не оговаривалось специально в договоре (колон же после 30 лет навечно прикреплялся к земле и к тяглу вместе со своими потомками). Эта форма свободной аренды, по разным причинам, видимо, устраивавшая некоторых крупных землевладельцев (в особенности — духовных, пользовавшихся налоговыми льготами и чувствительно улавливающих возникающие возможности более прибыльных форм эксплуатации), показалась опасной Юстиниану, поскольку задевала интересы фиска: парик-арендатор нес государственные повинности, и его уход с арендованного участка делал проблематичным получение с него государственных податей.

В этой аренде, занимавшей, действительно, как бы среднее положение между колонатом и поземельной крестьянской зависимостью, и следует, видимо, усматривать зарождение нового, феодального вида эксплуатации, не получившего, однако, в результате энергичного вмешательства центральной власти заметного развития в V—VI вв., но начавшего быстро распространяться на рубеже VIII—IX вв., поскольку именно эта эксплуатация соответствовала новому уровню развития производительных сил и поскольку сопротивление рабовладельческого государства было сокрушено в ходе «варварских» вторжений VI—VII вв.<sup>27</sup>

Ростки нового пробивались, видимо, также в результате развития патронатных отношений; отдававший себя под покровительство магната вместе с землей оказался в более мягких формах зависимости, чем колон. Запрещая патронат, правительство отнюдь не содействовало в IV—VI вв. зарождению нового, феодального базиса; сущность политики государства в это время состояла в сохранении старого любой ценой, в упрочении переживавшего кризис рабовладельческого способа производства. Этот же курс проявился и в мерах, нацеленных на сохранение свободного крестьянства, мелкого общинного землевладения, ибо именно община, связанная круговой порукой, оказалась гарантом уплаты при-

читающихся фиску налогов. Как было, наконец, показано выше, тот же правительственный курс явственно проявился и в законодательстве VI в. о «париках» и «парическом праве».

Обеспечивая себе социальную базу в условиях борьбы с крупным сенаторским землевладением как основой сепаратизма, Юстиниан I опирался на средних землевладельцев, на крупных эмфитевтов и на городских земельных собственников, в руки которых перешли бывшие полисные земли. Именно эти слои нуждались в сильной центральной власти в обстановке произвола магнатов и нашествия «варваров». Особую благосклонность проявлял Юстиниан I также к церковно-монастырскому землевладению, которое росло в VI в. за счет императорских пожалований. Поддержав приверженцев ортодоксального направления (православия) против всех иных направлений христианской доктрины, государство взамен лишило церковь той самостоятельности, которой она ранее обладала, и поставило на службу своим интересам.

Несмотря на отмеченные выше кризисные явления в сельском хозяйстве, на разорение ряда провинций, в общем производственный потенциал сельского хозяйства Восточно-римской империи был в первой половине VI в. еще высок: центральная власть обладала огромными запасами продуктов и сырья и колоссальными денежными средствами, составлявшимися главным образом из налоговых сборов. Эти средства и позволили Юстиниану I развернуть в 30–50-х годах грандиозную кампанию по отвоеванию западных провинций и по укреплению обороны балканских земель.

Глубокие сдвиги произошли в V–VI вв. также в жизни восточноримского города. В отличие от вопроса о судьбах деревни на востоке Средиземноморья здесь в историографии относительно больше единодушия — хотя бы в том, что указанное время считается периодом, когда кризис еще не проявился в полной мере в крупных городах. Аграризация коснулась прежде всего среднего и особенно — мелкого города. Перемены, происходившие в больших городах, обозначились прежде всего не в резком падении производства и в свертывании торговли, а в смене ведущего социального слоя в городе.

В IV–V вв. происходил упадок полисного (общинного) землевладения — основы экономики античного города. Сословие куриалов теряло командные посты. Земли полиса переходили в руки фиска, церкви, частных лиц. Куриалы, прикрепленные к своему сословию, из полновластных хозяев

города превращались в государственных чиновников, ответственных за выполнение горожанами налоговых обязательств перед казной. Город составлял в целом, как и сельская община, налоговое единство. Бывшие куриалы в амплуа правительственных чиновников сами становились крупными собственниками полисных земель.

На Западе город с упадком его экономики терял социальное и политическое значение. Деревня, где находились поместья и дома (затем замки) землевладельческой знати, стала здесь господствовать над городом; новые же города вырастали на новой, средневековой основе. На Востоке, напротив, города (даже средние) не утратили производственного и торгового значения, а главное — продолжали играть важную политическую роль. Более того — город здесь господствовал над деревней, сохранял ведущее значение в общественной жизни. Причины этого состояли в том, что верхушка куриалов сыграла, как упомянуто, большую роль в захвате полисных земель. Куриалы, оказавшиеся на службе центральной власти, стали представлять ее интересы на местах. Достигли этого императоры в V—VI вв. с помощью крупных местных землевладельцев, на которых опирались в борьбе с полисным партикуляризмом, чтобы затем в союзе с новой городской знатью ограничить, в свою очередь, крупное сенаторское землевладение<sup>28</sup>.

Старые римские коллегии, бывшие не столько производственными, сколько административно-фискальными организациями, основанными на прикреплении ремесленников и торговцев к профессии и месту жительства, уступили в ходе IV—V вв. место новому виду коллегий (или корпораций), приобретавших также производственный характер; отныне не курия и полисная организация стали основным фактором снабжения города, а торгово-ремесленные корпорации, находившиеся, однако, под строгим контролем властей. Значительно возросло в городе, помимо членов корпорации, и число свободных самостоятельных производителей<sup>29</sup>.

Итак, характерное для античности верховенство города над деревней в социальной и политической жизни сохранилось и в V—VI вв.: множество крупных новых землевладельцев стало городской знатью. Центральная власть проводила фискальную политику в пользу городского населения<sup>30</sup>. Особое место в экономической и социальной системе занял Константинополь. Особыми чертами характеризовалась и политическая жизнь столицы. Крупную роль здесь играли еще в VI в. городские «цирковые партии» (димы).

Наиболее видными из них были димы венетов («голубых»), отражавшие интересы землевладельческой аристократии, которая хранила позднеимперские рабовладельческие традиции, мечтала о восстановлении Римской империи и укрепляла основы старого порядка, и димы прасинов («зеленых»), которые представляли интересы торгово-ростовщических кругов, стремились сделать центром экономической и политической жизни страны восточные провинции и выступали против политики завоеваний на Балканах и на Западе. Конфронтация венетов и прасинов по социальным и политическим вопросам дополнялась их рознью в делах вероисповедания: венеты были приверженцами православия, а прасины — монофиситства.

Оценка положения в городах зависит, однако, от соотношения старого и нового. Видимо, не следует преувеличивать значение нового типа коллегий (корпораций) и недооценивать их подчиненность центральной власти<sup>31</sup>. Вряд ли возможно сближать корпорации с цехами, основанными на средневековом (феодалном) принципе организации ремесла и торговли: городское население было превращено в тяглое сословие, обязанное палочками и повинностями в пользу центральной власти. Корпорации были поставлены на службу государству.

Перестройка восточноримского города не завершилась в VI в., — ряд его черт, восходящих к IV—V вв., сохранился в качестве специфически присущих византийскому городу вообще. Важнейшим из таких явлений было недостаточное отделение ремесла от сельского хозяйства — фактор, сыгравший огромную роль в истории Византии<sup>32</sup>. Традиции позднеантичного полиса не были преодолены полностью, как на Западе: деревня осталась местом производства значительной части ремесленных изделий; город, в свою очередь, не смог порвать с сельскохозяйственным производством: большинство его жителей являлись одновременно мелкими землевладельцами, которые вели крестьянское загородное хозяйство.

Трансформация верхушки куриальной знати в городскую, служилую (из нее пополнялось и сенаторское сословие), владевшую землей с зависимыми людьми<sup>33</sup>, была неизбежным следствием сохранения государственного аппарата на востоке империи, когда в поисках выхода из кризиса центральная власть, обеспечивая себе социальную опору, подчиняла имущие и политически активные слои, ставя их себе на службу, но не принимала кардинальных мер для подрыва основ существования этих слоев.

Аграризация города в V—VI вв. на севере Балкан, где преобладали мелкие городские центры, выразилась в том, что усилилась натурализация крупных землевладельческих хозяйств, укрепилось поместное и широко распространилось мелкое деревенское ремесло. Малые города стали скорее крепостями и административно-религиозными центрами, чем городами в собственном смысле слова<sup>34</sup>. В средних городах обосновалась та часть сенаторской знати, которая не попала в разряд столичной; в Константинополе и других крупнейших городах сенаторская знать пополнялась, особенно в VI в., непосредственно из бывшей куриальской верхушки. Переведенные из Рима сенаторские семьи были не столь многочисленны, как еще недавно полагали<sup>35</sup>. Немало представителей старой римской знати погибло в бесчисленных сражениях с «варварами» и в междоусобных войнах. Состав правящей верхушки нуждался в пополнении, в нее вливалось множество представителей средних и низших слоев, и в особенности — куриальская знать, представители которой становились чиновниками высокого ранга. Согласно исследованию Ж. Дагрона, столичная сенаторская знать пополнялась главным образом за счет местной, полисной; в ее составе не было представителей торгово-ростовщических кругов; новая «служилая» знать, влившаяся в V в. в состав высшей аристократии и сенаторского сословия, образовала теперь с нею единый социальный слой, внутри которого уже не возникало принципиальных разногласий по социальным и политическим проблемам<sup>36</sup>.

Существенные коррективы к этой картине сделаны недавно при изучении состава правящей верхушки в эпоху Юстиниана I и ее позиции в восстании Ника: знать Константинополя отнюдь не была единой — в ее составе при Юстиниане, взявшем курс на ослабление потомственной сенаторской аристократии, было множество людей из низов, приближенных к трону и оттеснивших на второй план потомственных сенаторов. Поэтому часть сенаторов и оказалась среди вождей восстания Ника. Кроме того, члены таких корпораций, как аргиропраты (ростовщики и ювелиры), обладали правом поступления на императорскую службу и в состав духовенства. Путь в среду высшей служилой знати не был закрыт для торгово-ростовщических кругов, но при Юстиниане I он был затруднен: его законы ограничивали ростовщичество и не обеспечивали права аргиропратов, когда речь шла о возвращении им крупных долгов, взятых сенаторами, что и побудило аргиропратов к участию в заговоре против императора<sup>37</sup>.

Таким образом, среди представителей новой знати были лица, для которых не богатство предшествовало обретению социального и политического влияния, а, напротив, высокий пост был средством приобретения богатства. Деспотическое правление Юстиниана I, политика ограничения влияния сената обусловили появление всемогущих временщиков, выходцев из рядов новой знати.

Правительство все шире привлекало к управлению городом местных землевладельцев, обретших независимость от курий духовных лиц, в особенности епископов с их клиром, военных в отставке, владеющих полисной землей куриалов. Существенное значение имела также еще одна социальная группировка, служившая опорой автократии, — это военная знать, в среде которой было немало выходцев из «варваров», вождей наемников (воинов-федератов). Отношение центральной власти к этой группировке было особенно изменчивым. В V и начале VI в. неоднократно возникали ситуации, когда поведение именно этой группировки, игравшей огромную роль в войске, оказывало самое непосредственное воздействие на судьбы трона.

В V—VI вв. еще не произошло разделения византийской аристократии на две главные прослойки (военную и гражданскую знать). Однако основы этого разделения были заложены уже в этот период: в Константинополе в условиях автократии и сосредоточения огромных материальных ресурсов формировалась бюрократия, державшая в своих руках все нити управления империей. Тесно зависящая от прихоти главы государства, она всецело поддерживала трон. Особенность ее положения состояла в нестабильности статуса (в так называемой «вертикальной подвижности»), которая влияла, разумеется, на судьбы лишь отдельных лиц, а не социального слоя в целом<sup>38</sup>.

Таким образом, отнюдь нельзя сказать, что социальная база императорской власти в V—VI вв. была слабой и рыхлой, что она трудновывявляема в условиях острых столкновений внутри господствующего класса и что ее нелегко охарактеризовать в социальном смысле<sup>39</sup>. Социальные слои, служившие опорой власти, как и всей системы Восточноримской империи, могут быть определены как рабовладельческие: юстинианова эпоха принадлежит к последнему этапу истории рабовладельческого строя, а не к первой стадии истории феодализма<sup>40</sup>.

Что касается правового статуса населения европейских провинций империи в эпоху, предшествовавшую заселению полуострова славянами, то юридически, независимо от этни-

ческого происхождения, все подданные императора, исповедовавшие православие, считались равноправными. Неправоспособными являлись только рабы, неполноправными — иудеи, еретики.

Юг Балканского полуострова в эпоху Юстиниана (вплоть до Южной Фракии, Южной Македонии и части Южного Эпира) был заселен преимущественно греками. Однако еще в VI в. во Фракии сохранились остатки и фракийского населения; именно во фракийских селах власти набирали наиболее боеспособных рекрутов; часть фракийцев еще говорила в то время на своем собственном языке<sup>41</sup>. Однако большинство их к середине VI в. к югу от Балканского хребта было эллинизировано, а к северу подверглось сильной романизации. В V—VI вв. этнически особенно пестрым было население между Дунаем и Гемом: здесь оседали разные племена, в том числе готы, аланы, гунны, протоболгары<sup>42</sup>. На западе и северо-западе полуострова автохтонным, еще сохранившимся населением были потомки древних иллирийцев (предки албанцев). Однако долины рек и вообще удобные для земледелия места были здесь также уже в VI в. заняты греками и романизированными жителями. Наибольшей романизации подверглись прибрежные части Далмации, где сохранились городские центры. Часть романизированного населения в ходе «варварских» нашествий отступила, как теперь полагают, в малодоступные районы, дав начало позднейшим «влахам». На части территории в этом регионе к концу VI в. органы власти практически отсутствовали — здесь усиливала свое господство поднимающаяся у «варваров» аристократия, которая, признавая культурное преобладание византийцев, старалась, однако, избежать политического подчинения империи<sup>43</sup>.

Крайне пестрым этнически было также население балканских городов; в греческих по происхождению городах черноморского побережья появилось множество «варваров». Однако общей тенденцией в империи вообще и на Балканах в частности была — до расселения славян — тенденция к преобладанию греческого языка в ущерб латинскому, еще игравшему до конца правления Юстиниана роль официального языка государства<sup>44</sup>.

При характеристике государственного устройства империи в VI в. основное внимание будет уделено ниже не столько описанию учреждений власти<sup>45</sup>, сколько их функционированию, социальной обусловленности их акций.

Само разделение империи и обособление Востока было естественным следствием ее длительного социально-экономи-

ческого, политического и культурного развития. Решающую роль сыграл кризис рабовладельческого строя в условиях параставшего военного давления на границы империи окружавших ее народов и усиления классовой борьбы. Структура власти перестала отвечать новым условиям. Господствующий класс видел возможность сохранить власть только в пределах менее пространственных территорий — на Западе и на Востоке. Восток более выиграл от этого, обладая большими материальными и людскими ресурсами.

Во времени воцарения Юстиниана I Восточноримская империя делилась на две префектуры: Восток с центром в Константинополе и Иллирик с центром в Фессалонике. Восток подразделялся на 4 диоцеза, из которых только один (Фракия) лежал на Балканах. Иллирик охватывал два диоцеза: Македонию и Дакию. Диоцезы распадались на провинции: в префектуре Восток из 41-й провинции 6 приходилось на Фракию, диоцез Македония состоял из 6 провинций, а Дакия — из 5. Мы оставляем в стороне префектуру Египет и диоцезы, расположенные в Азии.

Во главе префектуры стоял префект претория, назначавшийся императором и обладавший широкими гражданскими полномочиями; диоцезами управляли викарии, а провинциями — подчиненные им наместники. Из общей системы управления был изъят Константинополь, унаследовавший привилегии Рима, вместе со 100-мильной полосой вокруг столицы. Столица имела своего префекта претория — он назывался эпархом города; его ближайшим помощником был никто-эпарх, т. е. ночной эпарх. Эпарх обладал огромной властью: в его ведении были снабжение города продовольствием, регулирование его торговой жизни, поддержание порядка и организация полицейской службы, устройство празднеств и спортивных состязаний и т. п.<sup>46</sup> Эпарху подчинялись кураторы городских районов.

Имперская организация власти, принятая Юстинианом I, выкристаллизовывалась как закопомерное дальнейшее развитие режима домината в период от смерти Феодосия I (395) до смерти Анастасия I (518). Важнейшие принципы, которые при этом остались неизменными, — это, во-первых, разделение гражданской и военной властей (соединение тех и других полномочий в одних руках казалось опасным правящей верхушке) и, во-вторых, преобладание гражданской знати над военной.

Восточноримская (а затем и Византийская) империя унаследовала от Позднего Рима и свою основную государственную структуру, и политическую теорию императорской



власти в частности и государственности в целом. Эта теория объединяла античные традиции, римские идеалы власти и христианский монархический принцип, объявляющий императора наместником божьим и отцом своих подданных. Роль сената (синклита), ограничившего в римский период власть императора, при Юстиниане была сведена почти на нет<sup>47</sup>. Император Восточноримской империи считался наместником бога на земле, подражателем его и служителем, попечению которого вверены все народы ойкумены<sup>48</sup>. Свойственное римской теории мнение об императоре, как о божестве, соединилось с представлением эллинистических монархий о его абсолютной власти. Император признавался высшим гражданским правителем, источником закона, верховным судьей, высшим военачальником (правда, на практике это последнее амплу реализовалось лишь при Ираклии), а затем также — иереем и защитником церкви<sup>49</sup>.

Однако все это не позволяет характеризовать Восточноримскую империю как деспотию восточного типа. Превращению ее в этот тип государства помешали глубоко укоренившиеся античные традиции, включавшие демократические принципы управления греческими полисами и греко-римской демократии. В теории империя представлялась сообществом свободных граждан, а император — главой и служителем этого сообщества. Идея долга императора действовать на благо всех подданных делала возможной критику его поступков. На Западе Августин, развивая эту мысль в целях утверждения примата духовной власти над светской, провозгласил тезис о верховенстве государства «божьего» над государством людей и о необходимости суверенитета народа над волеизъявлением деспота. В Византии деспот был наместником бога; признать принципиально непригодным служению обществу здесь можно было не императора вообще, а лишь не отвечающую по своим моральным качествам исполняемому долгу личность. Императорская власть в Византии не была поэтому властью наследственной. Возникли многочисленные учения о воспитании добродетелей государя, о необходимости для него умного и постоянного наставника.

В центре внимания оказалась, таким образом, концепция идеального государства, а не идеального государя. Его добродетели мыслились соподчиненными задачам всего сообщества. Император мыслился не полновластным господином сограждан, а лучшим гражданином, не собственником общества (подобно восточному деспоту), а лишь центральной его фигурой. Подданные и император оказывались взаимно под-

чиненными государственным интересам. Обожествлялся в Византии поэтому не сам император (его личность), а его трон, место, пост.

Императорская власть сближалась с магистратом (должностью), на которую он избирался сенатом, войском и народом, хотя в действительности зачастую такие «выборы», особенно с участием народа, являлись чистой фикцией. Юстиниан I говорил об Августе: «Народ законом перенес на него всю свою власть и могущество». Император превратился в персонифицированного выразителя законодательных прерогатив народа («что принцепсу угодно, имеет силу закона») и верховного исполнителя закона. Император опирался на узкий консисторий из приближенных и лично ему преданных лиц.

Гражданская служба при императорском дворце была связана с участием в центральных органах управления во главе с магистром оффиций, который являлся также начальником дворца и всех его служб. Он ведал внешними сношениями, почтой, оружейными мастерскими, тайной полицией и охраной особы императора. Квестор священных щедрот был председателем консистория, начальником столичных нотариусов и главным юристом. Два комитета финансов управляли соответственно казной государства и казной императора. Специальное ведомство императорских покоев обслуживало потребности императорской семьи.

Изодренной, разветвленной и всеобъемлющей была в Восточноримской империи налоговая система. С тех пор как при Диоклетиане жители провинции и метрополии (Италии с Римом) были уравниены в правах, обладание любым видом собственности и владения и любого вида приносящие доход занятия (кроме государственной службы) автоматически вели к обложению налогами и привлечению к государственным повинностям. Сложившаяся окончательно при Диоклетиане податная система, несмотря на частичные перемены, в целом на несколько веков осталась неизменной. Через каждые 15 лет проводилась новая имущественная опись населения с целью коррекции размеров налоговых тягот, хотя практически местные чиновники учитывали имущественные (особенно благоприятные) изменения в хозяйствах подданных почти постоянно.

Центральным объектом обложения была земля, в особенности находящаяся в хозяйственном использовании. Учитывались размеры и качество земли, как и число рабочих рук. Единицей обложения было тягло (югум), включавшее определенную площадь и пару тягловых животных (волов).

Главным поземельным налогом была аннона, взимавшаяся натурой. Кроме того, каждый домохозяин уплачивал поголовную подать (капитацию). С IV в. в условиях кризиса и бегства населения осуществлялось принудительное наделение соседей земель, заброшенной хозяевами, — так называемое «адъекцио стерилиум» (греч. «эпибола» — букв. «прикидка»): за эту землю соседи (независимо от их возможностей для ее обработки) должны были вносить лежащий на ней налог. Фиск сохранял тягло, а для большинства населения это означало усиление налогового гнета. Государство исходило в налоговой политике не из возможностей налогоплательщиков, а из своих потребностей<sup>50</sup>.

Сельское население было обязано также участвовать в строительстве крепостей, дорог, мостов, военных судов, предоставлять тягловый скот для государственных перевозок, принимать на постой чиновников, обеспечивая их транспортом и пропитанием и т. п. Крупные землевладельцы, в особенности духовные, пользовались различными налоговыми льготами, начиная от освобождения от отработок (их называли «грязными повинностями»; они не распространялись, например, на сенаторов) до полного изъятия из податных списков.

Основным видом налога с горожан, не обладавших земельной собственностью, был хрисаргир, взимавшийся в размерах, которые зависели от величины прибыли ремесленника, торговца, домовладельца. Если же горожанин имел иные виды недвижимости, приносящей доходы, то он платил и за это, а сочетавшие торгово-ремесленную деятельность с занятием сельским хозяйством (а таких было множество) уплачивали и главный поземельный налог. Сбором налогов в городе ведали сначала куриалы, делавшие взыскание налога средством наживы. Затем, однако, право сбора налогов стали отдавать на откуп состоятельным частным лицам, способным сразу внести в казну полную налоговую сумму. Откуп налогов стал источником новых злоупотреблений. Значительный доход государству давали также торговые пошлины, взимавшиеся неукоснительно во всех торговых пунктах при продаже любого товара.

Вся деятельность правительственных учреждений была основана на письменном делопроизводстве и на письменном законе. При Феодосии II была осуществлена первая всеобщая кодификация права (Кодекс Феодосия), задачей которой было сведение воедино, отбор и уточнение существующих уже в течение нескольких веков норм римского права, согласование их с нормами местного права, особенно в во-

сточных провинциях, и с теми переменами, которые исподволь пронизывали весь уклад жизни в империи.

Но наиболее гигантская, всеобъемлющая кодификация была осуществлена в правление Юстиниана I (Кодекс Юстиниана). При оценке этого законодательства в науке существуют две главные точки зрения: согласно одной кодекс преследовал задачу упрочения старых, рабовладельческих отношений. Согласно другой кодекс отличался противоречивостью: в одних пунктах был консервативным, а в других — содействовал развитию нового, феодального строя. Первое мнение представляется более обоснованным: отдельные положения (облегчение путей освобождения рабов, узаконение эмпитевсиса, признание прав владения и т. д.) были результатом не сознательного курса на содействие становлению нового, а вынужденных уступок центральной власти, опасавшейся, что в противном случае возможно новое обострение социальной борьбы и падение доходов фиска.

Согласно закону все население делилось в правовом отношении на рабов и свободных. Несмотря на массовое прикрепление колонов, вольноотпущенников, куриалов к земле, тяглу, профессии, должности, все они считались свободными и равноправными «ромейскими» («римскими») гражданами. Каждый мог обратиться в суд с целью восстановления своих прав, даже колон мог судиться с господином. Однако подчинение судопроизводства государственной власти привело к тому, что суд стал по своей сути сословным, свидетельские показания малоимущего почти не принимались во внимание, а приговоры для него были более суровыми<sup>51</sup>. Суд осуществлялся публично, с обвинителем, свидетелями, адвокатской защитой и правом апелляции к высшей инстанции.

Военная власть находилась в руках пяти военных магистров. Армия делилась на пограничные и внутренние мобильные части. Пограничные состояли из 13 округов во главе с дуканами. Два главных магистра (пехотный и кавалерийский) находились в Константинополе, а три остальных — в префектурах Восток и Иллирик и в диоцезе Фракия. Основные пограничные силы располагались на Евфрате и на Дунае.

Комплектовалась армия империи из нескольких источников — в VI в. она насчитывала примерно 250—300 тыс. воинов. Частично она составлялась благодаря рекрутским наборам свободных сельских жителей, среди которых имелись и «варвары», специально поселенные государством на своих землях на условиях несения военной службы. Иногда вла-

сти привлекали к ней даже колонов. Однако в V и особенно в VI в. становилось все труднее комплектовать армию из крестьян: прикрепление колонов и разорение мелких землевладельцев обусловили сокращение контингента набора, неспособность набранных обеспечить должное вооружение и снаряжение. Уже в конце V в. власти заменяли службу уплатой денег. Собранные средства шли на найм профессиональных воинов, главным образом из «варваров». Сокращалась роль тяжеловооруженных воинов, увеличивалось значение кавалерии и легковооруженной пехоты.

Усиление иноплеменного, «варварского» элемента в армии вело к возникновению ситуаций, ставивших под угрозу сохранение власти в руках правящей группировки. Наемники, ничем не связанные с народом и государством, которому служили, часто бунтовали, опустошали целые провинции, переходили на сторону врага, переселялись или уходили из страны. Их командиры-вожди выдвигали трудновыполнимые требования, добивались высоких постов и титулов, домогались непомерно крупных выплат и даров. Титулы были сопряжены с разного рода привилегиями. Система титулов стала важным средством удержания представителей знати в повиновении и обеспечения их рвения на службе<sup>52</sup>. Однако эта система долго сохраняла архаичные черты и стала обретать законченные формы только при Ираклии (610—641). Разгромленные курии превратились в орудие императорской власти. Сенаторы должны были подчиниться и принять в свою среду множество «новых людей», выдвинувшихся в ходе кризиса.

Численность высшего разряда сенаторов (иллюстриев) определяют в 500—600 семей (все они проживали в столице), а общую их численность — в 2000. Число же всех чиновников в префектурах Востока и Иллирика равнялось приблизительно 10 тыс. человек. В отношении чиновников императоры следовали принципу: выплачивать огромное жалование высшим и минимальное — низшим. Так, например, префект Египта получал больше, чем вместе 400 других представителей администрации. Все это вело к процветанию взяточничества, произвола и злоупотреблений.

Было достигнуто, наконец, и религиозное единство империи. Религиозные распри V—VI вв. были наиболее массовым выражением социальной борьбы. Вероисповедные толки, отличные от ортодоксальной доктрины (несторианство, арианство, монофиситство и монофелитство), являлись знаменем сепаратизма, особенно в Египте, Сирии, Палестине. Православная догматика была систематизирована Халкидон-

ским собором 451 г., выработавшим «символ веры»; этот же собор обусловил и раскол церкви на ортодоксальную и монофиситскую. Раскол, однако, не привел к разделению государства. В VI в. Юстиниан принял меры к ослаблению влияния монофиситов. Быстро оформлялись православный культ, внешняя обрядность; усилилась власть епископа; вошло в обиход понятие «ереси», утвердилось представление о законности ее преследования<sup>53</sup>. Церковь оказалась в подчинении у светской власти, зависела от щедрот императора, стала его помощником в утверждении господства класса имущих. Сложился союз церкви и престола во главе с императором, одновременно и покровителем, и «сыном» церкви<sup>54</sup>.

Юстиниан I предпринял ряд реформ, направленных на упрощение системы управления<sup>55</sup>. Их начал уже Анастасий I. Он сократил не дающие должного эффекта рекрутские наборы, заменив службу уплатой налога. Хрисаргир — в силу обнищания торгово-ремесленных кругов — был отменен в 488 г. Анастасий ввел новый побор с крестьян — синону, продажу (принудительную) государству продовольствия по заниженным ценам. Перестройка налоговой системы осуществлялась в интересах горожан: сипона привела к падению цен на продукты в городе. Анастасию удалось вновь пополнить государственную казну, которую использовал Юстиниан для выполнения своей гигантской программы.

Юстиниан был вынужден отменить практику продажи должностей. Было повышено жалование большей части чиновничества. Были укреплены административные округа путем слияния двух провинций в одну. Впервые начался отход от жесткого константиновского принципа разделения властей: в новых округах гражданская и военная власть была сосредоточена в одних руках. Финансовая реформа Юстиниана означала рост налогового обложения. Препятствуя сокращению налоговых единиц, император запретил магистратам приобретение недвижимости в провинциях. Сипона взыскивалась неукоснительно. Разделение казны на государственную и императорскую практически утратило значение. Реформы Юстиниана отличались половичатостью и не дали ожидавшегося эффекта<sup>56</sup>.

Отвоевание Северной Африки и западных провинций бывшей Римской империи, потребовавшее крайнего напряжения материальных и духовных сил, не только не привело к укреплению внутреннего положения, но, напротив, стало причиной нового кризиса. Поддержание власти в присоединенных и разоренных длительной войной провинциях, содержание войска и многочисленного чиновничества, защита

растянутых коммуникаций — все это стоило больше средств, чем государство получало их из новых владений.

Казна была пуста. Крестьянство разорено. Вспыхивали восстания рабов и колонов<sup>57</sup>. Государство стало разваливаться еще при жизни старого императора. Персы возобновили наступление. С севера хлынули племена славян и протоболгар<sup>58</sup>. Наемное войско не могло отразить нашествия. Чиновная бюрократия превратилась в паразитирующее сословие. Трон окружали корыстолюбивые клевреты. Императорская власть оказалась бессильной. Однако в полной мере кризис государственной системы разразился в 602—610 гг., на пороге новой эпохи в истории Византии.

- <sup>1</sup> См.: *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Отличительные черты феодальных отношений в Византии: (Постановка проблемы).— ВВ, 1974, т. 36, с. 3—30 (см. и литературу); *Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа: (Типологические наблюдения).— В кн.: ВО, 1977, с. 3—65 (см. и библиографию); *Курбагов Г. Л.* К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии.— В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980, вып. 3, с. 3—21 (см. и новейшую литературу); *Удальцова З. В.* Новейшие исследования советских византистов.— ВВ, 1978, т. 39, с. 3—16; *Лебедева Г. Е.* Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980; *Köpstein H.* Zur Veränderung der Agrarverhältnisse in Byzanz vom 6. bis 10. Jh.— In: Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung. Berlin, 1983, S. 77—84.
- <sup>2</sup> См.: *Сюзюмов М. Я.* Рец. на кн.: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.— ВВ, 1978, т. 39, с. 226—227; *Weiss G.* Antike und Byzanz. Die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur.— Historische Zeitschrift, 1977, Bd. 224, S. 560; *Köpstein H.* Zur Veränderung der Agrarverhältnisse in Byzanz vom 6. zum 8. Jahrhundert.— Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift, 1979, 20. Jhg., S. 509—515.
- <sup>3</sup> *Удальцова З. В., Гутнова Е. В.* К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Западной Европе.— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 12—23; *Они же.* К вопросу о типологии феодализма в Западной Европе.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций: (Историко-типологические исследования). М., 1975, с. 107—123.
- <sup>4</sup> *Лебедева Г. Е.* Кодексы Феодосия и Юстиниана об источниках рабства.— ВВ, 1973, т. 35, с. 33—50; *Курбагов Г. Л.* К проблеме перехода..., с. 10—11; *Они же.* К проблеме рабства в ранней Византии.— В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1978, вып. 2, с. 3; *Лебедева Г. Е.* Социальная структура..., с. 15 и след.
- <sup>5</sup> *Лебедева Г. Е.* Кодексы..., с. 44; *Курбагов Г. Л.* К проблеме перехода... с. 8, 13; *Weiss G.* Antike..., S. 560; *Корсунский А. П.* От Восточной Римской империи к Византии.— ВВ, 1968, т. 29, с. 303; *Лебедева Г. Е.* Социальная структура..., с. 65—68.
- <sup>6</sup> *Лебедева Г. Е.* Кодексы...— ВВ, 1974, т. 36, с. 39; *Николаевич И.* Велики посед у Далмацији у V и VI веку у светлости археолошких налаза.— ЗРБИ, 1971, т. 13, с. 277—292.

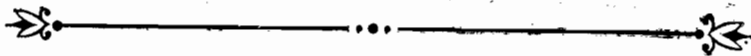
- 7 *Лебедева Г. Е.* Кодексы..., т. 36, с. 48—50; *Литаврин Г. Г.* Рец. на кн.: Липшиц Е. Э. Право...— ВВ, 1978, т. 39, с. 232.
- 8 *Штаерман Е. М.* Эволюция античной формы собственности и античного города.— ВВ, 1973, т. 34, с. 12—14.
- 9 *Сюзюмов М. Я.* Некоторые проблемы развития Византии и Запада.— ВВ, 1973, т. 35, с. 5; *Курбатов Г. Л.* К проблеме перехода..., с. 14; *Лебедева Г. Е.* Социальная структура..., с. 58 и след.
- 10 *Липшиц Е. Э.* Право..., с. 41—43; ср. *Литаврин Г. Г.* Рец. на кн.: Липшиц Е. Э. Право..., с. 23.
- 11 *Курбатов Г. Л.* К проблеме перехода..., с. 9—11.
- 12 *Штаерман Е. М.* Эволюция..., с. 14.
- 13 *Lemerle P.* The Agrarian History of Byzantium. From the Origins to the Twelfth Century. Galway, 1979, p. 21; *Корсунский А. Р.* От Восточной Римской империи..., с. 303.
- 14 *Eibach D.* Untersuchungen zum spätantiken Kolonat in der Kaiserlichen Gesetzgebung. Köln, 1977; *Лебедева Г. Е.* Социальная структура..., с. 69 и след.
- 15 *Корсунский А. Р.* От Восточной Римской империи..., с. 303.
- 16 *Körstein H.* Zur Veränderung..., S. 510.
- 17 *Липшиц Е. Э.* Право..., с. 145—146.
- 18 *Велков В.* Робството в Тракия и Мизия през античността. С., 1967, с. 114 и сл.
- 19 *Козлов А. С.* К вопросу о месте готов в социальной структуре Византии IV—V вв.— В кн.: АДСВ, 1973, вып. 9, с. 116—119.
- 20 *Иорд.*, с. 120, 336.
- 21 *Липшиц Е. Э.* Право..., с. 68—78.
- 22 *Курбатов Г. Л.* Разложение античной городской собственности в Византии IV—VII вв.— ВВ., 1973, т. 35, с. 34; *Велков В.* Краят на рабовладельските отношения в древна Тракия.— Векове, 1973, № 2, с. 48—51.
- 23 *Колосовская Ю. К.* Проблема «Рим и варвары» в советской историографии последних десятилетий.— ВДИ, 1980, № 3, с. 183.
- 24 *Pallagean E.* Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance, 4—8<sup>e</sup> siècles. P., 1977, p. 285 sq.
- 25 *Липшиц Е. Э.* Право..., с. 117.
- 26 *Lemerle P.* The Agrarian History..., p. 180 sq; *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 67.
- 27 *Körstein H.* Die Agrarverhältnisse Ende des 6. Jahrhunderts nach den Kaisernovellen.— In: Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. В., 1978, S. 3—29.
- 28 *Сюзюмов М. Я.* Борьба на пути развития феодальных отношений в Византии.— В кн.: ВО, 1964, с. 46.
- 29 *Сюзюмов М. Я.* О функциях раннесредневекового города.— В кн.: АДСВ, 1977, вып. 13, с. 40; *Он же.* О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе.— В кн.: АДСВ, 1965, вып. 3, с. 13.
- 30 *Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму.— В кн.: Город и государство в древних обществах. Л., 1982, с. 56—77.
- 31 *Сюзюмов М. Я.* Некоторые проблемы..., с. 10; *Курбатов Г. Л.* Разложение..., с. 34; Кн. Эп., с. 34 и след.
- 32 *Сюзюмов М. Я.* О роли закономерностей..., с. 7; *Вернер Э.* Византийский город в эпоху феодализма: Типология и специфика.— ВВ, 1975, т. 37, с. 8—11; *Грохова В.* Место Византии в типологии европейского феодализма.— ВВ, 1979, т. 40, с. 8.



- <sup>33</sup> *Tinnefeld F.* Die frühbyzantinische Gesellschaft: Struktur — Gegensätze — Spannungen. München, 1977, S. 169.
- <sup>34</sup> Ср.: *Иванов Т.* Проучвания на града през римската и ранновизантийската епоха в България. 1944—1964.— Археология (С.), 1965, № 3, с. 21 и след.; *Велков В.* Градът в Тракия и Дакия през късната античност (IV—VI в.). С., 1959, с. 42—45.
- <sup>35</sup> *Курбагов Г. Л.* Основные проблемы развития ранневизантийского города в IV—VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971, с. 160; *Schubert W.* Die rechtliche Sonderstellung der Dekurionen in der Kaisergesetzgebung des 4.—6. Jahrhunderts.— Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte (Weimar), 1969, S. 287—333; *Tinnefeld F.* Die frühbyzantinische Gesellschaft..., S. 169.
- <sup>36</sup> *Курбагов Г. Л.* Основные проблемы..., с. 160; *Он же.* К проблеме периода..., с. 19; *Remondon R.* La crise de l'Empire Romain du Marc-Aurele à Anastase. Paris, 1964, p. 163; *Dagron G.* Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974; cf.: *Beck H.-G.* Konstantinopol. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Stadt.— BZ, 1965, Bd. 58 (1), S. 11—45.
- <sup>37</sup> *Чекалова А. А.* Народ и сенаторская оппозиция в восстании Ника.— ВВ, 1971, т. 32, с. 25—26; *Она же.* Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в.— ВВ, 1972, т. 33, с. 12—32; *Она же.* Константинопольские аграропраты в эпоху Юстиниана.— ВВ, 1973, т. 34, с. 18—31; *Она же.* Рец. на кн.: Matthews J. Western Aristocracies and Imperial Court A. D. 364—425. Oxford, 1975.— ВВ, 1980, т. 41, с. 292.
- <sup>38</sup> *Лигаурин Г. Г.* Византийское общество..., с. 196; *Чекалова А. А.* Сенаторская аристократия..., с. 28—30.
- <sup>39</sup> *Чекалова А. А.* Сенаторская аристократия..., с. 30.
- <sup>40</sup> *Корсунский А. Р.* От Восточной Римской империи..., с. 304.
- <sup>41</sup> *Фол А.* Тракийското наследство в българската култура.— ИП, 1981, № 3/4, с. 213—217; *Он же.* Тракийските наследования в България.— В кн.: Проблеми на българската историкография след втората световна война. С., 1973, с. 149—165; *Михайлов Г.* Гръцко езиково и етно-културно влияние сред траките.— В кн.: Етногенезисът и културно наследство на българския народ. С., 1971, с. 29 и сл. *Гергов Б.* Въпросът за романизацията на тракийското население в българските земи.— Там же, с. 33 и сл.
- <sup>42</sup> *Велков В.* Някои проблеми на етническото състояние в древнетракийските земи през V—VI в.— В кн.: Първи конгрес на Българското историческо дружество. С., 1972, т. 1, с. 375—379.
- <sup>43</sup> Ср.: *Сюзюмов М. Я.* Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории: (В порядке дискуссии).— ВВ, 1968, т. 29, с. 33.
- <sup>44</sup> *Zakythinos D.* Byzantinische Geschichte, 324—518. Wien; Köln; Graz, 1979, S. 25.
- <sup>45</sup> *Bury J. B.* History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian I. N. Y., 1958.
- <sup>46</sup> *Guilland R.* Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. L'Éparchie.— BSI, 1980, t. 41 (2), p. 145—180.
- <sup>47</sup> *Beck H.-G.* Senat und Volk von Konstantinopel. München, 1966.
- <sup>48</sup> *Zakythinos D.* Byzance et les peuples de l'Europa du Sud-Est. La synthèse byzantine.— In: Actes du 1<sup>er</sup> Congrès Intern. des études balkaniques et Sud-Est européennes. S., 1969, III, p. 12—13; *Rösch G.* ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zur offiziellen Gebrauch der Kaisertitel im spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978, S. 100.
- <sup>49</sup> *Harkinakis St.* Die Stellung des Kaisers in der byzantinischen Geistigkeit, dogmatisch gesehen.— BYZANTINA, 1973, t. 3, S. 45—50;

- Trojanos Sp.* Die Sonderstellung des Kaisers im früh- und mittelbyzantinischer kirchlichen Prozess.— Ibid., S. 71—80.
- <sup>50</sup> *Сюзюмов М. Я.* Дофеодалный период.— В кн.: АДСВ, 1972, вып. 8, с. 6.
- <sup>51</sup> *Липшиц Е. Э.* Право..., с. 173—192.
- <sup>52</sup> *Гийан Р.* Исследования по административной истории Византийской империи: (Заметки о некоторых классах чиновника в IV—VI вв.).— ВВ, 1968, т. 29, с. 90—93; *Козлов А. С.* Рец. на кн.: *Rösch G.* ONOMA...— ВВ, 1980, т. 41, с. 293—296.
- <sup>53</sup> *Сюзюмов М. Я.* Некоторые проблемы..., с. 11 и след.
- <sup>54</sup> *Charanis P.* Church and State in the Later Roman Empire. The Religions Policy of Anastasius First. 491—518. 2. Edition. Saloniki, 1974; *Meuendorf J.* Justinian, the Empire and the Church.— DOP, 1968, p. 22.
- <sup>55</sup> *Rubin B.* Das Zeitalter Justinians I. Berlin, 1960; *Barker J. W.* Justinian and the Later Roman Empire. Madison; L., 1966; *Курбагов Г. Л.* К проблеме типологии городских движений в Византии.— В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974, вып. 1, с. 47.
- <sup>56</sup> *Удальцова З. В.* Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ, 1967, т. 27, с. 3—37.
- <sup>57</sup> См. об этом: *Köpstein H.* Klassenkämpfe und Opposition der Ländlichen Bevölkerung.— In: Byzanz im 7. Jahrhundert..., S. 29—39.
- <sup>58</sup> См. гл. 2, а также: *Lemerle P.* Invasions et migrations dans les Balkan depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VIII<sup>e</sup> siècle.— Revue historique, 1954, Avril — Juin, p. 279—284; *Иванов С. А.* Оборона Византии и география «варварских» вторжений через Дунай в первой половине VI в.— ВВ, 1983, т. 44, с. 27—47; *Он же.* Оборона балканских провинций Византии и проникновение «варваров» на Балканы в первой половине VI в.— ВВ, 1984, т. 45, с. 35—53.





## Глава вторая

# СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТИЯ

Данная глава посвящена рассмотрению тех процессов в социальной и общественно-политической жизни славян, заселивших Балканский полуостров, которые обусловили в конце VII — середине IX в. становление и упрочение на бывших византийских территориях раннефеодальных государств болгар, сербов и хорватов.

Эта проблема, породившая колоссальную историографию, остается одной из наиболее дискуссионных. Существенные достижения в ее изучении были проанализированы и обобщены в ряде новейших исследований (Г. Диттена<sup>1</sup>, П. Лемерля<sup>2</sup>, Д. Ангелова<sup>3</sup>, П. Петрова<sup>4</sup> и др.). Крайний недостаток письменных источников, различная методология изысканий определили огромное разнообразие точек зрения при анализе фактов и попытках их синтетического освещения.

Предпринимая свой опыт трактовки событий и процессов, приведших к оформлению необходимых предпосылок к образованию славянских государств на территории империи, мы не можем подробно проанализировать литературу, мотивировать свою позицию по многим вопросам и последовательно изложить общую политическую канву. Поскольку проблема коренной трансформации государственной структуры Византийской империи в VII—XII вв. является предметом специальной главы, здесь мы не касаемся этой темы.

Задача состоит в установлении с возможно большей конкретностью форм и этапов общественного развития славян от их появления на Дунае до начала оформления институтов государственной власти (хотя и эта грань не может не быть условной), в определении уровня социально-политической структуры славян и в оценке тех факторов, которые можно отнести на счет внешнего влияния (империи или иных народов, в контактах с которыми славяне были в VI—IX вв.)<sup>5</sup>.

Для рассмотрения структуры славянского общества ко времени переселения славян на территорию Византии важно определить продолжительность пребывания славян в пограничной зоне империи.

Мнения на этот счет весьма разнообразны: поселение славян в левобережье Дуная относят к эпохе от начала нашей эры<sup>6</sup> до первой четверти VI в.<sup>7</sup> «Певтингеровы таблицы» не могут представить решительных доказательств: содержание этника «венеды», помещаемого в «таблицах» в левобережье Нижнего Дуная, подвергается сомнению, особенно для III—IV вв.<sup>8</sup> Да и сам этот документ сохранился лишь в копии XIII в. Археологические материалы также недостаточны: бесспорно славянские древности из Подунавья относят к самому концу VI и с большей уверенностью — к VII в.<sup>9</sup> В этой связи интересны наблюдения археологов, что с приближением к границам Позднеримской империи материальная культура становится все более синкретичной; все труднее определить ее этнических посетителей (тем более, что здесь, в левобережье Дуная, славяне жили, пахотаясь, видимо, в постоянном тесном контакте с романзированными гето-даками)<sup>10</sup>.

Поэтому мы основываемся на письменных источниках.

Наиболее ранним из них являются «Диалоги» Псевдо-Кесария (конец V — начало VI в.). Этот анонимный автор обозначает славян (Σκλαυθηνοί) их этнонимом и указывает место их обитания: в одном «краю» с «фисонитами, которые именуются и дунайцами» (ВИИНJ, 1, с. 3—5)<sup>11</sup>. Если учесть тот факт, что за время, истекшее от поселения славян у Дуная, о них успели сложиться хотя и мало достоверные, но вполне определенные представления, то трудно сомневаться в том, что само обоснование славян к северу от Дуная произошло не позднее конца V в.<sup>12</sup>

К подобному же заключению ведет и сообщение Приска Панийского о посольстве ко двору Аттилы в 448 г.: автор как очевидец говорит о напитке под названием «мед» (μέδος), которым жители лежащих на пути деревень угощали членов посольства. Попытки доказать, что этот термин и обозначаемое им питье не имеют отношения к славянам, не выдерживают критики, тем более, что данные Приска подтверждает Иордан (с. 172): после погребения Аттилы в 453 г. были устроены поминки — «страва». Боль-

шинство лингвистов не сомневается в славянском происхождении и этого термина<sup>13</sup>.

Обратимся теперь к свидетельствам Прокопия Кесарийского. «Когда Юстин, дядя Германа, обладал царством, анты, которые жили вплотную к склавином, перейдя большим войском Истр, вторглись в землю ромеев» (с. 135). Следовательно, первое вторжение антов в империю нужно отнести к 518—527 гг. Попытки замены рукописного «Юстин» (I) на «Юстиниан» (I) справедливо признаны произвольными (ВИИНЖ, 1, с. 80).

Таким образом, исходя и из данного известия, расселение славян (склавинов и антов, их восточных соседей) в Нижнем Подунавье нельзя отнести ко времени, более позднему, чем конец V в.

Так же следует оценивать и сообщения Прокопия (с. 120; ср. Мавр, с. 283, 289) о том, что склавины и анты более всех других обладают навыками сражаться в труднопроходимых местах, в лесу, болотах, ущельях, горах. Согласно изысканиям лингвистов, понятие «горы» отсутствует в самых древних пластах славянской лексики, как и понятие «море»<sup>14</sup>. Единственный горный массив, где славяне в IV—VI вв. могли обрести упомянутые навыки (и ввести в лексику новое слово), — это предгорья Карпат, причем Карпат Восточных (к ним примыкал антский ареал) и Южных (там расселились склавины). Прокопий как секретарь полководца Велисария имел возможность оценить воинские качества славян, служивших в войске империи, во время пребывания в Италии в 30-х годах VI в. Эти наемники к тому же вряд ли представляли первое поколение поселенцев, выросшее в Прикарпатье. Иначе говоря, и это свидетельство не позволяет датировать поселение славян в левобережье Дуная позднее, чем на рубеже V и VI в.

Еще один аргумент. В последнее время Л. А. Гиндиш пришел к выводу, что среди подунайских топонимов (наименований византийских укреплений) в труде Прокопия «О постройках», написанном в середине VI в., есть несколько бесспорно славянских по своей этимологической основе<sup>15</sup>. Следовательно, само возникновение этих уже утвердившихся топонимов следует относить к концу V — началу VI в.

Считая невозможными какие-либо категорические заключения и допуская, что заселение славянами дунайского левобережья было процессом, занявшим не одно десятилетие, мы все-таки полагаем, что их первые поселения в

этом регионе появились не позднее середины V столетия. Следовательно, до переселения на земли империи в конце VI — начале VII в. хотя бы часть славян обитала здесь около ста лет.

В данной главе нас не интересует весь ареал расселения славян в V—VI вв. Важно установить примерные границы «контактной зоны» между славянами и империей, а также рубеж внутри этой зоны, отделявшей склавинов (в латинской транскрипции — склавенов) от антов. По мнению ряда ученых, уже в эту эпоху славяне делились в языковом отношении на три группы (западных — венетов, южных — склавинов и восточных — антов) — и соответственно могут быть обозначены для контактной зоны как «паннонские» (с существенной примесью склавинов), «дакийские» и восточноевропейские<sup>16</sup>. Однако другие исследователи отрицают для этого времени подобное разграничение: несмотря на диалектную сложность славянского мира, он был даже в эпоху расселения на Балканах еще относительно единым (существенные различия в языке обозначились в начале IX в.)<sup>17</sup>. Поэтому указанные три региона расселения славян логичнее связывать не с этнолингвистическим, а с социально-политическими различиями, о которых — ниже.

Основные данные о протяженности контактной зоны и антском регионе дают для середины VI в. Иордан и Прокопий Кесарийский. Согласно Иордану (с. 72), «склавины» проживают «от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же — сильнейшее из обоих племен — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину». Е. Ч. Скржинская полагает, что естественнее усматривать под Новиетуном древний Новиодун в Паппонии, на правом берегу Савы, а под Мурсианским озером — Балатон, чем соответственно Новиодун Нижнего Дуная — Исакчу и какое-то из близлежащих озер<sup>18</sup>. Если это так, то западный, по Иордану, предел постоянного проживания славян охватывал уже не только часть правобережья Дуная, но распространялся, возможно, на правый берег Савы.

Согласно Прокопию (с. 112, 117, 120, 127, 135), все склавины живут только за Истром (Дунаем), «недалеко от его берега», причем «занимают большую часть противоположного берега Истра», анты же — ближайшие соседи и склавинов, и империи. Важно, что — по смыслу данных Прокопия — поселения антов начинались не от Днестра

(как у Иордана), а непосредственно прилегали к границам империи, т. е. были расположены к северо-западу от Дуная. В. В. Седов говорит о соответствии археологических данных такому пониманию текста Прокопия, оценивает его сведения как наиболее свежие и указывает на то, что археологический материал свидетельствует о смешении в Поднестровье двух миграционных потоков — склавинского и антского и о продвижении антов к устью Дуная<sup>19</sup>. Учитывая же данные о навыке антов сражаться в горах, следует допустить, что их регион достигал Восточных Карпат.

Как известно, славяне на южной границе своего расселения предпочитали лесостепную зону, богатую лесом, водой и землей, пригодной для земледелия. Подобные природные условия удовлетворяли, во-первых, их хозяйственной деятельности (лес был необходим для постройки жилищ, изготовления орудий и утвари, добывания топлива; реки и озера служили как наиболее удобные пути сообщения, не говоря уже о рыболовстве), во-вторых, обеспечению безопасности славянских поселений (в случае набега врага население могло быстро укрыться в лесах, предгорьях, меж болот, на другом берегу реки или озера). Именно поэтому славянские поселения не располагались непосредственно по левому берегу Дуная: заселенный славянами ареал охватывал левые притоки реки вплоть до предгорий Карпат, а его южная граница отстояла от Дуная на день-полтора пешего пути (30—45 км) (Мавр., с. 282; ФС, с. 322, 325—328, 336, 337) на всем протяжении этой реки, по крайней мере — до Паннонской равнины. Правый берег Тисы во всяком случае был уже заселен славянами (ФС, с. 354), которые, возможно, жили в первой половине VI в. и в некоторых районах правобережья Дуная, по Драве и Саве. Заселили ли славяне в это время и сам Карпатский массив, трудно сказать. Следы их поселений обнаружены лишь в предгорьях и в Карпатской котловине<sup>20</sup>. В. Д. Королюк в связи с этим выдвинул гипотезу, что во время пребывания в левобережье Дуная и в период расселения на Балканах часть славян перешла в новых условиях к пастушеству<sup>21</sup>.

Конечно, этническая картина левобережья Дуная в V—VI вв., где сохранялись поселения и романизированных местных жителей (дако-гетов), менялась не только в связи с вторжениями иных народов (гуннов, кутригуров, утигуров, аваров), но и в силу увеличения плотности славянских поселений как в ходе адмиграции, так и в результате естественного прироста, а также по причине привода славянами множества захватываемых ими в империи пленников.

Прокопию (с. 126) еще казалось, что славяне живут «рассеянно», что между их поселениями большие расстояния<sup>22</sup>, по данным же Маврикия (с. 282, 286, 287), между деревнями славян, унизывавшими левые притоки Дуная, совсем незначительные пространства. Археология констатирует, что промежутки между группами славянских сел действительно невелики (от нескольких сот метров до нескольких километров)<sup>23</sup>. Это постоянные большие села оседлых жителей, и археология подтверждает, что славянам этого времени было уже знакомо и папшенное земледелие<sup>24</sup>. Здесь, в отдалении от двигавшихся вдоль левого берега Дуная полчищ кочевников и от имперских войск, обладавших возможностями быстрой переправы, и устроили славяне свои поселения, вели хозяйство и готовились к крупным походам на правый берег реки.

Казалось бы, вопрос об оседлости древних славян и об их основных занятиях (земледелии и скотоводстве) давно решен: накоплен огромный археологический материал по всему славянскому ареалу, датируемый VI—VIII вв.<sup>25</sup> Однако и ныне сохраняется мнение, что до переселения на земли империи славяне оставались кочевниками и лишь в ее пределах, под византийским влиянием, «цивилизировались», т. е. стали земледельцами<sup>26</sup>.

Без полной ясности на этот счет невозможно дальнейшее рассуждение о социальной и политической структуре славянского общества в VI—VIII вв. Историческая наука уже давно установила определенную зависимость между степенью развития земледельческого хозяйства и степенью общественной зрелости занимающегося земледелием народа. Регулярное папшенное земледелие в качестве основы экономической деятельности представляет собою наиболее прогрессивную, динамичную систему (культуру земледелия). Только земледелие в эпоху раннего средневековья среди всех прочих видов хозяйства было способно обеспечить регулярность снабжения общества, а также появление стабильного прибавочного продукта как залога экономического и социального прогресса. Стихийные бедствия, военные разорения могли отбросить земледельческое общество назад, замедлить развитие, но не были способны, как правило, привести к гибели самой системы. Напротив, в подобных же условиях или в силу чисто случайных событий (гибель вождя, поражение в битве) происходил нередко распад союза кочевников и исчезновение самого их этноса.

Ни дорогое оружие, ни накопленные кочевнической аристократией богатства в виде стад скота или предметов рос-



коши не являются сами по себе свидетельством большего прогресса, чем формы жизни бедного крестьянина-земледельца. В истории земледельческого общества время военной демократии, когда война была источником богатства и социального возвышения за счет ограбления других народов, было лишь периодом, предшествующим оформлению государственности. В жизни кочевников грабеж и война, особенно — против земледельцев, оставались постоянным промыслом столь долго, сколь долго они оставались кочевниками. Формы организации хозяйства, быта, социального распорядка были здесь чрезвычайно консервативными, темпы прогресса исключительно медленными; переход к оседлости вел к глубокой трансформации всей общественной системы, к крупным сдвигам в идеологии, а порой и к потере прежнего этнического самосознания<sup>27</sup>. В связи со всем сказанным нельзя упускать из виду, что, несмотря на многократные вторжения в II—VI вв. в Европу кочевых народов (сарматов, гуннов, аваров, протоболгар и др.), ни один из них не создал устойчивого государственного образования (Гуннский союз и Аварский хаганат не достигли уровня государственной зрелости).

Дело заключалось отнюдь не в этнической принадлежности этих народов: не создали устойчивых государств в V—VII вв. и славяне, и такие германские народы, как даны, свионы, ругии и др. Решающую роль играли хозяйственно-культурный тип, степень социальной зрелости этноса. Отнюдь не случайно, что все наиболее ранние «варварские» государства возникли на землях Римской империи или близ ее границ, в контактных зонах, испытывавших воздействие развитой цивилизации<sup>28</sup>.

Поэтому следует рассмотреть все известия, давшие повод считать славян кочевниками, тем более, что таких данных немного.

Указывают на свидетельство Прокопия (с. 126, 127), что склавины «живут, ютятся в жалких хижинах, вдали друг от друга, и часто меняя, каждый в отдельности, область своего поселения», что быт их подобен быту массагетов (представляемых автором кочевниками), а нравы — гуннские, что живущие рассеянно славяне ранее именовались «спорами», и, по мнению Прокопия, будто бы поэтому можно считать, что у них много земли (земли же много необходимо, как говорит Лев VI Мудрый, прежде всего кочевникам.— Лев, с. 170). В своей «Тактике» этот автор, который, хотя и писал на рубеже IX—X вв., опирался на источники более ранней эпохи, сообщает, что славяне «жи-

ли, как кочевники, прежде чем переправиться через Истр и склонить свои выи под ярмо ромейской власти», а «грецизировал» их, т. е. заставил оставить прежние обычаи, Василий I (с. 172—173).

Однако эти известия даже вне сопоставления с другими не могут служить основанием для вывода о кочевом быте славян до переселения на земли империи. Г. Цанкова-Петкова, сравнивая эти данные с известиями Маврикия, говорит о существенной эволюции славян Подунавья в полустолетие между Прокопием и Маврикием: полукочевники во времена Прокопия, они стали оседлыми при Маврикии<sup>29</sup>.

По нашему мнению, славяне не были полукочевниками и в первой половине VI в. В самом деле, частая перемена мест поселения могла быть связана не с кочевым скотоводством, а с подсечно-огневой системой земледелия, временно практиковавшейся в период переселения<sup>30</sup>. Меняя пашни, переносили периодически свои жилища, согласно Тациту, и древние германцы<sup>31</sup>. Кроме того, употребленное здесь Прокопием слово  $\chi\omega\rho\omicron\varsigma$  (область) последовательно во всех трудах этого автора имеет значение не просто территории, а культивируемого, обжитого оседлым населением пространства<sup>32</sup>. Могли быть связаны перемещения и с поэтапным приближением к границам империи различных групп славян в процессе их переселения.

Г. Цанкова-Петкова полагает<sup>33</sup>, что Иордан (с. 72, 136) подтверждает данные Прокопия о полукочевом быте славян, говоря о том, что «их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям». Она видит здесь свидетельство перехода славян от родо-племенных коллективов, не имевших постоянных поселений и носивших имена своих родоначальников (т. е. обозначаемых эпонимами), к территориальным общинам, обретавшим оседлость и получавшим названия от местности поселения. Если в сообщении Иордана и есть указание на перемещение славян, то речь идет лишь о процессе расселения (смены места обитания), не имевшем ничего общего с регулярным кочевничеством или полукочевничеством. Иордан констатирует уже относительно стабильную картину славянского мира: многообразие наименований разных частей славянства зависело от того, к какому племени и роду они принадлежали или в какой местности обосновались, а не от их передвижений.

Не может служить аргументом в пользу тезиса о кочевничестве славян и употребление Прокопием термина  $\kappa\alpha\lambda\upsilon\beta\eta$ , имеющего значение и шалаша, временного пристанища

пастуха. Автор хотел здесь, несомненно, подчеркнуть, сколь непривычны для ромея, малы и бедны жилища славян, и, конечно, не имел в виду именно шалаша. Рассказывая о войнах с персами, этот писатель говорит о *καλύβαι*, как о воинских палатках (с. 126). Археологи обнаружили в левобережье Дуная два типа славянского жилища, характерных для всего славянского мира, — наземные жилища и полуземлянки с двускатной крышей<sup>34</sup>. Ее наземная часть (двускатная крыша), как и небольшие размеры, могли дать повод Прокопию или его информатору именовать ее *καλύβη*. Называя быт славян подобным массагетскому (или гуннскому), Прокопий имеет в виду не занятия населения, а «варварское» состояние общества (скудость пищи, пренебрежение к удобствам, чистоте и т. п.).

«Вместо городов у них болота и леса», — пишет, как упоминалось, Иордан (с. 72), имея в виду славянские селения, защищенные самой природой, где они, не имея городов, спасались от врага<sup>35</sup>, т. е. среди болот и лесов, в теснинах и горах, — в том чуждом кочевникам-степнякам мире, который предпочитали славяне. Кочевники, по убеждению византийцев, неспособны сражаться в пешем строю; тактика кочевников была ориентирована на конное войско (Мавр., с. 274—281); славяне же, по словам Прокопия (с. 126), «в своем большинстве идут на врага пешими». Что же касается цитированного известия «Тактики» Льва VI, то оно явно тенденциозно, к тому же этот «кабинетный стратег», видимо, смешивает славян с болгарами, которых он, архаизируя, считает кочевым народом и для своего времени (с. 168—170).

Признавая славян V — первой половины VI в. оседлым народом, следует все-таки разграничивать известия Прокопия и Иордана от свидетельств Маврикия и Феофилакта Симокатты. Между первыми и вторыми прошло 50—80 лет. И показания последних (здесь мы согласны с Г. Цанковой-Петковой) свидетельствуют о значительном прогрессе. Из сообщений Маврикия и Симокатты следует, что плотность славянских поселений за Истром явно возросла. Их села (*χωρία* и *κῆμαι*), большие и малые, следуют друг за другом вдоль речных долин (Мавр., с. 287, 288). Нападая на группу таких сел с двух сторон, византийское регулярное войско, насчитывающее до 3 тыс. воинов (Мавр., с. 288; ФС, с. 327), берет до 5 тыс. пленных, помимо тех жителей, которые погибли или успели скрыться (ФС, с. 330). В свою очередь, в экспедиции против империи славяне отправлялись многочисленными отрядами (Прок., с. 137—138;

Иорд., с. 71, 90). По представлениям византийцев, славянское множество за Дунаем было к концу VI в. неисчислимым (Прок., с. 117, 128, 131, 135 и др.).

Они оседлые жители. У них много проса, сложенного в кучи (видимо, сжатого, но не обмолоченного), а также всевозможного скота (Мавр, с. 281—282); о быках и прочих домашних животных, которых славяне приносили в жертву, писал Прокопий (с. 126). Император (Маврикий) полагал, что победоносное войско может зимовать в земле славян, не получая снабжения от империи (ФС, с. 327, 354, 355). Военские руководства предписывали вывозить богатства славян на судах и вьючных животных (Мавр., с. 286). После удачных нападений на славян ромеи уходили с огромной добычей, из-за которой войско ссорилось с высшим командованием, а император — с аварским хаганом (ФС, с. 330). Авары считали земли дакийских славян более богатыми, чем балканские провинции империи; славянские территории жили относительно спокойной жизнью, а имперские провинции были многократно разорены нашествиями разных народов (ФС, с. 323). Нападая на этих славян, хаган сжигал их жилища и разорял их поля (ἀγρούς) (Мен., с. 231).

Письменные известия и археологические данные позволяют предполагать, что второе крупное разделение труда (отделение ремесла от сельского хозяйства) у славян в это время уже началось. Славяне освоили обработку железа, из которого изготовляли орудия труда (сошники, серпы, косы, лопаты, мотыги, топоры, ножи, молотки, тесла, долота и др.) и оружие (мечи, пиконечники копий, стрел, дротиков). Археология свидетельствует о высокоразвитом ремесле деревообработки<sup>36</sup>. Славяне умели налаживать переправы, строить ладьи — от однодеревки (для одного — четырех человек) до крупных лодок, способных перевезти через большую реку сразу до 20 вооруженных воинов (ФС, с. 326, 327) (это были, по-видимому, «набойные ладьи», у которых выдолбленный ствол большого дерева служил лишь основанием, а борта наращивались продольными досками). Плот для переправы людей и грузов был столь удобен, что византийцы заимствовали у славян это плавучее средство вместе с его названием (Мавр., с. 283)<sup>37</sup>. Развиты у славян были также кожевенное производство, ткачество (ткани из льна, конопли, шерсти), гончарное дело (лепная керамика). Быстро прогрессировало и ювелирное дело (производство серег, височных колец, фибул, ожерелий, браслетов и т. п.)<sup>38</sup>. В конце VI в. сла-

вяне освоили осадную технику, стали брать крепости и города, которые раньше обходили или предпочитали захватывать длительной осадой, измором (Прок., с. 132).

О социальной структуре и политической организации славянского общества имеются лишь скудные свидетельства византийских авторов. Следует учитывать, однако, что эти известия независимо от субъективной позиции писателей дают приниженную, пристрастную картину, так как авторы вольно или невольно в своих оценках отправляются от критериев, обусловленных формами и институтами гораздо более развитого византийского общества.

Прежде всего — о характере семьи у славян. Нет убедительных данных в пользу господства у славян в VI—VII вв. большой семьи, совместно ведущей свое хозяйство. Замечание Маврикия (с. 282) о верности славянских жен, предпочитавших добровольную смерть вдовству, позволяет думать скорее о многоженстве, по крайней мере — среди знатных членов общества (покойного «сопровождала» лишь одна из жен), но никак не о больших семьях, в которых господствовала моногамия. Небольшие размеры жилищ-землянок, рассчитанных на одну семью, и хозяйственные объекты вокруг них (яма для хранения зерна, остатки амбара, кладовой, скотного двора, каменная зершотерка, один очаг и т. д.) свидетельствуют о решительном преобладании малой семьи<sup>39</sup>. Расположение землянок группами (кучно) оправдывает, однако, мысль о сохранении традиций большой семьи и там, где она распалась: малые семьи еще связаны кровными узами и хозяйственными интересами, владеют нераздельной земельной собственностью. Возможно, до переселения на земли империи у славян была земледельческая община (ведение хозяйства и проживание в основном малыми семьями, но сохранение прав общины на пахотную землю при периодических переделах) в стадии ее превращения в соседскую<sup>40</sup>. Впрочем, суждения на этот счет гипотетичны. Как намек на большие семьи можно толковать сообщение Маврикия (с. 282), что жилища славян имеют много выходов (так было будто бы удобнее при нападении искать спасения в бегстве). Не исключено, однако, что здесь содержится указание на принадлежавший знатному славянину комплекс хозяйственных построек вместе с жилым помещением<sup>41</sup>. Большесемейные общины, несомненно, существовали, но нет оснований говорить об их преобладании.

Важно известие Маврикия (с. 282), что славяне зарывают в тайниках свои вещи и не держат ничего лишнего

открыто. Это сообщение оправдывает вывод о развитии частной собственности, о стремлении к накоплению богатств и к их охране от посягательств других членов общества. О частном присвоении доли добычи и выкупа за пленника свидетельствует история о пленении неким склавином анта Лже-Хильвудия (Прок., с. 124).

Сведения о заинтересованности в это время славян, в особенности — их высшего социального слоя, в захвате добычи вполне определены. Время с начала VI до конца VII в. составляет заключительный этап развития строя военной демократии у славян рассматриваемого региона. С первого года правления Юстиниана I (527) набеги славян (склавинов и антов) на земли империи стали систематическими (Прок., с. 151). Они забирали добычу (одежду, ткани, драгоценности, посуду, орудия труда, продовольствие и т. п.), угоняли скот, а с середины VI в. также множество пленных сельских жителей и горожан, как и византийских воинов. Иногда, впрочем, они брали в плен только юношей, молодых мужчин (Прок., с. 128). Юстиниан I даже опасался, что вскоре некого будет набирать в войско (Прок., с. 157). Пленных брали преимущественно ради выкупа, и сумма его могла быть высокой: за ромея-военачальника в 30-х годах VI в. протоболгарам было уплачено 10 тыс. золотых (ИМ, с. 215). Поэтому по совету пленного ромея его господин-ант отправился к склавином, чтобы купить у них ромея — мнимого полководца (о чем склавины якобы не догадывались), чтобы затем получить за него выкуп от императора (Прок., с. 125). Именно поэтому славяне немедленно отправлялись в набег за добычей, если Истр не охраняли войска империи (ФС, с. 324).

Пленник-раб пользовался свободой общения с местными поселенцами, был в курсе событий, сражался вместе с господином и пользовался его благоволением. Славянин-соотечественник не мог стать рабом, но, воюя друг с другом, склавины и анты взаимно обращали пленных в своих рабов (Прок., с. 125), т. е. препятствием к обращению в рабство служили не этнические признаки, а принадлежность к разным политическим объединениям.

Согласно Маврикию (с. 281), рабам-пленникам славяне определяли срок пребывания в рабстве, по истечении которого пленный мог вернуться домой, уплатив выкуп, или остаться среди славян на положении полноправного члена их общества. Иначе говоря, рабство носило патриархальный характер: рабы не играли серьезной роли в производстве, и славянское общество было заинтересовано в притоке

ромейских жителей с их производственными навыками и опытом. Поэтому византийским полководцам предписывалось в летнее время, разграбив после разведки открытые места в земле славян, оставаться там длительное время, чтобы пленные ромей могли, бежав от славян, спастись в воинском лагере византийцев (Мавр., с. 286) <sup>42</sup>.

Но, конечно же, не добыча обеспечивала основные материальные условия жизни славян левобережья Дуная — она служила средством обогащения прежде всего племенной аристократии, ускоряла социальное расслоение. В основе экономической жизни уже в эту эпоху лежали регулярное земледельческое хозяйство и пастбищное скотоводство. Правда, по словам Маврикия (с. 284), в зимнее время славяне испытывали недостаток продовольствия и не были способны сопротивляться хорошо вооруженному врагу. Однако подобного рода ситуация в деревне зимой — не редкость в империи, да и не только в ней, и не только в средние века.

Социальную структуру славянского общества в эту эпоху можно реконструировать, разумеется, лишь гипотетически. Согласно описанию Прокопия (с. 125—126), склавины и анты «живут в демократии», не управляются одним человеком и важные вопросы решают «сообща» (ἐς κοινόν βίωσις). Примером этих сохраняющихся издревле (ἄνωθεν) порядков является рассказ о пленении Лже-Хильвудия. Несмотря на то, что мнимый военачальник был собственностью лишь одного склавина, взявшего его в плен, а затем — одного анта, купившего его у склавинов на свои средства, анты решили, поверив слухам о высоком ранге пленника, что это дело общее, и «собрались почти все» для совещания.

Следовательно, право собственности могло нарушаться, но только в силу чрезвычайных обстоятельств и лишь по решению общего собрания мужчин данного объединения. Речь шла не только о возможном получении в качестве выкупа больших благ (ἀγαθὰ) для всех них (σφίσιν), но и о том, что в то время (в 545 г.) антам как союзникам империи было предложено Юстинианом занять на левом берегу Дуная запустевший город-крепость Туррис вместе с окружающими землями, чтобы нести пограничную службу, получая от императора деньги. Анты были готовы согласиться, если император вновь назначит Хильвудия военачальником империи и он будет «сооснователем» (ἑταροκίς ἦν) крепости Туррис (т. е., видимо, начальником византийской части гарнизона) (Прок., с. 127). Дело в том, что истин-

ный Хильвудий, погибший в походе против славян около 12—15 лет назад, прославился своим воинским искусством, воевал же он не против антов, а против склавинов, внушив им ужас (Прок., с. 124). Речь шла, таким образом, о судьбах всего общества, с пленением Хильвудия было связано слишком много надежд, и анты ради этого отправили посольство в Константинополь. Такого рода общие собрания воинов славянского объединения были, видимо, уже явлением печальным.

Большую часть общества составляли свободные общинники, ведущие индивидуально (вместе со своей семьей) крестьянское хозяйство и служившие в военное время в ополчении. Возможно, участие в набегах было добровольным, так как рядовые воины были сами заинтересованы в захвате добычи (в какой-то части ее брали сообща, а затем делили, но, как видно из эпизода с Лже-Хильвудием, иногда захватывали также индивидуально). Ценные вещи, деньги, пленники, несомненно, повышали социальное положение их обладателя. Полученные от империи в качестве выкупов, даней и платы за службу, а также захваченные в набегах ценности служили платежным средством в торговых операциях не только внутри объединения, но и между союзами склавинов и антов, т. е., помимо важной престижной функции, движимое богатство вело к углублению имущественной дифференциации.

Деньги и ценности обращались на покупку рабов, дорогого оружия, предметов роскоши, на богатые жертвоприношения, о которых сообщает Прокопий (с. 126) (их пышность поднимала престиж приносившего жертву), на обеспечение прислуги и лично преданных хозяину вооруженных людей, конституировавшихся в дружины. Даных о концентрации в руках знатных лиц земельной собственности уже в это время не имеется.

Нет оснований думать, что «отбывшие срок» рабства пленники составляли особый слой, менее равноправный, чем прочие свободные общинники. В этом отношении дело, видимо, не изменилось и в эпоху Маврикия, который предупреждал византийских полководцев, что во время похода в земли славян они должны опасаться встречаемых там ромеев по происхождению — они способны повредить своими советами в пользу «варваров», так как «есть ромей, которые, с ходом времени переменившись, забыли о своих и предпочитают отдавать благосклонность врагам» (с. 285—286). Все это возможно в обществе, где социальные противоречия еще слабо выражены.



Соответственно нечеткости социальной стратиграфии было нечетким и обозначение в византийских источниках поднимающейся у славян племенной аристократии, хотя на ее существование имеются вполне ясные указания, особенно с конца VI — начала VII в. В V — первой половине VI в. общественная роль вождя племени или союза племен зиждилась, по-видимому, преимущественно на его авторитете как военного руководителя и добровольно признаваемого высшего арбитра в случае конфликтов. Псевдо-Кесарий говорит, что славяне не почитают и даже убивают своих вождей (ἄρχοντας) и старейшин (γέροντας) или на пиру, или в пути, что они самовольны и не имеют начальника (ВИИНЖ, I, с. 5). Видимо, должность вождя была еще выборной, считалась, может быть, временной, и недовольство его действиями или желание поставить нового вождя могли приводить к расправе соплеменников над прежним вождем.

Прокопий (с. 126) также пишет, что славяне не управляются одним человеком. Более определенны сведения Маврикия и Феофилакта Симокатты, упоминающих славянских «архонтов», «этнархов» «филархов», «игемонов», «таксиархов», «рексов» («ригов») (Мен., с. 232; Мавр., с. 281, 285; ФС., с. 316, 318, 326 и др.). Показательно, что таких терминов применительно к славянам у Прокопия еще нет.

Маврикий (с. 278—285) говорит, что у славян много «рексов», жестоко враждующих между собой; поэтому славяне не следуют порядку и приказу (их общество ἄναρχα и ἄτακτα) и не любят подчиняться кому-либо, особенно в своей стране. Различия в содержании упомянутых терминов почти не поддается более точной конкретизации. Славянский вождь Пирагаст именуется и таксиархом и филархом, т. е. предводителем отряда и вождем племени (ФС., с. 336). Глава аваров обозначается и хаганом, и игемоном, и игуменом, и монархом, и деспотом (Мен., с. 225, 233, 245; ФС., с. 294, 296, 320). Но термин «игумен» означал также хозяина дома (Мавр., с. 281), а термин «деспот» — хозяина выючного животного (ФС., с. 307). Несколько более определенны сведения о титуле «рекс», указывающем на предводителя более высокого ранга, может быть, главу военно-территориального союза<sup>43</sup>.

Феофилакт Симокатта (с. 326), рассказывая о Мусокии (594), славянском вожде (репившем помочь потерпевшему от византийцев поражение другому вождю Ардагасту), замечает, что он был «так называемым рексом на языке варваров». Иоанн Малала (с. 215), сообщая о вторжении в 539 г. гуннов, пишет, что во главе их стояли два рекса,

которых он называет также «стратигами». Подчеркнута, таким образом, военная функция рекса. Военным вождем, возглавлявшим (временно или постоянно) объединение нескольких племен, был, по всей вероятности, и Мусокий. Он считал себя обязанным тотчас помочь Ардагасту, едва узнав о его бедствиях (ФС, с. 326). Впрочем, не лишено значения и то, что Ардагаст совершал набеги на империю и самостоятельно, выступая в роли военного предводителя (ФС, 297). Имелась у него и подвластная ему земля (χώρα), которую разорили ромеи, отправившиеся затем против Мусокия (ФС, с. 325, 326).

На союз нескольких антских вождей (архонтов) указывает Менандр (с. 235): после ряда набегов аваров, разоривших их «землю и страну», они решили (видимо, сообща) отправить посольство к хагану для переговоров о мире и выкупе «некоторых военнопленных из своего племени (φύλου)». Конечно, все анты не составляли единого племени во главе с несколькими равноправными архонтами. О том, что среди архонтов существовала иерархия, свидетельствует дальнейший текст: послем анты избрали некоего надменного «Мезамира, сына Идаризия, брата Келагаста». Мезамир, по мнению советника хагана, был влиятельным среди антов человеком. Возможно, вождем антского объединения и был Идаризий (или второй его сын Келагаст). Высокий ранг Мезамира зафиксирован тем, что византийцы знают по именам членов этой знатной семьи и их родственные связи. Вероятно, во второй половине VI в. власть вождя не только племени, но и объединения племен превращалась в наследственную.

Отнюдь не случайно Маврикий (с. 285) предписывает проводить в отношении славян принцип внешней политики древнего Рима («разделяй и властвуй»), осуществлявшийся и Юстинианом I: необходимо подкупать дарами одних, особенно — соседящих с империей, и карать в безжалостных экспедициях других, ссорить вождей и всячески мешать им, чтобы «враг не создал объединения или монархии». Следовательно, тенденция к такому объединению имелась, и Маврикия, опиравшегося на личный опыт борьбы со славянами<sup>44</sup>, она весьма беспокоила.

Славянский вождь уже был окружен племенной знатью. Когда хаган аваров в 60-х годах VI в. потребовал от Даврентия (Добрента —?), вождя склавинов, признать его власть и стать данниками, Добрент отвечал послам, находясь в окружении всех подчиненных ему «управителей» (ἄσολοι ἐν τέλει — в Византии этот термин означал высшую

служилую знать) и бывших с ним «игемонов» (Мен., с. 232).

Можно, видимо, заключить, во-первых, что Добрент — глава объединения племен, каждое из которых имело своего архонта; во-вторых, что при Добренте уже создавались органы управления; в-третьих, что эти управители собирали, видимо, со всего населения союза или только с подвластных господствующему племени других племен регулярные взносы на нужды вождя, жречества, на организацию обороны, на выкуп пленных и т. д. Какую-то часть этих взносов хаган и потребовал в свою пользу, как он взимал их сам с подвластных ему славян в Папнонии.

«Монархией», однако, власть Добрента, с точки зрения византийцев, назвать еще было нельзя; «монархия», подчеркивает Менаандр, была лишь у лангобардов, у тюрков и у аваров (Мен., с. 233, 234). Характерно, что император Юстин II (565—578) считал единственной гарантией сохранения мира хаганом получение в качестве заложников его сыновей, а полководец Юстина Тиверий считал достаточным взять в заложники детей подчиненных хагану архонтов, полагая требование Юстина неприемлемым для хагана (Мен., с. 248, 249). Столкнулись две оценки структуры власти в Аварском хаганате. Характерно, что подобного рода предложения византийцы будут делать славянским вождям едва в IX в. В основе единоличной власти хагана лежали, правда, иные социальные факторы, иная экономическая и общественная система, которая только на том основании, что его власть была «монархической», не может быть расценена как находящаяся на более высокой, чем у славян, ступени социальной зрелости. Ни Добрент, ни другие славянские вожди, вероятно, еще не имели в VI—начале VII в. постоянной резиденции. Нет свидетельств и о существовании в левобережье Дуная крупных укрепленных центров. Феофилакт Симокатта (с. 326), сообщая о стане Мусокия, погрузившемся в сон после тризны по умершему брату вождя, употребляет термин *ἐναυλιζομαι*, т. е. «стоять лагерем», «расположиться станом». Тот же термин приводит этот автор (с. 327), говоря о приказе Маврикия войску остаться на зиму в земле славян, где ромеи обычно разбивали лагерь по правилам военного искусства. Возможно, Мусокий обходил со своим «двором» подвластную ему землю, требуя всюду от подданных необходимого содержания.

Какова же была в целом политическая организация славянских племен в левобережье Дуная? Выше уже упоминалось, что в историографии делят славян V—начала

VII в. на западных (в том числе — «паннонских»), «дакийских» и восточноевропейских, из которых последние были слабее связаны с империей и лишь частично приняли участие в колонизации Балканского полуострова<sup>45</sup>. П. Петров полагает, что «дакийские» славяне и до переселения на юг от Дуная оставались независимыми, «паннонские» же входили сначала в гуннский союз, затем — в Аварский хаганат<sup>46</sup>.

Рассматривая вопрос в аспекте отношений славян с Восточноримской империей и даже признав верным предложенное разделение, нельзя все-таки иметь при этом в виду всех славян в рамках этих трех групп. Во-первых, несомненно, что в прямой постоянный контакт с империей близ северо-западного черноморского побережья входили отнюдь не все апты, а только та их часть, которая населяла юго-западный пограничный ареал занятой ими территории. Во-вторых, понятие «дакийские», образованное от наименования бывшей римской провинции Дакии (задунайской), слишком широко: в тесных отношениях с империей находились не все склавины этого региона, а лишь занимавшие пространство, ограниченное с востока Прутом и Серетом, с севера — Карпатами и с юга — Дунаем. В-третьих, наконец, далеко не все славяне бывшей провинции Паннония также участвовали в натиске на империю, под суверенитетом ли аваров или самостоятельно.

Под «Склавинией», против которой на рубеже VI—VII вв. империя предприняла массированный натиск (ФС, с. 353), имеется в виду не вся Дакия, а именно левобережье Истра (Дуная в нижнем течении, начиная от Железных Ворот). И термин этот употреблен здесь в значении чисто территориальном — как область склавинов — врагов империи.

По нашему мнению, было бы опрометчиво на основании показаний Прокопия (с. 125, 126) о войнах склавинов и антов заключать, что в столкновениях участвовали огромные объединения и что вражда охватывала также их массы, отдаленные от Подунавья. В Поднестровье археология констатирует смешение переселенческих потоков антов и склавинов; анты (скорее всего, в конце V — первой четверти VI в.) продвинулись от Днестра на запад и юго-запад. Именно в связи с этим и произошел их конфликт со склавинами, ранее антов освоившими эти территории и пытавшимися не пропустить антов к границам империи. Возможно, с 518, а несомненно, с 527 г. анты одновременно со склавинами обрушились на империю. Дальнейшее давление антов вызвало их войну со склавинами в конце 30-х годов,

которую анты проиграли. Но и в 540 г. они еще совершили отдельное (без одновременного выступления склавинов) нападение на империю (Прок., с. 124).

В предгорьях Восточных Карпат в конце V — начале VI в. анты и приобрели опыт сражений, но не в наступательных войнах, а в оборонительных, когда они сами укрывались в предгорьях, отбиваясь от врагов, идущих с востока, по древнему пути миграции кочевников между Черным морем и Карпатами. Этими народами могли быть и гуны (если анты уже жили отчасти в Прикарпатье в IV—V вв.), и протоболгары (кутригуры и утигуры), и авары. Во всяком случае, по свидетельству Менадра (с. 235), видный котрагир (кутригур) из подвластных хагану кутригуров «пылал ненавистью к антам».

Возможно, и столкновения между склавинами и антами происходили не без участия дипломатии империи; во всяком случае, империя использовала эту вражду, сделав ставку на превращение антов в союзников, ибо анты занимали стратегически выгодную позицию: они могли не пропускать в Подунавье новых врагов империи и находиться в постоянном контакте с нею. Союзный договор с антами, видимо, был заключен между 540 (последний набег антов) и 545 г., когда анты отправили посольство в Константинополь, везшее Лже-Хильвудия. Как раз перед этим они получили предложение занять Туррис с округой, что также могло повести к новым осложнениям в их отношениях со склавинами. Какие услуги оказали анты империи как ее союзники, неизвестно. Судя по тому, что склавины нападали на Византию в 40—50-х годах, анты не вели с ними войны в это время. Предлагая антам Туррис, император обязывал их охранять дунайскую границу прежде всего против «гуннов» (протоболгар).

Во всяком случае, во второй половине 50-х годов VI в. анты потерпели какое-то сильное поражение, скорее всего, от протоболгар: «...архонты антов,— сообщает Менадр (с. 235),— находились в тяжелом положении и ослабели вопреки своим надеждам»; авары после этого стали мучить их нападениями, так что анты отправили к ним посла с предложением выкупить некоторых (конечно, наиболее знатных) пленных антов. Нападения аваров на антов следует относить к концу 50-х — началу 60-х годов, когда авары еще находились по соседству с антами, в Скифии, и их ухода отсюда Юстиниан I всячески добивался (Мен., с. 235, 244, 247). Войны антов с протоболгарами и аварами, вероятно, и были их важной услугой империи. Повто-

рием: дружественный империи союз антских племен (каждое из них имело своего вождя-архонта), возглавляемый, по-видимому, Идаризием или Келагастом, был лишь одним из восточнославянских объединений, территориально ближе всех прочих расположенным к границам империи.

Продолжали анты оставаться союзниками империи, возможно, вплоть до начала VII в. В последнее пятнадцатилетие VI в. хаган аваров стал все чаще вторгаться в прибрежные области Мисии и Фракии, стремясь овладеть расположенными здесь городами (ФС, с. 300, 319, 335, 345, 352, 353). В 585 г. хаган понес тяжелое поражение и едва не был взят в плен близ г. Томи (ФС, с. 300). Вероятно, в борьбе с аварами на этом театре военных действий на стороне Византии участвовали и анты: их силы могли прибывать, и переправляясь через Дунай близ устья, и по морю — из устьев Днестра и Дуная. Может быть, анты помогали империи и во время похода ее полководца Петра в 602 г. за Дунай, против аваров и склавинов. Только при такой трактовке представляется понятной мельком оброненная фраза Симокатты, что военачальник хагана Апсих, стоявший у Железных Ворот, был послан хаганом, «чтобы уничтожить народ (ἔθνος) антов, который был союзником ромеев» (ФС, с. 354). Каким был путь Апсиха, которому предстояло преодолеть около 500 км, чем кончился поход, неизвестно. В литературе, однако, утвердилось мнение, что, поскольку с тех пор анты не упоминаются в источниках, они, видимо, потерпели поражение (паянок на это содержится в слове «уничтожить»). Мы думаем, что поражение мог понести только тот дружественный империи союз антских племен и они должны были отойти от прибрежных районов Поднепровья и Подунавья или же отказаться от союзных отношений с империей. Известий о какой-либо зависимости антов от протоболгар или аваров не имеется. Земли Византии, однако, остались доступными антам и впоследствии, когда славяне начали селиться в ее пределах, археологи фиксируют наличие антских вещей на пространстве от Добруджи до Адриатики<sup>47</sup>.

Независимыми от хагана оставались и «дакийские» славяне, хотя авары посягали на их свободу. В 577/578 г. в качестве союзников империи против склавинов авары были сначала переправлены имперским флотом через Дунай выше Белграда или близ него, затем они прошли до низовой реки по ее правому берегу, а затем были снова переправлены на левый берег и напали на склавинов (Мен., с. 231).

Причиной двойной переправы было, видимо, стремление обеспечить неожиданность нападения аварской конницы, чтобы она прошла огнем и мечом земли склавинов, двигаясь к западу по левому берегу. Апсих в 602 г. прошел по левобережью до земель антов; византийцы, воевавшие с аварами в это время, разумеется, не переправляли их, да и шли авары против их союзников. На этот раз авары преодолели подступившие к Дунаю у Железных Ворот Карпаты, которые затрудняли аварам доступ в нижнедунайскую равнину и служили в какой-то мере защитой склавинов от аваров. Многократно вторгаясь в пределы империи в 60-х и 90-х годах VI в. и в начале VII в., авары все-таки предпочитали переправляться через Дунай выше Железных Ворот, даже когда направлялись к черноморскому побережью Мисии.

В середине 80-х годов VI в. хаган пытался выступать как «законный» повелитель и «дакийских» славян. Когда византийские войска отправлялись в походы против них, хаган требовал объяснений и обвинял императора в нарушении мира (ФС, с. 321, 322, 343). К концу VI в. византийцы почти смирились с тем, что войска аваров и подвластных им протоболгар свободно располагались в обеих Мисиях (Верхней и Нижней) и за столкновения с ними приходилось извиняться как за нарушение мирного договора (ФС, с. 322). По договору 600 г. империя добилась, однако, признания Дуная границей между нею и Аварским хаганатом, оговорив свое право предпринимать походы против склавинов (ФС, с. 348). Но и после этого хаган притязал на господство над склавинами: он называл их своими «подданными» (ὑπηκόους), постоянно паблюдад за действиями византийцев на границе и требовал себе часть добычи, когда ромеи возвращались из удачных походов на левый берег (ФС, с. 330).

Далее беспочвенных амбиций дело, однако, не пошло. Правда, в 584 г. хаган, формально сохраняя мир, «наслал народ склавинов» на империю, и среди вторгшихся в то время славян находился отряд Ардагаста, вождя одного из объединений дакийских славян (ФС, с. 297). Но и этот факт нельзя признать аргументом в пользу сюзеренитета хагана над этими славянами, возможно, лишь одновременно с подчиненными хагану славянами (склавинами) Паннонии Ардагаст предпринял очередной самостоятельный набег.

Давление империи и аваров на этот славянский ареал, однако, возросло в конце VI — начале VII в. В 594—602 гг. византийцы совершили несколько успешных экспедиций

против славян бывшей Дакии, дважды, в 577/8 и 602 гг., их земли были опустошены аvaraми. Войска империи разорили «страну» Ардагаста, затем землю Мусокия (который был взят в плен) и, наконец, подвластный Пирагасту район, убив в сражении самого вождя (ФС, с. 336). Даже после этого византийцы считали крайне опасным стоять лагерем зимой в земле «дакийских» славян, опасаясь превосходства их сил (ФС, с. 354). Ясно, что и подвергшиеся разгрому славянские объединения сохранились. Их новые вожди являлись, вероятно, ближайшими родичами упомянутых, да и походы византийцев и аваров не простирались на всю запятую здесь славянами территорию. Вероятно, существовали здесь и другие славянские союзы, среди которых находился и известный позднее союз «Семь родов» (или «Семь племен»). В каких отношениях друг с другом находились эти союзы, мы не знаем. Видимо, они объединяли свои силы под командованием одного вождя во время крупных экспедиций в империю. Какие-то отношения взаимопомощи связывали Ардагаста и Мусокия, который, по-видимому, главенствовал в объединении. В 595 г. в походе против Пирагаста, стан которого находился между реками Яломица и Бузеу, т. е. близ Серета, византийское войско переправилось через Истр между Нове и Доростолом. Здесь оно и было встречено Пирагастом. Силы славянского вождя были, видимо, значительными: тысячный отряд ромеев был уничтожен раньше, чем переправились другие отряды (ФС, с. 354). Следовательно, если не сама страна Пирагаста простиралась от Серета до Нове (или Доростола), то по крайней мере это пространство занимали племена, союзные Пирагасту в войне против ромеев.

Славяне Паннонии до 60-х годов VI в., т. е. до прихода туда аваров, также совершали набеги на земли империи; уже в первые годы правления Юстиниана I славяне опустошали среди прочих провинций также Иллирик (Прок., с. 151). Это были, скорее всего, ближайшие к Иллирику «паннонские» славяне. Особо часто нашествия славян в этот регион стали в середине VI в. Юридически «паннонские» земли считались уступленными империей аvaraм за пограничную службу, и авары рассматривали себя как законных собственников занятой территории вместе с ее населением, тогда по преимуществу — славянским.

Конечно, авары утвердили здесь свое господство силой. Какая-то часть славян, в особенности в центре аварской территории (междуречье Кереша и Муреша), была, видимо, превращена в невольников. Но на периферии хаганата сла-



вянские этносоциальные организмы (племена и их объединения) сохранились, возглавляемые угодными хагану вождями<sup>48</sup>. Господство свое авары поддерживали страхом и жестокостью. Когда славянские плотники в 593 г. строили ладьи для переправы аварских войск через Саву, они делали это «из страха перед таксиархами» (ФС, с. 318), т. е. аварскими военачальниками, руководившими переправой. О неполноправии славян говорит и тот факт, что хаган стремился выручать из плена прежде всего аваров (ФС, с. 352).

Называя причины, которые будто бы побуждали хагана овладеть Сирмием, он говорил, что через этот город от него уходят подданные (Мен., с. 256) (в первую очередь, конечно, славяне). Славянами хаган усиливал свое войско; он повелевал им совершать нападения на империю и самостоятельно (ФС, с. 297). Рассказ Симокатты (с. 352) о сражениях с аварскими силами у Тисы в 600 г. позволяет составить представление о соотношении между основными этническими контингентами подвластного хагану населения: в результате побед ромеев «было убито много славян», а пленено 3000 аваров, 6200 представителей других этносов (протоболгар, гепидов, гуннов?) и 8000 славян, т. е. из всех пленных авары составляли 17,5%, славяне — 46,5%, прочие — около 36%. Большинство принадлежало славянам.

На рубеже VI—VII вв. власть хагана над славянами Паннонии и над частью славян северо-запада полуострова, колонизовавшегося ими после совместных с аварами набегов, была по-видимому, крепка; хаган начал подготовку к штурму Константинополя. Однако с ходом расселения на Балканах часть славян, вышедших не только из «Дакии», но и из Паннонии, уже была неподвластной хагану. Между 615 и 620 г. славяне близ Фессалоники вели переговоры с хаганом уже как равноправная сторона (L., I, p. 185. 12—17). После же разгрома аваров под Константинополем в 626 г. их власть над балканскими славянами была вообще ликвидирована, кроме, может быть, крайнего северо-запада, где с ними столкнулись пришедшие сюда при Ираклии (614—641) хорваты. Открытые выступления славян против хагана начались еще под Константинополем, когда хаган приказал перебить славянский отряд, потерпевший неудачу при штурме стен с моря (ПХ, с. 83). В результате борьбы славянского населения против наступления аваров возникло в 30-х годах «государство Само», в самом хаганате стали восставать, помимо славян, и протоболгары, подвластные

хагану. Прежде чем перейти к проблеме заселения славянами Балканского полуострова, необходимо остановиться на некоторых важных моментах в отношениях империи с вторгавшимися в ее пределы «варварами».

Прежде всего примечательно, что византийская политическая и военная мысль в эту эпоху в отношении «варваров» характеризовалась двумя особенностями: с одной стороны, предписывалось вести против немирных «варваров» войну беспощадно, при нападении убивая за Дунаем всех захваченных, а при внезапной атаке, чтобы не связывать себе рук, уничтожать поголовно всех захваченных в разгромленных славянских селах (Мавр., с. 288, 289); с другой стороны, выражалось сожаление, что много «варваров» гибнет «бесполезно» в войнах с империей и в боях друг с другом, спровоцированных империей (Прок., с. 129, 151). По недостатку сил Юстиниан I в конце правления сделал ставку на дипломатию в борьбе с «варварами», натравливая их друг на друга. Боясь раздражать их, он запрещал даже отнимать у них добычу после набегов на империю; когда отчаявшиеся поселяне, объединяясь, отбирали у «варваров» своих жен и детей, а также коней и добычу, следовал приказ из Константинополя вернуть «варварам» коней (Прок., с. 152, 157). Особая снисходительность проявлялась к федератам, которые, несмотря на обязанность защищать империю, на право получать от нее деньги и дары, при каждом удобном случае грабили византийские поселения (Прок., с. 139, 140). Не веря в решимость властей наладить эффективную оборону, многие города сами создавали свои отряды, оберегая сограждан от зачисления в регулярное войско империи (ФС, с. 333, 334). Города, подвергавшиеся осаде, предпочитали откупаться от врагов (ФС, с. 309). Если Прокопий (с. 112, 142) еще считал среди «варваров» наиболее опасными вапдалов, готов и гепидов, то Маврикий уже явно выдвигает на первое место славян как главного противника империи<sup>49</sup>. И далекие от границ империи турки (Прок., с. 172) и римский папа Григорий I знали, что империя изнемогает в борьбе с ними, а папа писал с тревогой, что славяне через Истрию уже стали проникать в Италию (ЛИБИ, I, с. 378).

## ПЕРЕСЕЛЕНИЕ СЛАВЯН НА ЗЕМЛИ ИМПЕРИИ

Выше уже говорилось, что основной причиной переселения народов, в том числе славян, был углубившийся процесс социальной дифференциации, вызвавший на этом этапе

войну как перманентное занятие общества, а захват новых земель и погоню за добычей (прежде всего — движимым имуществом) — как главную их цель. Так обстояло дело, однако, до тех пор, пока славяне жили в пограничной с империей зоне. Наступил новый этап: от набегов — к прочному освоению чужой территории. К прежним причинам добавились новые — именно в пределах империи «варвары» рассчитывали на более благоприятные условия для жизни. Об этих представлениях «варваров» пишут Прокопий (с. 145, 146) и Менандр (с. 234). За полвека набегов на империю славяне убедились в том, что молва о плодородных землях империи сравнительно с территориями, которые они занимали, в целом справедлива.

Вопрос о скрытой, медленной колонизации, которая началась накануне первых набегов или отчасти им сопутствовала, остается спорным. Одни исследователи решительно отвергают эту возможность, другие считают это, напротив, несомненным<sup>50</sup>. Сторонники последней точки зрения указывают на то, что древнейший пласт славянских топонимов на Балканах приходится на горные регионы центральной и западной части полуострова, где не велись активные военные действия против славян и где мирные поселенцы с их семьями и имуществом могли чувствовать себя в относительной безопасности<sup>51</sup>.

Нет, видимо, оснований для решительного отрицания какого бы то ни было мирного проникновения славян на земли империи до крупных набегов или одновременно с ними. Но суть проблемы состоит в том, играли ли эти первые поселения существенную роль во внутренней жизни империи. И здесь, кажется, следует ответить отрицательно: массовое переселение славян, повлиявшее на ход социально-экономического развития занятых ими территорий, началось только в конце VI в.

О переходе к новому этапу славянских вторжений в Византию — к колонизации ее земель свидетельствуют события 550—551 гг., когда славяне впервые после набега на империю остались зимовать в ее пределах (Прок., с. 134—136)<sup>52</sup>. В отличие от кочевников (ФС, с. 344), конница которых не нуждалась в заготовленных на зиму кормах, а сами они не были связаны с полевыми работами, славяне ни разу до 550 г. не вторгались в империю в зимнее время. Напротив, нападать на земли славян зимой рекомендовалось византийским войскам (Мавр., с. 284). Следовательно, в поведении славян действительно произошли крупные перемены.

С образованием Аварского хаганата, особенно в последней четверти VI в., инициатива в организации наиболее крупных экспедиций против империи перешла к аварам (с ними в походы ходили преимущественно «паннонские» славяне). Империя, занятая войной с персами, не могла противопоставить аварам и славянам крупные силы. Но военное сотрудничество аваров и славян, в котором славянам отводилась подчиненная роль (что, несомненно, отражалось и на доле добычи), было отягчено противоречиями, которые со временем обострялись. Славяне ко времени утверждения хаганата вступали в новый этап (от пабегов — к переселению), тогда как основной целью аваров оставался грабеж византийских территорий. Именно ради этого, а не для последующего овладения византийскими землями, авары захватили в 582 г. Сирмий, а вскоре Сингидунум (Белград), Вимиациум (Костолац) и другие крепости, открыв себе брешь в обороне Византии<sup>53</sup>.

Колонизация славянами земель империи была процессом, не отвечающим, а противоречащим интересам господствующей в Аварском хаганате кочевнической аристократии. Она лишалась масс своих подданных и значительного воинского потенциала. Именно это обстоятельство имел в виду хаган, заявляя, что через Сирмий бегут в империю его подданные (Мен., с. 256).

Значительные размеры славянская колонизация балканских земель приобрела после утверждения аваров в Паннонии, с 60-х годов VI в. Переселение славян было ускорено аварскими разорениями византийской территории, но первыми переселенцами были славяне из не подвластных хагану районов левобережья Нижнего Дуная. Видимо, не случайно, что первоначальным ареалом их медленно продвигающегося к югу расселения стали горы. В них поселенцы находили защиту не только от византийцев (которые сами устраивали лагеря на склонах гор.—Прок., с. 136), но и от аварских и подчиненных им протоболгарских конных отрядов.

В предшествующих походах на имперские земли, причем чаще всего — в пешем строю, славяне изучили рельеф и природные условия полуострова. Первоначальное расселение в горах, вдоль узких долин, расположенных удобно для целей продвижения в глубь полуострова (с севера — на юг), не лишало их возможности заниматься земледелием в той мере, в какой это было нужно для удовлетворения своих потребностей. Как известно, дольше всех в империи сохранившие свои этнические черты славянские племена милли-

гов и эзеритов на Пелопоннесе заселили именно склоны Тайгета, что позволило им долго избегать подчинения, сохраняя занятия земледелием. Только спалив их посевы и разорив нивы, византийскому полководцу удалось склонить эти племена к покорности (De adm. imp., I, p. 234. 41—44).

Известие Иордана (с. 72), что у северо-западных границ империи славяне занимали к середине VI в. территорию от Новиодуна (близ Любляны) и Мурсианского озера (Балатона), противоречит данным византийских авторов о том, что до 70-х годов VI в. славяне должны были непременно переправиться через Дунай для нападения на империю, так как междуречье Савы и Дравы занимали гепиды, в руках которых находился и Сирмий (Прок., с. 112, 113, 117, 127, 128; Мен., с. 244; Еваг., с. 169; ФС, с. 292). Но гепиды сохраняли дружественные отношения со славянами, и не исключено, что славяне проникали в империю и через долину Савы (Прок., с. 147). О том, что зимовавшие в империи в 550/51 г. славяне уже помышляли о постоянном поселении в ней, свидетельствует и выраженное ими сначала намерение штурмовать Фессалонику (Прок., с. 135), которая с тех пор более чем на 100 лет останется предметом домогательств славянской аристократии. Не решившись напасть на город, зимовали славяне именно в горах Иллирика и Далмации (Прок., с. 135).

Авары разгромили в 567 г. гепидов, которые незадолго перед тем уступили империи Сирмий (он был взят аварами в 582 г.). Иначе говоря, плацдармом для нападений на империю могло служить междуречье Дравы и Савы уже с 567 г., куда стали переселяться и подданные хагана — «паннионские» славяне (если они не проникали сюда еще раньше). Знаменательно, что переселение славян в империю зафиксировано еще до взятия Сирмия хаганом. Очевидец событий Иоанн Эфесский сообщает, что на третьем году правления Тиверия (т. е. с 5 октября 580 по 5 октября 581 г.) славяне прошли всю Элладу, область Фессалоники и Фракию, все опустошили, захватили много городов и крепостей, заняли землю «и поселились в ней свободно, без страха, как в своей собственной»; они брали добычу вплоть до Длинных стен и «ныне (т. е. в 584 г. — Г. Л.) они расположились и живут спокойно в ромейских областях без забот и страха... они разбогатели, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия и обучены воевать более, чем ромей»<sup>54</sup>. Итак, славяне в 580—581 гг. селились уже открыто в равнинных местах, в том числе во Фракии, и захват хаганом Сирмия здесь не имел существенного значе-

ния. Эта «брешь» в имперской обороне облегчала возможности походов хагана вместе с подвластными ему славянами в пределы империи, но для переселения семей славян с их скарбом и скотом крепость Сирмий в руках хагана была скорее препятствием, чем воротами в империю. Переселения начались до овладения Сирмием и до прихода аваров в Паннонию. Их приход лишь активизировал начавшийся ранее процесс. Нет достоверных данных о том, что потоком переселения были захвачены значительные массы аваров. Лишь Константин Багрянородный сообщает, что авары вместе со славянами расселились в Далмации, предварительно опустошив ее, что в его время здесь, в Хорватии, ~~еще~~ сохранились остатки аваров, «которых и считают аварами» (De adm. imp., I, p. 142, 70—71).

Конкретные формы переселения неизвестны. Вряд ли оно совершалось в зимний период (с ноября по март) — и не только из-за неблагоприятных климатических условий, но и в силу того, что на новом месте нужно было иметь жилище и запасы продовольствия и фуража. Конечно, переселение осенью (до ноября) имело свои преимущества — к этому времени местные жители обладали запасами продовольствия. Но и возможность «самообеспечения» за счет автохтонов с увеличением числа переселенцев и разорением местного населения должна была уменьшаться. Можно допустить переселение и ранней весной, чтобы успеть на новом месте осуществить полевые работы, заложив основы благосостояния на год, устроить быт, вырастить урожай, заготовить корма на зиму. Лошадь оставалась у славян до поселения на Балканах основной тягловой силой. Лишь кочевники пасли табуны и зимой, перегоняя их на большие расстояния (Мавр., с. 279). Византийцы же (земледельцы, как и славяне) на Балканах обеспечивали на зиму сеном коней и крупный рогатый скот (хотя и на непродолжительный период) (Мавр., с. 284). Но и переселение ранней весной сопряжено с чрезвычайными трудностями: запасы продовольствия исчерпаны, копи истощены (Мавр., с. 276), на дорогах — распутица, особенно тяжелая в горах; до урожая местных жителей было далеко; к тому же весной обычно активизировались и имперские военные силы и кочевники.

Переход к пастушеству, как к основному виду производственной деятельности, в период переселения представляется маловероятным. Во-первых, пастушество невозможно без налаженного обмена с земледельческим населением, без досконального знания путей к альпийским лугам, без

Устройства там загонов и хозяйственных сооружений в целях переработки скотоводческой продукции, без обеспечения мест зимних стоянок, заготовки фуража на зиму и оборудования жилищ<sup>55</sup>. Во-вторых, пастушество предполагало разделение каждой производственной и родственной группы на две части, из которых одна должна была уходить вперед, к местам предполагаемого обитания зимой, а это резко ослабляло безопасность переселенцев. Поэтому представляется более вероятным относить массовые переселения все-таки к концу лета—осени (август—октябрь). Проблема снабжения продовольствием и военная опасность являлись, видимо, при этом решающими факторами.

Если переселение совершалось небольшими контингентами (так называемое «просачивание»), то оно было скорее всего поэтапным, при одновременном передвижении переселявшейся группы, которая за один сезон преодолевала относительно короткие расстояния. Не исключены были и остановки в пути на несколько лет. К тому же всякое переселение в эпоху средневековья (особенно раннего) при существовавшем уровне производительных сил было чрезвычайно тяжелым для общества явлением: неизбежно предполагались, особенно во враждебном иноэтничном окружении, сохранение тесных племенных связей, прочные общинные и кровнородственные отношения, вне которых отдельные семьи и малые группы были обречены на гибель. «Просачивание», если только оно вообще имело место, можно представить как примерно единовременное, хотя и медленное, распространение к югу, на Балканы, зоны расселения славян.

Основным методом заселения Балкан славянами мы считаем, однако, не такое относительно мирное проникновение, а массовое переселение, которому предшествовали крупные нападения вооруженных «войск» славян (без обозов и скарба). Военные вторжения (в том числе и — аваров) подготавливали условия для переселения: территория расчищалась от военных сил империи, уничтожались крепости, определялись места расселения (а возможно, и распределялись между племенными союзами), и лишь затем следовало массовое переселение.

Необходимо теперь остановиться на трех вопросах: о хронологии массового заселения славянами Балканского полуострова, об исходных пунктах их движения и об основных зонах поселения на Балканах.

Что касается первого вопроса, то отчасти о нем речь шла выше. Можно, видимо, говорить о трех основных «волнах»

переселения (этапах): первый начался в середине 50-х и стал особенно интенсивным в 80-х годах VI в., второй открывается 602 г., когда граница от Белграда до устья была оставлена византийскими войсками; и третий начался после разгрома аварского хагана под Константинополем в 626 г. Рассмотрим теперь два другие вопроса поочередно — для каждого из этапов.

Важнейшими источниками о славянской колонизации являются: труд Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», «Монемвасийская хроника» и «Чудеса св. Димитрия». Последний, агиографический памятник составлен очевидцами описанных ими событий<sup>56</sup> (в отличие от первых двух, которые, хотя и опираются на более раннюю традицию, созданы в X и начале XI в.). Данные «Чудес» относятся к географической области Македонии и Северной Греции. Сведения этого источника в силу его религиозной направленности в целом долго не получали должной оценки в историографии<sup>56</sup>. Появление критического комментированного издания П. Лемерля<sup>57</sup> показало со всей очевидностью ценность этого памятника, несмотря на сложности в установлении хронологии описываемых в данном источнике событий.

Первое нападение на Фессалонику, по этому источнику, которое относят к 584 г.<sup>58</sup>, было совершено организованным небольшим войском славян (его численность определена в 5 тыс.), причем горожане сразу же «узнали своим привычным слухом некоторые слова в варварском крике» (L., I, p. 128. 1—2, § 112). Скорее всего, это было войско тех славян, которые согласно сообщению Иоанна Эфесского с начала 80-х годов обосновались во Фракии, Элладе и «области Фессалоники», т. е. не столь далеко от города (горожане уже узнают их выкрики). Славяне, однако, еще не решились на штурм Фессалоники — это был скорее набег на пригороды.

Настоящей осаде город подвергся в 586 г.<sup>59</sup> со стороны аваро-славянского войска. Осаждающие прибыли после усиленного марша в течение нескольких дней, т. е. из-за Дуная и с левобережья Савы, они плохо ориентировались в районе Фессалоники (приняли ночью крепость св. Матроны за самый город). Лагерь их раздирали противоречия — часть пришедших (скорее всего — славяне) перешла на сторону горожан. Слова источника, что фессалоникийцы «никогда так близко не видели осаждающих врагов, многие горожане даже не знали их облика, кроме тех, кто записан в воинские регистры» (L., I, p. 136. 18—20, § 124), позволяют ду-



мать, что на первом плане выступали авары, еще неведомые массе горожан.

После неудачи семидневной осады хаган приказал вернуться, повелев подвластным ему славянам (L., II, p. 69) разорять Македонию и Грецию. Полагают, что эти славяне и достигли в 587 г. Пелопоннеса, что подтверждается Моневасийской хроникой, датирующей начало пребывания славян на этом полуострове как раз 587 г. (L., II, p. 70-79)<sup>60</sup>. Эти славяне уже не вернулись на земли хаганата, навсегда выйдя из его подчинения, как были уже независимы и славяне, обосновавшиеся в империи в начале 80-х годов.

Исходным пунктом славянского расселения на этом этапе были, вероятно, в равной мере и паннонские и дакийские районы левобережья Дуная, причем местом вторжений из Паннонии на имперскую землю был преимущественно район Белграда с устьем Моравы, а из Дакии — область Железных Ворот и устья р. Тимок. Именно треугольник, образуемый устьями названных рек и Нишем, включает наибольшее число воздвигнутых здесь Юстинианом византийских крепостей, как и самых древних на Балканах славянских топонимов<sup>61</sup>. Уже в этот период славянские постоянные поселения появились в большинстве тех регионов полуострова, где они известны и в VII—IX вв. Видимо, к этому времени славяне проникли и в северо-западные районы полуострова, где впоследствии обосновались сербы и хорваты. Напомним, что уже в 600 г. славяне из Далмации через Истрию проникали в Италию<sup>62</sup>.

Лишь один регион, по всей вероятности, еще оставался вне интенсивного славянского расселения — это Нижняя Мисия и Малая Скифия. Хотя какие-то славянские группы обосновывались здесь временами еще при Юстиниане I, но при нем же принимались меры к изгнанию их отсюда (Прок., с. 169—170). Вскоре же, в период частых столкновений византийцев с аварами с 70-х годов VI в. до начала VII в. Нижняя Мисия и Малая Скифия стали театром почти непрерывных военных действий. В конце VI — начале VII в. византийцы, кроме того, сделали эту область базой своих походов против славян левобережья Дуная. Иначе говоря, ситуация не благоприятствовала освоению этого региона славянами до начала VII в.

Глубокой осенью 602 г. византийские войска, получившие приказ Маврикия остаться на зимовку в земле славян, обеспечивая свои нужды за счет местного населения, взбунтовались, провозгласили императором сотника Фоку и по-

кинули дунайскую границу, двинувшись на Константинополь (ФС, с. 354—356). С тех пор до 680 г. нет известий о походах византийцев за Балканы.

Именно события 602 г. (а не взятие Сирмия аvaraми) знаменуют начало самой крупной волны славянских переселений на Балканы, когда они обосновывались целыми племенами и союзами племен. К этому времени восходят известные наименования славянских объединений на Балканах, представляющих собою Славинии — этносоциальные организмы, военно-политические территориальные единства.

После казни Маврикия 23 ноября 602 г. в течение царствования Фоки европейские владения империи были оставлены в сущности на милость аварского хагана и славян: в Константинополе кипели смуты, персы возобновили наступление на востоке. Положение оставалось крайне тяжелым и при Ираклии (610—641), все силы которого были направлены на стабилизацию власти и отражение персов и арабов. С 602 по 626 г. мы знаем о положении на Балканах лишь по одному современному источнику — «Чудесам св. Димитрия». Все сообщения этого памятника связаны с Фессалоникой и дают представление о славянах лишь прилегающих к городу областей. Однако есть основания расценивать данные об этих славянах как репрезентативные для суждения о состоянии их общества на Балканах в целом.

Во втором десятилетии VII в. (между 615—620 гг.) крупный славянский союз племен во главе с единым вождем Хацоном вновь подверг осаде Фессалонику. В союз входили объединения драгунитов, сагудатов, велегезитов, вайюнитов, берзитов и «прочих народов» славян (Л., I, р. 175, § 179)<sup>63</sup>. Судя по данным «Чудес» и более поздним сообщениям, берзиты занимали местность между Скопье и Охридом, драгуниты — по среднему и нижнему течению Вардара, сагудаты — к западу от Фессалоники, вайюниты — в Эпире (против о-ва Корфу), велегезиты — в Фессалии (ВНИИ, I, с. 189—200). Среди «прочих народов» следует, видимо, усматривать смолян, живших по р. Месте, далее — славянское объединение по р. Струме (Стримону) и проживавших где-то близ Фессалоники ринхинов<sup>64</sup>. Наименования этих племен, не упомянутых при описании 3-й осады, известны по описанию 5-й, а также из более поздних известий. Конечно, их участие в 3-й осаде предположительно.

Полагают, что до этой осады упомянутые славянские объединения обосновались постоянно в названных районах только после неудачи под Фессалоникой (Л., II, р. 87—93). Нам это мнение представляется несостоятельным. Назван-

ные славинии, отчасти переселившиеся готовыми соединениями (это те, собственные племенные названия которых образованы не от топонимов, т. е. драгуниты, вайюниты, сагудаты и велегезиты), отчасти сформировавшиеся либо в пути, либо на месте из разных групп, среди которых не было явно господствующей (это смоляне, берзиты, ринхины и славяне у Струмы — их названия образованы от топонимов или особенностей заселенной ими местности), оказались на территории империи вскоре после 602 г. и вскоре же обрели постоянные места обитания. Только при такой интерпретации событий могут быть поняты некоторые их детали. Так, например, еще до осады славяне ограбили не только ряд районов материка, но и острова Эгейского и Ионического морей. Основной удар по Фессалонике славяне рассчитывали нанести с моря, т. е. со своих судов. Именно там они потерпели главный урон — флот их был уничтожен. Изготовление крупного флота было невозможно, так сказать, «с ходу», не говоря уже о предваряющих осаду морских набеггах на острова. Это предполагало постройку судов на месте (вряд ли эти ладьи славяне перевели к Фессалонике с Дуная). Трудно допустить и то, что флот был доставлен по суше к таким рекам, как Вардар, Струма и Марица, и по ним был сплавлен до моря. Термин «моноксилы», обычно переводимый лишь буквально как «однодеревки», может ввести в заблуждение, о чем применительно к «моноксилам» Константина Багрянородного уже сказано в историографии (De adm. imp., II, p. 23—25). С однодеревок, поднимающих до 4 человек, связанных попарно и снабженных настилом (в «Чудесах св. Димитрия» рассказ о 5-й осаде упоминает о судах, связанных попарно, имеющих палубу и закрытых сверху крышей от камней, копий и стрел осажденных. — L., I, p. 211. 19, § 243; p. 216. 30, § 262), невозможно было вести штурм стен с моря, не говоря уже об установке на судах осадных лестниц или орудий. Если считать «моноксилы» подлинно однодеревками, нельзя понять расчета славян на главный удар с моря. Речь шла, вероятно, о набойных судах, способных плавать по морю и поднимающих до 20—40 воинов (ФС, с. 326, 327)<sup>65</sup>. Доставка же таких судов с севера Балкан по суше, особенно через горы к Ионическому морю, представляется нам совершенно реальной.

Потерпев неудачу, славяне отправили послов к хагану, прося о помощи и обещая богатую плату после овладения городом, помимо того, что он сам возьмет в походе. Хаган после тщательной подготовки прибыл через два года с

огромным войском из аваров и подчиненных ему племен. Началась 4-я осада, но солунцы от нее откупились.

Следовательно, эти славяне, вступившие в соглашение с хаганом как равноправная сторона, были независимы от него еще накануне осады. Мы полагаем, что они не зависели от хагана и в момент переселения, отправным пунктом которого было, скорее всего, дакийское левобережье Дуная: если верна датировка 3-й осады, то поход хагана к Фессалонике приходится на конец 10-х — начало 20-х годов VII в., когда хаган уже приступил к подготовке экспедиции против Константинополя (626) и, несомненно, укреплял свою власть над славянами Паннонии и контролируемых им к югу районов. К этому времени относится падение последних крупных городов в центре полуострова — Ниша и Сердики (L., II, p. 103), до которой только, видимо, простиралась территория, заселенная освобождающимися от сюзеренитета хагана славянами.

В это время происходило, скорее всего, и заселение славянами территорий между Балканами и Дунаем: еще до третьей осады Фессалоника стала убежищем для населения, бежавшего из придунайских земель, в том числе — из «Дакии» (L., I, p. 185, 20—21, § 197). Одновременно увеличилось число славян и на северо-западе полуострова, после того как эти места были опустошены в набегах аваров и славян (Константин VII многократно говорит при этом лишь об аварах. — De adm. imp., I, p. 148. 17—21; p. 152. 23—25; p. 160. 8; p. 164. 7—8). Если проникшие в этот регион славяне в ходе первой волны приходили сюда нередко, как полагают<sup>66</sup>, с юга и востока, (т. е. принадлежали к перешедшим Дунай «дакийским» славянам), то теперь это были, вероятнее всего, по преимуществу «паннонские» славяне, признававшие до переселения власть хагана.

На третьем этапе, после разгрома войск хагана под Константинополем, имела место, возможно, лишь адмиграция славян: мы знаем о приходе сюда примерно в 20—30-х годах VII вв. хорватов и сербов<sup>67</sup>. Видимо, сербы и хорваты пришли не из Подунавья, а из областей, лежащих к северу от Карпат, в верховьях Вислы и Эльбы<sup>68</sup>.

Следует также поставить вопрос о том, не было ли среди славянских племен на Балканах таких, которые в первой половине VII в. пришли сюда не после длительного пребывания на левом берегу Дуная, а непосредственно из отдаленных регионов Центральной и Восточной Европы. Возможно, повторяющиеся на карте Европы славянские этнонимы свидетельствуют о направлениях миграции славян;

так, известны хорваты на Руси, в Центральной Европе и на юго-западе Балкан, абодриты на Дунае и ободриты на Одре и Эльбе, дулебы на Руси и в Центральной Европе; северам, драгувитам, смоленам и кривитеинам на Балканах соответствуют северяне, дреговичи, смоляне и кривичи русской летописи<sup>69</sup>. Не исключено, что в VII в., помимо хорватов и сербов, на Балканы пришли и другие славянские объединения из Восточной и Центральной Европы. Может быть, на этом этапе появились и такие славянские союзы, известные из более поздних источников, как «тимочане», «мораване», «абодриты-преденеценты». И все-таки период, последовавший за 626 г., ознаменован в целом (исключая, может быть, только северо-запад полуострова) не столько новой крупной волной славянского заселения, сколько освобождением от аварской зависимости тех из них, которые ее признавали до 626 г., и оформлением территориальных пределов каждого племенного объединения славян.

### СУДЬБЫ СЛАВИНИЙ НА ЗЕМЛЯХ ИМПЕРИИ

К середине VII в. заселение славянами Балканского полуострова завершилось. Славяне стали основным демографическим элементом на полуострове. Немало районов они заселили на юге Балкан, включая Грецию и Пелопоннес, и на востоке, вплоть до прилегающей к Константинополю части Фракии. Ограниченные анклавные селения среди масс славянского населения образовывали здесь селения автохтонов, численность которых оставалась значительной в уцелевших приморских городах и в их округе.

Проблема симбиоза автохтонного (как романского и романизованного, так и греческого) населения и славян составляет одну из важнейших спорных проблем. Суть ее состоит в определении форм и последствий влияния, с одной стороны, местного населения на славянское общество, а с другой стороны, славян на развитие балканских провинций империи.

В славянской историографии нередко преувеличивается второй аспект проблемы, в греческой и западно-европейской обычно — ее первый аспект.

Сохранившийся фонд источников, отличающийся для этой эпохи (она обозначается как «темные века») крайней скудностью сведений, при тенденциозном отборе фактов способен «оправдать» и ту и другую позицию.

Судя по сообщениям Прокопия, Менандра и Феофилак-та Симокатты о массовой гибели византийцев от оружия

«варваров», о массовом пленении оставшихся в живых, о повальном бегстве остальных в крупные города, следовало бы заключить, что местного населения на Балканах вообще не сохранилось. И по данным «Чудес», Фессалоника оказалась единственным убежищем, в которое сбежали жители из «Паннонии, Дакии, Дардании и других эпархий и городов», а остальные из «обеих Панноний, обеих Дакий, из Дардании, Мисии, Превалитании, Родопы и всех других эпархий, как и из Фракии вплоть до Длинных стен», были уведены за Дунай (L., I, p. 227. 18—228, 6, § 284).

Действительно, жизнь балканских провинций в эпоху массовых вторжений гепидов, гуннов, протоболгар, и особенно славян и аваров была дезорганизована. Однако масштабы вторжений — по крайней мере до середины VI в. — преувеличены<sup>70</sup>. Прокоций противоречит себе, сообщая о грандиозном строительстве крепостей по Дунаю и во внутренних провинциях полуострова, предполагающем участие огромных масс местного населения. Говорит он и о конных императорских заводах во Фракии (Прок., с. 148), о крупных городах Редесто и Ираклия (с. 173, 174), о многолюдной деревне Веллур в Родопе (с. 175). Еваргий (с. 263) упоминает о наборе воинов в 70-х годах в Мисии и Иллирике. О крупных деревнях близ Анхиала говорит Симокатта (с. 293, 299, 309), как и о пострадавших от набега аваров местных жителях Мисии и Малой Скифии, и о том, что население округа Верои (Стара Загоры) в 80-х годах оказало упорное сопротивление аварам, а сам город откупился от хагана. Перечень такого рода фактов можно продолжить. Если в середине VI в. сельское население еще могло спастись в городах или отходить в менее затронутые набегами провинции, то к концу столетия это стало невозможным: немногочисленные уцелевшие города не могли ни принять, ни снабдить всех беглецов, нашествию же подверглись буквально все провинции на Балканах. Бежать стало некуда. Только Монемвасийская хроника упоминает о бегстве от славян жителей города Патры в Италию (Калабрию) и на острова, лаконцев — в Сицилию, а части жителей Пелопоннеса — в неприступные горы<sup>71</sup>. Представляются маловероятными и массовая эмиграция, и уничтожение, и пленение большинства автохтонного населения, хотя оно, несомненно, значительно поредело. Осуществленное в начале IX в. Никифором I переселение ромеев в Македонию и на Пелопоннес не могло сказаться столь решительно на демографической картине юга полуострова, а именно — на превращении уже к началу X в. греческого элемента в преобладающий.

Местное население, конечно, сохранилось во всех провинциях, хотя и в разных пропорциях — его плотность возростала с севера на юг и с северо-запада на юго-восток полуострова. Часть его, видимо, действительно ушла в горы; недаром именно в горах по преимуществу сохранилась фракийская топонимия<sup>72</sup>. Отразившие нападения города, признавая власть Константинополя, выплачивали, по всей вероятности, славянским вождям дань, как это делали еще в IX в. города Далмации (De adm. imp., I, p. 146. 124—133) и как поступали во время набегов аваров и славян города Мисии и Фракии уже в VI—VII вв.

Но каковы были судьбы деревенского населения? Имеется на этот счет любопытное свидетельство Михаила Сирийца (автора XII в.), пользовавшегося трудами писателей VI—VII вв., в том числе сочинением Иоанна Эфесского. Он пишет, что в 584 г. авары и славяне говорили жителям городов империи: «Выходите, сейте и жните, мы возьмем в качестве дани только половину»<sup>73</sup>. Известно, что в Аварском хаганате платить дань было обязано славянское население<sup>74</sup>. Вполне возможно, что подобными повинностями было отягчено и автохтонное население на Балканах в контролируемых хаганом районах. «Чудеса св. Димитрия» свидетельствуют о значительном социальном прогрессе славянского общества, и было бы маловероятным, если бы попавшие под власть славянских вождей селяне — автохтоны ничего не вносили новым повелителям. Славяне и автохтоны (прежде всего греки) жили, несомненно, по соседству. Когда в 805 г. восстали славяне Пелопоннеса, они «сначала разграбили дома соседних греков» (De adm. imp., I, p. 228. 5—6). Если бы дело обстояло иначе, был бы совершенно не объясним факт ассимиляции большинства славян в X—XI вв. в Южной Фракии, Греции и на Пелопоннесе, и напротив — факт ассимиляции греков в Средней и Северной Македонии, в Северной Фракии и на черноморском побережье Мисии. О сокращении коренного населения свидетельствуют почти полная замена прежней топонимии на славянскую в Македонии<sup>75</sup> и археологические материалы, констатирующие насильственное прекращение жизни в ряде городов в конце VI — начале VII в. (следы пожаров и разрушений, отсутствие монет этого времени — в Димитриаде, Афинах, Коринфе и др.)<sup>76</sup>.

Однако не все районы полуострова пострадали одинаково: компактные массы греческого населения сохранились во Фракии, в черноморских городах Томи, Одесс, Месемврия, Анхиал, Созополь, в прибрежных областях Македонии

(с Фессалоникой), Средней Греции (с Афинами), Эпира (с Диррахием), Пелопоннеса (с Коринфом), на островах Эгейского и Ионического морей (которые хотя и подверглись нападениям, но не были заняты славянами). Удалось империи удержать и часть городов Далматинского побережья<sup>77</sup>.

О городах внутренних провинций от VII—VIII вв. почти нет известий. На VI Вселенский собор 680—681 гг. и на собор 691—692 гг. являлся лишь епископ г. Стоби — видимо, городу удалось установить мирные отношения с драгувитами<sup>78</sup>. В «Чудесах», в рассказе об обосновании на Керамисийском поле воинства Кувера сообщается, что пришедшие с ним потомки плененных некогда аварами ромеев стремились на родину предков: в Фессалонику, Константинополь и «другие сохранившиеся города Фракии» (L., I, p. 229. 1—3, § 288), которые оставались под властью империи.

Можно предполагать, что когда обстановка на полуострове стабилизировалась, коренное население, укрывавшееся в труднодоступных местах, возвращалось в родные места, если, конечно, они не были заняты славянами. Х. Эверт-Каппесова предполагает, что одним из условий договора хагана с Фессалоникой после 4-й осады (L., I, p. 189. 12—16, § 213) было признание хаганом права беженцев, укрывавшихся в городе, беспрепятственно вернуться в свои земли<sup>79</sup>. В «Житии 15-ти Тивериупольских мучеников» при изложении событий этой эпохи упоминается о жителях-христианах в долине Струмы, пытавшихся обратить пришельцев-язычников в христианство<sup>80</sup>.

Поселение в новом географическом и климатическом регионе, длительное проживание по соседству с коренным населением ускорило, несомненно, перемены в хозяйственной системе и в общественной структуре славян. Оседая на землях империи, они занимали преимущественно области, удобные для земледелия в долинах Струмы, Вардара, Марицы, Моравы, на плодородных равнинах Фракии, Южной Македонии, Фессалии. Это были возделываемые поля со сложившейся агрикультурой, что, безусловно, благоприятно отразилось на общем уровне сельскохозяйственного производства. О появлении значительного прибавочного продукта говорит тот факт, что в 70-х годах VII в., во время 5-й осады Фессалоники, ее жители купили крупную партию продовольствия (зерна, бобовых) у велегезитов в Фессалии (L., I, p. 214. 9—13, § 254). Вскоре драгувиты обеспечили содержание многотысячного воинства Кувера (L., I, p. 229. 10—13, § 289).



Особенно значительные перемены в хозяйстве должны были произойти у тех славян, которые поселились в так называемой «оливковой зоне», захватывавшей южные районы Фракии, Македонии и Эпира. Здесь преобладали интенсивные формы земледелия (виноградарство, оливководство, возделывание цитрусовых, овощеводство и садоводство). Видимо, и эти формы земледелия были быстро освоены славянами: велегезиты продавали и сушеные фрукты (L., I, p. 218. 1—2, § 268).

Данные о распространении древнейших славянских топонимов свидетельствуют о поселении (видимо, в конце VI—VII в.) славян не только на равнинах, но и в горах Иллирика и Македонии, в Родопах, на Пинде и Тайгете. Здесь, возможно, земледелие сочеталось с пастушеством. К сожалению, археология дает для изучения хозяйственной деятельности славян на Балканах в VI—VIII вв. меньше, чем для любого другого региона славянского мира. Славянские находки на юге Югославии и в Греции единичны, а находки IX—X вв. трудно поддаются интерпретации. Согласно мнению одних, славяне длительное время сохраняли традиционные формы жизни и деятельности, судя по материалам раскопок в Румынии и Болгарии. В. Попович проводит мысль, что термины *хаса* и *σκηνή* (хижина, шалаш), употребляемые в «Чудесах» применительно к славянским жилищам, означают хорошо известную полуземлянку<sup>81</sup>. Действительно, болгарские археологи показали, что славяне и на землях империи не сразу отказались от привычного типа жилища<sup>82</sup>. Но есть факты и об использовании славянами покинутых коренным населением жилищ, и о ремонте городских помещений под новые жилища<sup>83</sup>. Скорее всего, почти полное отсутствие славянского археологического материала VI—VIII вв. объясняется тем, что влияние более развитой, чем у славян, материальной культуры привело к быстрому сглаживанию специфики орудий труда, бытового материала у славян в южной и центральной части полуострова<sup>84</sup>. Раскопки в Болгарии также свидетельствуют, что основные сельскохозяйственные орудия VII—IX вв. местного и соседнего византийского населения практически неотличимы, что оправдывает вывод об их заимствовании славянами как более совершенных и соответствующих новым условиям<sup>85</sup>.

Второе крупное изменение в хозяйственной жизни славян на Балканах было связано с отказом от использования в качестве тягловой силы лошади, которая в целом играла эту роль в крестьянском хозяйстве почти по всему славянскому

ареалу к северу от Дуная<sup>86</sup>. До переселения на Балканы у славян преобладало разведение крупного рогатого скота, что обычно свойственно земледельческим народам. Так было в первое время и после переселения согласно раскопкам с. Попино под Силистрой. Причем и на мясо использовался прежде всего крупный рогатый скот, а с VIII в.— овцы, козы, свиньи<sup>87</sup>. Ясно, что крупный рогатый скот стали держать ради молока, ибо среди костей крупных животных, найденных в этом славянском поселении, вообще нет костей молодняка. Мы считаем, что объяснение этому может быть связано с переходом славян к использованию в качестве тягловой силы главным образом быков, волов, как это издревле имело место на Балканах, где лошадь служила для войны, а также как верховое и вьючное животное.

Славяне испытывали благотворное воздействие более высокой производственной культуры и в сфере ремесла. Это проявилось в строительстве жилищ, в технике изготовления керамики. Наименее заметным это влияние было в Мисии, поскольку здесь сохранилось меньше коренных жителей<sup>88</sup>. Материалы славянских некрополей IX—X вв. на Струме, Вардаре, Брегалнице и в Родопах показывают, что славянское ювелирное искусство испытало воздействие византийского и в технике обработки металлов, и в системе декорирования изделий<sup>89</sup>.

Процесс отделения ремесла от сельского хозяйства у славян ускорился. В «Чудесах» рассказывается об искусном мастере (τεχνίτης), который изобрел и соорудил по предварительно разработанной схеме особое осадное орудие; славянские плотники строили всевозможную осадную технику, ладьи и суда для рек и морского плавания, плоты для переправ, а также так называемые «связанные корабли», напоминающие, по-видимому, «двукормовые суда» византийцев для переправы конницы и для осады крепостей с моря (используя их устойчивость) (L., I, p. 211. 19, § 243; 216. 30, § 262). Упомянуты в «Чудесах» и изготовители стрел, т. е. ремесленники, занятые металлообработкой (L., I., p. 219. 10—14, § 273). Судя по видам вооружения славян (мечи, копья, щиты, шлемы, доспехи и т. д.), не уступавшего в это время византийскому, они имели опытных оружейников. Ремесло дифференцировалось. Наличие у славян коней (на Пеллопоннесе славяне в IX—X вв. занимались коневодством.— De adm. imp., I, p. 256. 199—204) предполагает развитие седельного производства, а развитие мореплавания, в котором славяне были весьма искусны,— существование обслуживающих этот вид деятельности ремесел (из-

готовление парусины, канатов, производства смолы) (L., I, p. 175. 4—10, § 179; p. 177. 15—18, § 186; p. 220. 5—12, § 277). О гончарном и металлургическом производстве позволяют судить и данные археологии.

Налицо несомненный хозяйственный прогресс, появление заметного излишка, который мог быть употреблен на цели обмена. Обмен стал, видимо, развиваться и внутри славянского общества (между ремесленниками и земледельцами, крестьянами и пастухами и т. п.), и между славянами и византийцами. Сохранившиеся города империи были стеснены в своей сельскохозяйственной деятельности. Жители и Сирмия, и Белграда, и Фессалоники в VI—VII вв. занимались земледелием и даже жили на полях и виноградниках во время сбора урожая (Мен., с. 293; L., I, p. 137. 11—14, § 127; p. 185, 31—36, § 199). Но их посевы нередко начисто уничтожались во время нашествий.

П. Лемерль отмечает, что «Чудеса» изображают Фессалонику как город, целиком зависящий от снабжения с моря (L., II, p. 79). А приморские города в основном и сохранились на Балканах в славянском окружении. Недостаток продовольствия в них был перманентным в эту эпоху, и в мирные периоды славяне и ромей-горожане вступали в торговые связи.

В середине VII в. опыт общения между ромеями и славянами на землях империи уже насчитывал около столетия. Наиболее интенсивным оно было в округе Фессалоники. «Чудеса» сообщают многочисленные факты взаимных изменений, т. е. переходов славян (особенно если ими предводительствовал хаган) на сторону фессалоникийцев и, напротив, — о бегстве горожан к славянам<sup>90</sup>.

Изменения в хозяйственной структуре, а также тесный контакт с коренными жителями привели к переменам и в социальной жизни славян. Нет оснований, однако, предполагать, что формы землевладения и землепользования у славян коренным образом изменились под воздействием найденных ими на новом месте аграрных отношений. Рабовладельческие и колонатные отношения в балканских провинциях еще накануне массовых вторжений славян находились в глубоком упадке. Славяне лишь довершили дело: еще сохранявшиеся рабовладельческие виллы, имения, основанные на колонате, были сметены «варварским» нашествием<sup>91</sup>. Славяне принесли с собою свойственные их обществу аграрные порядки: вероятнее всего, это была земледельческая община, находящаяся в стадии перерастания в общину соседскую (марку) и характеризуемая сохранением верхов-

ной собственности на пахотную землю (с возможными периодическими ее переделами), сильными пережитками кровнородственных отношений, закреплением приусадебных участков в индивидуальное постоянное пользование больших и малых семей<sup>92</sup>. Косвенное указание на ведение каждой семьей индивидуального хозяйства содержится в «Чудесах»: славяне доставляли с полей урожай в собственные дома. Е. Э. Лишиц дала конкретную картину быстрого перерастания в новых условиях земледельческой общины в соседскую, основываясь на данных Земледельческого закона<sup>93</sup>. Независимо от местонахождения византийской провинции<sup>94</sup>, в которой был записан закон, он, по-видимому, отражал отношения, близкие к существовавшим на Балканах в VII—VIII вв., так как был создан в сходной ситуации (на землях империи, подвергшихся нашествию «варваров»). Отнюдь не случайной была большая популярность Земледельческого закона в славянских странах. Возникновение же соседской общины, в которой пахотный надел превращался в собственность каждого общинника с правом его отчуждения (в аллод), неминуемо вело к дальнейшему углублению имущественной дифференциации и социального неравенства.

Низшей социальной категорией в славянском обществе, как и ранее, оставались рабы. Чаще всего их, однако, предлагали византийцам (т. е. соотечественникам) выкупить или же продавали тем славянам, которые, давно не участвуя в набегах, имели на рабов спрос (L., I, p. 213, 8—13, § 249). Обладание рабами, становившимися челядинцами, оруженосцами, слугами, было, видимо, престижным. Но находили рабы применение и в производстве. В «Чудесах» сообщается, что захваченный на пути в Фессалонику, у берегов Эллады (или на море близ нее) следующий в Константинополь епископ Киприан был отведен славянами «в их землю» и стал рабом славянина, определившего его ухаживать за скотом (L., I, p. 237. 4—238. 7, § 307—308). Но рабство, изживавшееся и в империи, не получило у славян широкого развития — оно уже не соответствовало наметившейся линии развития. Обобщая большой материал о развитии догосударственных обществ, этнологи пришли к выводу, что при недостаточной глубине социальной дифференциации рабовладение становится фактором не прогресса, а стагнации в развитии общества<sup>95</sup>.

Безусловно, большинство общества по-прежнему составляли свободные общинники. Намеки на их скудный быт имеются в «Чудесах», но конкретной картины их жизни мы

не знаем. Резкие социальные различия, как мы увидим, между рядовыми славянами и их высшим слоем, позволяют думать о начальных формах систематической эксплуатации общинников возвысившейся верхушкой.

Об имущественной и социальной дифференциации среди славян говорит уже свидетельство, что совершившее набег на Фессалонику в 584 г. славянское войско в 5 тыс. человек было хотя и не многочисленным, как подчеркнуто в источнике, но крепким и сильным, так как все состояло из отборных (ἐπιλέκτους) и опытных воинов, представляло собой «отборный цвет всего народа славян» (τὸ παντὸς τοῦ τῶν Σκλαβίνων ἔθνους τὸ ἐπιλεκτὸν ἄνθος)<sup>96</sup>. Это были уже не рядовые общинники-славяне, лишь эпизодически участвовавшие в походах, а постоянно находившиеся на службе воины, обладающие лучшим, не доступным для ополченцев вооружением. Мы вправе предполагать, что в данном случае перед Фессалоникой были объединенные дружины вождей нескольких славянских союзов. Члены этих дружин выделялись из массы своих соплеменников, они окружали вождя, частично или полностью состояли на его содержании и, может быть, уже не были заняты постоянным крестьянским трудом<sup>97</sup>.

Согласно другому известию «Чудес», во время двухлетней осады Фессалоники в 676—678 гг. в штурме участвовали разделенные на специальные отряды лучники, щитоносцы, легкие части, копьеносцы, пращники и воины, обслуживающие осадные машины (L., I, p. 216. 30, 217. 1, § 262). Маврикий (с. 283, 289) подчеркивал ранее, что славяне представляют собою легковооруженную пехоту. Теперь же в их войске выделяются «гоплиты» — тяжело вооруженные воины (L., I, p. 220. 24, § 279). Все это предполагает разные виды оружия и, разумеется, его различную стоимость — даже в Византии в IX—XI вв. воины комплектовались по родам войск (легкая и тяжеловооруженная пехота, легкая кавалерия, всадники-катафракты и моряки) в прямой зависимости от имущественного состояния. Каждый из упоминаемых в «Чудесах» отрядов по родам войска был скорее всего укомплектован в целях более планомерной и тактически эффективной осады на месте, под стенами города, из представителей различных славянских объединений.

Весьма важно сообщение того же памятника, что во время осады 676—678 гг. славянские воины создавали невиданные ранее осадные орудия, делали особые мечи и стрелы и вообще, «один перед другим стараясь проявить себя

более благомысленными и усердными, чем остальные, стремились помочь предводителям (ἡγουμένων) племен» (L., I, p. 218. 22—27, § 271). Указано не только на авторитет вождей, который признавали рядовые воины, но и на опасение этих воинов вызвать неудовольствие предводителей. Отдельные вожди имели в личном подчинении воинов и обслуживающих войско людей, выделяя в случае необходимости дровосеков, опытных плотников, кузнецов, мастеров по изготовлению стрел (L., I, p. 219. 10—14, § 273).

Все это дает основание думать, что вожди уже имели право использовать не только ратный, но и мирный труд подвластных людей на месте постоянного расселения. К 70-м годам VII в. славяне уже жили в основном мирной жизнью; часть их признала, хотя бы формально, сюзеренитет империи. Их частые ранее военные экспедиции с целью захвата добычи уходили в прошлое. Занимавшиеся мирным трудом славяне, получившие на новом месте возможность достигнуть более высокого уровня благосостояния, утрачивали интерес к военным предприятиям. Должны были в их среде усилиться и опасения за безопасность их семей: поражение в новых условиях грозило теперь непосредственно их очагам. Выгоды от войны отступали на второй план перед преимуществами мирного труда.

Традиции строя военной демократии давали себя знать все реже. До 70-х годов VII в. славяне еще отправлялись в военные походы. Однако теперь это были в основном морские экспедиции на острова Эгейского и Ионического (и даже Мраморного морей), на побережья отдаленных районов: именно там они еще находили добычу и именно оттуда не опасались ответных ударов. Организаторами экспедиций были, несомненно, вожди племен и окружавшая их знать. В морских набегах славяне, особенно жившие по Струме, и ринхины достигали побережий Азии. Особый интерес они проявили, по-видимому, к морским портам со складами и торговыми судами и к таможенным пунктам империи с их кассами коммерциариев, в частности — к Авидосу и его округе (L., I, p. 220. 5—11, § 277), как это было свойственно аварам и другим «варварам». Согласно трактовке событий в «Чудесах», именно после набега славянского флота на побережье Дарданелльского пролива и Мраморного моря, когда они осмелились противостоять самим «правлящим» (т. е., надо думать, самим императорам), против них был организован поход Константина IV, направленный прежде всего против славян в долине Струмы (L., I, p. 220. 12—221. 2, § 279, 280). Термин τοὺς κρατοῦντας (множествен-

ное число) предполагает, что поход состоялся до 681 г., когда Константин IV отстранил от власти братьев-соправителей (Ираклия и Тиверия). Во время набега славяне столкнулись, видимо, уже с царскими судами или ограбили императорских чиновников (коммеркиариев?), чем и вызвано замечание, что славяне подняли руку на «правлящих».

Помимо естественно совершавшегося процесса социального расслоения, к усилению эксплуатации рядовых общинников славянскую аристократию должно было побуждать свертывание военных предприятий: на смену экстенсивным формам обогащения и упрочения своего социального господства должны были приходиться интенсивные формы. Первуд, вождь ринхинов, казненный из-за подозрений в заговоре с целью захвата Фессалоники, владел греческим языком, часто бывал в городе (он и был арестован во время пребывания в нем), имел среди знати города друзей (L., I, p. 209. 7—18, § 231, 232; p. 209. 29—31, § 235). Конечно, он был не только военным предводителем союза славянских племен (или племени), но и главой племенной аристократии, обладал богатствами, сделавшими его своим среди городской знати. Возможно, он как сын вождя еще ребенком воспитывался в Фессалонике. Положение славянской аристократии определялось, по-видимому, принадлежностью к знатым родам, военными заслугами и богатствами<sup>98</sup>.

Было бы, разумеется, весьма важно определить конкретное содержание тех понятий, которыми византийские авторы VII в. обозначали вождей и племенную знать славянских объединений (архонты, склавархонты, экзархонты, филархи, этнархи, таксиархи, игемоны, игумены, рексы)<sup>99</sup>. К сожалению, эти термины, оставшиеся почти неизменными сравнительно с рубежом VI—VII вв., как и с VIII—IX вв., были традиционными для византийской историографии; различия между этими понятиями практически невосприимчивы. Полагают, однако, что именно рексы обладали сравнительно большей властью и могуществом и были, видимо, в отличие от других, самостоятельными, никому не подвластными, стоящими во главе отдельных племен или племенных соединений.

В отношении славянских вождей в центральной части Балкан для VII—VIII вв. в «Чудесах», у Феофана и Никифора употребляются обычно понятия «архонт», «рекс», «экзархонт», «игемон». Учитывая достоверность сведений «Чудес», было бы очень важно разобраться в особенностях терминологии этого памятника. Существенно, что в нем понятия «игемоны» и «архонты» используются преимуще-

ственно во множественном числе. Это, видимо, люди из высшего слоя. Они сами участвовали в сражениях, руководили подготовкой к осаде, наблюдали за строительством осадных сооружений (L., I, p. 218. 26—27, § 271). Рекс же поставлен над архонтами и игемонами. Рексом в «Чудесах» последовательно обозначается наиболее видный из вождей Первуд. То, что рексу принадлежала высшая власть во время военных операций над всеми их участниками (или только над одним из объединений племен), видно из эпизода с мастером-строителем осадного сооружения. Разрешение на его строительство мастер испрашивал у «самого рекса» (τὸν ῥῆγα αὐτόν), а затем уже работами руководили «архонты» (L., I, p. 218. 29, § 271). Рексы решали вопросы войны и мира: славяне со Струмы, узнав о выступлении императора, обратились за помощью к «разным рексам» (ἐκ διαφόρων ῥηγῶν) (L., I, p. 220. 19, § 278); «рексы драгувитов» единодушно решили начать войну против города (L., I, p. 214. 19—20, § 255). Рекс, следовательно, был «первым из архонтов», как это сказано о Кувере, у которого Мавр был «одним из выдающихся его архонтов» (L., I, p. 229. 18—21, § 291).

Но то же самое о понятии рекс мы сказали выше и для VI в.; то же самое, видимо, следует сказать и о термине «экзарх». В «Чудесах» им обозначен единожды Хацон, возглавлявший славянские племена во время осады Фессалоники в 615 (?) г., т. е. это понятие имеет значение «предводитель войска». Это подтверждается другим местом памятника: во время совместной осады аваров и славян Фессалоники их «экзархом... был хаган» (L., I, p. 189. 7, § 212), т. е. он являлся высшим военачальником. Точные славянские эквиваленты названных выше византийских терминов трудно определимы. Предлагались такие понятия, как «жупан», «старейшина», «князь», «король». В славянском средневековом переводе эпизода «Чудес» Первуд поименован «князем», архонты — «старейшинами», но это попытка позднего осмысления<sup>100</sup>.

Нерешенным остается вопрос о резиденциях славянских вождей. Что касается округа крупных городов, то резиденцией могло быть приведенное в порядок поместье близ города, проагий или вилла; вождь мог иметь свой дом непосредственно и в самом городе. Археологи заключают, что, несмотря на следы частичного приспособления под жилье городских строений, в целом старые города (Доростол, Ниш, Охрид, Сердика, Скопье и др.), оказавшиеся в руках славян, переставали функционировать в качестве городских



центров в подлинном смысле слова<sup>101</sup>. Особенно ясно это видно там, где не было временного отвоевания городов империей, как, например, в Нижней Мисии. Отнюдь не случайно, что ни одна из первых столиц Болгарии не была основана на месте старого имперского города. В VII—VIII вв. уровень экономического и социального развития славянского общества, по-видимому, еще не достиг той зрелости, когда город возникает и функционирует как необходимый элемент системы, ее хозяйственный, социальный и общественно-культурный институт. Не использовались, вероятно, эти старые (кстати говоря, разрушенные или полуразрушенные) города на территории славянских объединений и в качестве крепостей: оборонять крепости славяне еще не умели, не говоря уже о том, что их предварительно нужно было восстановить, что также предполагало навыки в строительстве, а главное — достаточно высокий уровень эксплуатации, наличие больших средств, развитую систему организации власти. Всего этого у славян той эпохи еще не было.

Об особенностях связей между союзами племен и их отношениях с византийцами позволяет судить описание 5-й (последней) осады Фессалоники в 676—678 гг. Осаде предшествовали мирные отношения окружающего город славян с его жителями. Вождь ринхинов Первуд бывал частым гостем в городе. Но вот управитель города донес императору, что Первуд злоумышляет против Фессалоники. Было велено доставить его в Константинополь. Первуд был схвачен в городе. Тогда «весь народ славян (а именно — обе его части, т. е., что с Ринхина, а также со Стримона) решил вместе с городом просить вышеназванного повелителя, чтобы были прощены его прегрешения и он был отправлен к ним...» (L., I, p. 209. 12—13, § 232). Опытные граждане с посланцами из выдающихся (ἐκλεκτῶν) славян прибыли к царю. Он готовился в поход против арабов и обещал отпустить Первуда после войны. Вождь был освобожден от оков, ему дали все необходимое для жизни. Узнав об этом, славяне «поуспокоились в их ярости». Однако один из переводчиков царя, пользующийся доверием его и византийских архонтов, уговорил Первуда бежать из столицы в имение переводчика во Фракии под Визой. Узнав о его исчезновении, император повелел выслать отряды конницы и корабли на поиски беглеца. Был послан быстроходный корабль в Фессалонику с вестью о бегстве и приказом позаботиться о безопасности и запасах продовольствия ввиду ожидаемого нападения славян. Но Первуда обнаружили, и автор

«Чудес» считает чудом, что Первуд, находясь так близко от «других славянских племен» (во Фракии), не бежал к ним из имения. Первуд был снова взят под стражу — сохранилась договоренность, что «при определенных обязательствах он будет отпущен». Но Первуд снова пытался бежать. На допросе он заявил, что если бы ушел «в свое место», то более не помышлял бы о мире, а «собрал бы близлежащие к нему племена» и не оставил бы не затронутого войной района на суше и на море, пока сохранялся в живых хотя бы один христианин. Первуд был казнен. Славяне со Струмы и с Ринхина, а также сагудаты в ответ на это осадили Фессалонику.

Началась двухлетняя осада. Поля остались незасеянными, скот вне стен был захвачен врагами. Правители города, обуреваемые жаждой наживы, распродали государственные запасы хлеба перед самой осадой иногородним, успешным вывезти его на судах. Начался голод. Жители стали искать спасения в бегстве к славянам. Но те, видя множество беглецов и опасаясь, что они станут опасными в случае неудачи, стали их продавать «народу славян более северных районов». Поэтому бегство к славянам прекратилось. Пытавшихся покинуть город и по суше и по морю славяне пленяли или убивали. На совете управителей города и горожан было решено отправить в области Фив и Димитриады, к велегезитам, имеющиеся в городе суда и моносилы для закупки сухих фруктов, так как велегезиты «тогда, как кажется, имели мир с жителями города». В городе остались в основном неспособные к военному делу люди.

Совет рексов драгувитов решил штурмовать стены, надеясь, что город теперь может быть взят без труда. 25 июля состоялся штурм, в котором принимали участие драгувиты, ринхины, сагудаты и др. Нападение было одновременным и с суши и с моря. Но в штурме не участвовали славяне со Струмы: «согласно случившемуся у них решению», они повернули от города. Осажденные опасались, что в случае их пленения велегезиты, узнав об этом, перебьют фессалоникийцев, отплывших за продовольствием. А это действительно замыслили велегезиты.

Но штурм был отбит. Враждующ друг с другом, славяне «ушли в свои места». Через несколько дней вернулись и уплывавшие к велегезитам с хлебом и бобами: узнав о неудаче штурма, те продали продовольствие. Но славяне снова готовились к штурму, опытный славянский мастер изобрел особую осадную башню. Но башня не была достроена — мастер «сошел с ума» и ушел к фессалоникийцам. Славя-

не отказались от штурма и держались спокойно, кроме ринхинов и славян со Струмы, которые занялись морским разбоем, достигая берегов Мраморного моря. Возмущенный император двинул войско против славян на Струме, которые заняли теснины и попросили помощи у «различных рексов». Струмяне были разбиты. Фессалоника была снабжена продовольствием, и славяне предложили мир (L., I, p. 209, 14—221. 11, § 232—281).

В этом рассказе особенно интересны следующие детали. Ясно, что до осады между славянами и властями Фессалоники длительное время сохранялся мир; славяне еще оставались в большинстве язычниками, что не мешало их тесному общению с византийцами, торговле с ними и пребыванию в городах. В Фессалонике уже имелись славянские поселенцы. Создается впечатление, что представители власти пытались уже рассматривать славян как подвластных империи находящихся на особом статусе, тогда как славянская аристократия еще надеялась на захват города и установление своего господства на полуострове. Эта общая цель, как полустолетие раньше, объединяла славянских вождей, и при известии о смерти Первуда, игравшего роль лидера среди знати племен, живущих близ Фессалоники, они, объединившись, осадили город. Ясно также, что в Константинополе знали об этих настроениях славянских вождей: показательна та тревога, которая возникла в столице после бегства Первуда,— было введено в сущности осадное положение, а Фессалонику немедленно предупредили о скорой ее осаде.

Самого серьезного внимания заслуживают также данные о том, что в Фессалонике среди ее высшего социального слоя имелась влиятельная группировка, находившаяся в тесном контакте со славянскими вождями и, более того, готовая к сотрудничеству с ними для достижения собственных целей, не совпадающих с интересами правящей в Константинополе знати.

Еще недавно (в первой половине царствования Юстиана I) экономически господствовавшая в империи знать утратила свое благосостояние (кроме той ее части на Балканах, которая входила в высший слой чиновной и военной аристократии). Имения этой знати на Балканском полуострове были потеряны, пригородные проагии разорены, служба в провинциальных органах управления, вероятно, не компенсировала (в виде жалованья) понесенных потерь. Как видно из приводившихся свидетельств, городская верхушка стремилась сама обеспечить свою безопасность, не

веря в помощь из центра. Все это порождало оппозиционные настроения и побуждало к поискам выхода.

Именно этим обстоятельством объясняются сообщаемые в «Чудесах» факты о произволе местных правителей, спекулировавших хлебом государственных зернохранилищ и притеснявших горожан. Эти круги, видимо, и проявляли склонность к сотрудничеству со славянской аристократией, надеясь найти для себя выгодное место в рядах правящей элиты в случае победы славянских вождей. Еще во время осады города Хаконом, когда этот вождь был захвачен в плен, «некоторые из занимающих первенствующее положение в нашем городе» пытались укрыть его «ради каких-то неблагоприятных целей»; только при вмешательстве горожанок он был обнаружен, (L., I, p. 179. 4—16, § 193). Весьма показательны, что сам автор рассказа о Первуде, явно принадлежавший к высшему клиру города, с нотой осуждения говорит об епархе Фессалоники, который неизвестно «каким образом и ради чего» донес императору на вождя славян (L., I, p. 208. 9—209. 4, § 231). Примечательно и то, что об освобождении Первуда и о готовности взять его «на поруки» ходатайствовали вместе славянская знать и сами горожане. Совместное посольство отправилось и на встречу с императором в столицу (L., I, p. 209. 13, § 232). Намекает автор и на некие «решения», которые хранили втайне архонты Фессалоники и других мест, оказавшиеся тогда в городе, в отношении этого крупного центра в момент его осады (L., I, p. 221. 17—22, § 282). Рассказывая о «полуварварах», приведенных Кувером, автор с удовлетворением констатирует, что среди них было много христиан. Так, говорит писатель, увеличивалось «благодаря православной вере и святому животворному крещению племя (φύλον) христиан» (L., I, p. 228. 6—13, § 285). Отметим, что в этой же части «Чудес» сообщается и о принятии христианства отдельными славянами (L., I, p. 219. 31—220. 4, § 276). Мы полагаем, что современники-византийцы уже питали надежду на крещение славян и на увеличение благодаря этому христианских подданных империи. В том же эпизоде о Кувере, повествуя о плане его приближенного Мавра захватить город изнутри, автор называет этот замысел достижением цели «посредством междоусобной войны» (δι' ἐμφυλίου πολέμου) (L., I, p. 229. 27, § 291; p. 230. 26, § 294), т. е. намекает на сторонников Мавра и среди жителей города<sup>102</sup>.

Мы вправе, видимо, сделать вывод, что в рядах византийской знати не было единства в отношении к славянам: часть ее была готова на заключение с ними союза против

Константинополя. Но единства не было и среди славянской аристократии. Еще во время осады Фессалоники в 586 г. аварами совместно со славянами горожане убедили многих славян перейти на их сторону, так что общественные бани города были переполнены размещенными здесь беглецами (L., I, p. 150. 31—32, § 143). После неудачных штурмов, при отступлении от города, среди «варваров» вспыхнули раздоры: они грабили друг друга, вступали в схватки (L., I, p. 156. 24—27, § 158).

Однако в данном случае можно думать о противоречиях между аваро-протоболгарскими и славянскими контингентами войск хагана. Но сходные сообщения имеются и от времени осады Фессалоники одними славянами в 676—678 гг. Велегезиты предпочли выждать, не приняв участия в осаде и сохранив мирные отношения с городом: сразу же после неудачи они продали ему продовольствие. Славяне со Струмы ушли в свои места в разгар боев (L., I, p. 215. 12—16, § 257). Расходившиеся после провала осады славяне враждовали друг с другом (L., I, p. 217. 28—31, § 267). Совсем не упомянуты среди осаждавших берзиты, которые участвовали в 3-й и 4-й осадах. Инициатива штурмов исходила на разных этапах осады, видимо, от разных объединений. Так, штурм 25 июля был предпринят по решению «рексов драгунитов» (показательно, что у них был не один, а несколько военачальников) (L., I, p. 214. 19, § 256). Упорно осаждали город, по всей вероятности, лишь ринхины и сагудаты.

Рассказ о Первуде дает основание предполагать, что длительные контакты славянской знати с византийской, знакомство с неизвестными ранее удобствами, осознание возможностей обретения высокого положения в рядах византийской военной элиты вносили в ряды славянской аристократии раскол, утрату единства цели<sup>103</sup>. Тем более, что к 70-м годам уже какая-то часть славян на Балканах заключила с Константинополем договоры, определившие их юридический статус на землях империи, их права и обязанности по отношению к императору.

Как известно, первое крупное военное мероприятие против славян на полуострове (после 602 г.) связывают с походом Константа II в 657/8 г. «против Славинии». Но еще до этого, при Ираклии (610—641), хорваты, пришедшие на земли империи, занятые аварами и подвластными им славянами, искали союза с императором (De adm. imp., I, p. 146. 8—148. 25). Сходной была ситуация и при расселении сербов в 30-х годах VII в. (De adm. imp., I, p. 152. 2—154. 29). Видимо, лишь в 70-х годах и хорваты

и сербы временно признали сюзеренитет аварского хагана. Возможно, уже ко времени Ираклия следует относить и какие-то формы договорных отношений империи со славянами Мисии и Малой Скифии (см. гл. IV).

Сколь ни кратко известие Феофана о том, что Константу удалось во время похода против Славинии «захватить и покорить много народов» (Феоф., с. 260), его нельзя недооценивать. Об этом походе знают и восточные авторы (ВИИНJ, I, с. 221, бел. 8). В 665 г. из состава войск империи перешло на сторону арабов 5 тыс. славян, которые были поселены в Сирии (Феоф., с. 260). Впоследствии и Юстиниан II зачислял славян в войско и переселял в Малую Азию. В 678 г. в Константинополь прибыло посольство от аварского хагана, а также от рексов, экзархов и гастальдов «западных краев» с предложением мира (ВНИИJ, I, с. 224—225, см. гл. IV и V).

Констант II ходил «против Славинии». В единственном числе термин «Славиния» употреблен впервые Феофилактом Симокаттой как обозначение территории, заселенной славянами на левом берегу Дуная. Остальные случаи использования этого термина характерны для источников IX—X вв. при рассказе о событиях VII—X вв.; причем всюду этот термин употребляется уже только во множественном числе как указание и на место расселения каждого славянского племенного объединения, и на особую форму их социально-политической организации<sup>104</sup>. Каждая такая Славиния имела свои пределы, отличалась от другой, имела своего вождя. Характерны отличия в политической активности Славиний разных регионов Балкан. В VII—VIII вв. наметились четыре таких зоны: 1) крайний северо-запад, охватывавший сербские и хорватские земли; 2) территория между Дунаем и Балканским хребтом; 3) область Средней и Южной Македонии, Южного Эпира и Северной Греции и, наконец, 4) Пелопоннес. Первыми проявили политическую тенденцию к объединению Славинии третьей из названных зон: в ходе столетия они совместно пять раз пытались овладеть Фессалоникой. П. Лемерль подчеркивает, что эти попытки были проявлением тенденции к созданию самостоятельного славянского государства (L., II, p. 93).

В «Чудесах св. Димитрия» говорится, что во время 3-й осады во главе с Хадоном славяне имели с собою «роды вместе с их имуществом, намереваясь разместить их в городе после овладения им» (L., I, p. 175. 7, § 179). Это свидетельство толковали, как доказательство того, что славяне к моменту 3-й осады еще не обрели постоянного места

поселения, а потому в походах участвовали вместе с их семьями и скарбом и что в данном случае они намеревались поселиться в Фессалонике (L., II, p. 93). Мы считаем такую трактовку неверной. Речь, конечно, не шла о том, что славяне всех союзных объединений стремились поселиться в городе, как нет сведений о том, что славяне заселяли взятые ими другие крупные города (Доростол, Ниш, Охрид, Скопье, Афины и др.). Напротив, славяне избегали селиться в городах. В данном же случае обосноваться в Фессалонике в качестве своей резиденции намеревались вожди славянских союзов вместе с их родами. Это понимание подтверждается рассказом о планах Кувера относительно Фессалоники (сказано при этом яснее и в очень близких выражениях): Кувер намеревался, конечно, после взятия города «разместиться здесь со своими пожитками и вместе с другими архонтами» (L., I, p. 229. 28—29, § 291). Кувер хотел затем, опираясь на Фессалонику, развернуть военные действия с целью овладения самим Константинополем (L., I, p. 229. 29—31, § 291).

Принципиальное сходство с поведением славян под Фессалоникой имели их действия на Пелопоннесе, когда в начале IX в. они предприняли осаду крупного порта Патры (De adm. imp., I, p. 228, 230)<sup>105</sup>. Действительно, в тех районах империи, где имелись крупные городские центры, для славянской аристократии представлялось более целесообразным овладеть ими для их превращения в свои резиденции и административные пункты, чем возводить собственные укрепленные центры.

Употребляя в качестве родового понятия для славянских территориальных союзов искусственный термин «Славинии», византийские авторы знали, что каждая Славиния отличалась от другой своим именем, восходящим к названию господствующего в объединении племени. Соответственно с этими названиями некоторым Славиниям византийцы дали и собственные наименования. Феофан (с. 274, 278) упоминает Берзитию и Велзитию, которую связывают с велегезитами Фессалии<sup>106</sup>. «Субделитию» Константина Багрянородного (De serim., I, p. 634. 11—12) П. И. Шафарик предложил трактовать как искаженное название Славинии сагудатов, т. е. как «Сагудатию»<sup>107</sup>. Анна Комнина упоминает Вагенитию, под которой (принимая во внимание звучание «г» перед мягкими гласными в среднегреческом как «й») следует понимать, конечно, страну вайюнитов<sup>108</sup>. После ликвидации независимости Славиний они образовывали административные единицы в империи и даже сохра-

няли свои наименования: известны архонтия и церковный округ Драгувития<sup>109</sup>, фема «Смоленов»<sup>110</sup>. Согласно печатям VIII—IX вв., существовали архонтия «вихитов» (или вихитов Эллады) и архонтия «эвидитов» (эвилитов), которые связывают (пока предположительно) со славянами Греции<sup>111</sup>. В лексиконе Иоанна Зонары Болгарское государство фигурирует как «Славиния Болгария»<sup>112</sup>.

Примечательно, что в «Чудесах» (исключая одно спорное место о «славянах» или «Славиниях» в Аварском хаганате — Л., I, р. 134.14) термин «Славиния» не встречается, хотя именно их автор обнаруживает наиболее точные знания о славянах. Видимо, территории разных славянских союзов были осмыслены как социально-политические организации и получили официальное наименование («Славинии») лишь при дворе, среди чиновников империи. Этот термин употребил в письме к Людовиду Благочестивому сам император Михаил II (ЛИБИ, II, с. 26).

К сожалению, внутренняя социальная и политическая структура Славиний неизвестна. Мы можем лишь предполагать, что во главе каждой из них стоял вождь-князь (с наследственно передаваемой в его роду высшей властью) и подчиненные ему старейшины (архонты), часть которых составляла непосредственное окружение вождя, а часть находилась под его сюзеренитетом, сохраняя под своей властью племена, входившие в данное объединение. Константин Багрянородный уверяет, что «архонтов», помимо «жупанов старейшин» (*ζουπάνους γέροντας*), у славян нет (De adm. imp., I, р. 124. 66—68). Но уже в следующей главе он пишет об «архонтиях» этих же славянских народов, причем архонтии делятся на жупании (De adm. imp., I, р. 144. 90—108, подробнее см. гл. V)<sup>113</sup>.

О характере Славиний спорили немало: представляли ли они тип государственного объединения или только «догосударственный военно-политический союз», подобный Аварскому хаганату или Болгарии VII в.<sup>114</sup> Видимо, более правомерно сопоставление славиний с такими ранними государствами, как Сербия, Хорватия, Русь, но не с Аварским хаганатом и Болгарией, которые представляют особые политические организации.

Попытаемся сопоставить Славинию «Семь родов» в Мисии и Малой Скифии последней четверти VII в. с Велзитией конца VIII в. «Семь родов» играли главную роль среди Славиний за Балканами еще до прихода протоболгар Аспаруха<sup>115</sup>. Однако в этой Славинии в эпоху ее самостоятельного развития племенные перегородки еще не были преодо-



лены; знать отдельных племен внутри союза еще сохраняла значительную самостоятельность; главный центр союза Плиска еще не стала укрепленной административной и военной столицей.

Процесс формирования государственной системы знаменовался ожесточенной борьбой, отношениями насилия внутри союза племен; часть племен подвергалась тяжелой эксплуатации; внутри военно-территориальных союзов в отношениях между племенами имела место иерархия сложных социальных и политических связей. На основе имеющихся данных мы можем предполагать, что объединение «Семь родов» представляло зародышевую форму феодальной государственности, об этом свидетельствует дальнейшая эволюция Славиний. В 799 г. архонт славян Велзития (в Фессалии) Акамир принял предложение жителей Эллады («элладиков». — Феоф., с. 278), т. е., несомненно, местной знати, участвовать в заговоре против императрицы Ирины с целью возведения на трон сыновей Константина V. Заговор был, однако, раскрыт (Феоф., с. 278).

Важно отметить, что местные знатные лица считали Акамира столь могущественным, что надеялись с его помощью (скорее всего — и военной) совершить государственный переворот. Акамир, без сомнения, был полновластным повелителем своей Славинии, хотя номинально и признавал сюзеренитет империи. Велзития в это время представляла собой подлинно протогосударство, находилась на пороге превращения в государственное объединение. Сходным, по видимому, было развитие и других Славиний, пользовавшихся еще в IX — начале X в. существенной автономией в пределах империи, особенно когда они занимали пограничное положение, были «окольными» (*αἱ περίξ Σκλαβινίαι*). Правители Славинии тимочан в 818—819 гг. пытались отделиться от Болгарии. Именно после этого хан Омуртаг приступил к ликвидации автономии Славиний в Болгарии<sup>116</sup>. Почти одновременно, в 821—823 гг., и Михаил II подавлял движение «окольных Славиний» (*circumiacentibus Sclavinis*), оказавших помощь поднявшему восстание и осадившему Константинополь Фоме Славянину (ЛИБИ, II, с. 26).

Естественный процесс эволюции Славиний по пути их превращения в государственные организмы пришел к логическому завершению лишь в районах, наиболее отдаленных от крупнейших военно-политических центров империи (за Балканами и на северо-западе полуострова), хотя возможности социально-экономического развития были, несомненно, более благоприятными во Фракии, Македонии, Греции.

Причины этого несоответствия заключались во внешнеполитической обстановке — в усиливавшемся давлении со стороны империи на близко расположенные к Константинополю, Фессалонике, Коринфу Славинии. Не случайно наименьшей активностью отличались Славинии Фракии, на которые в любой момент могли обрушиться войска империи. Не случайно и то, что мы не знаем названия ни одного из славянских племен, расселившихся во Фракии.

С конца VII в. позиция империи по отношению к славиниям резко изменилась <sup>117</sup>. Характерно, что с 657—658 гг. до осады 676—678 гг. и рейдов славян в Мраморное море византийские власти, казалось, забыли о славяно-аварской опасности. Все внимание императоров было сосредоточено на войне с персами, а затем с арабами. Было бы упрощением усматривать в таком ходе дел результат ошибок или недальновидности византийских политиков. Напротив, скорее всего они тщательно взвешивали степень опасности с востока и с запада и пришли к выводу, что, хотя славяне и заняли большую часть балканских владений империи, степень их политической организации после разгрома аваров в 626 г. еще не представляла непреодолимой для основных военных сил империи угрозы. С 678 г. империя повернулась, наконец, лицом к славянской опасности. Началось систематическое наступление на славян с целью их подчинения и превращения в своих христианских подданных. В этом году византийская армия разгромила славян на Струме, открыв себе путь в Македонию и к Фессалонике. В 80-х годах драгувиты, видимо, (возможно, и другие славинии), уже стали данниками империи (L., I, p. 229. 10—12, § 289; II, p. 186—187) <sup>118</sup>. Императорский двор приступил к организации военно-административных провинций фем и на Балканском полуострове, о чем особо будет сказано в главе 3-й. Вскоре последовало подлинно крупное военное мероприятие против славян — поход 688 г. (Феоф., с. 265). Византийские войска победоносно дошли до Фессалоники, множество славян подверглось переселению в Малую Азию (L., II, с. 190) <sup>119</sup>.

Однако процесс интеграции славянских земель в состав империи растянулся более чем на полтора столетия. Военные походы Византия сочетала с политикой заселения территорий Славиний христианами из других провинций империи, с одновременным переселением славян в Малую Азию. Усилила империя и миссионерскую деятельность; распространение христианства в условиях отсутствия прочной государственной организации у славян служило орудием их под-

чинения и ассимиляции. В своем наступлении на славян византийцы встретили противодействие Болгарии, выступившей с IX в. в качестве соперника империи в борьбе за Славинию Македонии. Однако эта проблема будет рассмотрена в главе о Болгарском государстве.

- <sup>1</sup> *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen.— In: Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. В., 1978, S. 73—161 (см. здесь и литературу).
- <sup>2</sup> Л., I, II.
- <sup>3</sup> *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. С., 1981, с. 90—174.
- <sup>4</sup> *Петров П.* Образуване на българската държава. С., 1981 (здесь и новейшая библиография).
- <sup>5</sup> *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 208—209.
- <sup>6</sup> *Брайчевский М. Ю.* Проблема славяно-византийских отношений до IX в. в советской литературе последних десятилетий.— ВВ, 1963, т. 22, с. 88.
- <sup>7</sup> *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 188—189.
- <sup>8</sup> *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах: (Основные проблемы и перспективы).— В кн.: Славянские древности. Киев, 1980, с. 20—22.
- <sup>9</sup> *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; ср.: *Баран В. Д.* Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян.— В кн.: Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983, с. 5—48; *Брайчевский М. Ю.* Славяне в Подунавье и на Балканах в VI—VIII вв.— Там же, с. 220—247.
- <sup>10</sup> *Русанова И. П.* Славянские древности..., с. 188—195; *Sorlin I.* Slaves et Sclavènes dans les miracles de Saint Démétrius.— In: Л., II, p. 227—228; ср.: *Vožilov I.* Рец. на кн.: Л., I, II.— ВНР, 1982, N 2, p. 120—124; *Баран В. Д.* Сложение..., с. 47—48; *Вакуленко Л. В.* Поселение позднеримского времени у с. Сокол и некоторые вопросы славянского этногенеза.— В кн.: Славяне на Днестре и Дунае, с. 177, 180; *Магомедов Б. В.* О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и Лесостепи.— Там же, с. 152; *Винокур И. С.* Черняховские племена на Днестре и Дунае.— Там же, с. 132—133; *Приходько О. М.* К вопросу о присутствии антов в Карпато-Дунайских землях.— Там же, с. 188—191.
- <sup>11</sup> *Dujčev I.* Le témoignage du Pseudo-Cesaire sur les Slaves.— Slavia antiqua, 1953, IV, p. 202 sq.; ср.: *Баришић Ф.* Када и где су написани Псеудо-Цезаријеви Дијалози.— ЗРВИ, 1952, т. I, с. 29—49.
- <sup>12</sup> Ср.: *Kollautz A.* Völkerwanderung an der unteren und mittleren Donau im Zeitraum von 558/562 bis 582 (Fall von Sirmium).— Zeitschrift für Ostforschung. Länder und Völker im östlichen Mitteleuropa, Nahrburg, Lahn, 1979, 28. Jhg., H. 3, S. 457; *Fritze W.* Zur Bedeutung der Awaren für die slawische Ausdehnungsbewegung im frühen Mittelalter.— *Ibid.*, S. 545; *Godlowski K.* Die Fragen der slawischen Einwanderung ins östliche Mitteleuropa.— *Ibid.*, S. 446.

- <sup>13</sup> Гиндин Л. А. К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства: (По лингвистическим и филологическим данным).— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 72—85.
- <sup>14</sup> Романски Ц. Славянските народи. С., 1969, с. 5 и сл.; Петров П. Образуване..., с. 26.
- <sup>15</sup> Гиндин Л. А. К вопросу о хронологии начальных этапов славянской колонизации Балкан: (По лингво-филологическим данным).— В кн.: Балканско езикознание. С., 1983, т. XXVI, № 1, с. 17—39.
- <sup>16</sup> Иванчев Св. Развоят на \*tj, \*dj в ШТ и ЖД и этногенетическият процес на Балканите.— Старобългаристика, 1981, № 1, с. 27—47; большую часть склавинов определяют при этом нередко термином «болгарские славяне» в отличие от сербо-хорватской группы склавинов. См.: Петров П. Образуване..., с. 29 и сл.
- <sup>17</sup> Иванов В. В. Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 44—45.
- <sup>18</sup> Скржинская Е. Ч. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне: (Из комментария к Иордану).— ВВ, 1957, т. 12, с. 2—30.
- <sup>19</sup> Седов В. В. Происхождение..., с. 108—110; Comsa M. Directions et étapes de la pénétration des Slaves vers la Péninsule Balkanique aux VI<sup>e</sup>—VII<sup>e</sup> siècles (avec un regard spécial sur le territoire de la Roumanie).— In: Balkanoslavica. Prilep; Beograd, 1972, t. 1, p. 9—28; Михайлов Е. Склавины и анты в долнодунавските земи.— ГСУ, ФИФ, 1972, т. 64, кн. 3, с. 27—52; Рафалович И. А. Молдавия и пути расселения славян в Юго-Восточной Европе.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 10 и след; Приходько О. М. К вопросу о присутствии антов..., с. 180—191.
- <sup>20</sup> Седов В. В. Ранний период славянского этногенеза.— В кн.: Этногенез и этническая история славян и восточных романцев. М., 1976, с. 9, 10; Он же. Происхождение..., с. 106, 115, 130; Он же. Некоторые ареалы архаических славянских гидронимов и археология.— В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, с. 141—147.
- <sup>21</sup> Королюк В. Д. Пастушество у славян в I тысячелетии н. э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи: (Попытка реконструкции по письменным источникам).— В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978, с. 177—198; Рафалович И. А. К вопросу о появлении первых политических образований романизованного населения на землях к северу от Дуная.— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 33—44; Златковская Т. Д. Исторические аспекты романизации балканских земель в античное время: (К проблеме этногенеза влахов). В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978, с. 19—30; Рикман Э. А. Некоторые вопросы романизации населения левобережья нижнего Дуная в первой половине первого тысячелетия н. э.— Там же, с. 46—64.
- <sup>22</sup> Гиндин Л. А. Из комментария к свидетельствам Прокопия Кесарийского о славянах.— В кн.: Структура текста. М., 1981, т. 1. Тезисы симпозиума, с. 135—137.
- <sup>23</sup> Станислов Ст. За етническият състав на населението в Долнодунавските басейн от края на VI до XI в.: (По археологически материали). С., 1975, с. 45—55, 59—69; Кожиа М. Новые сведения о расселении славян на территории РНР.— Romanoslavica, 1964, vol. 9,

- с. 505; *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI до IX в. на територия на България. С., 1976, с. 9 и сл.
- <sup>24</sup> *Винокур И. С.* Черняховские племена..., с. 135; *Брайчевский М. Ю.* Славяне в Подунавье..., с. 229—231; см. также: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1980, с. 237.
- <sup>25</sup> *Lowmiański H.* Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953, s. 138—178; *Hensel W.* Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław; W-wa; Kraków, 1963; *Herrmann I.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. В., 1968.
- <sup>26</sup> *Τζάρας Γ.* Τὸ νόημα τοῦ «γαρκίωσας» στὰ Τακτικά Λέοντος στ' τοῦ Σοφοῦ. — BYZANTINA, 1969, t. 1, p. 137—157; ср.: *Malingoudis Ph.* Toponymy and History: Observations concerning the Slavonic Toponymy of the Peloponnese. — In: *Cyrrillomethodianum*, 1983, t. 7, p. 103.
- <sup>27</sup> *Першиц А. И.* Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических сообществах. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 164—177; *Flayen Cl.* La sédenterisation des nomades kouzo-valaques en Albanie Meridionale. — В кн.: Международный конгресс антропологических и этнографических наук: Труды. М., 1970; ср.: *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. М., 1982, с. 13 и след., 36 и след.
- <sup>28</sup> *Королюк В. Д.* О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе в средние века. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 31—46.
- <sup>29</sup> *Санкова-Петкова Г.* Gesellschaftsordnung und Kriegskunst der slawischen Stämme der Balkanhalbinsel (6.—8. Jh.) nach dem byzantinischen Quellen. — *Helikon (Napoli)*, 1962, anno II, N 1/2, S. 264—270.
- <sup>30</sup> *Рикман Э. А.* Проблема этногенеза в современной румынской историографии. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 234.
- <sup>31</sup> *Корнелий Тацит.* Соч. в 2-х т. М., 1970, т. 1, с. 364.
- <sup>32</sup> *Иванов С. А.* Материалы для index prokoriana, I. ΧΩΡΟΣ — В кн.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984, с. 76—80.
- <sup>33</sup> *Санкова-Петкова Г.* Gesellschaftsordnung..., S. 266—267.
- <sup>34</sup> *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. М., 1982, с. 113, 114, 120; *Donat P.* Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7.—12. Jh. — In: *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. В., 1978, 19. Jhg., N. 1, S. 61—67; *Иванов С. А.* Славяне и Византия в VI в. по данным Прокопия Кесарийского: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983, с. 18.
- <sup>35</sup> *Королюк В. Д.* «Вместо городов у них болота и леса». — *ВИ*, 1973, № 12, с. 197—199.
- <sup>36</sup> *Балагури Э. А.* Исследования археологических памятников Закарпатья за годы Советской власти. — *Slovenské archeologia*, (Bratislava), 1975, t. 23, N 2, с. 261—282 (здесь и библиография); *Crîșan I. H.* Ceramica daco-getică cu specială privire la Transilvania. Buc., 1965, pl. 115; *Kurnatowska Z.* Die «Slaveni» im Lichte der archäologischen Quellen. — *Archeologia Polona*, 1974, t. XV, S. 51—66.
- <sup>37</sup> *Орачев А.* Морското бойно майстерство на славяни и прабългари: (Края на VI — началото на IX в.). — *Старобългаристика*, 1982, № 2, с. 101—102.
- <sup>38</sup> *Въжарова Ж.* Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры. — В кн.: Славяни и средиземноморският свят, VI—XI в. С., 1973, с. 258—266; *Санкова-Петкова Г.* Материалната

- культура и военного искусство на дакийските славяни според сведенията на «Псевдо-Маврикий». — ИИБИ, 1957, т. 7, с. 329—344; *Comşa M.* Socio-Economic Organization of the Daco-Romanic and Slave Population on the Lower Danube during the 6th—8th Centuries.— In: Relations between the Autochthonous Population and Migratory Population on the Territory of Romania. Buc., 1975, p. 197—198.
- <sup>39</sup> *Сымонович Э. А.* Культура карпатских курганов и ее роль в этногенезе славян.— В кн.: VIII Международный съезд славистов. М., 1978, с. 202.
- <sup>40</sup> Ср.: *Мавродин В. В., Фроянов П. Я.* Об общественном строе восточных славян VIII—IX вв. в свете археологических данных.— В кн.: Проблемы археологии, Л., 1980, вып. 2, с. 125—132; *Третьяков П. Н.* По следам..., с. 98.
- <sup>41</sup> *Брайчевский М. Ю.* Об «антах» Псевдо-Маврикий.— СА, 1953, № 2, с. 30; О славянских хозяйственных комплексах типа «хуторов», выделившихся из сел хозяев (по археологическим данным VII в.); см.: *Он же.* Славяне в Подунавье..., с. 232—233.
- <sup>42</sup> *Брайчевский М. Ю.* Славяне в Подунавье..., с. 242—244.
- <sup>43</sup> *Zástěrová B.* Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Pr., 1971, p. 75; *Benedicty R.* Die auf die frühslawische Gesellschaft bezügliche byzantinische Terminologie.— In: Actés du XII<sup>e</sup> Congrès internationale d'études byzantins. Buc., 1970, vol. II, S. 51.
- <sup>44</sup> *Кучма В. В.* «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Маврикия»: Опыт сравнительной характеристики.— ВВ, 1982, т. 43, с. 35—53; 1984, т. 45, с. 20—34.
- <sup>45</sup> ИБ, 2, с. 45, 46.
- <sup>46</sup> *Петров П.* Образоване..., с. 40—41.
- <sup>47</sup> *Седов В. В.* Происхождение..., с. 127, 128; *Он же.* Некоторые ареалы архаических славянских гидронимов и археология.— В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, с. 146; *Comşa M.* Socio-Economic Organization..., p. 173; *Babič B.* Forschung der altslawischen Kultur in der Makedonien.— Zeitschrift für Archäologie, 1976, Bd. 1, N 10, S. 64; *Марьянович-Вуйович Г.* Старейшие археологические следы славян в Белграде.— In: Berichte. II Intern. Kongress für slawische Archäologie. B., 1973, Bd. III, S. 237, 238.
- <sup>48</sup> *Zástěrová B.* Les Avars..., p. 31—35, 71—79; *Avenarius A.* Die Awaren und die Slawen in den Miracula Sancti Demetrii.— BYZANTINA, 1973, V, s. 19 f.; *Idem.* Die Awaren in Europa. Amsterdam, 1974; *Kollautz A.* Рец. на кн.: Avenarius A. Die Awaren in Europa.— ВЗ, 1977, Bd. 70, N 2, S. 377—381; *Тăпкова-Займова В.* Les populations sédentaires et les tribus en migration face à la civilisation byzantine.— ВНР, 1980, N 2, p. 56—57; *Kollautz A.* Völkerwanderung..., S. 489.
- <sup>49</sup> *Кучма В. В.* Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов.— В кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калипин, 1978; *Он же.* Античные традиции в развитии политической мысли ранней Византии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1981.
- <sup>50</sup> См. обзор литературы: *Петров П.* Образоване..., с. 49—50.
- <sup>51</sup> *Koder J.* Zur Frage der slawischen Siedlungsgebiete im mittelalterlichen Griechenland.— ВЗ, 1978, Bd. 71(2), S. 315—320; *Тăпкова-Займова В.* Славянските заселвания на Балканския полуостров в рамките на «варварските» пашествия през VI и VII вв.— ИИБИД, 1974, т. 29, с. 199—201.

- <sup>52</sup> См.: *Брайчевский М. Ю.* К истории расселения славян на византийских землях.— ВВ, 1961, т. 19, с. 120—137.
- <sup>53</sup> Б. Графенауэр (*Grafenauer B.* Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja Južnih Slovanov.— *Zgodovinski Časopis* (Ljubljana), 1950, N 4, s. 62) относит эти события к 592—602 гг.
- <sup>54</sup> *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941, с. 140—141.
- <sup>55</sup> *Фрейденберг М. М.* Проблема отгонного скотоводства в современной балканистике.— В кн.: Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979, с. 204—216.
- <sup>56</sup> *Stratos A. N.* Byzantium in the Seventh Century. Amsterdam, 1975, vol. III (642—668), p. 147.
- <sup>57</sup> См. примеч. 2, а также: *Иванова О. В.* Рец. на кн.: Л., I.— ВВ, 1982, т. 43, с. 256—257.
- <sup>58</sup> *Баришић Ф.* Чуда Димитрија Солунског као историски извори. Београд, 1953, с. 50—64.
- <sup>59</sup> *Бурмов А.* Славянските нападения срещу Солун в «Чудеса св. Димитра» и техната хронология.— ГСУ, ФИФ, 1952, кн. 2, с. 183 (осада славян датирована 597 г., аваро-славянская осада — 609 г.); Лемерль (L., II, p. 69—73) принимает соответственно даты 586 и 604 г.; ср.: *Тыпкова-Займова В.* Нападения «варваров» на окрестности Солуни в первой половине VI в.— ВВ, 1959, т. 16, с. 8; ср.: *Vryonis S.* The Evolution of Slavic Society and the Slavic Invasions in Greece. The First Major Slavic Attack on Thessaloniki. A. D. 597.— *Hesperia*, 1981, vol. 50, N 4, p. 378—390.
- <sup>60</sup> Ср.: *Cronika di Monemvasia / Introductione, testo critico, traduzione e note a cura di I. Dujčev.* Palermo, 1976, p. 2; *Malingoudis Ph.* Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. Mainz, 1981, S. 15 f.; *Idem.* Рец. на кн.: Weithmann M. Die slavische Bevölkerung auf der griechischen Halbinsel. München, 1978.— *Zeitschrift für Balkanologie*, 1980, Bd. XVI, S. 212—219; *Idem.* Zur slavischen Mikrohydronymie der S. W. Peloponnes.— *Geografia nazewnicza*, 1983, S. 71—82; *Idem.* Toponymy and History. Observations Concerning the Slavonic Toponymy of the Peloponnese.— *Cyrillomethodianum*, 1983, t. VII, p. 99—111; cf.: *Συμεωνίδης Χ. Π.* Οι Τσάκωνια. Θεσσαλονίκη, 1972, σ. 27; *Петров П.* Образуване..., с. 51, 57, 58, 65; *Karayannopoulos J.* Zur Frage der Slavenansiedlungen auf dem Peloponnes.— *RESEE*, 1971, IX, N 3, S. 443—460; *Hood M. S. F.* Aspect of the Slav Invasions of Greece in the early byzantine Period.— *Sbornik Národního musea v Praze*. Pr., 1966, sv. XX, s. 165—171; *Белецкий А. А.* Славянская топонимия Греции.— В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, с. 266—273.
- <sup>61</sup> *Гиндин Л. А.* К вопросу о хронологии..., с. 17—39; *Иванов С. А.* Оборона Византии и география «варварских» вторжений через Дунай в первой половине VI в.— ВВ, 1983, т. 44, с. 27—47.
- <sup>62</sup> *Максимовић Љ.* Северни Илирик у VI веку.— ЗРВИ, 1980, т. 19, с. 15—57.
- <sup>63</sup> А. Бурмов (Славянските нападения..., с. 195—196) датирует эту осаду 620 г., Ф. Баришић (Чуда..., с. 85—95) — 616 г., а П. Лемерль (L., II, p. 184) — 615 г.
- <sup>64</sup> Локализация ринхинов, тесно связанных с сагудатами, проблематична, так как сведения легенды о Кастамонитском монастыре, упоминающей ринхинов на Халкидике (см.: *Успенский Порфирий.* История Афона. Киев, 1877, ч. 3, с. 311), свидетельствуют лишь о переселении туда части племени в VIII — начале IX в. (На наш взгляд, селения ринхинов в VII в. находились к северо-

- западу и западу от Фессалоники. См.: *Иванова О. В.* Славяне и Византия VI—VIII вв.: Дис... канд. ист. наук. М., 1985.)
- <sup>65</sup> См.: *Воронин Н. Н.* Средства и пути сообщения.— В кн.: История и культура Древней Руси. М.; Л., 1951, с. 280—294.
- <sup>66</sup> *Koder J.* Zur Frage..., S. 315 f.
- <sup>67</sup> *Паунов Е. П.* Формирование этнического самосознания древнесербской народности.— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 182—183; *Он же.* Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности.— Там же, с. 168—172.
- <sup>68</sup> *Grafenauer B.* Die ethnische Gliederung und gesellschaftliche Rolle der westlichen Südslawen im Mittelalter. Ljubljana, 1966, S. 9 ff.; *Ditten H.* Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Statsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jahrhundert.— In: *Berichte zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert.* Pr., 1978, S. 443 ff.; *Новиковић Р.* Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво? Београд, 1978, с. 441—462.
- <sup>69</sup> *Трубачев О. Н.* Раннеславянские этнонимы — свидетели миграции славян.— ВЯ, 1974, № 6, с. 52—61; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах..., с. 86.
- <sup>70</sup> *Колосовская Ю. К.* Проблема Рима и «варвары» в советской историографии античности последних десятилетий.— ВДИ, 1980, № 3, с. 185.
- <sup>71</sup> *Cronica di Monemvasia*, p. 15.
- <sup>72</sup> *Ангелов Д.* Образуване..., с. 80—89, 158—159.
- <sup>73</sup> Хр., I, с. 24.
- <sup>74</sup> *Avenarius A.* Die Awaren in Europa, S. 85 ff.
- <sup>75</sup> *Заимов Й.* Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. С., 1967, с. 100.
- <sup>76</sup> *Milojđić V.* Nova iskopavanja u makedonskom glavnom gradu Demetrijadi (Tesalija), 1967—1974. Zagreb, 1977; *Metkalf D.* The Slavonic threat to Greece circa 580: some evidence from Athens.— *Hesperia*, 1962, vol. 3, N 2, p. 134—157; *Πολλάς Δ.* Τα αρχαιολογικά τεκμήρια τῆς καθόδου τῶν βαρβάρων εἰς τὴν Ἑλλάδα.— *Ἑλληνικά*, 1955, N 4, σ. 87—105.
- <sup>77</sup> *Тъпкова-Заимова В.* Нашествия и етнически промени на Балканиите през VI—VII в. С., 1966, с. 76.
- <sup>78</sup> *Коледаров П.* Политическа география на средновековната Българска държава. С., 1979, т. I, с. 7, 15.
- <sup>79</sup> *Evert-Kappesova H.* Slowiane pod Thessalonika.— In: *Europa — Słowianszczyzna — Polska.* Poznań, 1970, s. 189.
- <sup>80</sup> *Панов Б.* Оштествено-политическите прилики во Струмската област од краја на VI до почетокот на X век.— Гласник на Институт за национална историја. Скопје, 1961, № 2, с. 201—243.
- <sup>81</sup> *Роровић VI.* Nota sur l'habilitat paléoslave.— In: L., II, p. 235—241.
- <sup>82</sup> *Въжарова Ж.* Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI—XI век. С., 1965, с. 178—197; *Она же.* Славяни и прабългари..., с. 354.
- <sup>83</sup> ИБ, 2 с. 50.
- <sup>84</sup> *Ljubinković M.* Ka problemu kontinuiteta iliri-sloveni.— In: *Naučno društvo SR Bosne i Hercegovine.* Posebna izdanja, XII: Centar za balkanološka ispitavanja. Sarajevo, 1969, kn. 4, s. 204; *Алексова В.* Материјална култура на словените во Македонија.— В кн.: Словенска писменост: 1050 — годишнина на Климент Охридски. Охрид, 1966, с. 143—147; *Георгиева С.* Средновековни некрополи в Ро-




- допите.— В кн.: Родопски сборник. С., 1965, т. 1, с. 166; о ранневи-  
зантйской сельскохозяйственной технике см.: *Köpstein H.*  
*Gebrauchsgegenstände des Alltags in archäologischen und literarischen*  
*Quellen.*— *JÖB*, 1981, Bd. 31, S. 366—375; *Eadem.* *Vorbemerkungen*  
*zur Bedeutung der landwirtschaftlichen Produktivkräfte im frühen*  
*Byzanz.*— In: *Produktivkräfte und Gesellschaftsformationen in vor-*  
*kapitalistischer Zeit.* В., 1982, S. 563—571.
- <sup>85</sup> ИБ, 2, с. 52; см.: *Овчаров Д.* Континуитет и приемственост в ран-  
носредновековната българска култура: (Към постановката въпро-  
са).— *Археология*, 1983, кн. 3, с. 16—23.
- <sup>86</sup> *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982, с. 237.
- <sup>87</sup> *Иванов Ст.* Животински кости остатци от селището в местнота  
Джеджови Лозя при с. Попина.— В кн.: *Въжарова Ж.* Славянски  
и славянобългарски селища..., с. 207—223.
- <sup>88</sup> *Василев Р.* Проучванията на славянските археологически памет-  
ници от Северна България от края на VI до края на X в.— *Архео-*  
*логия*, 1979, № 3, с. 12—22.
- <sup>89</sup> См., например: *Алексова Б.* Материјална култура..., с. 143—147.
- <sup>90</sup> См.: *L., I*, p. 148. 3—11, § 136; 150. 30—151. 1, § 143; 156. 18—19,  
§ 157; 156. 38—157. 12, § 159; 213. 2—21, § 248—250; 219. 1—220. 4,  
§ 276.
- <sup>91</sup> *Bierbrauer V.* Jugoslawien seit dem Beginn der Völkerwanderung bis  
zur slawischen Landnahme die Synthese auf dem Hintergrund von  
Migrations und Landnahmevorgängen.— In: *Jugoslawien. Integra-*  
*tionsprobleme in Geschichte und Gegenwart.* Göttingen, 1984, S. 49—  
76 (здесь и литература).
- <sup>92</sup> *Сюзюмов М. Я.* Экономика пригородов византийских крупных го-  
родов.— ВВ, 1956, т. II, с. 60; *Лишев С.* За генезиса на феодализма  
в България. С., 1963, с. 88—89; *Панов Б.* Охрид и Охридската об-  
ласт во првите векове по словенската колонизација (VI—  
VIII век).— *Годишен зборник (Скопје)*, 1978, кн. 4 (30), с. 131;  
ср.: *Ditten H.* *Zur Bedeutung...*, S. 77—78; *Koledarov P. S.* *Settlement*  
*structure of the Bulgarian Slavs in their Transition from a clan to*  
*a territorial community.*— *Byzantinobulgarica*, 1969, t. III, p. 125—  
132.
- <sup>93</sup> *Липшиц Е. Э.* Славянская община и ее роль в развитии визан-  
тийского феодализма.— ВВ, 1947, т. 1, с. 144—183.
- <sup>94</sup> *Медведев И. П.* Предварительные заметки о рукописной традиции  
Земледельческого закона.— ВВ, 1980, т. 41, с. 194—209; 1981, т. 42,  
с. 49—70; *Византийский Земледельческий закон / Текст, исследо-*  
*вание, коммент. подготовили Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев,*  
*Е. К. Пиотровская; Под ред. И. П. Медведева.* Л., 1984, с. 9—25;  
ср.: *Брайчевский М. Ю.* Славяне в Подунавье..., с. 220—247 (автор  
высказывает ряд интересных наблюдений, но исходит из мало-  
убедительной посылки, полагая, что внутри каждой, отдельно взя-  
той общины-деревни свободных налогоплательщиков казны долж-  
на иметь место глубокая имущественная и социальная дифферен-  
циация).
- <sup>95</sup> *Першиц А. И.* Этнос..., с. 166.
- <sup>96</sup> *L., I*, p. 126. 13—28, § 107—108; о 5-й осаде см.: *Иванова О. В.* Сла-  
вяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес  
св. Димитрия»: (Постановка вопроса) — В кн.: *Славянские древности.*  
Киев, 1980, с. 83—107.
- <sup>97</sup> *Василевский Т.* Организация городской дружины и ее роль в фор-  
мировании славянских государств.— В кн.: *Становление ранне-*  
*феодалных славянских государств.* Киев, 1972, с. 106—122.


- <sup>98</sup> *Лугаврин Г. Г.* Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средновековна България в сравнение с Византия: (От края на VII до края на XII в.).— ИП, 1970, № 6, с. 29; *Свердлов М. Б.* Общественный строй славян в VI — начале VII в.— ССЛ, 1977, № 3, с. 56—59; *Он же.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 18 и след.
- <sup>99</sup> *Zástěrová B.* Les Avars..., p. 74—75; *Grafenauer B.* Sklabarchontes — «gospodarji slovanov» ali «slovenski knezi»? — *Zgodovinski Casopis*, 1955, N 9, s. 202—219; *Benedicty R.* Die auf die frühslawische Gesellschaft..., S. 51—52; *Antoljak S.* Die Makedonische Sklavinien.— В кн.: Македония и македонци в прошлом. Скопье, 1970, с. 27—44; *Ditten H.* Zur Bedeutung..., S. 78—79.
- <sup>100</sup> *Тъпкова-Заимова В.* Текстове за св. Димитър Солунски в Макариевия сборник.— В кн.: Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. С., 1982, с. 149.
- <sup>101</sup> ИБ, 2, с. 42; *Ваклинов Ст.* Формирование на старобългарската култура. С., 1977, с. 50.
- <sup>102</sup> Ср.: *Guillou A.* Régionalisme et indépendance dans l'empire Byzantin au VII<sup>e</sup> siècle. L'exemple de l'exarchat et de la Pentapole d'Italie. Roma, 1969, p. 251 (мнение автора о сильной славянизации Фессалоники в VII в. требует, на наш взгляд, дополнительной аргументации).
- <sup>103</sup> *Ditten H.* Prominente Slawen und Bulgaren in byzantinischen Diensten (Ende des 7. bis Anfang des 10. Jh.).— In: Studien zum 8. und 9. Jh. in Byzanz. В., 1983, S. 95—120.
- <sup>104</sup> *Antoljak S.* Militär-administrative Organization der makedonischen Sklavinien.— *JÖB*, 1982, 32/2, S. 383—390; *Лугаврин Г. Г.* Славиния VII—IX вв.— социално-политическите организации славян.— В кн.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984, с. 193—203.
- <sup>105</sup> *Huxley G. L.* The Second Dark Age of the Peloponnese.— *Λακωνικά Σπουδαί*, т. 3. Ἐν Ἀθήναις, 1977, p. 84—110; ср.: Ἀβραμίεα Ἀ. Νομισματικοὶ «θησαυροὶ» καὶ μεμονωμένα νομίσματα ἀπὸ τὴν Πελοπόννησο (στ'—ζ' αι.).— *Σύμμεικτα*, Ἀθήνα, 1983, т. 5, с. 49—89.
- <sup>106</sup> *Дринов М.* Заселение Балканского полуострова славянами.— Слч. С., 1909, I, с. 302.
- <sup>107</sup> *Schafarik P. J.* Slavische Alterthümer. Leipzig, 1847, Bd. II, S. 194, 222; *Наследова Р. А.* Македонские славяне конца IX — начала X в.— ВВ, 1956, т. II, с. 87.
- <sup>108</sup> *Anne Comnène.* Alexias / Text établi et traduit par B. Leib. P., 1967, t. II, p. 17, 21.
- <sup>109</sup> ГИВИ, т. IV, с. 160; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiliges Berges. München, 1948, N 120/4; *Michaelis Pselli Scripta Minora* / Ed. G. Kurtz, F. Drexl. Milano, 1941, II, p. 118 sq., N 90 et 91; *Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantine aux IX<sup>e</sup> — XI<sup>e</sup> siècles. Athènes; P., 1960, p. 83, n. 5; *Dujčev I.* Dragvista-Dravonitvia.— *Revue des études byzantines*, 1964, vol. 22, p. 215—221.
- <sup>110</sup> *Typicon Gregorii Pacuriani* / Ed. S. Kauchtschischvili. Thbilisi, 1963, p. 154.27; 156.10.
- <sup>111</sup> *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Basel, 1972, vol. 1/2, N 1877, 2647; см. рец.: *Seibt W.*— In: BSl, 1972, N 2, с. 208—213; см. также: Хр., I. с. 86—87.
- <sup>112</sup> *Iohannis Zonarae Lexicon* / Ed. J. A. Tittman. Lipsiae, 1808, vol. I—II, col. 1653.
- <sup>113</sup> *Ферјанчић Б.* Структура 30. главе списка De administrando imperio.— ЗРВИ, 1978, т. 18, с. 67—79.

- <sup>114</sup> *Κολεδάροφ Π.* Πολιτιστικὴ γεωγραφία..., σ. 13; *Zástěrová B.* Les Avares..., p. 71; *Ditten H.* Zur Bedeutung..., S. 84.
- <sup>115</sup> *Луѓаврин Г. Г.* К проблеме становления Болгарского государства.— ССл., 1981, № 4, с. 35 и след.
- <sup>116</sup> ГИБИ, IV, с. 13; *Κολεδάροφ Π.* Πολιτιστικὴ γεωγραφία..., с. 11 и сл.; ИБ, 2, с. 152, 153.
- <sup>117</sup> *Zástěrová B.* Die Slawen und die byzantinische Gesellschaft im 8. und 9. Jh.— In: Studien zum 8. und 9. Jh. in Byzanz. В., 1983, S. 89—94.
- <sup>118</sup> *Томоски Т.* Белешки за неколку малку познати места во средновековна Македонија.— Историја, Скопје, 1981, т. XVII, бр. 2, с. 75—80.
- <sup>119</sup> См.: *Петров П.* Образование..., с. 310—329; ср.: *Γρηγορίου — Ἰωαννίδου Μ.* Ἡ ἐκστρατεία τοῦ Ἰουστινιανοῦ Β' κατὰ τῶν Βουλγάρων καὶ Σλάβων (688).— In: BYZANTIAKA, Θεσσαλονίκη, 1982, τ. 2, σ. 113—124.





---



## Глава третья

# ВИЗАНТИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

в VII—XII вв.

Рассмотрев в первой главе социально-экономическую и общественно-политическую систему, существовавшую на Балканах накануне и во время расселения славян, необходимо теперь проследить на протяжении всего охваченного в труде периода, каковы были пути развития Византийской империи, с которой славянские государственные образования находились в тесном и непрерывном взаимодействии. Без этого невозможно выяснение степени влияния ранневизантийского общества на южнославянское в VI—XII вв., как и славянских общественных порядков — на империю.

Иными словами, вопрос сводится к постановке и рассмотрению все той же старой, но остающейся остро актуальной проблемы континуитета и дисконтинуитета общественного развития при переходе от одной общественно-экономической формации к другой.

Методологически, однако, подход к изучению этой проблемы применительно к славянскому и византийскому обществам не может быть одинаковым, ибо переход к феодализму у славян совершался на базе разлагающихся институтов первобытнообщинного строя, а у византийцев — в условиях отмирания порядков рабовладельческой формации. Поэтому комплекс понятий, обозначаемых терминами «континуитет» и «дисконтинуитет», будет в каждом случае принципиально различным: для славян с понятием «континуитет» должны связываться представления о пережитках первобытности, а с термином «дисконтинуитет» — не только имманентно развивавшиеся феномены нового, феодального строя, но и те его конкретные формы и институты, которые могут быть отнесены на счет византийского влияния; для Византии же «континуитет» означает совокупность тех явлений, длительно сохраняющихся в ее общественной жизни, которые восходят к поздне рабовладельческой эпохе, а «дисконтинуитет» предполагает, помимо прочего, непосредственное воздей-

ствие на ход развития империи со стороны «варварского» (для Балкан — прежде всего славянского) общества.

Естественно, что коллектив авторов не мог поставить перед собой цель решения этой грандиозной двуединой задачи в полном объеме. Центр тяжести исследования лежит на выяснении путей государственного развития именно славянского общества на Балканах. Тем не менее, не преследуя специально изучения проблемы «континуитета» и «дисконтинуитета» в Византии, авторы сочли своим долгом высказать ряд соображений по данной проблеме, которые неизбежно возникают даже в рамках данного, ограниченного по тематике, историко-сравнительного исследования.

В связи со сказанным характер данной главы должен быть несколько иным сравнительно с предыдущей и последующими. А именно: предстоит дать сжатый обзор 6-вековой истории византийской государственности в тесной зависимости от хода социально-экономического развития империи, сконцентрировав внимание на выяснении места и значения «варваров» в трансформации византийского общества.

В соответствии с принятой в советской исторической науке периодизацией мы подразделяем предстоящую обзорную эпоху на два периода: период с начала VII до середины IX в. как время перехода от рабовладения к феодализму, характеризующееся в целом зарождением и развитием раннефеодальных форм общественно-экономических отношений (и соответствующей им государственной структуры), и период с середины IX до конца XII в. как время полного оформления феодального строя в Византии и феодального Византийского государства.

Каждый из периодов мы коротко рассмотрим в соответствии с трехчастной схемой, а именно: характерные черты социально-экономической структуры, социальная стратиграфия общества, организация государственной власти. Разумеется, основное внимание будет уделено при этом проблемам развития государственности.

#### СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИМПЕРИИ С VII ДО СЕРЕДИНЫ IX в.

VII век вместе со следующим столетием по давней научной традиции именуется «темным» (непроявленным) временем. Недаром в последние десятилетия в мировом византийствовании этому веку посвящены специальные коллективные и монографические исследования<sup>1</sup>.

Исключительная по сравнению со всеми 11 веками византийской истории (в том числе сравнительно и с IV—VI вв.) скудность известий о VII в. показательна сама по себе: она — важное свидетельство пережитой империей трагедии, о которой и рассказать оказалось почти некому: территория государства сократилась втрое, запустели огромные площади культивировавшихся ранее земель, множество городов лежало в развалинах или обезлюдело, власть императора даже на сохранившихся землях зачастую была эфемерной, резко уменьшилось число элементарно грамотных людей.

Важнейшим фактором, решающим образом изменившим в течение VII в. ситуацию в византийской деревне, было массовое расселение «варваров» на землях империи. Наибольшие масштабы эта колонизация имела на Балканском полуострове. Свои основные владения в Италии, завоеванные лангобардами, империя потеряла еще в последней трети VI в., к началу VII в. под контролем империи оставались только область Равенны, Рим, юг Апеннинского полуострова и Сицилия. Во второй половине 30-х — начале 40-х годов VII в. в результате арабских завоеваний были утрачены юго-восток Малоазийского полуострова, Месопотамия, Сирия, Палестина и Египет.

В аспекте данного труда надолго или навсегда потерянные империей земли нас не интересуют. Важно констатировать, что византийская «реконкиста» VII—VIII вв. имела место в основном в Европе, на территориях, занятых славянами. Что же касается Малой Азии, то демографический облик удерживаемых провинций был в VII—IX вв. более или менее стабильным; лишь в центрально-малоазийских районах в результате византийско-персидских войн возросла плотность поселения армян, новая волна которых прихлынула сюда и в ходе арабских завоеваний. Постоянные войны с персами, а затем с арабами, хотя и сопровождалась отрицательными для жизни деревни экономическими последствиями, не вели, однако, здесь к принципиальным переменам в аграрном строе. Сходство положения в малоазийских провинциях с положением в европейских состояло главным образом в резком ослаблении контроля центральной власти. Кроме того, сюда, в северо-западные районы полуострова, были переселены десятки (по некоторым данным — сотни) тысяч славянских семей. Их поселения и здесь (как, например, в Вифинии) заняли значительные сплошные территории.

Суть переворота, происшедшего в ходе этих расселений (как и тяжелых войн), состояла в массовой ликвидации еще

сохранившихся в VI в. крупных имений и в повсеместном преобладании к концу VII в. мелкого крестьянского землевладения. В этом отношении справедливо выдвинутое еще в довоенное время в советской историографии положение о революционизирующем значении «варварских» вторжений на земли Восточноримской империи. Как было показано в I главе, к середине VI в. аграрные отношения находились в состоянии застоя: ростки нового (появление париков и обычного парического права) не находили в условиях рабочейладельческой реакции благоприятной почвы для развития. Не могло в тех условиях стать основой прогресса и уцелевшее свободное крестьянство, задавленное непосильным налоговым гнетом. Теперь же, благодаря славянской колонизации, резкому уменьшению крупных имений и ослаблению государственных налогов и повинностей, именно свободное крестьянство, численность которого многократно умножилась, стало исходной базой развития феодальных производственных отношений<sup>2</sup>.

Наиболее полное представление о византийской деревне VII—VIII вв. дает упоминающийся во II главе «Земледельческий закон» — запись (в его основной части) обычного права, сложившегося на землях империи после эпохи «варварских» нашествий, произведенная, видимо, в Италии в первой трети VIII в., но получившая повсеместное распространение. Под влиянием традиционных общинных (с остатками кровнородственных отношений) аграрных порядков «варваров», в условиях бессилия государственной власти, когда сельские жители империи (автохтоны) должны были длительное время самостоятельно решать вопросы землепользования и землевладения, а порой в какой-то мере даже обеспечивать свою безопасность, местная община не только укрепилась, но и возродилась там, где она к VI в. практически распалась.

Согласно «Земледельческому закону» это была соседская община; пахотные надель, как и приусадебные участки, находились в собственности общинников, угодья же (с четко зафиксированными границами у каждой деревни-общины) использовались сообща, представляя общинную собственность, формы эксплуатации которой определял деревенский сход; такая община (марка) уже не знала периодических переделов пахотной земли<sup>3</sup>.

Постепенное упрочение власти государства над сельскими районами, превращение общины в податную, включение деревни в товарно-денежные отношения, временно ослабевшие в конце VI—VII в. и снова оживившиеся в VIII в.,

утверждение прежних, традиционных норм византийского права, трактующего крестьянский надел как полную собственность (аллод), — все это обусловило интенсивное развитие процесса имущественного и социального расслоения общины. Уже «Земледельческий закон» фиксирует в деревне наличие зажиточных и разорившихся поселян, готовых арендовать землю у соседей на кабальных условиях исполщины или идти в наемные работники — мистии. В недрах общины поднималась мелкозачинная, а затем и крупная землевладельческая знать и складывался имущественно и социально обездоленный, затем — и поземельно и лично зависимый класс крестьянства. Примером такого вотчинника нового, феодального типа является деревенский хозяин конца VIII в. — Филарет<sup>4</sup>. Он владел 50-ю участками земли, 12 тыс. овец, сотней упряжек (пар) волов, 800 коней (помимо мулов, ослов и рабочих лошадей); его поля орошались водными источниками.

Сходным, по всей вероятности, было положение дел и в общинах «варваров», включенных в византийскую общественно-государственную систему, тем более что их община находилась уже в стадии перехода от земледельческой к соседской. Мало отличалась ситуация и в специальных поселениях «варваров», когда наделение их государственной землей производилось под контролем властей; возможно, правда, что в таких селах, где военные поселенцы обладали значительными наделами (переходившими в их собственность через 30 лет непрерывного владения и несения службы) и пользовались особым попечением властей, процесс расслоения протекал на первых порах значительно медленнее (во всяком случае до конца VII в., когда стала усиливаться фемная военная аристократия, вступившая на путь ускоренного приобретения крупной земельной собственности).

Новейшие исследования (в частности, работы Е. Э. Липшиц<sup>5</sup>, И. Ф. Фихмана<sup>6</sup>, Х. Кэпштейн<sup>7</sup>, П. Лемерля<sup>8</sup> и др.) позволяют говорить, однако, и об известном континуитете крупного (частного, церковно-монастырского и императорского) землевладения на протяжении VI—VII вв., как и о наличии в этот период некоторого континуитета крестьянской зависимости. Крупные имения сохранились в мало затронутых «варварскими» нашествиями районах Фракии, Южной Греции, на западе Малой Азии. Не повторяя сказанного в I главе, следует добавить, что в VIII в. в ходе иконоборческой борьбы, возглавленной самими императорами, реквизициям должны были подвергнуться не только движимые, но и недвижимые имущества церкви и монастырей



(в том числе земли, мастерские, доходные дома, мельницы и т. п.), ставшие владениями императора, правительственных учреждений и высшей фемной знати<sup>9</sup>. Вместе с остатками старого крупного землевладения должны были сохраняться и те (смягченные сравнительно с колонатными) формы крестьянской зависимости, которые уже в VI в. определялись в качестве особых арендных отношений, регулируемых обычным «парическим правом».

В условиях, когда казна лишилась основных источников дохода и было необходимо налаживать заново налоговую систему, огромное значение приобрело организованное императорское землевладение. В ходе «реконкисты» правительство утвердило свои права на все покинутые крестьянами земли. Был создан гигантский фонд плодородных (еще недавно культивировавшихся) государственных земель, использовавшийся и для основания правительственных имений, и для расселения «варваров» на условиях уплаты налогов и несения воинской службы, и для раздачи крупным гражданским и военным чиновникам в целях усиления их рвения по службе. В основном, однако, светское землевладение в эту эпоху развивалось в силу естественно-экономических процессов и в результате произвола возвысившейся фемной аристократии. По тем же причинам, а также благодаря уступкам самой центральной власти, дарениям знати и благочестивым взносам простых прихожан, на рубеже VIII—IX вв. снова, несмотря на жестокий удар в VIII в., укрепилось церковно-монастырское землевладение. Чрезвычайно показательно, что термин «парики», впервые упоминаемый в VI в. в связи с владениями церкви, встречается в источниках начала IX в. в значении «зависимые крестьяне» опять-таки применительно к церковно-монастырским имениям<sup>10</sup>. Никифор I Геник (802—811) снова реквизирует лучшие из поместий высшего духовенства и монастырей, но этот же император сам передал, обязав служить церкви (митрополии города Патры на Пелопоннесе) славянских поселенцев в округе города, подчиненных после их восстания 805 г. и отданных митрополиту вместе со всем их имуществом, — факт, свидетельствующий о противоречивой роли государства.

Категория париков, зародившаяся как принципиально новый слой эксплуатируемого крестьянства, но временно (в эпоху рабовладельческой реакции и «варварских» нашествий) или сошедшая с арены, или не получавшая заметного распространения, стала с начала IX в. быстро увеличиваться с тем, чтобы к XII в. превратиться в основную катего-

рию феодально-зависимого крестьянства. В середине IX в. до этого было еще далеко: классовые отношения в деревне определялись еще централизованными (государственными) формами эксплуатации. Однако расслоение общины уже настолько обострило социальные противоречия в деревне, что они нашли проявление в массовом участии свободного крестьянства в восстании Фомы Славянина (820—823) и в подъеме антифеодального еретического движения павликиан в малоазийских провинциях, по соседству с которыми, в Западной Армении, уже в 843 г. было создано своеобразное политическое объединение павликиан с центром в г. Тефрика<sup>11</sup>.

Не менее крупными изменениями, чем в аграрном строе, была ознаменована «переходная эпоха» и в жизни города. Большинство городов, особенно мелких и средних, лежали в развалинах, уцелевшие аграризировались, даже прибрежные; сохранили значение административных, церковных, военных и торгово-ремесленных центров лишь наиболее крупные (Константинополь, Фессалоника, Эфес, Никея, Аморий, Анкира). Но и они перешли в «готовом виде» в средневековье также в известной мере в результате упадка других городов: в крупные города стекались разорившиеся крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы. Резко возросли потребительские возможности города, стимулировавшие торговый обмен с сельской округой, в городе возникал широкий рынок дешевой рабочей силы, позволявший развернуть строительство, укомплектовать правительственные мастерские, наладить производство товаров, в которых нуждалась деревня. Однако в VII—VIII вв. города еще пребывали в упадке: Фессалоника в это время еще не наладила постоянных связей с сельским населением округи — ее экономика была ориентирована на морскую торговлю с отдаленными провинциями (Л., II, р. 86). Предпосылкой к возрождению города должны были стать подъем сельскохозяйственного производства, восстановление власти государства на окружающих город территориях, упрочение безопасности торговых коммуникаций на суше и на море, возобновление правопорядка на рынках и гарантия получения прибыли ремесленникам и торговцам, систематическая чеканка монеты, восстановление международных торговых договоров и т. п. Все это едва было достигнуто к началу IX в., когда начинается медленное возрождение византийского города, прежде всего столицы империи. Возрождался город, однако, на новой феодальной основе: от старого рабовладельческого полиса не сохранилось практически ничего. Хотя часть пригородных земель

еще оставалась у города как общины, подавляющее их большинство перешло в частные руки: местных чиновников, ростовщиков, крупных торговцев, церкви, монастырей, рядовых ремесленников и купцов. В пригородах начали возникать и крупные имения, на которые стал переноситься и самый термин «предградье» (проастий).

Следует отметить две особенности возрождающегося в городе ремесла и подъема торговли. Во-первых, это абсолютное преобладание в указанных видах деятельности свободных непосредственных производителей, владевших собственным инструментом, мастерской — лавкой (или обладавших возможностями снять под мастерские частные или государственные помещения). Во-вторых, это недостаточное отделение ремесла от сельского хозяйства: простой горожанин в Византии обычно вел и небольшое крестьянское хозяйство. Были, однако, в византийском городе категории ремесленников и торговцев, не связанных с сельским хозяйством и покупавших все продукты на городском рынке (оружейники, шелкоткачи, ювелиры и менялы, торговцы благовониями, шелковыми тканями и др.). Покупать все необходимое на рынке были вынуждены и наиболее бедные слои горожан: рабочие строительных артелей, наемные работники и поденщики.

В столице ремесленники основных специальностей и торговцы главными продовольственными товарами и изделиями массового спроса (как и предметами роскоши) были объединены более чем в 20 корпораций, находившихся под строгим контролем властей, но пользовавшихся льготами и защитой со стороны государства. Существование корпораций в мелких и средних городах остается спорным — здесь все более возрастающую роль в торговле и продуктами, и ремесленными изделиями стали приобретать монастыри, а затем и другие крупные собственники. Города Византии почти повсеместно и почти до конца истории государства сохраняли полуаграрный характер.

## СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В VII — СЕРЕДИНЕ IX в.

Уже из сказанного очевидно, что социальная структура населения империи претерпела в рассматриваемый период глубокую трансформацию. Особенно нечеткими, социально зыбкими были грани между слоями, игравшими наиболее активную политическую роль в государственной жизни империи в начале VII в. Сравнительно ясную границу между

господствующим классом и эксплуатируемым большинством можно провести лишь для 1-й половины IX в. Это большинство, как уже было сказано, составляли в VII—VIII вв. свободное общинное крестьянство и свободные мелкие производители в городах (ремесленники, являвшиеся в то же время и торговцами своими изделиями). Значительно менее многочисленные категории сельского населения, sporadически встречавшиеся (особенно в VII в.) лишь в имениях знати и хозяйствах зажиточных крестьян, составляли мелкие арендаторы, наемные сезонные работники и парики. О сколько-нибудь заметной роли рабов в сельскохозяйственном производстве уже в эту эпоху сведения отсутствуют, хотя на положении слуг, дворовых холопов и охранников их было немало в имениях крупных землевладельцев и в домах крупных чиновников.

Заметную категорию населения уже к 20-м годам VIII в. составляло и в деревне, и в городе монашество. В условиях слабости социальной базы и нестабильности власти в VII в. императоры искали опоры у церкви и монашества как у строго организованной корпорации, охватывавшей всю территорию государства и пользовавшейся влиянием на массы населения. Вплоть до императоров-иконоборцев политика благоволения, предоставления привилегий церкви и монастырям была столь же последовательной, как и при Юстиниане I. Сплошь и рядом власть местного епископа или митрополита оказывалась тогда единственной реальной властью в округе. Число монахов к середине VIII в. настолько умножилось, что императоры-иконоборцы, ликвидируя монастыри, ссылались на то, что слишком много людей под предлогом благочестия ведет паразитический образ жизни и бесполезно для государства: монахов заставляли вести хозяйство, принуждали к службе в армии<sup>12</sup>.

Наиболее сложным вопросом о социальной стратиграфии византийского общества в VII—VIII вв. является вопрос о структуре господствующего класса, особенно в период до введения фемной организации управления провинциями. В самом деле, крупное сенаторское землевладение сошло с арены уже к началу VII в., подавляющее большинство крупных имений было разгромлено «варварами», нанешими тяжелый удар и по городским земельным собственникам<sup>13</sup>. Зажиточная верхушка в деревне находилась в стадии становления. Ряды высшей, в том числе военной и гражданской, знати катастрофически поредели не только в непрерывных жестоких войнах, но и в результате террора Фоки (602—610) и вспыхнувших в его правление междоусобий.

Конечно, в целом остатки старой землевладельческой знати, высшее и среднее гражданское чиновничество в центре и на местах, представители командного состава армии, белое духовенство и монастыри составляли наиболее надежную опору императорской власти. Однако в целом эти привилегированные слои были относительно немногочисленными, особенно если принять во внимание катастрофическое внешнеполитическое положение империи и ту невероятно тяжелую борьбу, которую она выдержала в VII—VIII вв. с внешними врагами.

Решение вопроса следует, по-видимому, искать, помня, что в ситуации социальной и политической нестабильности центральная власть обрела относительную независимость в проведении своей политики, лавируя между различными прослойками господствующего класса.

Решающим условием успеха явилось подчинение интересам государства самого многочисленного и жизнедеятельного класса империи — свободного крестьянства. Восточноримская империя, в отличие от Западноримской, уцелела как государственная система не только в силу внутренних причин, о которых речь шла в I главе, но и потому, что удар «варваров» не имел здесь характера столь концентрированного и единовременного натиска, каким он был на западе.

Когда славяне занимали на Балканах одну провинцию империи за другой, она еще имела возможность извлекать огромные материальные и людские ресурсы из малоазийских провинций и богатейшего Египта, из Сирии и Палестины. Крупные денежные средства позволяли содержать многочисленную наемную армию. Были отброшены авары, завоеван длительный мир с Персией, что позволило утвердить новую феодальную систему военной и гражданской администрации в Малой Азии. Когда же начался натиск арабов и были потеряны Месопотамия, Сирия, Палестина и Египет, — утратила остроту конфронтация со славянами, создавались предпосылки к подчинению разобщенных, обратившихся к мирной жизни Славиний. Наконец, когда на севере Балканского полуострова появился новый серьезный враг — Болгарское государство, империя уже успела упрочить свои позиции во Фракии и Македонии и стабилизировать положение на арабской границе.

Свидетельством вынужденной уступки и трезвого политического расчета является тот факт, что в VII в. не действовала система эпиболы (см. I гл.), налоги со свободного крестьянства областей, признававших власть императора, были минимальными. И «Земледельческий закон» не

знает иных поборов в государственную казну, кроме так называемого «экстраордина», т. е. «чрезвычайного сбора». Особенно серьезными льготами располагали свободные крестьяне, внесенные в стратиотские каталоги (списки фемных ополченцев) или получившие надель государственной земли за воинскую службу. В VII — первой половине IX в. в положении таких налогоплательщиков и военнообязанных поселенцев оказались на Балканах и массы славян Фракии, Македонии, Эпира, Северной и Средней Греции и Пелопоннеса<sup>14</sup>.

Таким образом, нет никакого парадокса в утверждении, что те же самые «варвары», которые сокрушили рабовладельческую Восточноримскую империю, объективно содействовали континуитету государственной власти и возрождению империи как раннефеодальной монархии. То же самое свободное крестьянство, которое стало основой упрочения центральной власти, подготовило тем самым условия для наступления государства на его жизненные интересы. Налоги стали возрастать уже в начале VIII в., в третьей четверти VIII в., помимо налога на недвижимость, был вновь введен всеобщий подворный налог (капникон), а в начале IX в. была снова упрочена и круговая порука общины в уплате налогов всеми ее членами (аллиленгий); к военной службе стали привлекать и разорившихся крестьян, не способных обеспечить свое вооружение и воинское снаряжение, — материальную помощь такому воину должны были оказывать также его односельчане.

Между тем усиливались и позиции господствующего класса на местах, в недрах фем поднималась крупная землевладельческая знать, использовавшая полноту власти, оказавшейся в ее руках. Из среды этой знати вышел, в частности, Лев III Исавр, захвативший в 717 г. престол. Опасаясь могущества фемной знати, опиравшейся, помимо своего служебного положения, на свои недвижимые и движимые богатства и на обширную клиентеллу, императоры уже в конце VII в. начали дробить фемы. С этого времени можно вести историю борьбы двух группировок византийского господствующего класса: военной аристократии (в данный период по преимуществу провинциальной) и высшей гражданской знати (в основном столичной). Для первых уже в то время большое значение стала приобретать частновладельческая эксплуатация, углублению которой препятствовала налоговая система; источником богатств и влияния вторых были прежде всего жалованье и дары императора за счет казначейства, обнаружившие тенденцию к сокращению с

расширением частновладельческих земель. Борьба этих группировок знати определяла специфику развития феодального строя в Византии, однако в рассматриваемый период последствия борьбы еще не проявились в полной мере. Ясно, что меры центральной власти по ослаблению всевластия провинциальных магнатов не дали в это время крупного эффекта. На Пеллопоннесе в середине IX в. огромными владениями обладала некая Даниэлида, влияние которой простиралось почти на половину полуострова. Важно, однако, и то, что источники говорят о богатствах Даниэлиды, как о явлении исключительном. Эта представительница складывающегося класса крупных землевладельцев проявила лояльность к императорской власти, не противодействуя ее централизаторским устремлениям.

Хотя к середине IX в. четко обозначилась как господствующая линия развития социально-экономических отношений тенденция к утверждению феодального землевладения и частновладельческих форм эксплуатации, преобладали еще централизованные формы изъятия прибавочного продукта через государственную налоговую систему, генетически восходящую к позднеримским принципам налогообложения.

#### ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ в VII — СЕРЕДИНЕ IX в.

Центральный аппарат государственной власти сохранился в бурях VI—VII вв., однако претерпел существенные изменения, выразившиеся прежде всего в значительном упрощении системы правления и сокращении штата чиновничества. Резко «потускнели» и опростились церемониал, распорядок и быт императорского двора и столицы. История развития системы центральной власти империи в VII—IX вв. представляет собою постепенное восхождение от «простого» к «сложному», медленное возрождение — в новом облики — громоздкой бюрократической машины, происходившее в острой борьбе между группировками господствующего класса.

В условиях VII в. на первое место и внутри и вне страны выдвинулась функция подавления, военного решения государственных проблем; функции гражданского управления оказались подчинены военным как решающим. Началась все более отчетливо проводимая линия на военизацию аппарата власти в центре и на местах. Усилились военные и полицейские функции эпарха столицы — высшего после импера-

тора гражданского правителя города: в организации обороны, в охране особы императора, в обеспечении порядка и наказании нарушителей закона. Сам император все чаще выступал в роли полководца, главнокомандующего византийской армии.

Военизация аппарата сочеталась с его специализацией и децентрализацией, что привело к ликвидации единого центрального ведомства, возглавляемого префектом претория. Вместо этого централизованного учреждения, обладавшего широкой компетенцией, было создано несколько новых ведомств («логофисий» во главе с «логофетами»): логофисия геникона (она ведала раскладкой и взысканием государственных налогов); логофисия стратиотская (управление по набору, экипировке, снабжению и оплате воинов), логофисия стад (ведомство по содержанию императорской кавалерии и обеспечению армии военной техникой и снаряжением); в середине VIII в. оформились и ведомство дрома — почты и внешних сношений, а также много иных ведомств, среди которых была велика роль ведомства частных имуществ, управлявшего имениями и доходами императорской семьи. В начале VIII в. появилась должность высшего финансового чиновника — сакеллария, осуществлявшего контроль за ведомствами, имевшими отношение к сбору и расходам средств государственного казначейства.

Кроме того, во дворце множились специальные службы, связанные с обеспечением его постоянных и чрезвычайных потребностей: ведомства императорского гардероба, снабжения продовольствием, строительства и ремонта, устройства церемониальных приемов и т. д. Рост этого аппарата и усложнение его структуры отражали в сфере управления процесс укрепления централизованной системы эксплуатации.

Постепенно менялось отношение центральной власти и к духовенству. В конце VI—VII в. императоры обычно получали у церкви широкую и постоянную поддержку в борьбе с сенаторской аристократией с остатками куриальской знати, с еретиками и иноверцами; духовенство и проповедью покорности, и реально имеющейся у него силой содействовало восстановлению власти Константинополя в провинциях, как и обращению в христианство и подчинению «варваров»-язычников. Влияние высших церковных иерархов и крупных монастырей, особенно в провинции, необычно возросло. Последствия этого были, однако, противоречивы. То там, то здесь возрождались враждебные ортодоксальному «символу веры» христианские религиозные течения (монофиситство, монофелитство, несторианство), утверждались и



приобретали огромную популярность культы местных святых — под религиозными лозунгами разгорались сепаратистские движения<sup>15</sup>.

Уже в VIII в. императоры приняли меры к утверждению своей власти над церковью. Непокорных римских пап отправляли в ссылку, организовывали соборы против неуступчивых антиохийских патриархов. Но это было лишь начало кампании за превращение церкви в орудие светской власти. Успешный исход борьбы был обеспечен отчасти благодаря сокращению территории империи: антиохийский и иерусалимский патриархи после арабского завоевания почти не влияли на политическую ситуацию в государстве. Непокорность продолжал проявлять римский папа, но его голос почти не был слышен на Босфоре.

Императоры прежде всего укрепили авторитет собственной власти, присвоив себе право решающего голоса при выборе константинопольского патриарха и принятии важнейших догматов на вселенских соборах. Это не далось им легко. Даже в эпоху становления христианской церкви и ожесточения религиозной борьбы в IV—VI вв. не сменилось в течение одного столетия столько патриархов (15), сколько в VII в.

Уже Ираклий принял пышный новый титул «василевса ромеев», считаясь с тем фактом, что в его власти оставались по преимуществу греческие или эллинизированные территории: возрождение древнегреческого титула (вместо латинского «император») указывало на исконные, глубокие корни власти повелителя империи, а наименование подданных «ромеями» — на сохранение римских традиций. Но в отношениях с церковью он еще смиренно именовал себя «рабом Христа», «сыном церкви», тогда как его преемники в начале следующего столетия назывались официально не только «василевсами», но также «иереями». Однако исключительная роль в закреплении примата светской власти над духовной была сыграна императорами-иконоборцами. Сказать об этом, впрочем, целесообразнее после характеристики провинциального управления в VII—VIII вв.

Упрочение или даже восстановление (особенно на Балканах) государственной власти в провинциях составляло важнейшую задачу императоров VII—VIII вв. Прежняя система управления, основанная на принципе разделения гражданской и военной власти (причем — при преобладании именно гражданской бюрократии), для выполнения этой задачи не годилась. Необходима была концентрация всей полноты власти в одних руках, когда функции управления

находили бы непосредственную опору в вооруженном насилии. Опыт такого управления империя уже имела: в отдаленных Карафагенском и Равеннском экзархатах такую полноту власти экзархи получили еще в конце VI в., при Маврикии.

Однако введение фемного строя не было результатом всеобщей реформы, единовременной и повсеместной<sup>16</sup>. Само оформление фемной организации происходило во многом стихийно, часто в ходе восстановления власти империи. Старые органы власти не упразднялись, а сосуществовали с новыми, постепенно отступая на задний план.

Начало организации фем было положено при Ираклии — и прежде всего там, где позиции империи были более прочными, а организация обороны (от персов и арабов) — особенно настоятельной, т. е. в Малой Азии. «Фема» означала первоначально военный отряд, состоявший из наемников или рекрутов и возглавлявшийся стратигом-полководцем, наделенным чрезвычайными военными и гражданскими полномочиями. Расквартированный в провинции воинский контингент (фема) прежде всего обеспечивал восстановление и упрочение на вверенной стратигу территории имперского правопорядка, налоговых поступлений, функционирование местных органов власти и т. д., так же, как и организацию обороны. Важнейшей задачей стратига было, кроме того, введение на территории провинции системы набора ополченцев из свободных крестьян путем внесения их имен в воинские списки (каталоги), путем наделения переселяемых сюда из других мест военнообязанных поселенцев земельными участками. Эти крестьяне — «стратиоты» обязывались систематически являться с конем, оружием и снаряжением на воинские (обычно весенние) сборы для учений и маневров, а также — собираться по первому уведомлению для отражения врага или для военного похода<sup>17</sup>.

В европейских владениях империи первая фема (так этот термин с воинского отряда оказался перенесенным на саму провинцию) была организована в 680-х годах на территории, защищающей подступы к столице (во Фракии, по имени которой она и называлась), вероятнее всего — в связи с увеличением опасности этому региону после образования Болгарского государства. В конце века была создана фема Эллада (Греция). Затем фемы на Балканах создавались по мере восстановления власти империи: в VIII в. — Македония (она вначале охватывала лишь области Западной Фракии), на рубеже VIII—IX вв. — Пелопоннес, в начале IX в. — Кефаллиния (Ионические острова), Диррахий,

а несколько позже — Никополь, Стримон и Фессалоника. Ко второй половине IX в. относится организация фемы Далмация.

Термин, означающий главу фемы (стратиг) приобрел новое техническое значение: не «полководец» вообще, а по преимуществу — правитель провинции, которому оказались подчинены и местный судья, и налоговые чиновники. Стратиги быстро осознали свое могущество (особенно в Малой Азии, где первые фемы имели огромные размеры), они могли сплотить все оппозиционные правительству силы; их поддерживали и сепаратистски настроенные местные епископы, архиепископы и митрополиты, и местное влиятельное монашество. Ситуация была тем более опасной, что с конца VII в. стали быстро расти, как упоминалось, налоги и повинности, вызывающие острое недовольство в деревне.

Императоры, дробя фемы, сокращали воинский потенциал стратигов и зону их влияния. И в этом вопросе решающую роль сыграли императоры-иконоборцы, занимавшие престол более ста лет. В 717 г. в результате открытого мятежа императорскую власть захватил стратиг фемы Анатолик Лев (III) Исавр (717—741). Именно он, прекрасно знавший ситуацию в провинциях, а затем его сын Константин V (741—775) стали особенно настойчиво проводить курс на всемерное укрепление императорской власти.

Наиболее ярко этот курс проявился в так называемом иконоборчестве. Почитание икон, мощей святых, скопление сокровищ и богатств в церквях и монастырях объявлялись несовместимым с ортодоксальным христианством. Завязалась острейшая борьба — против Льва III сплотились все силы оппозиции. Император был беспощаден, обрушив на противников репрессии и конфискации. Военные победы над арабами и болгарами укрепили его положение. Иконопочитатели (кроме папской курии, нашедшей поддержку франков) были разгромлены.

Лев III содействовал восстановлению культа императорской власти, возобновлению римского судопроизводства и утверждению норм римского права, переживавших упадок в VII в. Была издана «Эклога», закрепляющая принцип частной собственности и основные положения законодательства Юстиниана. Были определены критерии распределения воинской добычи между казной, командным составом и рядовыми воинами: император явно искал опоры у ополченцев фемного войска. Продолжалось и дробление малоазийских фем. Были ослаблены и традиции городского самоуправления: государство отстранило городские круги от дел, свя-

занных с ремонтом и поддержанием крепостных сооружений и обороной города. Курии были низведены до положения организаций, ответственных за устройство зрелищ и церемониальных процессий, и утратили былое политическое значение.

Политику отца продолжил Константин V, обрушившийся с репрессиями на монашество и подвергший разгрому оппозицию в столице. Его крутые меры не привели, однако, к полному умиротворению, и Константин стал искать популярности у населения столицы: в интересах горожан он обязал крестьян продавать по принудительно низким ценам зерно государству, установив стабильные цены на хлеб в городе. Константинопольский рынок стал изобиловать дешевыми продуктами, тогда как налоговый гнет в деревне возрастал. Ведущую роль в управлении снова приобретала гражданская придворная бюрократия<sup>18</sup>.

После смерти Константина V иконоборческий курс правительства стал ослабевать: его основные цели были достигнуты — упрочилась центральная власть, пополнилось казначейство, была подчинена церковь и ослаблена фемная знать. Новый удар фемной знати панес Никифор I (802—811), прославившийся конфискациями владений провинциальной знати и усилением налогового гнета. Никифор проводил активную политику подчинения славян: были разгромлены мятежные славяне Пелопоннеса, на полуостров и в Македонию во множестве переведены переселенцы-греки из других фем.

Дальнейшая борьба вокруг икон грозила ослаблением господствующего класса; после восстания Фомы Славянина и первых открытых выступлений павликиан иконоборцы ушли с арены. Иконопочитание было торжественно восстановлено в 843 г. И столичная, и фемная знать сплотилась вокруг трона. Теперь совместными усилиями она подвергла жестокому преследованию павликиан и мятежные элементы в закабаляемой деревне. Сопротивление свободного крестьянства было сломлено. Быстро возрастали государственные налоги и повинности. Упрочение центральной власти совершилось в конечном счете за счет крестьян, эксплуатация которых осуществлялась снова непомерно разросшимся штатом чиновников центрального ведомства геникона.

Восстановление централизации власти, завершенное в основном к середине IX в., надолго определило пути развития византийской государственности: на два столетия с лишним налогообязанное крестьянство стало основой бюрократи-

ческой государственной машины, обеспечивая материальные ресурсы казначейства и боеспособность имперских военных сил. Тем самым было стеснено и замедлено свободное развитие феодальных производственных отношений, по темпам оформления которых Западная Европа стала обгонять Византию.

## ОФОРМЛЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА В ВИЗАНТИИ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Несмотря на ослабление фемной знати во второй половине IX в., стихийный процесс развития крестьянской феодальной зависимости (парикии) сделал значительные успехи. Разорение свободных крестьян, утрата ими собственной земли (в том числе — стратиотских участков) приняли столь крупные масштабы, что с 20-х годов X в. до 20-х годов XI в. следует целая серия императорских указов (новелл), имевших целью защиту мелкого крестьянского землевладения: с распространением парикии государство теряло налогоплательщиков и воинов-ополченцев. Эти новеллы известны в историографии как законодательство императоров Македонской династии.

Крестьянам предоставлялось предпочтительное право покупки отчуждаемой земли не только соседей-общинников, но и динатов («сильных людей»), право выкупить проданную землю в рассрочку в течение 30 и 40 лет, а затем и вне любого срока давности; приобретенные динатами крестьянские участки в обход права предпочтения или за бесценок возвращались крестьянам без компенсации динату, стратиотские участки объявлялись вообще неотчуждаемыми и т. п. Однако в новеллах под давлением крупных собственников и сановников, также ставших на путь стяжания земли, делались послабления, позволявшие динатам обходить запреты. К тому же и выделившиеся в общине зажиточные хозяева и динаты, обладавшие участком на деревенской территории, становились тем самым членами общины, обладателями и права предпочтения и права близости, так что могли и далее — в соответствии с законом — округлять свои владения, имея достаточно средств, чтобы скупать участки разорившихся односельчан-общинников.

Те же новеллы, следуя друг за другом, констатируют, что положение не меняется, императорские указы не выполняются, в имениях крупных светских и духовных собственников растет число париков, а бывшие стратиоты попадают в зависимость к своим командирам.

Источники X в. позволяют сделать заключение о существовании в империи трех видов земельной собственности: частной (мелкой крестьянской и крупной феодальной), государственной (императорской) и общинной, представлявшей собою угодья общины, находящиеся в нераздельном пользовании крестьян. Изменения в соотношении этих видов собственности в XI—XII вв. сопровождались переменами и в ее структуре: в рамках частной собственности укреплялось крупное феодальное землевладение, рост которого совершался за счет мелкого и двух других видов собственности. На рубеже XI—XII вв. крупная феодальная собственность стала ведущим видом землевладения<sup>48</sup> в империи.

Соответственно отношениям собственности византийское крестьянство делилось на три главных крупных разряда: частновладельческих зависимых крестьян-парики, государственных парики (зависимых крестьян имений императорской семьи и правительственных учреждений) и мелких землевладельцев, общинников и хуторян. К концу XII в. доминирующее значение приобрели частновладельческие парики.

Отношения парики регулировались «парическим правом», возникшим в качестве обычного еще в VI в. и нашедшим к началу второй четверти X в. строго выраженное юридическое определение. Согласно разъяснению юриста того времени Космы, парик обретал права наследственного владения на полученный от господина участок, если сам или его родители владели им непрерывно в течение 30 лет, уплачивая ренту господину. Такого парику господин не имел права согнать со своей земли. Парики обладали правом свободного перехода, погасив свои обязательства перед господином, причем могли перенести дом и иные постройки на новое место. Практически такие переходы были под силу только состоятельным парикам, да и господин имел возможности помешать переходу. (Крупные собственники препятствовали уходу из имения даже свободных наемных работников.)

Уровень эксплуатации париков (как частных, так и государственных) в 2—3 раза превосходил уровень эксплуатации крестьян государством через налоговую систему. Кроме того, парики на общих основаниях со свободными крестьянами уплачивали и государственные подати и несли повинности. Если же их господин получал освобождение от налогов, то оно не распространялось на самих париков — бывшие казенные платежи господин теперь собирал в свою пользу<sup>49</sup>.

Основным налогом была синона (до конца X — начала

XI в. вносившаяся продуктами, прежде всего — зерном, а затем коммутированная на деньги). Ее размеры зависели от размеров и качества земли, находящейся в собственности или владении крестьянина. Взималась и поголовная (подушная или подворная) подать (капникон). Крестьяне уплачивали множество иных налогов за владение любыми иными хозяйственными объектами (пастбища, пасеки, мельницы, крупный и мелкий скот, сад, огород, масличные деревья, рыбные тони, дубовые рощи). С последней четверти X в. они должны были регулярно уплачивать в пользу церкви налог-каноникон. Первоначально чрезвычайный, взимавшийся в случае правонарушений в общине судебный сбор (аэрикон) стал регулярной пошлиной. Крестьяне должны были также выполнять извозную повинность, участвовать в строительстве и ремонте дорог, крепостей, мостов, военных судов. Свободные крестьяне, деревни которых лежали вдоль государственных дорог (находящихся в ведомстве логофета дрома), были обязаны обслуживать почту, предоставлять транспорт, продовольствие и кров разъездным чиновникам, членам иностранных посольств, курьерам и т. п.

Способствуя имущественному оскуднению крестьянства, налоговый гнет объективно создавал благоприятные условия для вовлечения крестьян в зависимость от крупных собственников.

Крупное феодальное землевладение в империи складывалось несколькими путями. Основным был описанный выше путь, лежавший через имущественное и социальное разложение свободной общины. На этом пути, как отмечалось выше, династия сталкивалась с сопротивлением государственного аппарата. В иных случаях, однако, само государство способствовало образованию феодального землевладения. В этом плане могут быть отмечены императорские пожалования государственной земли вместе с париками императорских и правительственных учреждений. Кроме того, все большее значение приобретали пожалования неветчных прав — права сбора в свою пользу государственных доходов с определенной территории (эти пожалования назывались солемниями, харистикиями, прониями). По сути дела, это были различные виды условной собственности, так как право сбора доходов сочеталось с правом управления данной территорией в течение установленного срока (чаще всего — на срок жизни) и с определенно указанным видом службы в пользу государства<sup>20</sup>.

Этот вид пожалований (прежде всего — проний) касался в первую очередь земель свободных налогоплательщиков

казны; на первых порах он означал лишь передачу частному лицу государственных налогов. Однако в реальной обстановке дарение пронии вело к появлению прав получателя пожалования и на землю, и на населяющих ее крестьян. Так, неличные права становились средством распространения государственной (а затем и частной) собственности на земли свободного крестьянства. Пронии уже к концу XII в. обнаружили тенденцию к превращению в наследственные, а затем — и в безусловные владения на правах полной частной собственности. Особенно быстро этот процесс развивался на государственных землях после завоевания Болгарии (в Северной Фракии и Южной Македонии). Накануне IV крестового похода целые области на Пелопоннесе, близ Фессалоники, в Малой Азии превратились фактически в независимые феодальные княжества, лишь номинально признававшие власть Константинополя<sup>21</sup>.

В целом, однако, в отличие от Западной Европы развитие и оформление особого статуса феодального имения в Византии протекало медленнее: государство осуществляло целую систему мер по контролю за ростом крупного землевладения, оно ограничивало число освобожденных от налогов париков, поселяемых господином на своей земле, систематически производило учет хозяйственных изменений в поместье (и на господском домене, и в поселениях париков) на предмет обложения налогами, предоставляло налоговую экскуссию как важную привилегию, почти никогда не давало частным крупным собственникам право высшей юрисдикции. Вассально-ленная система в империи, зародившись, не получила развития. Даже в распадавшейся на независимые от центра феодальные княжества империи не сложилась иерархическая структура земельной собственности, как она сложилась на западе Европы.

Характерной особенностью Византии, как и других балканских стран, было отсутствие феодальных замков в истинном смысле слова. Вотчины были снабжены укреплениями, имелись и охраняемые башни-убежища, но, как правило, сами господа, исключая время сезонных работ, проживали в городах, где они обладали целыми подворьями.

С середины IX в. до второй половины XII в. византийский город пережил время относительного расцвета. Упрочились товарно-денежные отношения между городом и деревней. Помимо традиционных и новых городских рынков, возникло много ярмарочных центров на морском побережье и вдоль сухопутных дорог, и даже при крупных монастырях. Византийское купечество вело крупную международ-



ную торговлю, выходящую далеко за пределы Средиземноморья.

На хозяйственно-торговой деятельности городского населения с XI в. все сильнее стали сказываться отрицательные последствия вмешательства и мелочного контроля государственной власти: высокие налоги и пошлины в казну, ограничения норм прибыли, регулирование цен на рынке, принудительный курс монеты с уменьшающимся содержанием золота, запрет представителям знати и чиновничеству заниматься хозяйственной деятельностью, запрет найма более одного-двух наемных работников и на срок более одного месяца, строгий надзор за ввозом и вывозом товаров. Все это вело к изъятию значительных средств из производительного потребления, к использованию крупных богатств на предметы роскоши, к тезаврации денег. Особенно тяжелые последствия для ремесла и торговли имело предоставление непомерно высоких привилегий иноземному купечеству. Из политических соображений (потребность в помощи военного флота) императоры с конца XI в. стали предоставлять права беспошлинной торговли, а затем и экстерриториальности и неподсудности суду империи купцам Венеции, Генуи и других итальянских торговых республик. Оказавшиеся в несравненно менее выгодных условиях отечественные ремесла и торговля не могли выдержать конкуренцию с итальянскими товарами. Ввозимые с Запада, они скоро оказались и дешевле, и выше по качеству византийских. Ранее всего признаки упадка проявились в Константинополе. Корпорации, оказавшиеся оковами производства, стали утрачивать былое значение. Засилие иностранного купечества становилось полным — вплоть до снабжения города продовольствием<sup>22</sup>.

От связей с итальянцами выигрывали лишь крупные земельные собственники, укреплявшие не только политическое (в качестве крупных должностных лиц), но и экономическое влияние в провинциальных городах: они выбрасывали на рынок все больше продуктов и ремесленных товаров, производимых в их вотчинах, наладили оптовую торговлю с итальянским купечеством. Былая слава Византии как мастерской великолепия к концу XII в. закатилась: перед империей стояла реальная угроза превращения в сырьевой придаток Венеции и Генуи<sup>23</sup>.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИГРАФИЯ  
ВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА  
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX—XII в.

Обозначенный в заголовке вопрос уже был затронут выше. Поэтому подчеркнем лишь основные особенности социальной структуры населения империи в середине IX—XII в. сравнительно с предшествующим периодом. Среди сельского населения в это время основную роль стали играть парики — широкая категория зависимого крестьянства. Абсолютное его большинство было частновладельческим. Число государственных париков, временно возросшее после завоевания Болгарии в начале XI в., быстро сокращалось в результате императорских пожалований. Благодаря развитию условного землевладения (особенно проний), в зависимость втягивались и остатки свободного крестьянства. Мы употребляем термин «парик» в его расширительном значении — на самом деле в византийской вотчине трудились крестьяне самых разных категорий, отличавшихся и по социальному, и по юридическому статусу. Особенно много этих категорий было в IX—X вв. в эпоху формирования феодального имения. В XI—XII вв. имел место, напротив, процесс сближения в положении зависимых крестьян: особые термины для обозначения их разных групп утрачивали реальное содержание — понятие «парики» все чаще стало употребляться как обобщающее. Характерным новым явлением было уменьшение размеров крестьянских держаний, появился большой слой так называемых «актимонов», т. е. неимущих, или «капникариев» — плательщиков лишь капникаона ввиду отсутствия у них земли и скота для ее обработки.

Еще отчетливее процесс падения благосостояния в X—XII вв. заметен на свободных мелких землевладельцах: разорялись не только отдельные крестьяне — появилось множество запустевших деревень<sup>24</sup>. С сокращением слоя свободного крестьянства приходило в упадок фемное войско: крестьяне оказывались не в состоянии обеспечить себе боевого коня, вооружение, не могли и участвовать в военных походах, и поддерживать в порядке свое хозяйство. Уже в 960-х годах была проведена военная реформа, резко отделившая от основной массы стратиотов их наиболее зажиточную верхушку. В тяжеловооруженную конницу (ставшую ударной силой армии) стали зачислять лишь крестьян, обладавших наделами, превосходящими в 15—20 раз обычный крестьянский участок, служивший единицей обложения

полнонадельного крестьянина, т. е. это были в сущности мелкие вотчинники, нечто вроде ополчения средневековых западных рыцарей. Защищенные (вместе с конем) латами и доспехами, они назывались катафрактами<sup>25</sup>.

Прочие военнообязанные крестьяне продолжали служить в пехоте, на флоте. Разорившихся должны были содержать их односельчане. Однако с начала XI в. приняла широкие масштабы так называемая фискализация «стратий», т. е. военнообязанных стратиотских участков: военная служба заменялась уплатой денег в казну. На эти средства государство содержало наемные войска — тагмы, крупнейшие из которых квартировали в столице. Тагмы имелись практически во всех провинциях, в отличие от фемного войска они не распускались по окончанию кампании. Несли тагмы и пограничную службу. Тагмные отряды перебрасывались в любой конец империи, тогда как фемное войско чем дальше, тем чаще использовалось по преимуществу близ мест набора. При одновременном выступлении фемных и тагмных войск командиры именно тагм играли главную роль. Фемы сходили со сцены — их роль становилась вспомогательной при профессиональном наемном войске. Происходило как бы повторение в новых условиях того, что уже имело место в V—VI вв. Среди наемников было множество иноземцев. Порой скудно оплачиваемые, наемники поднимали мятежи, при проходе по имперским территориям грабили население, трывили посевы. Малодисциплинированные и не имевшие, за исключением высших командиров, никаких иных интересов, кроме платы и добычи, наемники усиливали нестабильность власти: они легко поддавались на посулы мятежных полководцев. Ослабление воинских сил стало особенно заметным во второй половине XI в. В 1071 г. на востоке империи, близ Манцикерта, византийская армия, выступившая против турок-сельджуков, потерпела сокрушительное поражение. В плен попал сам император.

Еще больший упадок переживал столь могущественный в X в. военный флот. Он делился на две части, одна комплектовалась в провинциях (в морских фемах Малой Азии и островов Эгейского моря), другая, собственно императорский флот, — обслуживалась наемниками и располагалась в столице и близ нее (у берегов Мраморного моря и Босфора).

В основе кризиса военно-морских сил лежали те же причины: разорение свободного крестьянства, служившего в качестве гребцов, матросов и воинов, а также специальный курс во второй-третьей четверти XI в. центральной власти, о чем будет сказано ниже. Возрождение военного флота началось

лишь при Алексее I Комнине (1081—1118), но никогда все-таки флот не достиг своей прежней силы. Поэтому-то империя и стала зависеть от военной помощи итальянских республик, так дорого обошедшейся городскому хозяйству Византии<sup>26</sup>.

Торгово-ремесленное население провинциальных городов в XI—XII вв. значительно возросло. Города провинций еще переживали подъем, тогда как столица уже начала клониться к упадку. Но и здесь усиливалась конкуренция иноземных товаров, а еще более отрицательные последствия имели неослабный налоговый гнет и политическое (а затем и экономическое) засилье крупных землевладельцев. Горожане, непосредственные производители и торговцы, оказались в отличие от горожан других стран Европы лишенными собственных производственных объединений, которые облегчили бы им борьбу за более выгодные условия своей деятельности. Корпорации Константинополя (и, может быть, и нескольких других крупных городов) лишь напоминали западные цехи, но не являлись ими по сути. Они находились под надзором государственной власти, были опутаны множеством ограничений, не выбирали, а принимали себе руководителей, назначенных сверху, в сущности — чиновников с полицейскими функциями, далеких от интересов рядовых членов. Да и в столице корпорации к концу XII в. почти сходят с арены. Византийский патрициат, если можно так выразиться, богатые торговцы, менялы, ростовщики, владельцы мастерских, судовладельцы не сумели сплотиться для защиты своих интересов, да и противник им противостоял гораздо более могущественный, чем на Западе (где коммуны возникали в борьбе с феодальными сеньорами). Этим врагом было само государство, так никогда в империи и не объединившее своих сил с городами даже в худшие времена феодальной раздробленности. В XI в. по приморским городам-эмпориям (торговым портам) империи прокатилась волна бурных, но скоротечных восстаний против налогового гнета, высоких пошлин, политического и социального бесправия. Но восстания были стихийными, у горожан не было союзника в деревне. Все эти выступления были потоплены в крови. Лишь отдаленный Херсон умел добиваться некоторых привилегий и сохранял традиции самоуправления: выборные протевоны (влиятельные горожане) нередко изгоняли стратига фемы или заставляли его идти на уступки<sup>27</sup>.

Духовенство (и белое, и черное) консолидировалось в значительную социальную и политическую силу. Церковное

землевладение в целом уступало монастырскому: империя была поистине страной монастырей. Монастырь стремился основать каждый крупный собственник, добываясь для монахов всяческих привилегий. Монастыри, объединив свои участки, основывали даже беднейшие крестьяне, стремясь избавиться от нужды. Вклады монастырям стали нормой поведения состоятельных людей. Жертвовали нередко последнее достояние монахам и бедняки. Крупные монастыри зачастую имели владения не только в месте своего расположения, но и в разных провинциях. Крупнейшие монастыри Константинополя, Олимпийские в Малой Азии и Афонские на Халкидике играли серьезную политическую роль. Высшие слои монашества (а в монастырях сохранились специальные градации внутри братии) составляли тот контингент, из которого императоры набирали себе угодных патриархов, митрополитов, епископов, личных духовников.

Характерной особенностью организации церкви в империи сравнительно с западной, латинской были малые размеры епископий и прочих епархий. Зачастую это был небольшой город с ближайшей округой. Сельские священники вообще вели жизнь, неотличимую от крестьянской,— на них распространялась и налоговая система, имели они и семьи (целибат в Византии соблюдался для иерархов, начиная с сана епископа, а прочие священнослужители были даже обязаны жениться до получения прихода). Не гнушались вести хозяйство, вкладывая и личный труд, даже епископы. Имущественное состояние церкви почти целиком зависело от императора. Поэтому церковь была послушна государству и являлась надежной опорой трона. Епископы иногда головой отвечали за бунты и мятежи в их епархиях; они должны были доносить о положении дел и состоянии умов в провинции, хватать «смутьянов», проповедовать покорность. Несколько епископий входили в более обширную епархию митрополита или архиепископа, которые — по одобрении кандидатуры императором — посвящали подвластных им священнослужителей в епископы.

В Константинополе при патриархии действовал так называемый непрерывный собор — эндемуса, составленный из прибывающих по делам епископов из разных провинций. Помимо самой церковной иерархии, в среде высшего духовенства имела значение иерархия между церквами наиболее древних епископских центров (Ираклеи Понтийской, Фессалоники, Эфеса и т. д.). Митрополиты, архиепископы и епископы важнейших епархий имели право рекомендовать трех кандидатов на патриарший трон. Иногда император прямо

заявлял о своем выборе, иногда предоставлял дело случаю: на алтарь св. Софии возлагали три свернутые записки с именами претендентов, и кому-либо поручалось взять одну из записок, вскрыть и прочесть имя нового патриарха.

Патриархи обычно послушно следовали воле государя, но бывали и конфликты: патриархи и их клир втягивались в политическую борьбу, и иногда позиция патриарха оказывалась решающей при свержении с трона или при его захвате узурпатором. Некоторые императоры (например, Василий II Болгаробойца — 976—1025 гг.) рисковали оставлять на несколько лет трон патриарха пустующим, стремясь к беспрепятственному осуществлению своих преобразований и не находя кандидатуры на этот пост. До середины XI в. высший клир столицы в целом защищал интересы чиновной знати. Монастыри же и видные иерархи фем больше тяготели к военной аристократии. С середины XI в. и патриарший престол стал чаще переходить к сторонникам военной знати, что в немалой степени облегчало борьбу ее за императорский трон, и в частности победу Алексея Комнина<sup>28</sup>.

Подлинным стержнем политической жизни в X—XII вв. была борьба военной аристократии против чиновной бюрократии, прочно державшей в своих руках трон почти три столетия и накопившей огромный опыт господства и могущественной тайной интриги. Речь шла о том, какой вид эксплуатации, а значит, и обогащения, административного устройства, характера армии возобладает в империи: частновладельческая эксплуатация с развитым иммунитетом или централизованная — через налоговую систему. Правда, уже к XI в. эти две главные группировки господствующего класса не были строго разграничены: и столичные сановники, и фемные судьи приобретали земельные владения; полководцы также обосновывались в Константинополе, они получали не только военные, но и гражданские посты.

В последний раз укрепить господство бюрократии, пошатнувшееся в 960—980-х годах, в период грандиозных мятежей византийских полководцев, удалось Василию II, при котором выдвинулось множество новых фамилий и почти вдвое был увеличен штат гражданского чиновничества в европейских владениях после завоевания Болгарии. Однако уже при его преемниках разразился кризис централизованной системы. Бюрократия не могла обеспечить полного господства; в страхе перед полководцами императоры с окружающей их кликой стали сознательно проводить политику ослабления армии и флота: ускорила фискализация стра-

тий и развал фемного войска, были сокращены ассигнования на наемное войско, уменьшена руга (плата) воинам, увеличены налоги с имений крупных военных. По малейшему подозрению полководцев снимали, подвергали ссылкам и конфискациям; руководство армией поручалось гражданским сановникам (нередко евреям), не обладавшим ни опытом, ни талантом. Часть военных в поисках выгодных постов сменила военные одежды на судейские мантии.

Военная аристократия ответила на эту политику в 30—70-х годах XI в. серией военных мятежей: полководцы объявляли себя императорами и поднимали войска против столицы. Достигнуть полной победы, как упоминалось, им удалось только в 1081 г.<sup>29</sup>

В среде господствующего класса произошли к этому времени серьезные перемены. Социальная подвижность, т. е. факты проникновения в среду аристократии и высшей бюрократии представителей низших социальных кругов, как и, напротив, низведения высших представителей знати до положения простолюдинов, становилась менее частым явлением. Военная аристократия более не допускала в свой круг чужаков. Возникли знатные кланы, связанные узами родства, которые стали дополнительным фактором сплочения пришедшей к власти военной аристократии, с первых лет принявшей за восстановление воинских сил страны.

Опорой Комнинов была земледельческая знать провинций; именно при них стала распространяться прония как военное держание от короны, видные полководцы получали новые земли и привилегии; Комнины сократили штат чиновничества, усилили наемное войско. Однако в целом государственная система централизованной эксплуатации не претерпела решающих перемен. Комнинам удалось отсрочить ее распад, но не удалось предотвратить ее гибель. Сами императоры-полководцы, оказавшись на вершине власти «соскользнули» на старый путь господства: снова были приняты меры по всемерной централизации власти, снова стал разрастаться бюрократический аппарат, усилился налоговый гнет. Сохранялась система двойной эксплуатации и двойного управления: помимо штата управителей в имениях знати, в жизнь любого поселения и города непрерывно вторгалось все скуднее оплачиваемое и все менее дисциплинированное византийское чиновничество<sup>30</sup>.

Помимо фактора феодализации, обрекавшего на неудачу меры по централизации, в XI—XII вв. прибавился еще один могущественный дезинтеграционный фактор. Завоевание Болгарии, завершенное в 1018 г., не привело к заметному

усилению империи. Оно разрушило систему обороны на севере (налаженную в эпоху самостоятельного существования государства) именно тогда, когда собственные силы Византии пришли в упадок и когда на этих границах появились новые серьезные враги — печенеги, узы, половцы, венгры, норманны. Присоединение целой страны, удвоившее земли империи в Европе, отказ от использования болгарского чиновного аппарата привели к резкому расширению штата управления, расходов на содержание гарнизонов в только что подчиненной стране. Жестокая налоговая эксплуатация населения Болгарии далеко не обеспечила казначейству значительного повышения доходов, так как огромные суммы расхищались корыстным чиновничеством.

Болгария была покорена, когда уже сложилась болгарская народность, когда упрочились длительные культурные и государственные традиции, сложившиеся в течение трех с половиной веков существования независимого государства. И большая часть болгарского господствующего класса, и народ не оставили надежд на избавление от иноземного владычества. В XI—XII вв. самые крупные народные восстания вспыхивали именно на землях Болгарии. Восстание 1186—1187 гг. привело к освобождению и созданию Второго Болгарского царства. Таким образом, сыграл свою роль также этнокультурный и этнополитический фактор; внутри господствующего класса империи возникли дополнительные рубежи борьбы — не только по вопросам внешней и внутренней политики, не только между военной аристократией и бюрократией, но и по этническому признаку. Болгарская знать стремилась к безраздельному господству в своих землях, породив свою государственность<sup>31</sup>.

Этот фактор проявил свое действие не только в Болгарии, но также и на сербских, а затем и на албанских землях. Распад империи в конце XII — начале XIII в. был закономерным процессом. Крестоносцы 4-го похода не разрушили империю, а произвели лишь последний толчок, повлекший ее быстрый развал на части.

## ВИЗАНТИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В СЕРЕДИНЕ IX—XII в.

Византия была, несомненно, феодальной монархией. Однако структура ее власти и управления в корне отличалась от западноевропейской<sup>32</sup>. В указанный период процесс развития государственности продолжался по линии все большего усложнения и расширения государственного аппарата.



В центре возникали новые логофисии, в числе которых — ведомство по разбору жалоб на чиновников и ведомство по контролю за их деятельностью. Вводились все новые и новые институты по контролю, что снова вело к расширению штатов и росту налогов.

Завершение оформления византийской феодальной монархии связывают обычно с именем Льва VI, прозванного «Мудрым», прославившегося особенно активной законодательной деятельностью и упорядочением бюрократической системы (в том числе таблицы о рангах)<sup>33</sup>. Количество центральных ведомств достигло 60. Снова упала роль синклита. Льву VI приписывается изречение, что мнение синклита отныне не должно интересовать подданных, так как «теперь обо всем печется император». Стал упрочиваться и принцип наследственности императорской власти. Был до мелочей разработан сложный и пышный церемониал, сопровождавший императорские приемы, дипломатические переговоры, празднества, выходы императора из дворца и т. д. В центре неизменно оставалась фигура императора, и все было призвано к прославлению величия его власти<sup>34</sup>. Развернуло широкую деятельность ведомство дрома. Изучались экономические ресурсы, общественное устройство, система управления, состояние армии, нравы и обычаи соседних и дальних государств и народов. Империя стремилась выступать во главе христианских государств как их высший сюзерен<sup>35</sup>.

Особенно ярко цели упрочения централизации проявились в реформах по управлению провинциями. Фемы, раздробившиеся на малые округа, лишившись опоры в фемном ополчении, сходили с арены. А вместе с фемным войском падали и авторитет, и власть стратига. Происходило вновь разделение власти на военную и гражданскую, а поскольку войско стратига резко сократилось и он зачастую находился в подчинении у тагмного командования, то на первое место выдвигались в фемах судьи (преторы). Таким образом, едва завершился (в X в.) процесс организации фем, как начался их упадок. Императоры перекраивали границы фем, соединяли несколько в одну или напротив дробили фемы. Создавались и новые крупные административные единицы (катепанаты или дукаты), во главе которых стояли назначавшиеся императорами катепаны (дуки), соединявшие (как некогда стратиги) в одних руках всю полноту военной и гражданской власти. Эти административные единицы нередко перекраивались; вводилось такое управление, как правило, в пограничных провинциях, которым грозила военная опасность. Таким катепанатом (дукатом) была, в частности

«Болгария», охватывавшая, однако, лишь западноболгарские земли. Но и дукаты стали вскоре таить в себе угрозу центральной власти: их управители-полководцы, располагавшие крупными военными силами, стремились узурпировать трон. Комнины пошли по пути предоставления крупных постов и в центре, и на местах представителям своего семейного клана, закладывая основы будущих независимых апанажей. Прежние законы, запрещающие приобретение земельной собственности крупными чиновниками и полководцами по месту их службы, давно ушли в прошлое. Как раз на южноболгарских землях сложились крупные комплексы владений Дук, Комнинов, Ангелов — представителей трех правивших в XI—XII вв. династий. По семейному и родственному принципу распределяли Комнины и пышные, созданные ими новые и старые почетные титулы<sup>36</sup>.

Постепенно, однако, централизованная машина управления становилась все менее эффективной. Борьба с чиновным произволом была обречена на неудачу не только потому, что взяточничество, казнокрадство, произвол стали всеобщим явлением, в том числе и среди тех, кому поручались функции контроля, но и потому, что оформилась негласная система неофициальных связей. Не могла борьба против произвола дать результаты еще и потому, что сами императоры все чаще прибегали к продаже должностей, к предоставлению откупа налогов тому, кто сразу внесет наибольшую сумму в счет налогов. Казна сама принимала от скупщиков двойные суммы сравнительно с причитающимися по закону, а затем, содействуя откупщику в сборе сумм с населения, официально узаконила худшие формы произвола.

Впервые борьбу за трон стали вести не разные группировки феодалов (крупнейшие из них попросту отделялись от империи), а представители самой правящей династии, раздоры проникли в семейные кланы Комнинов и Ангелов, содействуя падению обеих династий.

Таким образом, развитие византийской государственности в XI—XII вв. протекало как длительный процесс приспособления государственной машины к новым условиям в ходе утверждения феодальных производственных отношений. Однако перестройки давали лишь временный эффект, ибо ни по формам, ни по интенсивности они не соответствовали объективным экономическим переменам в социальной структуре общества. Система централизованной империи, вступив в неразрешимое противоречие с ходом общественного развития, рухнула в 1204 г.

- <sup>1</sup> См. споску 1—3 I главы; История Византии. М., 1967. Т. II; *Лугаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 7—109; *Удальцова З. В.* Некоторые особенности феодализма в Византии.— В кн.: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9—11. Jahrhundert. Pr., 1978, S. 6—10; *Stratos A. N.* Byzantium in the seventh century. Amsterdam, 1968, t. 1, p. 602—634; 1972, t. 2, p. 634—641; *Στράτος Α. Ν.* Τὸ Βυζάντιον στὸν 7' αἰῶνά. Athen, 1972, τ. 4. 642—668; Athen, 1974, τ. 5. 668—685; *Winkelmann F., Köpstein H., Ditten H.* Zu einigen Problemen des 7. Jh. in Byzanz.— BSl, 1977, t. 38 (2), S. 207—219; DOP, 1959, t. 13; наиболее полный критический обзор новейшей библиографии см.: *Курбатов Г. Л.* К проблеме перехода от античности к феодализму.— В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980, с. 3—21; *Guillou A.* Transformation des structures socio-economiques dans le monde byzantin du VI<sup>e</sup> au VIII<sup>e</sup> siècle.— ЗРВИ, 1980, т. 19, с. 70—78.
- <sup>2</sup> *Köpstein H.* Zur Veränderung der Agrarverhältnisse in Byzanz vom 6. zum 8. Jh.— Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift, 1979, 2 Jhg., H. 3, S. 515; *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen.— In: Byzanz im 7. Jh. B., 1978, S. 150; *Köpstein H.* Zu den Agrarverhältnisse.— Ibid., S. 1—72; *Eadem.* Das 7. Jh. (565—711) im Prozess des Herausbildung des Feudalismus in Byzanz.— Ibid., S. 289—301; *Корсунский А. Р., Гюнгер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984, с. 198—211; ср.: *Hubinger P. E.* Spätantike und frühes Mittelalter. Darmstadt, 1977.
- <sup>3</sup> Византийский Земледельческий закон /Текст, исследование, коммент. подготовили Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская, Л., 1984, с. 97—128; *Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. М., 1961, с. 18—48; ср.: *Kaplan M.* Les villageois aux premiers siècles byzantins (VI<sup>e</sup>—X<sup>e</sup> siècles): une société homogène? — BSl, 1983, 43 (2), p. 202—217.
- <sup>4</sup> См.: История Византии, т. II, с. 14.
- <sup>5</sup> *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976; см.: *Лугаврин Г. Г.*: Рец. на указ. соч.— ВВ, 1978, т. 39, с. 232; *Липшиц Е. Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981.
- <sup>6</sup> *Физман И. Ф.* Оксирих — город папирусов. М., 1976.
- <sup>7</sup> См. примеч. 2.
- <sup>8</sup> *Lemerle P.* The Agrarian History of Byzantium from the Origin to the Twelfth Century. Galway, 1979.
- <sup>9</sup> *Лугаврин Г. Г.* Особенности социальной структуры византийского крестьянства в IX—XII вв. (В печати.)
- <sup>10</sup> *Köpstein H.* Zur Veränderung..., S. 509—516.
- <sup>11</sup> *Köpstein H.* Zur Erhebung des Thomas.— In: Studien zum 8. und 9. Jh. in Byzanz. Berlin, 1983, S. 61—87; *Rochow J.* Antihäretische Schriften byzantinischer Autoren aus der Zeit zwischen 863 und 1025.— In: Besonderheiten der byzantinischer Feudalentwicklung. B., 1983, S. 96—118.
- <sup>12</sup> *Winkelmann F.* Kirche und Gesellschaft in Byzanz vom Ende des 6. bis zum Beginn des 8. Jh.— Klio, 1979, T. 59, S. 477—489.
- <sup>13</sup> *Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Л.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму.— В кн.: Город и государство в древних обществах. Л., 1982, с. 56—77.
- <sup>14</sup> *Loos M.* Quelques remarques sur les communautés rurales et la

- grande propriété à Byzance (VII<sup>e</sup> — XI<sup>e</sup> siècles).— BSI, 1978, t. 39 (1), p. 2—18.
- <sup>15</sup> *Haldon J. F.* Some remarks on the Background to the Iconoclast Controversy.— BSI, 1977, t. 38 (2), p. 161—184; *Der byzantinische Bilderstreit.* Leipzig, 1980.
- <sup>16</sup> *Guilland R.* Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. L'Eparque de la Ville.— BSI, 1980, t. 41 (2), p. 145—180; *Haldon J. F.* Рец. на кн.: Byzanz im 7. Jh. Berlin, 1978.— BSI, 1979, t. 40 (2), p. 225; *Lilie R.-J.* Die zweihundertjährige Reform. Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jh.— BSI, 1984, t. 45 (1), p. 27—29; t. 45 (2), p. 190—201.
- <sup>17</sup> *Haldon J. F.* Recruitment and Conscription in the Byzantine Army. C. 550—850. A Study on the Origins of the Stratiotika ktemata. Wien, 1979; *Winkelmann F.* Zum byzantinischen Staat (Kaiser, Aristokratie, Heer).— In: Byzanz im 7. Jh. ..., S. 161—225; *Lilie R. J.* Die Byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber: Studien zur Strukturwanderung des byzantinischen Staates im 7. und 8. Jh. München, 1976.
- <sup>18</sup> Ср.: Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. University of Birmingham, 1977; см. также: *Čičurov J.* Рец. на эту книгу.— BSI, 1979, t. 40 (1), p. 47—52; *Winkelmann F.* Staat und Ideologie beim Übergang von der Spätantike zum byzantinischen Feudalismus.— In: Besonderheiten..., S. 77—84.
- <sup>19</sup> *Litavrin G.* Zur Lage der byzantinischen Bauerschaft im 10.—11. Jg. (Strittige Fragen).— In: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jh. Pr., 1978, S. 47—70.
- <sup>20</sup> *Литаврин Г. Г.* Проблема государственной собственности в Византии в X—XI вв.— ВВ, 1975, т. 35, с. 55 и след.
- <sup>21</sup> *Janin R.* Constantinople byzantine. P., 1964; *Zakynthinos D.* Byzantinische Geschichte, 324—1071. Wien; Köln; Graz, 1979.
- <sup>22</sup> Византийская книга Эпарха/Ст. пер. и коммент. М. Я. Сюсюмова. М., 1962, с. 5—42; ср.: *Malich B.* Wer Handwerker ist soll nicht Kaufmann sein — ein Grundsatz des byzantinischen Wirtschaftslebens im 8./9. Jh.— In: Studien zum 8. und 9. Jh., S. 47—59.
- <sup>23</sup> *Кренић В.* Дубровник и Левант..., Београд, 1956, с. 60 и сл.
- <sup>24</sup> *Jacoby B.* La population Byzantine.— Byzantion, 1961, t. 31.
- <sup>25</sup> *Ahrweiler H.* Byzance et la Mer. P., 1966.
- <sup>26</sup> Ibid.
- <sup>27</sup> *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983, с. 107—118.
- <sup>28</sup> *Runciman St.* The Byzantine Theocracy. Cambridge, 1977.
- <sup>29</sup> *Hunger H.* Reich der neuen Mitte. Graz; Wien; Köln, 1965.
- <sup>30</sup> *Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1959.
- <sup>31</sup> *Charanis P.* Studies on the Demography of the Byzantine Empire. L., 1972; *Idem.* Social, Economic and Political Life in the Byzantine Empire. L., 1973.
- <sup>32</sup> *Jenkins R.* Byzantium: The Imperial Centuries: A. D. 610—1071. L., 1966.
- <sup>33</sup> *Guilland R.* Recherches sur l'administration byzantine. P., 1964. Vol. I, II.
- <sup>34</sup> *Beck H.-G.* Theorie und Praxis in Aufbau der byzantinischen Zentralverwaltung. München, 1974.
- <sup>35</sup> *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. L., 1971.
- <sup>36</sup> *Guilland R.* Titres et fonctions de l'Empire byzantine. L., 1976; *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.





Глава четвертая

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ  
БОЛГАРСКОГО  
РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА  
(Конец VII — начало XI в.)

**И**зложение материала в данной главе осуществлено не по системно-сюжетному, а по историко-хронологическому принципу в силу двух главных причин: во-первых, потому, что данные о социально-политической жизни Болгарии, особенно в конце VII—IX вв., о формах эволюции ее государственной власти столь скудны, что судить о них можно только на основании конкретных казусов; во-вторых, избранный метод позволяет проследить развитие болгарской государственности в контексте ее гражданской истории.

СЛАВЯНЕ НИЖНЕГО ПОДУНАВЬЯ  
И ПРОТОБОЛГАРЫ  
НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Несмотря на существенный прогресс в изучении истории образования Болгарского государства<sup>1</sup>, по-прежнему дискуссионными остались следующие проблемы: о степени влияния Византии на земли за Балканским хребтом в VII в., о ее отношениях с поселившимися здесь славянами; об уровне общественно-социальной структуры славянских межплеменных союзов, о формах и эволюции взаимоотношений славян и протоболгар начиная с 680 г. и кончая временем христианизации страны; о характере социально-экономического базиса и политической надстройки Болгарского государства в этот период.

Крайний недостаток имеющихся сведений таит опасность недооценки одних известных нам фактов и переоценки других. Поэтому методологически необходимо — при всей значимости крупных политических событий 80-х годов VII в. — не упускать из виду решающую роль внутренних социально-экономических факторов, без которых никакие военно-политические акции не могли обусловить стабильности нового государства.

В главе «Славяне и Византия» не были специально рассмотрены конкретная ситуация между Балканами и Дунаем к 80-м годам VII в. и экономическая и общественная структура протоболгарского общества.

Прежде всего, представляется маловероятным, что в период от Ираклия (610—641) до Константина V (668—685), а в особенности — время с середины VII в. до 80-х годов этого столетия, столь важные в стратегическом отношении провинции, как Мисия и Малая Скифия, оставались совершенно вне поля зрения византийских властей<sup>2</sup>.

Как упоминалось, прочное заселение славянами этих мест относится ко времени после 602 г., когда границу на Дунае оставили византийские войска. Однако уже при Ираклии положение стало меняться: союзниками империи против аваров стали хорваты и сербы, под Константинополем в 626 г. были разгромлены аваро-славянские войска, и хаган более не предпринимал походов против империи. После этой победы империя имела возможность восстановить свою власть над Сердикой, Нишем и Белградом. Согласно сообщению Константина Багрянородного, в 630-х годах, при поселении сербов на Балканах, они вели переговоры с Ираклием через военачальника, управлявшего Белградом (τοῦ στρατηγού, τοῦ τότε τὸ Βελέγραδον κρατοῦντος). Возможно, здесь уже вновь стоял византийский гарнизон<sup>3</sup>.

Напомним, что Константин II в 657/8 г. подчинил часть Славиний Фракии и Македонии; ко времени пятой осады Фессалоники соседними с городом славянами в 676—678 гг. они уже более полувека сохраняли мир с империей. В 678 г. Константин IV разбил славян, живших по Струме, и обезопасил коммуникации, связывавшие Фессалонику со столицей. Подчиненные славяне зачислялись в воинские ополчения (как военные поселенцы-федераты) и становились также, как это видно на примере драгувитов, данниками империи. Описанный во II главе эпизод с Первудом позволяет думать, что неподалеку от Визы, на черноморском побережье, жили славяне, видимо, подчинившиеся императору: Первуд, скрывавшийся под Визой, мог спастись у этих славян, но не сделал этого. Составитель «Чудес св. Димитрия» считает столь непонятное поведение Первуда заступничеством святого за ромеев. Но Первуд, конечно, знал лучше (от своего хозяина-славянина) подлинное положение дел и не рискнул искать там убежища.

Не были, видимо, под властью славян в Мисии и Малой Скифии и некоторые города-крепости по Дунаю и на Черноморском побережье до прихода протоболгар Аспаруха. Вряд

ли следует полностью пренебрегать данными составленного при Ираклии «Псевдоефипаниева списка церковных епархий», в котором среди автокефальных архиепископий названы города Одесс (Варна?) и Томи (Кюстенджа), а епархии по Дунаю — Доростол, Трапсариска (Тутракан), Нове (близ Свиштова) и, возможно, Апиария (близ Русе) обозначены как подчиненные митрополии Маркианополя (на побережье севернее Одесса) (ГИБИ, т. III, 186, 188, 189). На первом заседании Латеранского собора в октябре 649 г. участвовал епископ Бопонии (Видина) по имени Луминос (ГИБИ, т. III, 198). По-видимому, Византия, опираясь на военный флот, еще могла осуществлять в тот или иной момент контроль не только на черноморском берегу Малой Скифии, но и по Дунаю, может быть, от Белграда до устья<sup>4</sup>.

Видимо, заселенные славянами земли Нижней Мисии и Малой Скифии были к концу 70-х годов VII в. как бы окружены опорными пунктами империи. Возможно, уже Ираклий в поисках союзников среди славян предпринял шаги к урегулированию отношений и с забалканскими славянами. Мы разделяем мнение, что по крайней мере часть славян этих мест (а именно — межплеменное объединение «Семь родов», или «Семь племен») заключила с империей договор («пакт») и стала ее союзниками — «федератами», обязавшись за плату охранять границы империи<sup>5</sup>. Отношения эти могли быть очень непрочными, они не исключали даже военных столкновений с империей. Но с 602 г., имея сведения о бегстве населения из придунайских городов, мы не знаем фактов о нападениях славян из Мисии и Малой Скифии на Фракию или Македонию.

Аварский хаганат, вновь окрепший к 70-м годам VII в., предпринял меры к восстановлению своей власти над славянами на северо-западе полуострова<sup>6</sup>. Возможно, аварский правитель снова стремился к установлению своего контроля и на левобережье Нижнего Дуная, и в самой Мисии и Добрудже, что и могло содействовать заключению союзнических отношений империи с забалканскими славянами. В 678 г., правда, как упоминалось во II главе, после переговоров с императором послов хагана «наступил глубокий мир и на Востоке и на Западе», т. е. в азиатских и европейских владениях империи (ВИИНД, т. I, 224 — Феофан; см. также гл. V).

К сожалению, для времени с 602 по 680 г. нет решительно никаких известий и о ситуации на левом берегу Дуная. Согласно археологическим данным, местное романизирован-

ное (гето-дакское) и славянское население сохранилось здесь и после переправы значительной массы славян на правый берег<sup>7</sup>.

Видимо, славяне Мисии и Малой Скифии, занятые освоением края, жили уже мирной жизнью, вступая в торговые связи с византийскими прибрежными городами. В исторической памяти народа, отраженной в Апокрифической летописи (Сказание пророка Исайи) XI в., этот период запечатлен как время мира: здесь, в земле Карвунской (Добрудже), Исайя «по божьему повелению» поселил в оставленных «эллинами» местах «множество людей от Дуная до моря» и поставил им царя из их среды по имени Слѣв, который заселил страну и города, а преемником его стал Испор (Аспарух)<sup>8</sup>. Отзвуком подлинных событий, возможно, и являются эти указания на организованный переход народа на новое место и на значительную власть славянского вождя («царя») — как первого организатора освоения территории.

Прежде чем говорить о характере славяно-протоболгарского симбиоза, необходимо остановиться на протоболгарской проблеме. Письменные свидетельства об этом народе не менее скудны, чем сведения о славянах. Протоболгары принадлежали к тюркскому этническому массиву<sup>9</sup>. Первые сведения о них восходят к IV в., когда они жили на Северном Кавказе и отчасти в Закавказье, продвинувшись сюда из Центральной Азии. Вскоре они обосновались в Приазовье, низовьях Дона и Северного Донца, где ассимилировали остатки местных сармато-аланских (иранских) племен. Во второй половине IV в. протоболгары были включены в обширное межплеменное объединение гуннов; часть протоболгар была увлечена гуннами на запад, в Паннонию<sup>10</sup>. Вероятно, протоболгары играли заметную роль в союзе Аттилы, так как его имя веками сохранялось в эпосе протоболгар: в «Именнике болгарских ханов» Аттила под именем Авитохола даже выступает в качестве их первого вождя из рода Дуло<sup>11</sup>. В Паннонии протоболгары, по-видимому, вступили в тесный контакт со славянами. Сохраняя племенное единство в рамках «державы» Аттилы, эти протоболгары после ее распада в 453 г. отошли к пизжнему Подунавью. В 513—515 гг. они оказали помощь имперскому полководцу Виталиану, восставшему в Добрудже с целью овладения престолом (Прок., с. 151).

Прокопий, говоря о вторжениях «варваров» с начала правления Юстиниана I, называет вместе со славянами и протоболгар. Возможно, славяне часть своих набегов совер-



шали в союзе с протоболгарами, особенно в 40—50-е годы VI в. В это время те и другие проникли во Фракию, в Грецию и в Иллирик. Заключая союз с антами, империя рассчитывала на их военную помощь против протоболгар (Прок., с. 127).

После ухода гуннов из Приазовья среди оставшихся местных протоболгарских объединений доминирующее значение приобрели утигуры, кочевавшие на востоке от Азовского моря и в низовьях Дона, и кутригуры (оногундуры), жившие у северо-западных берегов моря, вплоть до Днепра. В первой половине VI в. кутригуры стали совершать набеги на империю, уводя тысячи пленных (Прок., с. 143).

Стремясь нейтрализовать кутригуров, империя натравила на них утигуров. Кутригуры были разбиты; несколько десятков тысяч пленных византийцев вернулись на родину. Однако вскоре кутригуры возобновили и набеги на империю, и войны с утигурами. По словам Менандра, вождь утигуров Сандилх сознавал опасность этих войн для протоболгарского этноса: он считал недопустимым, «чтобы единоплеменники полностью уничтожались,— не только потому, что они говорят на одном языке, сожительствуют с нами и имеют одинаковую одежду и быт, но и потому, что они родичи, хотя и подвластные другим игемонам» (с. 220). Межплеменные войны кутригуров и утигуров были столь жестоки, что оба племени даже потеряли свои наименования, «достигнув предела» возможных бедствий (ГИБИ, т. II, с. 204).

В конце 50-х годов VI в. тюркское племя аваров подчинило протоболгар и увлекло часть кутригуров с собою на запад. В первой половине 60-х годов авары как союзники империи расположились в Паннонии, основав Аварский хаганат. После господства гуннов в Паннонии это была вторая волна протоболгар, оказавшаяся в этих местах, где их контакты со славянами стали еще более тесными.

Этническая близость протоболгар к аварам (хотя в их объединения входили разные народы, и те и другие в массе своей были тюрками) и значительная военная роль протоболгар в составе подвластных хагану сил привели после поражения хагана в 626 г. к попыткам протоболгарской знати вырвать власть у хагана. Видимо, сравнительно со славянской племенной аристократией в хаганате, положение протоболгарской было более привилегированным. Борьба 631—632 гг. завершилась поражением протоболгар. Начался их «исход» из хаганата: в 630-х, 660-х и 680-х годах ушли три восставших против хагана протоболгарских объедине-

ния<sup>12</sup> — два в Италию и последнее — в Македонию (о котором ниже).

Между тем основная масса протоболгар оставалась в Приазовье, попав во власть Тюркского, а после его распада в начале 80-х годов VI в. — Западнотюркского хаганата. В 632 г. они сумели добиться независимости. Образовалось протоболгарское военно-политическое объединение во главе с вождем кутригуров Кубратом из рода Дуло, известное у византийцев под названием «Великая Булгария». Кубрат поддерживал дружественные связи с империей. Со смертью Кубрата в середине VII в. объединение распалось, по одним данным — на пять, по другим — на три части<sup>13</sup>, которыми правили сыновья Кубрата. Воспользовавшись этим, Хазарский хаганат сделал своим данником старшего сына Кубрата Батбаяна (его земли лежали в Восточном Приазовье). Другой сын Кубрата Котраг увел своих подданных из междуречья Дона и Северского Донца на Среднюю Волгу, где тремя столетиями позже возникнет государство, известное как Волжско-Камская Болгария. Вероятно, дольше всех сопротивлялись хазарам кутригуры во главе с Аспарухом (Есперихом «Именника болгарских ханов»), отступавшим на запад под давлением хазаров. В 70-х годах Аспарух перешел Днестр и оказался в соседстве с Малой Скифией.

Таковы общие вехи истории протоболгар вплоть до решительных событий конца 70-х — начала 80-х годов VII в. Уже эти данные позволяют заключить, что протоболгарские племена, сохраняя единство в пределах малых соединений, еще не образовывали крупные и устойчивые союзы (хотя бы типа Аварского или Хазарского). С середины IV до второй половины VII в. протоболгарские племена в виде разобщенных большими расстояниями анклавов оказались разбросанными на просторах Европы от Италии до Волги и Кавказа.

Первостепенным по важности является вопрос об особенностях хозяйства и общественной структуры протоболгар VII—VIII вв. Стремясь к решению этой задачи, историки уделяют особое внимание Великой Булгарии, усматривая определенную преемственность между нею и возникшим вскоре после ее распада Болгарским государством<sup>14</sup>.

Однако археологическими изысканиями не обнаружены протоболгарские древности ранее середины VIII в. Находки, характеризующие «салтово-маяцкую» культуру, вариантом которой была протоболгарская, относятся к середине VIII—X в. и хронологически не могут служить основой для описания Великой Булгарии. Само оформление даже самых ранних слоев салтово-маяцкой культуры произошло после

падения Великой Булгарии, в рамках Хазарского хаганата<sup>15</sup>. Глухие известия о начатках земледелия у протоболгар касаются лишь части их племен и датируются гораздо более поздним временем, как и находки сошников, серпов и иных земледельческих орудий<sup>16</sup>. Судя по раскопанным протоболгарским станам — селищам в бассейне Северского Донца, традиционные зимники стали возникать лишь в VIII в., а постоянными эти поселения, уже вынесенные на незатопляемые в половодье террасы, становились только в IX — начале X в.<sup>17</sup>

По свидетельству Захарии Ритора (первая половина VI в.), «булгары», как и алапы, «имеют города», но и аланы и болгары (в числе 13 названных народов) «живут в палатках, питаются мясом животных и рыбой, дикими зверями и с помощью оружия» (Хр., I, с. 57). Конечно, понятие «город» означает здесь в лучшем случае укрепленную крупную стоянку. О древней греческой колонии Фанагории близ Тамани, оказавшейся во владениях протоболгар, С. А. Плетнева пишет: «Кочевники в тот период даже не освоили входившего в их владения древнего города-порта Фанагории, хотя он уже начал отстраиваться после гуннского погрома». Рассматривая вопрос о материальной культуре Великой Булгарии, С. А. Плетнева заключает: «Отсутствие стабильности, постоянных зимников и даже могильников, естественно, тормозило сложение какой-либо общей культуры в этом объединении. Да она и не могла сложиться за два-три десятилетия существования этого „государства“». Протоболгары, по мнению исследовательницы, находились в состоянии перехода от первой (таборной, непрерывной) стадии кочевания ко второй, характеризуемой освоением определенной для каждой орды или рода территории и появлением сезонных стойбищ — зимовок и летовок<sup>18</sup>.

Лишь ретроспективно, по находкам VIII—IX вв. и по материалам, характерным для родственных протоболгарам тюркских народов, можно составить представление о хозяйственной деятельности протоболгар в VI—VII вв. Поскольку еще отсутствовали постоянные поселения, постольку основными видами разводимого ими скота были лошади, овцы и козы, не требующие укрытий и запасов кормов на зиму; широко практиковались охота и рыболовство. Продукты земледелия, как и многие ремесленные изделия, добывались посредством торговли и силой оружия. Автор начала VI в. Эннодий писал, что протоболгары — это народ, который с помощью войны добудет все, что пожелает, считает мерилом благородства количество крови, пролитой в бою,

не имеет преград для своего войска и, будучи приучен к лишениям, может довольствоваться одним кобыльим молоком (ЛИБИ, т. I, с. 299).

В ремесленном производстве доминировали отрасли, связанные с изготовлением оружия, снаряжения воина-всадника, предметов быта. Керамика была еще лепной, изготавливаемой в каждой семье от руки; гончарный круг (даже ручной) протоболгары в VII в., как и славяне, еще не освоили: лощеная, сделанная на кругу посуда, встречающаяся в могильниках, была в то время привозной, добытой у торговцев или в набегах (в частности, на алан).

В протоболгарском обществе VII в. господствовал строй военной демократии: война за пастбища и водопои, походы ради добычи являлись нормальным состоянием общества. Новым явлением, соответствующим переходу ко второй стадии кочевания, были дальние походы мужчин (без семей и скарба). Нет данных об имущественной дифференциации в массе скотоводов-общинников. Но она уже имела место между родами: богатствами (прежде всего стадами скота) и влиянием в Великой Булгарии выделялся род Дуло, господство которого в объединении было освящено традицией. Власть хана из этого рода была уже наследственной. Шел процесс оформления родовой аристократии, стали возникать крупные, но непрочные союзно-племенные объединения.

Личный авторитет вождя имел, однако, еще огромное значение. Доминировали кровнородственные связи в пределах малых коллективов: протоболгары и кочевали, и в бой шли по родам и коленам. Кровнородственным связям были обязаны протоболгары своей воинской дисциплиной и взаимовыручкой в сражениях. Безусловная поддержка со стороны правящего рода обеспечивала действенность сильной власти вождя. Участие в войнах было правом и обязанностью всех взрослых мужчин. Пехотный строй был чужд протоболгарам, как и другим кочевникам. Стремительность нападения, быстрый маневр, притворное отступление, устройство засад были их излюбленной тактикой. С углублением имущественных отличий и выделением слоя знати (что уже к началу VII в. имело место у протоболгар, входящих в Аварский хаганат) ударной силой стала тяжеловооруженная конница из видных протоболгар (Мавр., с. 279).

Протоболгары, подобно другим тюркам, поклонялись верховному божеству Тангра<sup>19</sup>, в честь которого в VIII в. стали воздвигать постоянные капища. Обожествлялись и небесные светила; амулеты часто имели символиче-

ское изображение солнца. Для протоболгар в VI—VII вв. было свойственно также множество иных культов, распространенных нередко лишь в данном племени, роду, семье. Обычно это были тотемизм, культ предков, культ духов-покровителей. Культ племенного вождя находился в стадии становления. Основной формой «общения» с богом был шаманизм; жреческое сословие лишь складывалось (ИБ, 2, с. 81 и сл.). Ритуал захоронения протоболгар отражал веру в загробную жизнь: в могилу зарывали личные вещи покойного, пищу, иногда также коня. Трупосожжение встречалось редко.

Что же касается объединения Аспаруха, вынужденного уйти из традиционных мест обитания, то здесь имело место хорошо известное из истории кочевого мира явление как бы «возвращения вспять», перехода снова к наиболее рациональной для данных условий (необходимость вновь силой добывать потребное для людей и скота пространство) таборной стадии кочевания (состоянию «нашествия»), когда в поступательном движении, не возвращаясь на уже пройденные места, находится все объединение, вовлекая оказавшиеся на пути инородные осколки племен и групп кочевников<sup>20</sup>.

## ОБРАЗОВАНИЕ И УПРОЧЕНИЕ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Основным источником о политических событиях, связанных с возникновением Болгарского государства, являются сообщения византийского хрониста Феофана. Ряд мест в его описании до сих пор остается объектом дискуссии. Оценивая эти споры, болгарский историк П. Петров справедливо заметил, что проблема образования Болгарского государства не может быть поставлена в зависимость от грамматического толкования одной фразы из источника (ИБ, 2, с. 96). Приведем, однако (частью пересказав), и мы соответствующий пассаж из «Хроники» Феофана и дадим собственные его истолкования<sup>21</sup>.

Аспарух, пишет Феофан, «переправившись через Днепр и Днестр и достигнув Онгла, более северных по отношению к Дунаю рек, поселился между ним и ими», ибо это место «предоставляло большую безопасность от врагов ослабленному разделением народу».

Когда император Константин IV узнал, что протоболгары неожиданно разбили лагерь по ту сторону Дуная в Онгле и разоряют «лежащие близ Дуная земли», т. е. страну,

«тогда удерживаемую христианами», он стянул войска во Фракию, подготовил военный флот и двинулся против них по суше и по морю, «выстроив в боевой порядок на суше близ так называемого Онгла и Дуная пешие войска, а корабли причалив у лежащего рядом берега».

Протоболгары укрылись в укреплении, помышляя лишь об обороне. После того как в течение трех-четырех дней ромей не завязывали сражения из-за болотистой местности, протоболгары осмелели. Император страдал от болей в ногах и отправился на судах принять баню в Месемврии, приказав выманивать протоболгар из укрепления для сражения или — если они не выйдут — стеречь их.

Однако разнеслась молва о бегстве императора, поднялась паника, и войско обратилось в бегство. Нанеся византийцам большой урон, протоболгары переправились через Дунай, «и, прибыв к так называемой Варне близ Одисса и тамошнего внутреннего района, они увидели место, расположенное весьма безопасно: сзади — благодаря Дунаю, а впереди и с боков — благодаря ущельям и Понтийскому морю.

Когда же они овладели также из находящихся поблизости славянских народов так называемыми «Семью родами» (ἑπτὰ γυνεάς), они поселили северов от передней теснины Берегава к районам на восток, а в районы к югу и западу, вплоть до Аварии, — остальные «Семь родов», находящиеся под пактом.

«Итак, когда они распространились в этих местах, они возгордились и стали нападать на находящиеся под ромейским управлением крепости и деревни и поработать их. Вынужденный этим василевс замирился с ними, согласившись к стыду ромеев, из-за множества грехов [их], предоставлять им ежегодную дань» (Феоф., с. 262—264).

В изложении патрарха Никифора (пользовавшегося общим с Феофаном утраченным источником) отмечается, что подчиненных славян протоболгары «обязали одних стеречь земли, соседние с аварами, а других — охранять районы, близкие к ромеям» (с. 296).

Естественно защищенная местность Онгл находилась, скорее всего, в низовьях Серета и Прута, в правобережье Днестра. Обосновываясь еще здесь, Аспарух опасался не только хазар но и аваров: согласно приписке VIII в. к труду армянского географа конца VII в. Анания Ширакаци, Аспархрук (Аспарух), бежав от хазар, «прогнал аваров на запад»<sup>22</sup>, т. е. возможно, что уже в левобережье он столкнулся с аварским хаганом.

Наиболее вероятной датой расселения протоболгар в Онгле представляются 70-е годы. Под землями близ Дуная, удерживаемыми тогда византийцами, а во время Феофана (IX в.) входившими в страну болгар, можно понимать районы, лежащие на правом берегу, на севере Малой Скифии и Мисии, находившиеся формально под контролем империи и отчасти населенные славянами<sup>23</sup>.

Реакция Константинополя на набеги протоболгар подтверждает мысль о том, что империя придавала этой провинции большое стратегическое значение и что в целом она уже добилась от местных славян признания своей верховной власти. Поэтому император организовал крупную военную экспедицию: объединение протоболгар-кочевников и славян-земледельцев могло привести, как в случае с Аварским хаганатом, к утверждению на границах империи или даже в ее северных пределах нового опасного врага. Приход Аспаруха вызвал острую досаду при дворе: как пишет Феофан, к тому времени Константин IV уже сумел будто бы сделать данниками всех, живущих не только на востоке, западе и юге, но и на севере (Феоф., с. 264). Поход Константина IV был предпринят весной (в апреле) 680 г.<sup>24</sup>

Конечно, неполадки в византийской армии, недавно разгромившей арабов, были одной из причин победы Аспаруха. Переправа протоболгар имела место, скорее всего, в низовьях Дуная: Аспарух преследовал врага по Малой Скифии, двигаясь на юг вдоль берега моря. Путь этот пролегал через заселенные славянами районы: во всяком случае, они жили близ Варны (местность или поселение), название которой представляет один из древнейших славянских топонимов<sup>25</sup>. Славяне, видимо, не приняли участия в военных действиях ни на стороне, ни против империи. Их подчинение Аспарухом обошлось также без столкновения. Тот факт, что именно славянам Аспарух доверил охрану двух опасных участков границы (с Аварией и империей), предполагает договоренность хана с вождями Славиний о взаимных обязательствах в рамках единой политической системы. Славянская знать, безусловно, с самого начала признала верховную власть Аспаруха, будучи, как и протоболгарская, заинтересована в утверждении независимости от империи и аваров и в обеспечении — благодаря значительному увеличению воинского потенциала с приходом Аспаруха — безопасности своих территорий.

Столь необычный характер отношений победителей-кочевников с земледельческим, менее в военном отношении организованным населением можно объяснить лишь тем,

что славяне Мисии и Малой Скифии в численном отношении в несколько раз превосходили протоболгар Аспаруха, представляя собою силу, которую хан опасался восстаповить против себя. Эта изначально занятая болгарскими ханами позиция в целом сохранилась и в VIII—IX вв.

Славиния «Семь родов» (или «Семь племен») была лишь одной из нескольких. Свое название она получила, возможно, от имени главенствующего в объединении племени. Конструкция фразы о союзе «Семь родов» оправдывает интерпретацию, согласно которой слова о северах и «остальных Семи родах» являются приложением (пояснением) к понятию «Семь родов», указанием на две его основных части: став верховным повелителем славян (т. е. союза «Семь родов»), Аспарух разделил его, передвинув северов от горного ущелья к приморскому проходу, а остальных славян союза — на юг и запад, к Аварии.

До разделения союза северы, в которых естественно усматривать антское племя<sup>26</sup>, жили у Ришского либо, что менее вероятно, Вырбишского ущелья, в прилегающей к выходу из него области. Северы входили в этот союз, но, видимо, сохраняли в нем автономию как особое объединение, обладавшее значительными воинскими силами: они должны были препятствовать вторжениям в Болгарию византийцев.

Переселение «к югу и западу» прочих славян частично расформированного союза означало перевод основных его масс из Северной Скифии к Железным воротам (на левобережье Дуная) и из Мисии и Малой Скифии к долине Тимока, в правобережье, на границу с Аварией. Допущению, что авары сохраняли к 680 г. контроль над правобережьем между Белградом и Видином, противоречат приведенные выше данные о политической ситуации в правобережье, как и тот факт, что на юго-западе хаганата зона распространения аварских вещей закапчивалась у Железных Ворот, на левом берегу Дуная<sup>27</sup>.

Мы полагаем, что переселение Аспарухом славян было частичным. Множество их осталось на своих местах, признав высшую власть хана. Если протоболгарские стапы в районе Плиски—Шумена и были плотно расположены, то вокруг них простирались районы, заселенные по преимуществу славянами<sup>28</sup>. Свидетельством сотрудничества племенной знати обоих народов является также тот факт, что протоболгары в 680—681 гг. уходили в походы против империи во Фракию, что было возможно только при их уверенности за безопасность оставляемых в Мисии и Малой Скифии своих семей,



станов и стад. Хотя у Феофана идет речь только о «Семи родах» как одной из Славиний (см. гл. II), ясно, что власть Аспаруха распространилась уже в 680 г. на весь забалканский регион, включая, скорее всего, и территорию между Дунаем и Карпатами вплоть до Днестра.

Прямыми свидетельствами об организации власти в государстве «Болгария», начало которого, по словам западного хрониста Сигеберта, «следует отмечать» под 680 г., наука не располагает. Уверенность в том, что это было своеобразное «варварское государство» уже в момент его образования, придают события начала VIII в. Военно-политические акции 680—681 гг. были весьма важны, но они лишь интенсифицировали процесс: формирование государственности началось задолго до появления Аспаруха на Дунае и продолжалось некоторое время после утверждения его власти в этом регионе.

Лишь для начального этапа развития государства возможны некоторые аналогии с Аварским хаганатом. Как и в Аварском объединении, высшую власть над преимущественно земледельческим местным населением здесь с самого начала захватило пришлое кочевое тюркское племя. Как и в хаганате, часть подчиненных славянских племен, признавая верховную власть хана, сохраняла внутреннюю автономию, в особенности на периферии политического образования. Здесь так же славянские вожди приводили под общее командование хана воинские ополчения своих славиний. Как и в отношении «Аварии», соседи более века с четвертью различали в составе Болгарии относительно самостоятельные этносоциальные организмы (Славинии) и территорию господствующего кочевнического племени. Часто при этом подвластные хану автономные Славинии обозначались термином *αἱ περίξ Σλαβηγαί* (т. е. «окольные Славинии»<sup>29</sup>). П. Коледаров, следуя за А. Бурмовым, говорит о своеобразной «федерации» протоболгар и славян в едином государственном образовании «Болгария»<sup>30</sup>, опираясь на термин *societas*, употребленный Эйхардом для характеристики отношений Славинии тимочан с ханом Крумом (до попытки их отделения), и полагает, что этот термин означает добровольное и равноправное под эгидой болгар «сообщество» (*societas Bulgarorum*), в которое вошли протоболгары, местные славяне и сохранившиеся дославянские автохтоны. Г. Цанкова-Петкова и В. Гюзелов, напротив, полагают, что до ликвидации автономии Славиний они составляли лишь союзные хану окрестные территории, не охватываемые названием «Болгария», которое в собственном смысле равно-

значно лишь территории, занятой протоболгарскими вежами (станами) с центром в Плиске, и что внутри этой территории не было славянских поселений — они были ликвидированы здесь еще в 680—681 г.<sup>31</sup>

Противопоставляемые точки зрения излишне категоричны: вряд ли в сообществе царило равноправие, термин *societas* многозначен — он может подразумевать и союз и договор о вассалитете<sup>32</sup>. Трудно допустить также, что протоболгары подвергли разорению, изгнав из центра, множество славян: и столицу они основали в славянском селе Плиска, и в самой Плиске и в ее округе обнаружены следы пребывания славян и в VIII, и в IX в.<sup>33</sup>

Общественно-политические связи протоболгар и славян в «Болгарии» были более тесными и многообразными, чем отношения славян и аваров в хаганате. Основные отличия Болгарии от хаганата состояли, видимо, в том, что протоболгары и после переселения на Балканы не составляли, как авары, господствующего в целом этноса (в их среде так же быстро, как и среди славян, развивался процесс имущественной и социальной дифференциации). Большинство протоболгар, хотя и сохраняли на первых порах кочевой быт, были заняты производительным трудом, что было менее свойственно аварскому ядру хаганата; протоболгары стали рано, проживая в тесном общении со славянами, переходить к оседлости — авары же оставались кочевниками почти до гибели их хаганата. Болгария по своей политической структуре была уже в конце VII в. более развитым объединением, чем Аварский хаганат. Синтез общественных систем аваров и местных земледельцев практически отсутствовал<sup>34</sup>, политические формы господства не получали развития: почти за два с половиной века истории хаганата авары не основали ни одного города или крепости.

Существенны были отличия Болгарии и от «варварских королевств» Западной Европы. Как и государство франков, Болгария была образована в результате вторжения иноплемеников, уступавших автохтонам и по численности и по зрелости общественной структуры. Однако в противоположность протоболгарам франки, как и завоеванные ими галло-римляне, были также земледельцами, принадлежали в целом к одному хозяйственно-культурному типу. В синтезе общественных структур завоевателей (франков) и завоеванных (галло-римлян) франкские институты и в социально-экономической сфере не только не уступали по значению галло-римским, но и играли ведущую роль.

В славяно-протоболгарском обществе синтез имел место

пё в социально-экономической области (здесь всё большую роль играли земледельцы-славяне), а в военно-политической. Все известные протоболгарские институты власти имеют исключительно отношение к военно-административной сфере, в которой еще не выделились функции гражданского управления. Все эти институты связаны с тюркской кочевнической традицией, с руководством военизированным бытом вооруженного народа. Незрелость органов управления и обусловила специфику государства, в котором часть Славиний и протоболгарские станы жили по соседству, но обособленно, автономно регулируя отношения внутри своих этнополитических организмов <sup>35</sup>.

В политике Аспаруха по отношению к союзу «Семь родов» проявился, возможно, еще один аспект — стремление ослабить мощь союза, отделив от него северов. Князя Славиний в источниках более не называются «рексами» («рексом» стал хан), а именуется только «архонтами». Они участвовали во главе подчиненных им ополчений в военных предприятиях хана и охраняли границы. Об организации власти внутри Славиний и протоболгарских станов, а в особенности — форм эксплуатации подвластного князьям и боялам (протоболгарской аристократии) населения, как и форм налогов и отработок в пользу центральной власти, источники не содержат никаких известий.

Одной из первых мер Аспаруха было создание укрепленного лагеря (одновременно зимовища и резиденции), как он поступил, едва обосновавшись и в Онгле. Однако к югу от Дуная, в новых условиях, создаваемый на месте славянского поселения Плиски ханский аул имел грандиозные масштабы: его общая площадь достигала 23 кв. км. Резиденция планировалась по кочевой традиции в виде двух концентрических «трапеций»; центральную занимала ставка хана, а внешняя предназначалась как убежище для шатров соплеменников и для стад скота. Сами же укрепления, как и жилища хана и языческие святилища, не имели аналогий ни в Великой Булгарии, ни в Аварском хаганате. Прежде всего — это огромные размеры сооружения: внешний глубокий и широкий ров, за которым возвышалась насыпь, имел протяженность почти в 21 км (до 7 км западная и восточная стороны, 3,9 — северная и 2,7 — южная). Внутреннее укрепление составляло по периметру около 3 км. Резиденция хана и бытовые помещения были возведены из камня. Были построены также неведомые ранее протоболгарам баня, два бассейна и цистерна-водохранилище (ИБ, 2, с. 181 и сл.).

Кроме этого лагеря в окрестностях Плиски имеются следы еще двух крупных аулов. Остатки станов-зимовищ меньших размеров обнаружены и в других районах Малой Скифии. Даже если не принимать в расчет земляных, тянувшихся на десятки километров укреплений на севере, северо-востоке и западе Болгарии (их датировка дискуссионна), ясно, что столь грандиозное строительство уже в первое время после основания государства потребовало значительных средств и подневольного труда огромного числа людей в течение продолжительного времени. Следовательно, существовали и организационные формы и система принуждения. Маловероятно, чтобы все это Аспарух осуществил только силами своих соплеменников. Напротив, более правдоподобно, что главную роль в этом сыграли славянские подданные, принуждаемые к отработочным повинностям и к поставкам натуральных взносов в пользу центральной власти. Оказались в подобном положении, конечно, и местное автохтонное население, а также недавние пленники-византийцы: строительство ханского дворца, бань, цистерны, бассейнов совершалось квалифицированными людьми<sup>36</sup>.

Иначе говоря, уровень централизованной эксплуатации масс трудового славянского и протоболгарского населения существенно повысился уже в конце VII в. Практиковавшиеся внутри Славиний и протоболгарских родо-племенных коллективов в качестве обычая поборы в пользу хана, вождей, боилов, а также обязанность участвовать в строительстве святилищ и оборонительных сооружений стали, видимо, устойчивой традицией еще до 680 г. Именно поэтому теперь их удалось превратить в регулярные повинности. В условиях внутренней автономии подчинение верховной власти хана не означало ослабления власти славянских князей — эта власть, напротив, обретала официальную санкцию и могла быть энергично поддержана из центра.

Предложенная трактовка вопроса об организации экономической базы центральной власти в Болгарии на рубеже VII—VIII вв. находит подкрепление в условиях мирного договора 716 г. с Византией. Согласно одному из пунктов «торговцы каждой страны должны располагать грамотами и печатями, [у не обладающих печатями следует отнимать] имеющееся и зачислять на государственные счета» (Феоф., с. 285). Обязательство было взаимным — оно прямо свидетельствует о наличии в Болгарии центрального казначейства, о том, что межгосударственная торговля со стороны Болгарии (как и в Византии) находилась под контролем ханской власти и что славянская и протоболгарская знать

была весьма заинтересована в византийском рынке. Отправляясь в империю, купцы представляли интересы главы государства, членов его семьи и крупнейших представителей знати. Подобное явление было характерно и для других раннефеодальных государств. Договоры Древней Руси с империей в первой половине X в. также содержали процитированные выше статьи<sup>37</sup>. Ввозимый в Византию товар состоял из различных видов сырья и продуктов (меха, лен, кожи, шкуры, мед, воск, соленая рыба, икра). Вывозились также рабы и скот. Подавляющую массу этих товаров составляли взносы (дань) с трудового населения.

Нет оснований думать, что договор 716 г. имеет в виду какие-то принципиально иные отношения в Болгарии. Создание же государственной казны, организация пограничной службы, содержание отрядов из профессиональных воинов в центре и т. п. предполагали появление регулярно функционирующих органов власти, системы учета и контроля, аппарата насилия и судопроизводства. Органы управления кочевой ордой были не пригодны к выполнению этих многообразных функций, и их трансформация, по-видимому, началась очень рано — из органов военного руководства кочевников они становились территориальными институтами государственной власти, имевшими постоянное место пребывания.

Трудно ответить на вопрос, отличались ли социальные статусы славян (в том числе — по отношению к фиску) и протоболгар. Источники начала IX в. не делают различий в правоспособности подданных хана по этническому признаку. Превращение массы протоболгар к середине IX в. в оседлых жителей и их славянизация позволяют полагать, что и рядовые протоболгары не были изначально освобождены от натуральных и отработочных повинностей. Какие-то льготы, сравнительно со славянами, особенно живущими вне автономных Славиний, рядовые протоболгары, возможно, имели: они несли службу в коннице, требующую больше затрат на экипировку и снаряжение. Более значительными, вероятно, были отличия юридического статуса высшей славянской и протоболгарской знати. Члены правящего рода Дуло и близких к нему родов пользовались, несомненно, высшими привилегиями: в их руках оказались основные органы центральной власти, важнейшие, еще слабо дифференцированные функции гражданского и военного управления. В таких условиях одной из главных проблем внутренней политики хана было обеспечение равновесия между двумя разноэтничными слоями господствующего класса, все более решительно

преобладавшую, хотя и менее привилегированную часть которого составляла славянская аристократия.

С. А. Плетнева отмечает проявлявшуюся в раннее средневековье закономерность — высокую политическую активность межплеменных объединений, возникших в результате подчинения сплоченной кочевой ордой масс земледельческого населения. В качестве примера приводится «Гуннская держава», Аварский и Хазарский хаганаты<sup>38</sup>. Имело место как бы искусственное форсирование недостаточно развитых внутри каждого из объединившихся обществ разделения труда (земледелие и скотоводство) и общественных функций (управление — и производство материальных благ, воинская служба — и снабжение армии).

Мы не думаем, однако, что Болгарию VII—VIII вв. и названные выше три объединения можно уподобить друг другу: первые два вообще не могут квалифицироваться в качестве государств. Весьма примитивным в VII—VIII вв. и медленно развивающимся государством оставался и Хазарский хаганат, в котором даже господствующий слой долго сохранял в отличие от масс подданных полукочевой быт.

По зрелости своей общественно-политической структуры ранняя Болгария выгодно отличалась по крайней мере от «Гуннской державы» и Аварского хаганата именно потому, что ее экономической базой была производственная деятельность славянского общества, испытавшего существенное влияние высокоразвитой позднеимперской (ранневизантийской) цивилизации и ускоренно развивавшегося на издревле культивировавшихся землях еще до прихода Аспаруха на Балканы<sup>39</sup>.

В условиях данного объединения политически доминировавшие кочевники не могли превратиться всей ордой в господствующий слой, избавленный от производительных функций. Помимо налаженных веками форм кочевого и полукочевого коневодства и овцеводства, безусловно, положительно отразившихся на экономике Болгарии, трудно назвать отрасль хозяйства, в которой к моменту объединения протоболгары значительно превосходили бы славян и автохтонов. Вклад протоболгар был весьма важен, но он проявлялся главным образом в военной и административной сфере. С приходом Аспаруха нашла решение проблема создания всеобщего политического центра и органов центральной власти; заметно повысился воинский потенциал нового объединения — стала реальностью независимость и от империи, и от аваров.

В связи с проблемой создания и упрочения Болгарского

государства нередко поднимается вопрос о так называемой «дружине Кувера», протоболгарского вождя, пришедшего во главе многотысячного объединения из Аварского хаганата в империю в 80-х годах VII в.

Известия об этом содержатся в «Чудесах св. Димитрия». Наиболее достоверной датировкой этого факта считают 682—684 гг. (L., II, p. 161) или 686 г. (ИБ, 2, с. 107). Кувер (возможно, один из сыновей Кубрата, ушедший к аварам после падения Великой Булгарии) пользовался расположением хагана и получил под командование, помимо соотечественников — протоболгар, также сермисиан, т. е. потомков ромеев (переселенцев — пленников из области Сирмия — Сермия) (L., II, p. 138). Сообразуясь с помыслами подчиненных, Кувер восстал и увел свое воинство из хаганата, разбив преследовавших его аваров. Он вступил в сношения с императором и разместился на Керамисийском поле, причем драгувиты были обязаны снабжать прибывших продовольствием. Иначе говоря, Кувер формально, может быть, стал федератом империи. Однако он мечтал об овладении Фессалоникой. Его ближайший соратник Мавр разыграл ссору с Кувером и перешел со своими людьми к ромеям, найдя прием в Фессалонике. Император поставил под его начало всех ушедших от Кувера протоболгар и сермисиан. Получив значительную военную власть в городе, Мавр готовился к его захвату. Но в канун операции сюда прибыл военный флот империи. Потомки плененных аварами ромеев разбежались от Кувера, сохранив перенятую от родителей приверженность к христианству и мечту о возвращении в отеческие места. Бежавшие от Кувера, а также и сам Мавр с приверженцами были доставлены в Константинополь. Здесь сын Мавра открыл императору замыслы отца и Кувера. Мавр попал под стражу.

Полагают, что неудача Кувера и Мавра не привела к ликвидации этого протоболгарского объединения: признан сюзеренитет империи, оно в течение 30—40 лет сохраняло автономию<sup>40</sup>. Однако сведения о ходе событий в этом регионе в 680—720-х годах отрывочны и неясны; их интерпретация вызывает острые споры<sup>41</sup>. Вполне вероятно, что Кувер был действительно братом Аспаруха, что его движение в Македонию находилось в связи с созданием Болгарского государства и что, стремясь к овладению Фессалоникой, Кувер (или Мавр) ставил цель основания нового государства (L., II, p. 143—152). Однако значение протоболгар Кувера трудно сопоставимо с той ролью в формировании Болгарского государства и болгарской народности, которую

сыграли протоболгары Аспаруха. Решающим фактором становления народности являются, как известно, не чисто этно-антропологические признаки населения, а его самосознание. Роль протоболгар в формировании болгарской феодальной народности признана постольку, поскольку они занимали видное место в государстве, получившем само свое наименование от их этнонима. Официальная политическая традиция протоболгар была усвоена и славянами: именно поэтому термин «болгары» из этнонима только части населения стал означать сначала также подданных всей страны, а затем и всех представителей новой народности — болгар как ветви южного славянства. Протоболгар Кувера было гораздо меньше, чем протоболгар Аспаруха (в войске Кувера было много потомков пленных ромеев). Куверу не удалось достигнуть политического преобладания в регионе, а следовательно — и сыграть роль, сходную с ролью Аспаруха<sup>42</sup>. Местная славянская знать, ослабленная поражением в 678 г., не увидела в Кувере возможного союзника, в противоположность знати «Семи родов», помогавшей Аспаруху (L., II, p. 161).

От времени Аспаруха ведет начало составление первой части знаменитого «Именника болгарских ханов», в котором этот хан назван первым из правивших «по сю сторону Дуная» и остающимся «князем и поныне». «Именник» (сохранившийся лишь в старославянском переводе времени Симеона) являлся официальной летописью; она прославляла правящую тюркскую династию, служила целям усиления ее власти и укрепления протоболгарского этнического самосознания. Этот официальный документ должен был одновременно упрочивать господство Аспаруха, возводя его род к Аттиле, также над славянской знатью<sup>43</sup>.

В дальнейшем изложении (вплоть до падения Первого Болгарского царства в 1018 г.) факты внешнеполитической истории будут затрагиваться только тогда, когда они имеют отношение к раскрытию проблемы эволюции государственной системы Болгарии. Тервель продолжал политику Аспаруха по укреплению центральной власти, международного престижа и границ государства. В 705 г. Тервель за помощь Юстиниану II в возвращении престола получил титул кесаря (второй светский ранг империи после императорского), что, несомненно, повысило международный авторитет Болгарии. Сохранилась печать Тервеля, на которой он изображен в кесарской короне с крестом и подписью: «Богородица, помоги Тервелю кесарю»<sup>44</sup>. Конечно, христианские атрибуты играли лишь престижную роль. Юстиниан II уступил Тервелю и область Загору, примыкавшую с юга к Бал-



канскому хребту, с преимущественно славянским населением.

В 716 г. был заключен новый, уже упоминавшейся договор. Весьма важным пунктом договора были взаимные обязательства — выдавать друг другу политических беглецов (Феоф., с. 285): видимо, уже в это время в среде высшей протоболгарской и славянской знати проявлялись острые политические противоречия. Временем Тервеля датируют создание огромного барельефа (3,1×2,6 м) на отвесной скале в Мадаре, изображающего вооруженного всадника, пронзившего копьём льва. Вокруг изображения высекались на греческом языке надписи о важнейших событиях. Как само изображение, связанное с культом хана, так и надписи выполняли и сакральную и идейно-политическую функцию. Видимо, уже тогда Мадара стала важным культовым центром.

Начало ведения таких официальных каменных летописей также позволяет думать, что при ханском дворе существовали канцелярии, делопроизводство в которых велось на греческом языке пленными ромеями и жителями взятых протоболгарами и славянами местных городов, переходившими на службу к хану.

Договор 716 г. содержал, по всей вероятности, обязательства о военной помощи: в 717/718 г. болгарские войска по просьбе императора выступили против арабов, осадивших Константинополь. Разгром арабов, в котором войска Болгарии сыграли крупную роль, имел общеевропейское значение: был навсегда перекрыт путь арабам из Азии в Европу, как они были остановлены позднее и на западе (в 732 г.) Карлом Мартеллом при Пуатье. Победа над арабами укрепила международный престиж Болгарии.

Падение внешнеполитической активности Болгарии после 718 г. было связано с кризисом центральной власти, ярко проявившимся в 3-й четверти VIII в. За 20 лет на престоле сменилось 7 государей, более половины которых потеряло трон вместе с жизнью. Трон у династии из рода Дуло оспаривали роды Вокил и Угани. Причины междоусобий коренились, по всей вероятности, в процессах внутреннего развития и в вопросах ориентации внешнеполитического курса. Около 767 г., после заключенного заново мира с Болгарией, император, опираясь на тайных приверженцев среди знати Болгарии, выкрал князя северов Славуну и действовавшего вместе с ним предводителя «скамаров» (повстанцев) по прозвищу (которое он, видимо, получил от северов) «Христианин». Славун причинил особенно много хлопот визан-

тийцам во Фракии. Вмешательство императора во внутренние дела Болгарии не вызвало со стороны хана ответных мер (Феоф., с. 272). Инцидент показывает, что вожди Славиний не утратили своих позиций под властью хана; Славун фактически самостоятельно действовал во Фракии, найдя здесь союзников в среде местного (славянского и греческого) населения; захватывая Славуну, император, видимо, не опасался возобновления войны с Болгарией. Усложнялась политическая обстановка и внутри Славиний: агенты императора имелись и среди близкой к Славуну знати.

Основной причиной кризиса было обострение отношений между славянской знатью и протоболгарской аристократией, державшей в своих руках аппарат центральной власти. Тенденция к возрастанию роли славянской знати и к увеличению ее относительной численности отчетливо обозначилась за истекшие 70 лет, и перед протоболгарскими боилами встал вопрос о выборе пути. Славянская знать стала, видимо, все острее выражать недовольство отстранением от участия в органах центральной власти, но в рядах высших боилов по вопросу о преодолении противоречий, скорее всего, не было единства. После очередного переворота в Болгарии в 762 г. имело место массовое бегство славян на юг из района Загоры (Феоф., с. 271)<sup>45</sup>. Острые разногласия, особенно между ведущими протоболгарскими родами, вызывал также вопрос об отношениях с империей. В 60-х годах VIII в. род Дуло потерял власть, перешедшую к роду Укил (Вокил), а затем — к роду Угаин. Но видные представители и этого рода вскоре были уничтожены, власть вернулась к роду Укил. Византия, между тем, усиливалась, Болгария стала терпеть поражения. Империя взяла курс на ликвидацию Болгарского государства. В Плиске кипели смуты: после первого шага каждого нового хана к поискам мира с империей следовало его падение.

Однако активная подрывная деятельность части знати Болгарии, в том числе придворной, продолжалась. Сложилась эта оппозиционная хану группировка в мирный период 716—755 гг., и ее появление в этих условиях, учитывая особенности имперской дипломатии, вполне объяснимо. Имперская доктрина исключала отказ от территорий, некогда входивших в пределы империи (по крайней мере — на Балканах). Вся история отношений Византии с Болгарией с 681 по 1018 г. подтверждает этот тезис. Как раз в это время империя восстанавливала свое господство на занятых славянами землях Балканского полуострова. Заключение договоров с Болгарией было лишь вынужденной ме-

рой, военно-политическим маневром. В таких условиях в период мира византийская дипломатия, в особенности тайная, пускала в ход все средства — предложения высоких должностей и чинов, крупных сумм денег, престижных браков, богатых жилищ в Константинополе, пригородных поместий и т. п. Сочетая милости с угрозами, имперская дипломатия вносила раскол и дезорганизацию в ряды протоболгарской и славянской знати.

Свидетельством острого кризиса центральной власти в Болгарии является факт созыва «народного собрания» («конвента»), к которому апеллировали настроенные оппозиционно к хану Сабину боилы в 766 г. На собрание могли явиться, конечно, только пребывающие в столице и поблизости воины, паходившиеся под влиянием борющихся группировок знати<sup>46</sup>. Сабин, начавший переговоры с императором о мире, был обвинен в замысле предать Болгарию империи, лишен власти и, спасая жизнь, бежал в Византию, где нашел милостивый прием у императора.

Хан Телериг (768—777) считал важнейшей своей задачей выявить и обезвредить провизантийски настроенных вельмож и сановников, что ему и удалось (Феоф., с. 275). При Телериге проявился курс Болгарии на подчинение Славиний Македонии. В 774 г. его войска предприняли поход с целью «захватить Берзитию» и переселить ее жителей в Болгарию (Феоф., с. 274). Локализация Берзитии спорна, но она располагалась к юго-западу от границ Болгарии (ИБ, 2, с. 128). Переселение внутрь страны жителей подвергшихся нападению или новозавоеванных земель преследовало в то время обычно две цели: во-первых, оно исключало возможность восстаний местного населения против новой власти, во-вторых, переселенцы становились налогоплательщиками казны, а нередко и воинами. И для Византии эта мера особенно характерна именно в тот период, который определяется как время преобладания централизованной эксплуатации непосредственных производителей (т. е. VII—X вв.). Видимо, в Болгарии положение было сходным: источники IX в. свидетельствуют об острой заинтересованности ханов в увеличении числа своих подданных<sup>47</sup>.

#### ЛИКВИДАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДУАЛИЗМА

О конкретных формах социально-экономического развития Болгарии в VIII — первой половине IX в. сведений практически нет. Данные Земледельческого закона (VIII в.)

о росте имущественного неравенства внутри общины, обезземеливании крестьянства, концентрации земельной собственности, появлении категорий исполщиков, наемных работников, арендаторов и т. д. могут быть использованы лишь в том смысле, что эти порядки установились и на тех византийских землях, которые в первой половине IX в. вошли в пределы Болгарии, сохранив свою аграрно-правовую структуру. По своему социально-экономическому развитию Византия в эту эпоху обогнала Болгарию, и нет оснований полагать, что, овладев имперскими землями, власти Болгарии меняли (упрощали) сложившиеся на них аграрные порядки. Именно от начала IX в. известно о существовавших в империи (и основанных на труде зависимых крестьян) поместьях императора, церкви, монастырей, высшей знати. Возможно, и на присоединенных к Болгарии территориях имелись такие поместья, которые становились интегральной частью ее аграрной структуры.

Косвенным показателем того, что свойственные Византии процессы имели место и в Болгарии, являются законоположения хана Крума (803—814), одного из значительных деятелей Первого Болгарского царства. Крум ввел новые законы, повышающие наказания за преступления против частной собственности; хан под страхом жестокой кары предписал богатым давать нуждающимся сразу столько, сколько необходимо, чтобы впредь они не просили милостыни (ГИБИ, т. V, с. 310). В этих данных усматривают искаженное известие о формировании феодальной зависимости крестьянства: хан рекомендовал имущественно состоятельным людям, прежде всего — землевладельцам, предоставлять обедневшим участок (а может быть, также скот и инвентарь), чтобы, став самостоятельно ведущими хозяйство зависимыми крестьянами, они обрели средства к существованию (ИБ, 2, с. 146).

От первой половины IX в. имеются также некоторые сведения о структуре государственного аппарата в Болгарии. Высшая власть имела монархический наследственный характер. Официальным титулом государя был «хан юбиги» (вождь войска). В IX в. к этому титулу добавляли слова «от бога архонт», подчеркивая божественное происхождение его власти, а при Омуртаге и Пресиане еще одно уточнение («повелитель многих болгар»), которое указывало на то, что подданными хана являются и протоболгары, и славяне (т. е. термин «болгары» означал здесь уже не этническую, а государственно-политическую принадлежность).

Хан являлся верховным главнокомандующим, высшим законодателем и судьей, а также верховным жрецом. Перед важными событиями (например, перед сражением) хан лично совершал жертвоприношения (Феоф., с. 289). Опорой его власти являлась высшая аристократия, в особенности — род самого хана. Этот слой именовался «боилами» (или «болиадами» — отсюда впоследствии термин «боляре»), средний и низший — «багаинами». К боилам принадлежали ближайшие к хану лица: советник — кавхан (или капхан — первый полководец и соправитель) и ичиргу боил («внутренний боил», в славянском произношении «чергубиль»), наделенный также большими военными полномочиями. По старой тюркской традиции хан командовал центром войска («саракт» — в сущности вооруженный народ), а два приближенных к нему лица — левым и правым флангами<sup>48</sup>. По каменным надписям известно еще до двух десятков титулов и должностей, тюркских по происхождению, права и функции носителей которых трудно уяснимы. Все они имели отношение к военному делу, но, возможно, частично и к гражданскому управлению. Эти две сферы государственной службы в Болгарии еще не были четко дифференцированы. Различались, однако, сановники, компетенция которых распространялась на дела в столице и ее округе, и вельможи, которые исполняли службу в провинциях (ИБ, 2, с. 172). Первые именовались «внутренними болярами», вторые — «внешними», обладавшими менее высоким рангом. Но и это разграничение не было абсолютным: даже кавхан и ичиргу боил получали в управление недавно завоеванные земли, лежавшие далеко от столицы. Может быть, они лишь контролировали власти этих провинций. К управлению провинциями имели отношение и тарканы, делившиеся на несколько рангов, и жупаны, которых, видимо, можно сблизить со славянскими «старейшинами» (сошлемся на «жупанов старейшин» Константина Багрянородного — см. V гл.). Иногда эти два титула (таркан и жупан) прилагаются к одному лицу. Кроме того, имелась категория знатных, обозначавшихся термином «вскормленники» хапа, т. е. «питомцы», связанные с ним узами личной преданности. Вероятно, из них комплектовалась и охрана хана, его гвардия, члены которой именовались по-византийски «кандидатами»<sup>49</sup>. Выполняя роль «дружины» хана, это воинское соединение служило орудием усиления его личной власти.

Остается, однако, неясным самое важное: сколь велика в VIII — начале IX в. была компетенция представителей

центральной власти (сановников — протоболгар) в Славиниях, помимо власти местного вождя — князя. Во всяком случае, контролируемая из центра система управления распространялась не только на земли, занятые протоболгарами, и не только на недавно присоединенные территории со славянским населением. Из Славиний между Балканским хребтом и Дунаем для VIII—IX вв. упоминаются лишь две: северы и тимочане, тогда как археология позволяет говорить о заселении славянами всего этого пространства, помимо протоболгарских анклавов.

Видимо, автономных Славиний было уже к концу VIII в. немного — известны лишь «окольные», пограничные. О расширении сферы прямого воздействия центральной власти на славянские территории говорит и усвоение протоболгарами для данной эпохи уже несомненно славянского института жупанов, его включение в должностную иерархию. Примечательно, что с завершением процесса славянизации протоболгар в официальной терминологии для обозначения высшей сановной знати утвердился термин «боляре» (их представляли первоначально именно протоболгарские высшие чиновные лица), тогда как термин «хан» был вытеснен славянским обозначением «князь», прилагавшимся ранее к вождю Славинии. Иными словами, в Славиниях, находившихся под властью протоболгар (как и в Славиниях под верховной властью византийцев), развитие аппарата власти славянских вождей в VIII в. замедлилось (князь и жупаны-старейшины представляли в основном всю иерархию, причем престиж князей ослабевал).

Об укреплении центральной власти свидетельствуют реформы Крума. Хан предписал производить тщательное судебное разбирательство в случае любого обвинения и карать смертью клеветников (ГИБИ, т. V, с. 310). Это означало введение в стране организованного судопроизводства — реформа была отзвуком недавних острых столкновений внутри господствующего класса. Она, несомненно, повысила авторитет центральной власти. Законы Крума были обязательны для всего населения, независимо от этнических различий. Следовательно, сфера действия региональных норм обычного права (а они не могли не быть разными у славян и протоболгар) была резко ограничена. Реформа ослабила влияние местной, и славянской и протоболгарской, знати, смягчила правовые различия между славянами и протоболгарами и способствовала славянизации протоболгар. Законы Крума будто бы объявлял, созвав «всех болгар», т. е. на конвенте, собиравшемся в особо важных слу-

чаях. Термин «болгары» употреблен здесь, кажется, для обозначения подданных вообще, а не только протоболгар.

Среди приближенных к Круму лиц находились и представители славянской знати: посольство хана в Константинополь в 812 г. возглавлял пекий Драгомир (Феоф., с. 285). Но хан еще проявлял внимание и к вождям автономных «окольных Славиний»: после разгрома византийской армии в 811 г. в балканском ущелье, когда погиб сам император Никифор I, Крум пировал вместе со славянскими князьями, признавая их вклад в общую победу (Феоф., с. 283)<sup>50</sup>. Принимал Крум на службу и даже в круг своих родичей беглых знатных византийцев, обуславливая свою милость, по-видимому, отказом от христианства: известно об остро враждебной позиции хана к христианской религии.

Значительно расширил Крум пределы Болгарии. В начале IX в. франки нанесли сокрушительный удар по Аварскому хаганату, захватив его западные владения. Воспользовавшись этим, Крум, видимо, занял часть восточных земель хаганата, подчинив обитавших здесь аваров и местные Славинии. Поскольку Крум в июле 811 г. успел за 5 дней позвать на помощь (впрочем, Ватиканский апоним говорит — «напаял за плату») аваров, хан, видимо, перевел боеспособные части разбитых им аваров на правобережье, в западные провинции государства. Возможно, контролировал Крум и район между устьями Тимока и Савы: владения франков и болгар почти соприкасались<sup>51</sup>. Вообще вопрос о северных и северо-западных границах при Круме (о «Болгарии по ту сторону реки Истр», как она именуется в источниках), а также вопрос об эффективности власти хана за Дунаем остается не до конца проясненным<sup>52</sup>. Во всяком случае, уже в это время Болгария, занимавшая срединное положение между Византийской и Франкской империями, была после них важнейшим государством Европы. После победы над Византией в 811 г. Крум был фактически хозяином положения во Фракии. Он взял Девельт, Месемврию и Адрианополь и готовился к штурму Константинополя, когда внезапно умер весной 814 г.

30-летний мир с Византией был заключен в 815 г., при хане Омуртаге. Новая граница соответствовала в целом при незначительном расширении болгарских владений границам 716 г. Славяне, не являвшиеся к началу войны подданными императора, но оказавшиеся в ее ходе на землях империи, должны были вернуться в места старого обитания: они становились подданными болгарского правителя. При Омуртаге произошли крупные перемены в государственной

структуре Болгарии. Политика упрочения центральной власти, которую вслед за Крумом проводил Омуртаг, обусловила стремление знати Славинии тимочан сменить усилившуюся власть хана на подданство далекому франкскому императору. В 818 г. послы тимочан просили Людовика Благочестивого принять их под свою защиту. Не получив согласия, они перешли под власть посавского князя Людевита, который сопротивлялся франкам до 823 г. Вместе с владениями Людевита (см. V гл.) тимочане оказались во власти франков. В 824 г. послы абодритов (преденецентов) жаловались франкскому императору на «неоправданную враждебность» болгар. Тогда же прибыли к Людовику и послы Омуртага, тщетно настаивая на уточнении границы между государствами. В 827—829 гг. имели место военные столкновения с франками. Вторгнувшись в Паннонию, «болгары... разорили огнем и мечом славян... и, изгнав их вождей, поставили над ними болгарских правителей» (ЛИБИ, т. II — Эйпхард, с. 30). Из этих скудных данных явствует как будто, что власть Болгарии над славянами на северо-западных границах до указанного похода не была прочной и при Омуртаге. Тем не менее по свидетельству «Баварского географа», первая часть которого была составлена в период между 829 (когда была установлена граница между франками и болгарами) и 843 гг. (Верденский договор о разделе империи), болгары имели на левобережье Дуная 5 civitates. В. Гюзелов убедительно интерпретирует это известие как указание на 5 административных, находившихся к северу от Дуная болгарских областей с их центрами — крепостями<sup>53</sup>. Вряд ли непокорные тимочане и преденеценты сумели сохранить тогда автономию, попав снова под скипетр болгарского правителя.

Представители славянской аристократии все активнее вовлекались в аппарат государственной власти. Омуртаг находил, безусловно, опору у большинства славянской знати. Его сыновья — Енравота (Воин) и Звиница (а может быть, и Маламир) — послали славянские имена. Процесс славянизации захватил уже верхушку протоболгарской знати.

В тесной связи с укреплением центральной власти находились и гонения на христиан, в которых Омуртаг усматривал потенциальных врагов, а в христианстве — одно из действенных средств византийского влияния. Гонения были обусловлены усилением проникновения христианства по мере расширения территории за счет отнятых у империи земель и возрастания числа пленных византийцев в стране: им предлагался выбор; либо отречение, либо казнь. Гоне-



ния еще более усилились при Маламире (831—836), казнившим брата Енравоту за то, что он принял христианство. Положение изменилось при Пресиане (836—852), который овладел землями смолян и обширными территориями Средней и Южной Македонии, запятыми Славиниями берзитов, драгувитов и стримошцев. Здесь среди славян уже было немало христиан. Преследования в этих условиях могли ослабить позиции Болгарии в присоединенных районах, и поэтому гонения, видимо, были прекращены.

Утверждению престижа ханской власти и ее международного авторитета служила и строительная деятельность. Омуртаг перестроил разрушенную Никифором I Плиску, воздвиг новый дворец и новый языческий храм; усилил внешние (земляные) и внутренние (каменные) укрепления; толщина стен достигала 2,6 м, а высота — 10 м. При Омуртаге и Преслав стал крупной крепостью с дворцом-резиденцией. Дворец был построен и на р. Тиче, через которую был переброшен мост. Еще один дворец был воздвигнут на Дунае под Силистрой. Постройки увенчивались колоннами, на которых высекались (на греческом языке) торжественные надписи, прославлявшие хана. Каменные надписи высекались и в честь выдающихся военачальников и саповников — при этом упоминались имя хана, имя и род прославляемой личности.

Таким образом, основное содержание внутренних государственно-политических процессов в Болгарии первой половины IX в. заключалось в ликвидации административного дуализма, в утверждении монархической власти хана на территории всей страны. В этнокультурной сфере этот процесс сопровождался изживанием этнического дуализма и постепенным вовлечением протоболгар в русло славянской культуры. Пережитки кочевого быта у части протоболгар и сохранение религиозных отличий<sup>54</sup>, наиболее упорно культивируемых высшей протоболгарской аристократией (хранительницей древних традиций), оставались последним препятствием на пути полного превращения раннефеодального Болгарского государства в централизованную монархию.

#### ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОДЪЕМ

Принятие христианства в качестве официальной религии совершалось у европейских народов на той стадии общественного развития, на которой эксплуатация подавляющего большинства производительного населения со стороны со-

циально и политически господствующего меньшинства приобретала регулярный характер. Активный процесс христианизации происходил, как правило, в условиях усиления центральной власти, при ее прямом участии. Болгария не являлась исключением из этого правила.

Некоторое суждение о ее социально-экономической структуре и политической организации во второй половине IX в. можно составить по ранним памятникам славянской письменности (конец IX — начало X в.), фиксирующим явления, возникшие в славянском обществе в результате предшествующего развития. Среди этих памятников назовем прежде всего «Закон судный людем». Важны также сведения, содержащиеся в «Ответах папы Николая I на вопросы болгар» (866).

«Закон» свидетельствует о значительной имущественной дифференциации — о нищих, бедняках, простых людях, наемных работниках, богатых<sup>55</sup>; много внимания уделено рабам как объекту купли и продажи, обстоятельствам обращения в рабство свободных за преступления против религии, собственности, нравственности, упомянуто о передаче свободных в рабство потерпевшему (за ущерб) или церкви (за отречение от христианства), об отпуске на волю за выкуп или отработку «своей цепи» (ЗСЛ, с. 403); в «Закоше» сказано о защите частной собственности на землю, угодья, урожай, посевы, виноградники, дома, огороды, скот и т. п., о наказаниях лиц, умышленно причинивших ущерб собственности другого (ЗСЛ, с. 396); особо важно указание на наличие целых сел в собственности одного лица («господина») (если жители села и его господин совершают языческие обряды, то поселяне со всем имуществом становятся собственностью церкви, господин же продается в рабство, а цепа за него идет нищим) (ЗСЛ, с. 163). Существенны данные «Закона» о развитии товарно-денежных отношений, об обращении византийской монеты, которой уплачивались и судебные штрафы (ЗСЛ, с. 204, 453). Данные об имущественной дифференциации: о рабах, богатых, бедных, знатных — имеются и в «Ответах папы Николая I» (ЛИБИ, т. II, с. 68, 76, 79, 81 и др.).

«Закон» предусматривал функционирование контролируемого из центра и основанного на писаном законе судопроизводства; помимо судей, в нем участвовали свидетели с обеих сторон; определенными правами пользовалась церковь, князь являлся высшей апелляционной инстанцией; особые права в военное время имел жупан-воевода; во главе провинций стояли ответственные за соблюдение законо-

сти «владыки земли той» (т. е. княжеские наместники). О суровых воинских законах, действовавших в канун принятия христианства, свидетельствуют «Ответы папы Николая I»: воин, явившийся на сбор с плохим оружием и негодным конем, подвергался казни, как и страж границы, не задержавший бежавшего из страны раба или свободного (с. 84, 91)<sup>56</sup>.

О степени развития крупного землевладения источники судить не позволяют, хотя, несомненно, феодальные поместья в этот период складывались. Основной формой эксплуатации оставались государственные налоги и повинности. Константин Преславский призывал болгарскую паству и божественную службу совершать, «и властельскую работу исполнить» (Хр., I, с. 139), т. е. установленные налоги и отработки в пользу центральной власти, ответственными за которые, по-видимому, со времен Омуртага были представители государственного аппарата уже на всей территории Болгарии, включая Славинии.

Об уплате одной частью славян Македонии «дани» властям Фессалоники, а другой частью — «скифам», живущим поблизости, т. е. представителям болгарской власти, пишет Иоанн Камениата (Ioan. Cam., р. 8, 82—84, 90). Хотя внутри Болгарии еще преобладал натуральный обмен (Хр., I, с. 149 — Масуди) (своей монеты государство не имело и налоги взимались в натуре), внешнеторговые связи имели, видимо, чрезвычайно большое значение для значейства и господствующего класса в целом. Фиксирующая традиционные порядки на константинопольском рынке «Книга эпарха» упоминает «болгар», торгующих льном и медом, причем они иногда предпочитали сразу же обменять свой товар на желательный для них (Кн. Эп., с. 82—83, 198—199). Торговали болгары также рабами-пленниками. Заинтересованность в льготной торговле с Константинополем была так велика, что, когда в середине 90-х годов IX в. вместо византийской столицы болгарам было предложено торговать в Фессалонике (и, видимо, платить пошлины), Симеон счёл этот акт достаточным поводом для начала войны (ГИБИ, т. V, с. 121—122). Вела Болгария торговлю также и с другими странами, в частности — с Древней Русью<sup>57</sup>.

Итак, в Болгарии к середине IX в. сложилась общественная система, обеспечивающая экономическое, социальное и политическое господство узкого слоя сливающейся воедино славяно-протоболгарской знати. Ощущалась острая потребность в освящении существующего строя божествен-

ным авторитетом, когда неповиновение властям воспринималось бы не только как нарушение закона, но и как поступок, противоречащий нравственным нормам жизни общества. Принятие христианства сулило утверждение единства идеологии, учреждение организованной (через церковь) системы контроля над умами подданных, усиление власти князя — «помазанника божия» и, безусловно, повышение авторитета Болгарии среди христианских стран Европы.

Христианизации предшествовало, несомненно, укрепление единства в высшем слое славянской и протоболгарской аристократии, смягчение этнокультурных и политических противоречий. В провинциях Борис должен был рассчитывать на своих наместников, уже в это время, по-видимому, именовавшихся «комитами». Они соединяли в своих руках военные и гражданские полномочия. Провинции назывались «комитатами»<sup>58</sup>. Их границы, сознательно перекроенные, уже не совпадали со Славиниями и территориями, занятыми когда-то протоболгарскими вежами: судя по тому, что против Бориса после крещения поднялись 10 комитатов, их общее число было по крайней мере вдвое больше (Борис быстро справился с мятежниками) (ГИБИ, т. II, с. 287).

Решение о принятии христианства было принято Борисом в осложнившейся международной обстановке: Византия не могла смириться с потерей земель, захваченных у нее Преспаном, Восточно-франкское (Германское) королевство усиливало давление на Среднее Подунавье; сталкивались также интересы Болгарии и Великой Моравии. В войнах с Византией в 855—856 гг. Болгария потерпела поражение. Участие Бориса в союзе с Людовиком Немецким в действиях против Великой Моравии привело к вторжению войск союзной Ростиславу Моравскому Византии в 863 г. в Болгарию, страдавшую от неурожая и землетрясений. Князь был вынужден заключить мир, отказаться от союза с Людовиком Немецким, обещая принять крещение от империи, смириться с потерей земель близ эгейского побережья и, сохранив Загору, вернуть империи города Анхиал, Месемврию и Девельт.

Крещение началось в 864 г.<sup>59</sup> прибывшими для организации церкви в Болгарию византийскими священнослужителями. Борис и его окружение сознавали опасность со стороны оппозиционных сил. Акт крещения князя и приближенных к нему сановников был совершен втайне от подданных. Князь принял имя Михаил, в честь императора Михаила III, «духовным сыном» которого по византий-

ским церемониально-дипломатическим нормам он должен был отныне признаваться. Обстановка неуверенности в широких массах усугублялась тем, что в страну хлынули проповедники самого разного толка (не только православные ромей-ревнители, но и монофиситы-армяне, еретики, мусульмане-арабы). В 865 г., в ходе крещения населения, вспыхнул мятеж знати (видимо, прежде всего — протоболгарской), которая, играя на антивизантийских настроениях в народе, стремилась свергнуть Бориса. Мятеж был подавлен, 52 семьи бояр-мятежников были уничтожены. Власти силой утверждали христианство, упорствующих лишали имущества и свободы.

Позиция болгарского двора, однако, резко изменилась, едва встал вопрос о статусе болгарской церкви: задача состояла в том, чтобы добиться возможно большей независимости от византийского патриарха, так как официальная доктрина империи не отделяла церковную зависимость от политической. В письме к Борису патриарх Фотий и трактовал вопрос в этом духе (ГИБИ, т. IV, с. 104—105). Используя противоречия между Византией и папством в 866—870 гг., князь добивался предоставления болгарской церкви статуса либо патриархии, либо автокефальной (решающей внутренние вопросы самостоятельно) архиепископии. Папство не пошло на эту уступку. На Восьмом вселенском соборе в Константинополе в 870 г. была санкционирована принадлежность болгарской церкви к восточно-христианскому миру; право поставления архиепископа Болгарии получал константинопольский патриарх, а избирался кандидат в архиепископы собором епископов Болгарии; Вселенский собор 879—880 гг. утвердил и автокефальность (автономию) болгарского архиепископа: болгарский диоцез был исключен из списков епархий Константинопольской патриархии (ИБ, 2, 230).

Организация церкви была осуществлена, при незначительных отступлениях, по византийскому образцу. Как и в империи, церковь оказалась в подчинении у высшей светской власти. Потребности организации культа обусловили повсеместное строительство храмов и монастырей и их материальное обеспечение со стороны центральной власти и состоятельных неофитов. Помимо многочисленных епископий, как и в Византии, небольших по размерам, было учреждено семь подчиненных архиепископу митрополий. Резиденция архиепископа располагалась вместе с главным (соборным) храмом в столице: сначала в Плиске, а с 893 г. — в Преславе<sup>60</sup>. Церковные посты были заняты ви-

зантийскими священнослужителями. Литургия совершалась на греческом языке. Желая видеть на церковных постах своих соотечественников-подданных, Борис отправил на учебу в Константинополь большую группу знатных болгар, в том числе своего сына Симеона, готовившегося к принятию монашеского сана.

Следующим шагом в утверждении самостоятельности болгарской церкви, а вместе с тем — и собственных путей культурного развития был переход в церковнослужении с греческого языка на славянский. В 886 г. преследуемые немецким духовенством и сменившими ориентацию властями Великой Моравии ученики первых просветителей славянства — Константина (Кирилла) и Мефодия — нашли прием при дворе Бориса. Благодаря их энергичной учительской деятельности были подготовлены многочисленные кадры обученного славянской письменности духовенства. В 893 г. наиболее видный из учеников солунских братьев Климент Охридский стал первым епископом — славянином в области Драгувития; с его именем связывают создание славянского алфавита «кириллицы». Началась замена византийского клира болгарским — процесс, который должен был занять, конечно, несколько лет<sup>61</sup>.

Христианство содействовало ликвидации этнокультурных отличий между славянами и остатками протоболгар, обеспечению единства идейно-политических представлений, нравственно-этических и бытовых норм. Введение литургии на родном языке, распространение славянской письменности и возникновение славяноязычной литературы способствовали ускорению темпов культурного развития и оформлению самосознания болгарской народности<sup>62</sup>.

Организованная по иерархическому принципу и централизованная церковь стала интегральной частью монархической системы, выполняя важнейшую идеологическую и социальную функцию — укрепление власти государя и существующего строя в целом. Даже остро обличавший беззакония властей и корыстолюбие иерархов Козма Пресвитер гневно внушал пастве, что «цари и боляре богом суть учинены»<sup>63</sup>.

В связи с принятием христианства Болгарией вызывают интерес еще два обстоятельства: во-первых, кажущаяся легкость, с которой империя согласилась учредить в Болгарии автокефальную архиепископию, и, во-вторых, введение в новообращенной стране литургии на греческом языке в то время, когда уже были созданы славянские церковнослужебные книги, к чему византийский двор был непос-

редственно причастен. Борьба с папством за церковно-политическое влияние в Болгарии была весьма острой. Империя была в этот период достаточно сильна. Однако теперь в отличие от 863 г. она отказалась от военного давления на Болгарию. Видимо, решающее значение имели два фактора: крупной победой считалось уже то, что Болгария оказалась в лоне восточнохристианской церкви; кроме того, военное вторжение в условиях незавершенного крещения и языческой оппозиции грозило отречением от христианства нетвердых в вере неофитов и подъемом антивизантийского движения в Болгарском государстве под лозунгом восстановления язычества.

Что касается греческой литургии, то здесь курс имперских политиков резко отличался от их позиции в отношении к отдаленной Великой Моравии. Болгария была соседкой империи, о возвращении власти над этой территорией в Константинополе не переставали помышлять; греческая литургия предполагала назначение в Болгарию византийских иерархов и поэтому обещала облегчить контроль Византии над болгарской церковью. Исторический опыт христианизации Великой Моравии и Болгарии был учтен на Руси, где славянская литургия была введена практически одновременно с христианизацией.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период завершался процесс оформления болгарской народности, господствовавшая при болгарском дворе, как и в других раннефеодальных государствах, политическая доктрина не содержала идеи ограничения границ государства пределами расселения своей народности. Принятие христианства, хотя и повлияло на характер межгосударственных отношений Болгарии, в указанной связи не повлекло заметных перемен сравнительно с эпохой язычества. Курс на расширение пределов Болгарии за счет земель соседних стран и народов ярко выразился во внешней политике Симеона.

В 893 г. состоялось последнее известное «народное собрание». Ушедший в монастырь (в 889 г.) Борис-Михаил временно вернулся в царский дворец, сверг своего сына Владимира, когда тот попытался восстановить язычество в 893 г., повелел ослепить его и бросить в тюрьму. «Сознав все свое царство», Борис объявил о воцарении Симеона (893—927), о нерушимости христианского вероисповедания, законности наследования престола «от брата к брату» и перенесении столицы из Плиски, связанной с традициями язычества, в Преслав (ИБ, 2, с. 238). Этот был последний, известный в истории Болгарии конвент. Вскоре после смерти

Бориса (907) он был канонизирован — его имя открыло список святых болгарской церкви.

О внутривластных переменах в правление Бориса и Симеона известно мало: источники говорят в основном о внешнеполитической и церковно-культурной деятельности этих царей, особенно Симеона. При нем значительно упрочилась княжеская власть. Совершенствовались органы центрального управления; появлялись новые должности. Уже с конца 860-х годов известен сан «самписиса» (этимология неизвестна), выполнявшего дипломатическую миссию в Византию, а вместе с ним в посольстве участвовали «славнейшие судьи» (*gloriossimi iudices*) (их титулы искажены в источнике и поэтому не совсем уяснены) (ЛИБИ, т. II, с. 208)<sup>64</sup>. Возможно, крупные военачальники, помимо дипломатических, выполняли также функции центральных судей. Высоким сановником был и «великий жупан» — серебряная чаша с надписью некоего Сивина, носившего этот чин, найдена при раскопках в Преславе.

Делопроизводство в центральных канцеляриях в силу почти 200-летней традиции велось до 90-х годов IX в. на греческом языке. Если до принятия христианства византийское влияние в административно-государственном строе ограничивалось принятием ряда имперских титулов и формальным усвоением атрибутов власти, то после крещения воздействие Византии значительно возросло<sup>65</sup>. Распространялись нормы византийского права. Получил официальное признание византийский сборник церковно-канонического права «Номоканон» («Кормчая книга»). Особенно заметным византийское влияние было в культурно-идеологической сфере: культура Болгарии после крещения развивалась в целом в ареале восточно-христианской цивилизации.

Симеон получил образование в Византии, где пробыл с конца 70-х годов до середины 80-х годов IX в., приобретая знания в знаменитой Магнаврской школе. Он достиг таких успехов в учебе, что его называли «полугреком» (*semigrecus*) (ЛИБИ, т. II, с. 323). Характеристика эта касалась не только византийской образованности болгарского князя, а самой его оригинальной идейно-политической позиции в отношении империи.

В 894 г. в ответ на запрет льготной торговли болгарским купцам в Константинополе (вести торг отныне они могли в Фессалонике, вероятнее всего, уплачивая пошлины), Симеон начал первую войну с Византией, составившую начало первого этапа борьбы царя за гегемонию на Балканах<sup>66</sup>. В 897 г. он разбил византийцев под Булгарофигом во Фра-



кии. Расширял он границы государства и в юго-западном направлении. В 904 г. он пытался запать разграбленную арабами Фессалонику<sup>67</sup>. Убедившись в высокой боеспособности своих войск и в поддержке высшей знати и пользуясь нестабильностью власти в Константинополе, Симеон начал в 913 г. вторую войну с империей, которую вел до самой смерти.

В начале своего правления князь удовлетворялся титулом, которым пользовались еще Пресиан и Борис («от бога архонт»). От тюркского титула «хан юбиги» отказался уже Пресиан<sup>68</sup>. Симеон, усвоивший византийскую политическую доктрину, согласно которой император являлся высшим сюзереном всей христианской ойкумены, и прекрасно осведомленный о том, что эту власть — в соответствии и с церковными канонами, и со светскими законами — неоднократно захватывали военачальники провинций (Египет, Крым, Армения), имевшие разное этническое происхождение (фракиец Юстин I, сириец Лев III, армянин Лев V), не видел препятствий к овладению троном и созданию греко-болгарской империи под сенью своего скипетра. Болгария к тому же составляла некогда часть империи, которая с самого основания была полиэтничной и в которой подданство и вера обуславливали гражданское равенство любой этнической группы. «Ойкуменизм» императорской доктрины обернулся против самой империи: речь шла, таким образом, лишь о воссоединении империи — с одним принципиальным новшеством — воцарением болгарской династии<sup>69</sup>. Прекрасно владевший греческим языком, по-византийски образованный, Симеон чувствовал себя вполне готовым к управлению империей.

По соглашению 913 г. за Симеоном было признано право на титул «василевса» (императора, разумелось — только Болгарии) и давалось согласие на династический брак малолетнего Константина VII с дочерью Симеона (такие браки тогда — в форме обручения, имевшего, однако, юридическую силу брачного союза, — заключались и между детьми в возрасте 5—8 лет). Договор открывал путь к «мирному» утверждению власти Симеона в Константинополе: как тесть малолетнего императора болгарский царь надеялся получить титул «василеопатора», т. е. «отца императора», стать регентом его и соправителем.

Но план царя рухнул с возвращением к власти императрицы Зои, матери Константина VII. Зоя отвергла договор с Симеоном. Симеон возобновил войну. В августе 917 г. он нанес сокрушительное поражение византийской армии под

Ахелоем, затем подчинил Сербию. В 918 г. его войска вторглись в Элладу.

Между тем в Константинополе произошли события, нанесшие еще более тяжкий удар по замыслам Симеона, — такой же, как и разработанный им, план осуществил начальник военного флота Роман Лакапин: в 919 г. он взял власть в столице, обручил свою дочь с Константином VII, стал василеопатором, а в 920 г. был коронован как соимператор (920—944). Симеон в ответ принял титул «василевса ромеев», вызвав взрыв негодования в Константинополе. Его войска контролировали Фракию. Роман I тщетно предлагал мир. В 924 г. в ответ на неповиновение своего ставленника в Сербии Симеон присоединил ее территорию к Болгарии. Хорватия вступила в союз с Византией против Симеона. Первым сигналом неблагополучия было бегство масс населения из Болгарии, уставшего от бесконечных войн (ГИБИ, т. IV, с. 299). В 927 г. войско Симеона потерпело поражение в Хорватии, и царь скоростижно скончался в мае этого года.

Симеон существенно расширил границы государства на юге, юго-западе и западе. Авторитет Болгарии на международной арене был выше, чем когда бы то ни было. Однако усилия царя претворить в жизнь свои честолюбивые планы стоили народу Болгарии слишком много материальных средств и человеческих жертв<sup>70</sup>.

Яркую страницу в истории правления Симеона составляет его деятельность, направленная на развитие культуры. В историографии утвердилось обозначение этого периода как «золотого века» средневековой культуры страны. Эта деятельность, неотделимая от честолюбивых помыслов царя, сыграла объективно благоприятную роль для дальнейшего развития болгарской средневековой культуры. Со всем величием, возможным в ту эпоху, был украшен Преслав. Поясом мощных каменных укреплений был опоясан не только внутренний, как в Плиске, но и внешний город. Ничто, кроме первоначальной планировки, уже не напоминало «аула». Преслав был в 5 раз меньше Плиски по площади: здесь уже не было места для юрт кочевников — это была столица европейского государства, не уступавшая по архитектурному облику и благоустройству многим крупным городам Византии. Величие власти Симеона соответствовали выстроенная им Тронная палата и знаменитый памятник монументальной архитектуры — дворцовая Круглая (Золотая) церковь, ротонда, украшенная мраморными колоннами в два этажа, многоцветными мозаиками и керамическими

плитками. Превращая столицу в средоточие «христианского благочестия» и центр официальной культуры, Симеон основал также несколько монастырей, из которых как архитектурный ансамбль и культурный центр выделялся монастырь в пригороде Преслава — Патлейне.

Однако наиболее тесно имя Симеона связано с расцветом староболгарской литературы: едва через 10—15 лет после введения богослужения на славянском языке и славянской письменности в качестве официального языка церкви и государственного делопроизводства были не только переведены с греческого важнейшие памятники канонической и вероучительной литературы, но и созданы оригинальные литературные произведения, и прозаические и поэтические. Возможным это оказалось потому, что талантливая плеяда первых болгарских книжников опиралась на достижения кирилло-мефодиевского кружка и пользовалась щедрой поддержкой главы государства (ИБ, 2, с. 278—323).

Всемерное содействие Симеона развитию отечественной литературы было частью его общего политического курса, направленного внутри страны на утверждение христианства как безраздельно господствующего мировоззрения, на ликвидацию остатков этнокультурного дуализма, упрочение сложившегося общественного строя и усиление авторитета царской власти, а вовне — на повышение престижа Болгарии, расширение ее границ, а затем и на создание славяно-греческой империи. Эпохой Симеона датируется завершение процесса оформления новой этнокультурной общности — болгарской феодальной народности, славянской по своему облику<sup>71</sup>. Идеино-политическая доктрина болгарского христианского царства не отвергла политической преемственности со славяно-протоболгарской державой ханов-язычников. Государство не только сохранило свое наименование — окончательно утвердился и древний тюркский этноним «болгары» в его новом значении, отражавшем безраздельно господствующее самоназвание населения страны, его представленье и о своей этнической общности и о государственной принадлежности. Именно при Симеоне «Именик болгарских ханов» был переведен с греческого на староболгарский как официальный памятник государственной истории, хотя реликты протоболгарского быта уже утратили серьезное значение в жизни общества<sup>72</sup>.

## ВНУТРЕННИЙ КРИЗИС И ПОЛИТИЧЕСКИЙ УПАДОК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X в.

Десятое столетие было ознаменовано не только усовершенствованием системы государственной эксплуатации трудового населения и завершением строительства централизованной средневековой монархии, но и становлением институтов феодального общества. В общих чертах структура земельной собственности в Болгарии была близка к византийской, и это сходство необъяснимо без признания разного по интенсивности, но общего для двух стран синтеза общественного строя «варваров» (славян) и восточноримских социально-экономических институтов<sup>73</sup>. Славяне перенимали у автохтонов не только более высокую агрокультуру. Под влиянием местных условий ускорился переход к соседской общине, а следовательно — и появление собственности общинника на пахотный надел (аллод). Формы централизованных взносов и отработок также испытали византийское воздействие. Кроме того, крупные массивы земель на вновь завоеванных землях (с которых были изгнаны византийские феодалы и управители императорских поместий) переходили в собственность царской семьи, представляли собой и поместья с зависимым населением, и незанятые земли, служившие фондом пожалований царя. Небольшие, но благоустроенные имения близ Охрида и Главиницы («места для отдыха») подарил Клименту Охридскому еще Борис<sup>74</sup>. Из фонда царских земель прежде всего в Болгарии ускоренными темпами формировалось церковное и монастырское землевладение. Грамоты Василия II от 1019—1025 гг. в пользу Охридской архиепископии, фиксируя владения епископий, их имущественные права и точное число избавленных от казенных налогов зависимых «пáриков» и клириков, содержат прямое указание на то, что эти порядки сложились еще при Петре и Самуиле<sup>75</sup>.

Имелись в эту эпоху и крупные имения светской знати. Сановник Симеона и Петра ичиргу боил («чергубиль») Мостич, достигнув старости, передал «все имущество» монастырю<sup>76</sup>. Крупными земельными собственниками были и те видные полководцы Самуила, которые управляли провинциями, возглавляли гарнизоны крепостей и командовали воинскими подразделениями комитатов. Один из наиболее последовательных сторонников продолжения борьбы с Василием II Иваца имел владение-крепость с садами и дворцами (ГИБИ, т. IV, с. 292—293).

Следовательно, вторым видом собственности в Болгарии в X в. была частная крупная собственность, которая по своей социальной (феодалной) сущности мало отличалась от царской. Фактором, сближавшим византийские аграрные порядки с болгарскими, было также то, что и здесь были весьма высоки prerogatives царской власти, осуществлявшей контроль над частным землевладением, жаловавшей освобождение от налогов лишь как высочайшую милость и нередко прибегавшей к конфискациям частновладельческих земель в случае опалы их собственника. Несомненно, подобные отношения собственности являются также результатом синтеза между институтами «варварского» общества и феноменами восточноримского, которому присуще господство закрепленного в действующем римско-византийском праве принципа частной поземельной собственности<sup>77</sup>.

Общественно-экономический строй Болгарии IX — начала XI в. не может рассматриваться по аналогии с азиатскими феодальными деспотиями при всей важности прав контроля центральной власти над частной собственностью: ни государь Болгарии, ни император не обладали правом верховной собственности на все земли страны. Неизвестно от IX—XI вв. ни одного бесспорного факта конфискации частной собственности в силу акта монаршего произвола или передачи (без суда) в собственность частного лица не только села свободных общинников, но хотя бы одного крестьянского двора<sup>78</sup>. Если уж говорить об участии в синтезе неких «азиатских форм», то под ними, видимо, следует усматривать некоторые элементы общественной структуры, напоминающие восточные (юридически неограниченная власть государя), которые утвердились в Болгарии через византийское посредство, но и здесь — с существенным отличием: в империи принцип наследственности власти упрочивался с трудом, в Болгарии же он соблюдался в целом со времени основания государства.

Третьим видом собственности была общинная собственность на неподеленные земли (угодья). Собственность больших семейных коллективов являлась в этот период лишь подвидом мелкой крестьянской, так как господствовала малая семья, хотя вместе с родителями могли жить и их взрослые дети. Большие семьи (задруги, как их обозначают в соответствии с возникшим весьма поздно и вне болгарской земли термином) еще сохранились внутри соседских общин: Феофилакт Болгарский пишет, что у болгар порой выпекался хлеб, одной буханкой которого можно было накормить 10 взрослых мужчин.

Главное содержание социально-экономических процессов в Болгарии X — начала XI в. состояло в появлении основных институтов феодального общества: феодальной вотчины (земли которой делились на господские и держания крестьян), категорий зависимых крестьян, на которых переносили византийский термин «парики», эксуссии (палогового иммунитета) и т. п. Однако частновладельческая эксплуатация до падения Первого Болгарского царства не стала господствующей формой изъятия прибавочного продукта. Основную массу крестьянства составляли свободные налогообязанные общинники <sup>79</sup>.

Оформился в IX—XI вв. в Болгарии и феодальный город как средоточие ремесла и торговли (а не только как административно-церковный центр и крепость), в котором мелкий, самостоятельно работавший в мастерской производитель (и свободный, и зависимый) был основной фигурой в экономике. Как правило, он являлся одновременно владельцем участка земли близ стен города, совмещая труд ремесленника с земледелием, — явление, обычное для балканского города. К тому же множество городов Болгарии имели византийское происхождение и были включены в пределы страны, когда (в IX—X вв.) они успели оправиться от разгрома их «варварами» и возрождались на новой, феодальной основе. Такими были, например, Пловдив, Средец, Скопье, Охрид и др. Принципы организации хозяйственно-торговой и общественно-политической жизни были одинаковы также и в новых городах, воздвигнутых в Болгарии в VII—X вв. (Плиска, Преслав) <sup>80</sup>.

Археологи доказали существование и государственных мастерских; обнаружены и рыночные ряды, причем в Преславе, например, как и в Константинополе, мастерские ремесленников служили одновременно лавками; некоторые из них (особенно гончарные) уже производили свою продукцию не на заказ, а на рынок (ИБ, 2, с. 345).

Следуя прецеденту, созданному Борисом, Симеон еще при жизни лишил права наследования старшего сына Михаила (он был пострижен в монахи). На трон вступил Петр (927—970). Он завязал переговоры о мире с византийцами. Империя также стремилась к миру. Петр прибыл в Константинополь. Был подписан мирный договор («на 30 лет»), скрепленный браком болгарского царя с внучкой Романа I Марней (Ириной). В основу статьи о границах были положены договоры Симеона с империей в 896 и 904 гг.: Петр отказался от приобретений, сделанных отцом во 2-й войне, в том числе — от Девельта, Агафополя, Со-

зополя, Месемврии, Визы. Был признан титул Петра — «василевс (т. е. царь) болгар» и статус автокефальности болгарской церкви. Болгарский государь получил в иерархии византийского христианского «сообщества государств» ранг духовного «внука» императора.

Острые споры вызвал вопрос о статусе болгарской церкви. Полагают, что архиепископия была переведена в ранг патриархии, однако с условием сделать ее резиденцией не Преслав (столицу), а Дристру (Доростол, известный подвижничеством христианских мучеников в III—IV вв.)<sup>81</sup>.

Сам по себе договор 927 г., при учете внутреннего положения в стране и угрозы вторжения хорватов и венгров, нельзя расценить как невыгодный для Болгарии. Однако он таил серьезную опасность, ибо означал невиданное ранее сближение с империей. Болгария становилась на 30 лет ее союзницей, готовой возложить на болгар ответственность за безопасность имперских провинций в Европе от нападений врагов с севера (венгров, печенегов, русских). Развязав себе руки на Балканах, Роман I имел возможность бросить все силы против арабов. Несомненно, почетный брак Петра, его титул, ранг церковного главы Болгарии повышали ее престиж на международной арене: Константин Багрянородный через четверть века с негодованием говорил об этих уступках «неуча» — тестя (Романа I). Но вместе с тем отношения императора с болгарским царем принимали характер «семейных связей». Сам Симеон стремился завязать их (стать тестем), но не хотел быть в брачном союзе **младшим** партнером, каким оказался Петр. Родство с византийским правящим домом считалось в высшей степени почетным. Однако было небезопасно стать «родичем» императора, находясь в соседстве с Византией. Ее политики трактовали династические связи как выражение политической зависимости «родственника» от императорского престола<sup>82</sup>. Любое осложнение в отношениях могло дать повод к попыткам заменить «неблагодарного» другим представителем династии (таких членов династий соседних стран империя всегда содержала как кандидатов на роль своих ставленников). В отношениях с Болгарией именно так и обстояло дело: «запасной» кандидат на престол (мятежный брат Петра Иван) появился уже в 928 г., и константинопольский двор, несмотря на союз и родство, повел политику постепенного удушения независимого государства. В концепции имперских дипломатов эта стратегическая линия не означала ничего более, как восстановление «законных прав» василевса ромеев.

Еще более тяжелые последствия договор с Византией имел для внутривосточного положения в Болгарии. Господствующий класс страны раскололся. Впервые за два с половиной века истории Болгарии династическая борьба разразилась между членами самой правящей династии. Приезд в Преслав царицы, внучки Романа I, территориальные уступки Петра, сведшие на нет доставшиеся ценой тяжелых жертв приобретения Симеона во 2-й войне, перевод резиденции главы церкви в Дристру, реальная опасность для Болгарии быть втянутой в войны против врагов империи — все это побудило соратников покойного царя сплотиться вокруг Ивана, третьего сына Симеона (сам Симеон был третьим сыном Бориса). Заговор был раскрыт, по умиротворения не последовало. Петр передал арестованного Ивана, страшась держать его у себя в стране, «под надзор» Роману I. Тот же обладал изгой: награждал, выгодно женил, ввел в круг высшей знати. Так сам Петр дал в руки императора могущественное оружие против себя самого. Кажется, царь не чувствовал себя прочно на болгарском престоле и надеялся удержаться, лишь уповая на поддержку Романа I. В 930 г. поднял мятеж и второй (старший) брат Петра, Михаил, сбросивший монашескую рясу и утвердившийся в долине Струмы. Но претендент внезапно умер.

О слабости позиций Петра свидетельствует и бегство из Болгарии сербского князя Часлава, которому Роман I, уже заключивший союз с Петром, оказал поддержку (см. V гл.). Двойственность политики империи проявилась и в «венгерском вопросе», и в «русском»<sup>83</sup>; вскоре эта политика стала откровенно враждебной Болгарии после свержения с престола Романа I, а затем его сыновей и возвращения власти к законному наследнику — Константину VII. Внучка Романа I — болгарская царица Ирина представляла ненавистных Константину VII Лакапидов.

Утвердившиеся в Паннонии венгры с 934 г., когда они впервые достигли стен Константинополя, продолжали набеги с перерывами почти до конца 60-х годов. Византия требовала не пропускать их к границам империи, но не оказывала помощи Болгарии. В 965 г. Петр заключил с венграми мир. Он обязался не мешать их проходу к землям империи, а они — не разорять территорию Болгарии (ИБ, 2, с. 390). Сходной была позиция Византии во время походов киевского князя Игоря на Константинополь в 941 и 943 г.

Внутренняя обстановка в Болгарии в середине X в. еще более осложнилась с распространением богомильского, дуалистического по своей сущности (еретического) движения.



Гносеология, космогония и догматика богомилства была связана с павликианством, широко распространенным в округе Филиппополя (Пловдива), где еще двумя столетиями ранее были расселены приверженные этой ереси сирийцы и армяне.

Главная опасность со стороны богомилов для господствующего класса состояла в их социальных идеях — в отказе от повиновения властям, уплаты налогов, работ в пользу государства и господ. Богомилы объявляли подвигом во славу «истинного бога» (добра) именно то, что официальное православие трактовало как тяжелый грех. Они освобождали сознание угнетенных от «страха божия» и помогали им понять глубину социальной несправедливости существующих порядков. Наиболее активными последователями богомилов становились пеимущие и представители свободного крестьянства, еще не находившегося под неослабным надзором господ и остро реагировавшего на резкое ухудшение своего положения. Острые социальных идей богомилов было обращено против церкви и государства. Множество болгарских иерархов в то время (когда за несколько десятков лет церковь и монастыри достигли того же экономического положения, какое они получили в Византии за несколько веков) были поглощены заботами об обогащении.

Как форма социального протеста народных масс богомилство представляло одно из важнейших еретических движений средневековья, сыгравшее крупную роль в истории Болгарии и оказавшее влияние на еретические учения в Западной Европе<sup>84</sup>. В конкретной ситуации середины X в. богомилство содействовало ослаблению феодального Болгарского царства, как и любое другое движение угнетенных, направленное против усиления классового гнета.

В 963 г. умер император Роман II; к власти в Константинополе, под опекой матери, пришли его сыновья Василий (II) и Константин (VIII). В подобных случаях международные договоры требовали подтверждения, и действие договора 927 г. было, видимо, продлено. В Константинополе оказались в качестве заложников сыновья Петра — Борис и Роман. Следовательно, Петр продолжал уступать: имперский двор овладел наследниками болгарского царя как гарантами мира и выгодного для империи курса Болгарии. Правительство Петра теряло авторитет на международной арене и социальную опору внутри<sup>85</sup>.

С приходом к власти Никифора Фоки (август 963—969 г.) империя стала готовиться к окончательному удару по Болгарии. В 967 г. Никифор отказался выплачивать дань

Болгарии и потребовал от Петра разорвать мир с венграми (ИБ, II, с. 390). Петр не мог согласиться с этим. Не завершивший еще войны с арабами Никифор решил нанести удар Болгарии силами русского князя Святослава, опираясь на старый договор с Киевом<sup>86</sup>. В 968 г. Святослав, разбив болгар, занял города по Дунаю. Никифор II, поняв свою ошибку, спешил урегулировать конфликт с Петром — летом 968 г. болгарский посол был с почетом принят в Константинополе. Святослав, вынужденный вернуться на несколько месяцев в Киев, снова появился в Болгарии (969), заявив о намерении обосноваться на Дунае, в Преславце.

Именно к этому времени относят в литературе отделение от Болгарии западных районов государства, находившихся под управлением четырех братьев-комитопулов, т. е. сыновей комита (Никола, бывшего наместником провинции — комитата с центром в Средце). Петр, тяжело заболев, ушел в монастырь уже в 969 г., а его наследники Борис и Роман были отпущены из Константинополя в надежде, что они организуют отпор враждебным империи комитопулам и Святославу, заняв освобожденный Петром престол. Об отношениях Святослава с комитопулами неизвестно, но и русский князь с 969 г., и комитопулы проводили враждебную империи политику, тогда как Петр (он умер в январе 970 г.) и Борис II искали у Византии защиты (ИБ, 2, с. 397).

Раскол в лагере болгарской знати стал еще более глубоким. Святослав, взяв во второй половине 969 г. Преслав, поставил в нем гарнизон, державший в почетном плену царскую семью. Борису были оставлены регалии власти, казна сохранялась нетронутой. Остались на своих постах, по-видимому, и некоторые наместники болгарских провинций, и начальники крепостей, в частности — на левом берегу Дуная. Причины столь необычного поведения победителя кроются, возможно, в условиях его соглашения с частью болгарской знати, поставившей свои силы под общее командование Святослава. Обстоятельства борьбы комитопулов с Василием II показывают, что даже среди оппозиционной Петру и Борису II знати не ставился вопрос о смене династии. Как и на Руси, в Болгарии соблюдался принцип сохранения власти за представителями одной династии, что, вероятно, было связано с особой ролью правящей династии в основании и упрочении государства, в принятии христианства и внешнеполитических успехах. Верность этой династии культивировалась с помощью государственной пропаганды и церковной проповеди как один из факторов оформлявшегося самосознания феодальной народности.

В пользу гипотезы о договоре комитопулов со Святославом говорит и тот факт, что русский князь не стремился к власти над всей Болгарией, оставив не тронутыми ее западные и юго-западные провинции. Репрессии Святослава касались только той части знати, которая тяготела к союзу с Византией,— даже во время этих репрессий в составе его войск оставались болгарские части<sup>87</sup>.

Совершенно иной была позиция византийского императора Иоанна I Цимисхия (969—976), едва он вторгся в Болгарию весной 971 г.<sup>88</sup> Он захватил царскую казну и переименовал столицу Болгарии в Иоаннуполь. После ухода Святослава Северо-Восточная, Восточная и часть Центральной Болгарии (район Средца) была аннексирована Византией, Борис II и Роман были уведены в Константинополь, где публично во время триумфа Борис II был лишен царских регалий.

#### ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

Четыре брата-комитопула (Давид, Моисей, Аарон и Самуил), видимо, не предпринимали наступательных действий против империи до 976 г., т. е. до смерти Иоанна Цимисхия (ИБ, 2, с. 397). Не провозглашая царем Болгарии ни одного из братьев, комитопулы поддерживали дипломатические отношения с другими государствами: в 973 г. «послы болгар» прибыли к германскому императору Оттону I (ЛИБИ, т. III, с. 113, 114, 200) — они могли прибыть лишь от комитопулов.

Возвышение провинциальной служилой знати (комитов) в Болгарии уже в середине X в. было обусловлено отнюдь не феодальной раздробленностью: крупное землевладение только складывалось, иммунитет феодального поместья находился в первых фазах развития. Власть комитов опиралась на их полномочия в качестве наместников провинции и в условиях слабости центральной власти, политических разногласий и иноземного нашествия усилилась, особенно когда комит выступал как организатор борьбы за независимость. Непримируемая к империи позиция комитопулов обеспечила им поддержку в широких слоях населения. Вскоре после 976 г. комитопулы отняли у империи Северо-Восточную Болгарию<sup>89</sup>.

В начале 40-летней борьбы болгар за независимость против империи ни один из братьев не имел явных преимуществ. Однако после гибели Давида и Моисея и устранения Ааро-

на уже во второй половине 970 годов вся полнота власти перешла к Самуилу. Несомненно, в расчете на приверженность болгар к законной династии бежали из Константинополя в Болгарию Борис II и Роман. Борис, одетый в византийское платье, был по ошибке убит на границе, Роман же был принят Самуилом как законный государь. Однако он не был склонен к этой роли, посвятив свои заботы делам церкви.

Подвластное Самуилу государство рассматривалось им самим, его подданными и современниками из соседних стран как продолжавшее существование Первое Болгарское царство<sup>90</sup>. Вскоре территория страны вновь охватывала почти все те земли, которые в нее входили при Симеоне, исключая часть Фракии. Самуил распространил свою власть на Фессалию с Лариссой. Он не перенес в разоренный Преслав столицу государства — ею стал Охрид, куда была переведена в конце концов и резиденция владыки церкви Болгарии.

Период с 976 г. до конца X в. характеризовался военным перевесом болгар. Особым ожесточением отличалась борьба в первой половине 90-х годов. В плен к Василию II попал Роман. В 997 г. этот последний представитель прежней династии умер в тюрьме, и тогда состоялась коронация Самуила, возможно, принявшего титул «самодержца» (автократора)<sup>91</sup>.

В последние годы X в. болгаро-византийской войне наметился перелом в пользу империи. Сказался, видимо, общий перевес сил, наличие у империи более значительных материальных и людских ресурсов. Крупные военачальники, правители провинций, в том числе связанные с Самуилом узами родства, стали переходить на сторону врага. В самом начале XI в. Василий II занял Северо-Восточную Болгарию. Содействие императору оказал при этом епископ Видина<sup>92</sup>. Крупными силами и большими полномочиями располагал также наместник Перника Кракра, который имел в подчинении 35 военачальников, успешно воевал против Василия II и сложил оружие с подчиненными ему воеводами после гибели последнего царя Первого Болгарского царства Ивана Владислава в 1018 г. Сходным было и положение Сермона, наместника Сирмия, который отказался подчиниться императору даже тогда, когда вся Болгария была завоевана (Сермон был убит во время переговоров).

Таким образом, в период правления царей последней династии Первого Болгарского царства наместники провинций приобрели не меньшие полномочия, чем сами коми-

топулы накануне ухода со сцены старой династии. Уже от эпохи Симеона и Петра имеются данные о появлении новых крупных должностей в аппарате государства, как, например, «капартикии» (старший принц?) и «вулиатаркан» (боил таркан?) и «шесть великих бояр», о здоровье которых специально спрашивался император во время приема болгарских послов. Но все эти лица — скорее всего представители центрального аппарата: им по числу соответствовали представители имперского столичного управления — два магистра, синклитики, четыре логофета.

Арабский посол Ибрагим ибн-Якуб, видевший в 973 г. болгарских послов при дворе Оттона I, пишет, что царь болгар весьма могуществен, увенчан короной, имеет писцов, регистры и областных управителей (Хр., I, с. 169). Имелись в виду, вероятно, столичные учреждения, налоговые и воинские регистры (в которых, как и в Византии, фиксировались повинности населения) и наместники провинций. Но от времени Симеона и Петра нет известий о том, чтобы представители династии занимали должности в провинции. При Самуиле, напротив, многочисленные родичи царя получали важные должности в провинциях, соединяя военную и гражданскую власть. Рассчитана эта мера была на укрепление центральной власти, но, как оказалось, эта же мера привела к ожесточенной борьбе за высшую власть между членами одной династии.

Основные воинские силы Самуила составляли обязанные нести военную службу свободные крестьяне, сражавшиеся, видимо, с такой самоотверженностью, что император Василий II проявил неслыханную жестокость к рядовым воинам (массовое ослепление тысяч пленных) и поселянам, ведшим партизанскую войну.

В 1014 г. войско Самуила было разгромлено у Беласицы, и Самуил не пережил поражения. На престол взошел его сын Гаврил Радомир (1014—1015), возглавивший отчаянное сопротивление Василию II. Но скоро он был убит двоюродным братом — Иваном Владиславом. Новый царь стал искать мира с империей, так как против него поднялась часть болгарской знати: кавхан Феодор обещал Василию II убить царя. Император не спешил принять предложение Ивана Владислава. В 1015 г. Василий II временно впервые занял Охрид; было захвачено множество других городов и крепостей. В феврале 1018 г. при осаде Драча погиб Иван Владислав. Его смерть явилась сигналом к прекращению борьбы для большинства воевод, комитов и бояр. Они являлись к императору, и, как правило, он принимал их на

службу. Наиболее видные из них, и прежде всего все представители династии, были переселены в Малую Азию, где получили поместья и военные и гражданские посты. История существовавшего почти 340 лет Первого Болгарского царства завершилась.

Теперь коротко о духовной жизни Болгарии в конце X — начале XI в. и об идейно-политической функции культуры. Соответственно непосредственной этнической преемственности основных масс населения и столь же непосредственной государственно-политической преемственности между царством Петра и царством Самуила развитие болгарской культуры происходило в целом в русле ее развития в предшествующую эпоху. Это отразилось на всех сторонах официальной культуры, испытывавшей все более заметное византийское влияние. Новыми явлениями были: более высокий уровень народностного (болгарского) самосознания, отраженного в памятниках литературы, существенно большая однородность материальной культуры, являвшаяся показателем полного изживания остатков этнокультурного дуализма. К этому периоду относится и появление первых памятников богомильской литературы — отреченных (запрещенных церковью) апокрифов, свидетельствующих о влиянии богомильских идей. Сохранившиеся источники не содержат данных о том, что в условиях тяжелой борьбы с Византией сколько-нибудь значительные слои трудового населения в согласии с богомильской проповедью оказывали неповиновение властям или отказывались идти в бой (пролитие человеческой крови богомилы объявляли тягчайшим грехом).

Итак, структура Болгарского государства в итоге более чем трехсотлетнего развития, от становления первичных форм государственного управления до оформления развитой системы власти, в целом соответствовала (и по уровню, и по формам) организации современных Первому Болгарскому царству государств Европы.

Рассматриваемый материал оправдывает наиболее общий вывод, что Первое Болгарское царство развивалось в рамках раннефеодального периода и может быть определено как раннефеодальное государство. По своей социально-экономической основе, политической и идеологической надстройке оно представляло собою во второй половине IX — начале XI в. одну из разновидностей европейского государства, типологически более близкую к византийской, чем к западно- или центральноевропейской модели. Однако и это сходство не исключало существенных особенностей болгарской

государственности, обязанных специфиче местных условий и конкретных форм синтеза институтов «варварского» общества и находящихся в процессе трансформации порядков ранневизантийской общественной системы.

Наиболее заметно синтез проявился в социально-экономической сфере и не нашел адекватного отражения в политической структуре государства и в дохристианскую, и в христианскую эпохи истории Первого Болгарского царства<sup>93</sup>. Причины этого заключались в том, что оформление Болгарского государства совершалось при доминирующих на первых порах военно-политических институтах протоболгарского и славянского обществ, в условиях острой конфронтации с империей и сознательного отвержения норм византийской общественной и политической жизни. Кроме того, славяно-протоболгарское общество с конца VII до середины IX в. было не готово к усвоению институтов имперской государственной системы. Когда же оно обрело такую способность, сложившаяся в Болгарии структура власти достигла уровня, отвечавшего местным условиям, и было освящена традицией, неотделимой от общественно-политических представлений как господствующего класса, так и широких слоев населения.

В целом в истории Болгарии в рассматриваемую эпоху можно выделить три главных периода. Первый охватывал время от событий, приведших к консолидации государственной власти в 680—681 гг., до начала IX в. и может быть охарактеризован как этап существования «союзно-федеративной» славяно-протоболгарской государственной системы с ярко выраженным дуализмом этнокультурной и военно-политической структуры; протоболгарская аристократия доминировала тогда в центральном аппарате власти, славянская — в провинциальном.

Второй период занимает время от начала IX в. до утверждения в конце столетия христианства в качестве государственной религии. Его важнейшей особенностью (соответственно процессам, приведшим к устранению родо-племенных перегородок, победе славянского хозяйственно-культурного типа и утверждению единой, основанной на законе системы централизованной эксплуатации) была ликвидация административного дуализма и утверждение единства органов управления на всей территории государства.

Последний, третий период, несмотря на временный перерыв в развитии центрального управления, представляет, однако, единый этап существования развитого раннефеодального христианского государства начиная с конца IX в. до

его падения в результате иноземного завоевания. Развитие феодальных отношений в эту эпоху обусловило появление черт, типичных для централизованных монархий раннефеодальной и феодальной эпохи: упорядоченные централизованной системы эксплуатации, упрочение контроля царской власти над ростом феодального землевладения и оформлением его привилегий, введение судопроизводства, основанного на писаном законе, идеологическая монополия христианской церкви как важнейшего элемента государственной надстройки, подчинение основных форм культуры и искусства идейно-политическим целям государственной власти, появление тенденции к слиянию публичноправовых и частноправовых функций и к наследованию государственных должностей и привилегий (т. е. начало формирования сословий).

<sup>1</sup> См.: История на България, Първа Българска държава. С., 1981, т. 2 (здесь и библиография) (далее в тексте — ИБ), а также: *Петров П.* Образуване на Българската държава. С., 1981 (здесь и библиография).

<sup>2</sup> Ср.: *Петров П.* Образуване..., с. 62—63, 87—88.

<sup>3</sup> *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen.— In: *Byzanz im 7. Jahrhundert.* В., 1978, S. 115, 132, 157; ср.: *Poutler A.* The End of Scythia Minor: The Archeological Evidence.— In: *Byzantium and Classical Tradition. 13th Spring Symposium of Byzantine Studies.* Birmingham, 1981, p. 172—178.

<sup>4</sup> *Ditten H.* Zur Bedeutung..., S. 116; ср.: *Тълкова-Займова В.* Нашествия и етнически промени на Балканите. С., 1968, с. 85, бел. 136.

<sup>5</sup> *Войнов М.* За първия допир на Аспаруховите българи със славяните и за основаването на българската държава.— ИИБИ, 1956, т. 6; *Бешевлиев В.* За славянските племена в Североизточна България от VI до X в.— В кн.: Преслав. С., 1968, т. 1, с. 26—27; *Он же.* Съобщение на Теофан за основаването на българската държава.— В кн.: Известия на народния музей. Варна, 1982, т. II, с. 31—53; *Тълкова-Займова В.* Нашествия..., с. 70; *Ditten H.* Zur Bedeutung..., S. 140—145; *Idem.* Zum Verhältnis zwischen Protobulgaren und Slawen vom Ende des 7. bis zum Anfang des 9. Jh.— In: *Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung.* В., 1983, S. 85—95; *Тълкова-Займова В.* Etnische Schichten auf dem Balkan im 7. Jh.— In: *Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz.* В., 1976, S. 66; *Chrysos E.* Zur Gründung des Ersten Bulgarischen Staates.— *Cyrrillomethodianum*, 1972/1973, t. 2, S. 36.

<sup>6</sup> *Тълкова-Займова В.* Нашествия..., с. 71; *Наумов Е. П.* Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности.— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 170—171; *Он же.* Формирование этнического самосознания древнесербской народности.— Там же, с. 180—185.

<sup>7</sup> *Comşa M.* Socio-Economic organization of the Daco-Romanic and Slav Population on the Lower Danube during 6—8 th Centuries.— In: *Relations between the Autochthonous Population and Migratory Population on the Territory of Romania.* Buc., 1975; *Teodor Dan Gh.* Ele-



- ments et influences byzantins au Nord du Bas-Danube au V<sup>e</sup> — VII<sup>e</sup> siècles.— In: XVI. Intern. Byzantinisten kongress Resumé der Kurzbeiträge. Wien, 1981, N 6, 2; *Займов Й.* Етногенез болгарского народа по данным болгарской топонимии.— В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, с. 45—48.
- <sup>8</sup> *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. С., 1970, с. 282; ср.: *Бешевлиев В.* Начало на българската държава според апокрифен летопис от XI в.— В кн.: Средновековна България и Черноморието. С., 1982, с. 39—45.
- <sup>9</sup> *Pritzak O.* Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955; *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 210—236; *Бешевлиев В.* Първобългарите. Бит и култура. С., 1981, с. 11—20.
- <sup>10</sup> *Simonyi D.* Die Bulgaren des V. Jh. im Karpatenbecken.— Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae, 1959, t. 10, N 3/4, p. 227—250; *Лишев С.* Прабългарите и българското народностно име в Европа около началото на V в.— ИИБИ, 1954, т. 5, с. 351—364.
- <sup>11</sup> *Дуйчев И.* «Именник на първобългарските ханове» и българската държавна традиция.— Векове, 1973, № 1, с. 10.
- <sup>12</sup> *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. С., 1981, с. 189—190; ср.: *Петров П.* Образуване..., с. 136—137.
- <sup>13</sup> См.: *Петров П.* Образуване..., с. 174—179; ср.: *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. М., 1980, с. 113 и след.
- <sup>14</sup> *Гюзелев В.* Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация на прабългарите до образуването на българската държава (VI—VII вв.).— Археология (С.), 1979, № 2, с. 12—22; ср.: *Баранов И. А.* Ранние болгары в Крыму: (Локальный вариант салтово-маяцкой культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1977, с. 1—24.
- <sup>15</sup> *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. М., 1982, с. 13 и след., 127 и след.
- <sup>16</sup> *Гюзелев В.* Икономическо развитие..., с. 15 и сл.; ср.: *Петров П.* Образуване..., с. 166 и сл.
- <sup>17</sup> *Красильников К. И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедопечья.— СА, 1981, № 4, с. 110—125.
- <sup>18</sup> *Плетнева С. А.* Кочевники..., с. 49; ср.: ИБ, 2, с. 70, 72; *Търкова-Займова В.* Les populations sédentaires et les tribus en migration face à la civilisation byzantine.— BHR, 1980, N 2, p. 58; *Тафарджийска Цв.* Към въпроса за етногенезиса на прабългарите.— В кн.: Българско средновековие. С., 1980, с. 43—51; *Добрев П.* Стопанска култура на прабългарите преди заселването им в наши земи.— В кн.: Първи международен конгрес по българистика: Доклади. Симпозиум «Славяни и прабългари». С., 1982, с. 49—60.
- <sup>19</sup> *Аладжов Ж.* За култа към тагра в средновековна България.— Археология, (С.), 1983, № 1/2, с. 76—85.
- <sup>20</sup> *Плетнева С. А.* Кочевники..., с. 27, 36 и след., 43, 49, 50, 61 и след., 107 и след., 134; см.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 48 и след.
- <sup>21</sup> См.: *Литаврин Г. Г.* К проблеме становления болгарского государства.— ССл, 1981, № 4, с. 29—48.
- <sup>22</sup> *Еремян С. Т.* Армения по Амхарапуццу. Ереван, 1963, с. 98—99, 100—102.
- <sup>23</sup> См.: *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения, с. 118; *Петров П.* Образуване..., с. 146—152, 199—205.
- <sup>24</sup> *Войнов М.* За първия допир..., с. 470 и сл.

- <sup>25</sup> *Дуриданов И.* Южнославянските речни названия и тяхното значение за славянския топонимен атлас.— Славянска филология, (С.), 1963, № 5, с. 195; *Джафаров Ю. Р.* О происхождении древних булгар.— В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1981, ч. 1, с. 88—93; *Димитров Д.* Прабългари и славяне във Варненския край непосредствено след създаването на българската държава.— В кн.: Средновековна България и Черноморието. С., 1982, с. 89—98; *Петров П.* Образуване..., с. 218—221.
- <sup>26</sup> *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян.— ВЯ, 1974, № 6, с. 62—66.
- <sup>27</sup> *Callany D.* Neue Ergebnisse der awarenzeitlichen Forschungen in Ostungarn.— In: *Študijne zvesti Archeologického ústavu Slovenskej Akademie vied.* Nitra, 1968, t. 16; *Idem.* Archäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa. Br., 1958, S. 184—
- <sup>28</sup> *Бобчева С.* Средновековни български селища и некрополи по южнодобруджанския черноморски бряг.— В кн.: Средновековна България..., с. 99—109.
- <sup>29</sup> См.: *Коледаров П.* Политическа география на средновековната Българската държава. С., 1979, т. 1, с. 12 и сл.; *Лугаврин Г. Г.* Славинии — социально-политические организации славян.— В кн.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984, с. 200—201.
- <sup>30</sup> *Коледаров П.* Политическа география..., т. 1, с. 13—14; *Он же.* По характера на Българската държава в началния и период (VII—VIII вв.) — Правна мисъл, 1981, кн. 3, с. 19—34; *Он же.* За правната същност на Българската държава в началния и период.— В кн.: България 1300: Институци к държавна традиция. С., 1982, т. II, с. 193—200.
- <sup>31</sup> *Цанкова-Петкова Г.* О территории Болгарского государства в VII—IX вв.— ВВ, 1960, т. 17, с. 142—143; *Гюзелев В.* Икономическо развитие..., с. 20 и сл.; ср.: *Петров П.* Образуване..., с. 174—175, 237.
- <sup>32</sup> *Ронин В. К.* Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого: (Союз и вассалитет).— ССл., 1982, № 6, с. 38.
- <sup>33</sup> *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари на некрополите от VI—XI вв. на територията на България. С., 1976, с. 8 и сл.; ср.: *Dimitrov D.* Neue Angaben von den Protobulgaren in nordöstlichen Bulgarien auf Grund archäologischer Forschungen.— In: *Studia in honorem V. Beševliev.* S., 1978, S. 369—381; *Тотев Т.* Плиска и Преслав в светлината на последните археологически резултати.— В кн.: Първи международен конгрес..., с. 127.
- <sup>34</sup> *Олайш Т.* Замечания по поводу положения протоболгар и славян в аварском каганате.— В кн.: Първи международен конгрес..., с. 61—65.
- <sup>35</sup> *Ваклинов Ст.* За характера на раннобългарската поселищна мрежа в Североизточна България.— Археология, (С.), 1972, № 1, с. 9—13.
- <sup>36</sup> См.: *Коледаров П.* Политическа география..., т. 1, с. 13 и сл.; *Петров П.* Образуване..., с. 158—159, 240—252; Български средновековни градове и крепости. Варна, 1981, т. 1, с. 20—44, 49, 61, 62.
- <sup>37</sup> *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 122, 158 и след.; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. 1980, с. 165 и след., 239 и след.
- <sup>38</sup> *Плетнева С. А.* Кочевники..., с. 18, 27, 47—48, 51 и след., 69, 84 и др.
- <sup>39</sup> *Плетнева С. А.* Земледельцы и кочевники.— В кн.: Първи международен конгрес..., с. 31—43.

- <sup>40</sup> *Ангелов Д.* Образуване..., с. 190 и сл.
- <sup>41</sup> *Войнов М., Тъпкова-Заимова В.* България на Аспарух и България на Кубер.— В кн.: Военноисторически сборник. С., 1982, № 5, с. 47—56; ср.: *Петров П.* Образуване..., с. 185—192, 296—308; ср.: Л., II, р. 138—153, 157—162.
- <sup>42</sup> См.: *Литаврин Г. Г.* Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII — первая четверть X в.) — В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 64.
- <sup>43</sup> *Дуйчев И.* «Именик»..., с. 10 и сл; ср.: Именик на българските ханове: Критично издание с коментар и обяснителни бележки от Ив. Богданов. С., 1981, с. 44.
- <sup>44</sup> *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. С., 1979, с. 231.
- <sup>45</sup> *Димитров Б.* Първото българско царство и южното Черноморие (Загора).— В кн.: Средновековна България..., с. 57—66.
- <sup>46</sup> *Андреев И.* Народните събори в политическия живот на Първата българска държава.— ИП, 1971, № 4, с. 97 и сл.; *Бешевлиев В.* Първобългарите, с. 53—54.
- <sup>47</sup> *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи, с. 152; ЛИБИ, т. II, с. 84, 85.
- <sup>48</sup> *Гюзелев В.* Функциите и ролята на кавхана в живота на Първата българска държава (VII—XI в.).— ГСУ, ФИФ, 1967, т. 60, № 3, с. 133—157; *Он же.* Ичиргу боилите на първата българска държава (VII—XI в.) — ГСУ, ФИФ, 1973, т. 65, № 3, с. 127 и сл.; *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи, с. 59—70, 173; *Он же.* Първобългарите, с. 39—66; *Симеонов Б.* Титулная практика в ханской Болгарии: Происхождение, структура и значение праболгарских титулов в период между VII и X веками.— *Linguistique balkanique*, 1981, XXIV, N 2, с. 23—78.
- <sup>49</sup> *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи, с. 173, 221.
- <sup>50</sup> *Ditten H.* Zum Verhältnis..., S. 86; ср.: *Сефтерски Р.* Славяно-първобългарски взаимоотношения в българските земи от VII до XI век.— В кн.: Първи международен конгрес..., с. 151—152.
- <sup>51</sup> *Цанкова-Петкова Г.* О территории..., с. 140—143; *Гюзелев В.* Средновековна България в светлината на нови извори. С., 1981, с. 68—80.
- <sup>52</sup> Ср.: *Boba I.* «Abodriti qui vulgo praedenecenti vocantur» or «Marvani praedenecenti»? — In: Старобългаристика, 1984, № 2, с. 29—37; *Примов Б.* Византия, Франкската империя и България.— ИП, 1981 № 3/4, с. 205.
- <sup>53</sup> *Гюзелев В.* Средновековна България..., с. 73 и сл.; *Gjuselev V.* Bulgarisch-fränkische Beziehungen in der ersten Hälfte des IX Jh.— *Byzantinobulgarica*, 1966, т. 2; ср.: *Примов Б.* Византия..., с. 209—212.
- <sup>54</sup> *Стойнев А.* Апализ на религиозната система на българските славяне.— В кн.: Старобългаристика, 1984, № 2, с. 92—107.
- <sup>55</sup> *Ганев В.* Закон судный людѣмъ (далее в тексте — ЗСЛ). С., 1959, с. 163, 343, 486 и др.
- <sup>56</sup> *Вартоломеев О.* «Отговорите на папа Николай I по допитванията на българите» — важен извор за международното право през IX в.— В кн.: Първи международен конгрес..., с. 239—251.
- <sup>57</sup> *Литаврин Г. Г.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX—X вв.— В кн.: IX Международный съезд славитов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983, с. 62—76.
- <sup>58</sup> О значении термина см.: *Андреев М., Ангелов Д.* История на Българската феодална държава и право. С., 1972, с. 109 и сл.
- <sup>59</sup> Датy 866 г. предпочитает В. Гюзелев (*Гюзелев В.* Българската

- средновековна държава (VII—XIV в.).— ИП, 1981, № 3/4, с. 200).
- <sup>60</sup> Георгиев П. За първоначалното седалище на българската архиепископия.— В кн.: Средновековна България..., с. 67—78.
- <sup>61</sup> Гюзелев В. Княз Борис Първи. С., 1969, гл. 2, 3.
- <sup>62</sup> Ангелов Д. Образуване..., с. 242 и сл.; Литаврин Г. Г. Формирование..., с. 71 и след.
- <sup>63</sup> Бегунов Ю. К. Козма Пресвитер в славянских литературах. С., 1973, с. 342.
- <sup>64</sup> Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. В., 1958, Bd. 2, S. 355.
- <sup>65</sup> Гюзелев В. Българската средновековна държава..., с. 180 и сл.
- <sup>66</sup> Božilov I. A propos des rapports bulgare-byzantins sous le tsar Symeon (893—927).— In: Byzantinobulgarica. S., 1980, p. 80.
- <sup>67</sup> Бешевлиев В. Първобългарски надписи, с. 171.
- <sup>68</sup> Там же, с. 66; *Он же*. Първобългарите, с. 43.
- <sup>69</sup> Ср.: Гюзелев В. Българската средновековна държава..., с. 180, 200.
- <sup>70</sup> Ср.: Божилов Ив. Цар Симеон Велики (893—927): Златният век на Средновековна България. С., 1983, с. 128 и сл.; Malich В. Der sogenannte Wirtschaftskrieg zwischen dem Zaren Symeon und dem Byzantinischen Reich als Ausdruck der gewachsenen Stärke des bulgarischen Staates.— Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas, 1983, Bd. 26/2, S. 74—88.
- <sup>71</sup> Ср.: Гюзелев В. Българската средновековна държава..., с. 191 (автор счита, че Първобългарското царство до негово падение оставало протобългарско, в което славянско влияние било незначително).
- <sup>72</sup> Ангелов Д. Образуване..., с. 305 и сл.
- <sup>73</sup> Ср.: Хенинг Й. Археологически проучвания за разделението на труда между града и селото по времето на Първата българска държава.— В кн.: Първи международни конгрес..., с. 181—199.
- <sup>74</sup> Милев А. Гръцките жития на Климент Охридски. С., 1966, с. 124.
- <sup>75</sup> Иванов Й. Български старини из Македонии. С., 1970, с. 555—557.
- <sup>76</sup> Бешевлиев В. Първобългарски надписи, с. 226; *Он же*. Първобългарите, с. 51; Dujčev Iv. Un haut dignitaire bulgare du X<sup>e</sup> siècle.— BSl, 1968, t. 29, p. 281.
- <sup>77</sup> Litawrin G. Zur Lage der byzantinischen Bauernschaft im 10.—11. Jh. (Strittige Fragen).— In: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jh., 1978, S. 47—70.
- <sup>78</sup> См.: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 42 и след.
- <sup>79</sup> Чолова Ц. Социално-класовата структура на средновековното българско общество според на Йоан Екзарх.— ИБИД, 1980, т. 33, с. 69—81.
- <sup>80</sup> Ср.: Димитров Д. Възникване на градски центрове в Северо-източна България.— В кн.: Средновековният български град. С., 1980, с. 35—45; Овчаров Д. Възникване и оформяне на Преслав като средновековен град (IX—X в.).— Там же, с. 107—116.
- <sup>81</sup> Ангелов Д. Средновековният български град като държавен център.— В кн.: Средновековният български град. С., 1980, с. 69; Николаев В. Д. Значение договора 927 г. в историята на българо-византийските отношения.— В кн.: Проблеми на историята на античността и средните векове. М., 1982, с. 89—105.
- <sup>82</sup> Lounghis T. C. L'Historiographie de l'époque macédonienne et la domination byzantine sur les peuples du sud-est européen d'après les traités de paix du IX<sup>e</sup> siècle.— Balkan Studies, 1980, N 21, p. 82.
- <sup>83</sup> См.: Николаев В. Д. К истории болгаро-русских отношений в начале 40-х годов X в.— ССЛ, 1982, № 6, с. 69—75.

- <sup>84</sup> Ангелов Д. Богомилството в България. С., 1969, с. 356 и сл.; Примов Б. Бугрите. Книга за поп Богомил и неговите последователи. С., 1970; Драгојловић Д. Почети богомилства на Балкану.— В кн.: Богомилството на Балканот во светлината на најновите истражувања. Скопје, 1982, с. 19—29; Литаврин Г. Г. О социальных воззрениях богомилов: Некоторые итоги изучения начального периода истории ереси.— Там же, с. 34—39.
- <sup>85</sup> Коледаров П. Царь Петър I.— Военноисторически сборник. С., 1982, № 4, с. 192—207; ср.: Иванов С. А. Византийско-болгарские отношения в 966—969 гг.— ВВ, 1981, т. 42, с. 88—100; об обстановке в левобережье Дуная в это время см.: Михайлов Е. За руско-българската граница до края на X в.— ГСУ, ФИФ, 1973, т. 65, кн. 3, с. 197—198.
- <sup>86</sup> Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982, с. 151—169; ср.: ИБ, 2, с. 390—397; Тъпкова-Заимова В. Долни Дунав — гранична зона на византийския запад. С., 1976, с. 35, 45 и сл.
- <sup>87</sup> Иванов С. А. Koιraνος τὸν Bulγαρόν (Иоанн Цимисхий и Борис II в 911 г.) — В кн.: Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982, с. 47—59.
- <sup>88</sup> Ср.: Seibt W. Untersuchungen zur vor und Frühgeschichte der «Bulgarischen» Komitopulen.— In: Handes Amsorya, 89. Jhg. Wien, 1975, H. 1—3, S. 66—98; Малингудис Ф. По въпроса за произхода на Комитопулите.— В кн.: Доклади. Българска държава през вековете. С., 1982, I. Средновековна българска държава, с. 70—75; Reck St. Powstanie zachodniobulgarskiego państwa Komitopulów.— Przegląd historyczny, 1983, t. 74, s. 237—254.
- <sup>89</sup> Антолџак Ст. Самуилова държава. Скопје, 1969.
- <sup>90</sup> Georgiev P. P. Au sujet de l'interpretation des sceaux de plomb de l'archêveque Georges de Bulgarie.— Etudes Balkaniques, 1980, N 3, p. 120—129 (автор аргументирует вывод, что учрежденное Цимисхием в 971 г. в Дристре архиепископство существовало до 1020 г.).
- <sup>91</sup> Гюзелев В. Царската промулгация на Петър и неговите приемници в светлината на българо-византийските дипломатически отношения след договора от 927 г.— ИЦ, 1983, № 6, с. 41—42.
- <sup>92</sup> Иванов Й. Български старини..., с. 557.
- <sup>93</sup> Е. А. Горюнов и М. М. Казанский (К изучению раннесредневековых древностей Нижнего Подунавья.— В кн.: Славяне на Днестре и Дунае... с. 191—205) поддерживают мнение, согласно которому синтез на занятой славянами территории Балкан отсутствовал и в сфере материальной культуры.





## Глава пятая

# СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕРБСКОЙ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

### ОТ ПЛЕМЕННОГО СОЮЗА К РАННЕФЕОДАЛЬНЫМ КНЯЖЕСТВАМ

**И**сторические судьбы Сербии и смежных районов СФРЮ, входивших в разное время в состав средневековых сербских государств, особенно мало известны в эпоху, последовавшую за поселением сербов в этих пределах западной части Балканского полуострова. Письменные памятники немногочисленны и фрагментарны, созданы они преимущественно иностранцами, свидетельства этих источников скудны и тенденциозны. И в имеющейся историографии период VII—X вв. получил поэтому неполное и разноречивое освещение.

Резко различаются в литературе датировки начала политической организации сербов, зарождения у них первых государственных образований. Одни авторы относят возникновение (или зарождение) древнесербской государственности к VII в.<sup>1</sup>, другие датируют это событие VIII — серединой IX в.<sup>2</sup> (а некоторые историки, как известно, полагали даже, что Сербское государство зарождается лишь в XII в.<sup>3</sup>). Решая указанную проблему хронологии, необходимо обратиться прежде всего к анализу внутреннего развития средневековой Сербии на первом этапе ее истории.

Разногласия в определении первого хронологического рубежа древнесербского политического развития непосредственно связаны с тем, как именно трактуется сама эта раннесредневековая государственность, с какими общественными и этническими процессами она соотносится применительно к данной эпохе. В буржуазной сербской и югославской историографии в целом речь шла «просто» о государстве, без уяснения его классовой сущности<sup>4</sup>, однако и здесь имелись при периодизации существенные расхождения.

Сербский историк П. С. Сречкович, относившийся к так называемой «романтической» школе буржуазной сербской историографии, упорно отстаивая вывод о возникновении подлинного Сербского государства в XII в. (с образованием державы Стефана Немани), считал тем не менее необходимым рассматривать обширный предшествующий период («жупанийское время» — 600—1159 гг.) как эпоху, в которую уже существовали политические образования разных сербских племен («племенские државице») и даже наблюдался переход некоторых племен на стадию государства, происходила борьба между старыми традициями племенного порядка и идеей объединения народа <sup>5</sup>.

В советской и послевоенной югославской историографии вся эта эпоха в истории СФРЮ закономерно расценивается как период зарождения и развития раннефеодальных государств (в том числе и в Сербии), которые типологически, по уровню социально-экономического развития были близки к другим раннефеодальным государствам Европы <sup>6</sup>. Правда, в некоторых новых работах югославских историков проявилась тенденция избежать четкого (марксистского) определения классовой сущности средневековой сербской государственности <sup>7</sup>. Речь зачастую идет «просто» об образовании югославянских «государств», «государственного ядра», «государственной организации» и т. п., оценка же государственности той эпохи в качестве феодальной или же раннефеодальной отсутствует <sup>8</sup>. Точно так же не ясна характеристика и начального этапа политической централизации в 1-м томе нового коллективного труда югославских историков — «Истории сербского народа». Здесь нельзя найти ни четкого ответа на вопрос, когда же возникло первое сербское государственное образование (судя по контексту, видимо, к середине IX в.), ни анализа сущности самого этого древнейшего княжества Властимира и его потомков (оно именуется просто «государством») с точки зрения марксистского учения об основных этапах развития человеческого общества <sup>9</sup>.

Поэтому в данной главе ставится задача характеризовать главные этапы политической консолидации в сербских землях, наиболее важные особенности сложного и во многом еще неясного процесса складывания раннефеодальной сербской государственности, протекавшего в тесном взаимодействии с основными тенденциями социально-экономического и этнокультурного развития <sup>10</sup>. Правомерно в связи с этим поставить вопрос о синтезе местных и иноземных, прежде всего византийских, институтов <sup>11</sup> и о сравнении сербских

государств с другими раннефеодальными державами в целях выявления общих черт и локальных особенностей.

Естественно, при такой постановке проблемы весьма важен анализ событий VII в. на территории современной Сербии и смежных областей Балканского полуострова, поскольку эти события позволяют судить об исходных процессах политической консолидации славянского населения в сербских землях. Очевидно, начинать освещение истории древнесербской государственности лишь с VIII—IX вв. неправомерно. Представляется методологически более плодотворным рассматривать период после поселения сербов на Балканах (т. е. примерно 2-ю и последнюю-треть VII в.) как подготовительный этап в истории первых сербских княжеств, ознаменованный значительными военно-политическими и этносоциальными сдвигами. Необходимо всесторонне учитывать всю сложность обстановки в Юго-Восточной Европе в VII в., дать оценку ожесточенной борьбы Аварского хаганата с Византией и славянами. Лишь при этом условии, как кажется, можно уяснить историческое значение свидетельств Константина Багрянородного о поселении сербов на Балканах в правление Ираклия (640—641).

Константин Багрянородный сообщает, что, поскольку «нынешняя Сербия, Пагания, так называемая страна захлумов, Тервуния и страна каналитов были под властью василевса ромеев, а страны эти оказались безлюдными из-за аваров... василевс (т. е. император Ираклий.— *Е. Н.*) и поселил означенных сербов в этих странах»<sup>12</sup>. Хотя в данном случае не сказано прямо о войне сербов с аварами, которые ранее контролировали всю эту территорию (в предыдущих разделах этого источника говорится о длительной борьбе хорватов против авар)<sup>13</sup>, все же представляется несомненным, что сербы, поселившиеся здесь с разрешения византийского двора, стали союзниками Византии и, вероятно, действительно вступили в противоборство с Аварским хаганатом или подвластными ему местными славянскими племенами. По всей видимости, это произошло в конце 20-х или в 30-х годах VII в., т. е. в те годы, когда нападение аваров на Константинополь было отбито и силы хаганата были серьезно подорваны восстаниями славян и образованием славянского государства Само<sup>14</sup>.

Крайне важно составить представление об уровне общественного развития сербов, пришедших на Балканы из далекой прародины (так называемой «белой Сербии» за Карпатами), о географических условиях занятого ими ареала, о социально-экономических отношениях в среде местного



славянского населения и об общей военно-политической обстановке в этой части Балканского полуострова. Иными словами, необходимо охарактеризовать возникшую в данных областях «Славинию» или «Славинии» — сравнительно с другими славянскими социально-политическими образованиями на бывшей византийской территории, появившимися в ту же эпоху.

В историографии уже отмечалось, что Славинии представляли собой устойчивые военно-территориальные союзы (например, союз племен к северу от Фессалоники, союз так называемых «Семи племен» в Мисии), которые в VII в. стояли на пороге раннефеодальной государственности или же являлись формирующимися раннесредневековыми государствами, сходными с государством Само<sup>15</sup>.

Этот процесс интенсивного общественного развития, сопровождавшийся политической консолидацией, протекал и в заселенных сербами, и в других славянских районах на западе Балкан<sup>16</sup>. В известной мере об этом позволяют судить свидетельства этносоциального характера, зафиксированные в сочинении Константина Багрянородного. Характерно, в частности, что из всех (вероятно, многочисленных) наименований славянских племен, которые поселились в сербских землях, известны лишь два — «сербы» и «личики» (так пазывались согласно древней традиции «некрещенные» славяне в бассейне Вислы, от которых вел происхождение род князей в Захумье) (КБ, с. 296). Примечателен и тот факт, что, если не считать названия «Сербия», все другие раннефеодальные княжества в этой части Балканского полуострова получили свои имена не от древнеславянских племенных обозначений (вроде «драгувитов», «смолен», «северов» и т. п.), а от конкретных деталей местного рельефа (Захумье, Дукля, Требинье и др.) или от нравов и обычаев новых поселенцев (в противовес христианским областям Нарентания слыла и Паганшей, т. е. «землей» язычников) (КБ, с. 296, ср. с. 189). Это свидетельствует о переходе к новой политической организации по территориальному принципу.

Географическое положение сербских земель и их природные условия оказывали, несомненно, влияние на развитие сербских и других слившихся с ними славянских племен. Преобладание рельефа, разделенного горными цепями и реками на разные, нередко мало связанные друг с другом области, заметные различия в природных условиях на побережье Адриатического моря и в отличавшихся более суровым климатом землях внутренней Сербии (Рашки), отно-

сившихся к бассейну Дуная,— все это, видимо, существенно отражалось уже на процессах расселения славян (как до прихода сербов, так и самих сербов и, быть может, иных племен), на освоении ими новых земель, на взаимоотношениях с оставшимся здесь или поблизости неславянским сельским населением (романскими далматинцами и так называемыми «влахами») и жителями городов Адриатического побережья (Сплит, Дубровник, Котор, Улцинь и др.). Вполне вероятно, что во второй трети VII в. наличие этих форпостов Византийской империи на юго-западной и, видимо, восточной кромке сербского племенного союза сыграло важную роль в становлении крупного политического объединения славян в этом регионе.

В этой связи особенно важно известие Константина Багрянородного, что сербы тогда «были подвластны василевсу ромеев» и что признание византийского верховенства (скорее всего формальное) император пытался закрепить обращением сербов в христианство, направив к ним священников из Рима (КБ, с. 294). Этот факт можно считать показателем значительной перестройки общественного строя сербов, прогресса в социальном расслоении в их среде и выделения знати. В пользу этого говорит и осознание сербами своей этнической общности, закреплённой преданием об общем происхождении от поселенцев, пришедших из далекой прародины, и давней традицией о существовании у них последственного княжеского рода, который правил сербами со времени их появления на Балканском полуострове (КБ, с. 294).

Было бы, естественно, неверно переоценивать устойчивость этого сербского военно-политического союза, структура которого, по всей видимости, была еще рыхлой и непрочной (некоторые племена союза сохраняли собственных последственных князей, в частности «личики» в Захумье, а быть может, и другие из прежних славянских поселенцев). Именно поэтому, вероятно, уже к 70-м годам VII в. усилившемуся вновь Аварскому хаганату удалось добиться ослабления или распада этого широкого славянского объединения во главе с сербами.

Подтверждение этому можно усмотреть в факте отправки в 678 г. к византийскому императору с предложением мира послов от аварского хагана, а также от «королей», «экзархов», «гастальдов» и «самых выдающихся предводителей западных народов», в числе которых, как полагают, были, вероятно, и правители сербских и хорватских племен<sup>17</sup>. Иными словами, теперь «западные народы» уже выступали

на стороне Аварского хаганата, тогда как с 20—30-х годов VII в. имело место широкое движение славян (сербов, хорватов, как и племен, входивших в государство Само) против авар. В пользу предположения об упрочении позиций хаганата к югу от Савы и Дуная можно, на наш взгляд, сослаться на другое свидетельство византийского хрониста Феофана о западной границе только что (в 680—681 гг.) образовавшегося Болгарского государства. Феофан пишет, что ввиду угрозы авар новосозданному государству под эгидой Аспаруха протоболгары переселили славян из подчиненных им «Семи племен» на юг и запад, чтобы охранять земли, прилежащие к «Аварии»<sup>18</sup>.

Это известие, повторенное и другим византийским автором — Никифором, позволяет думать, что в это время аварские позиции на западе Балканского полуострова были весьма сильны независимо от того, как определять западную границу Первого Болгарского царства<sup>19</sup>. Во всяком случае, специальные меры для обороны Болгарии от возможных нападений авар и подвластных им славян свидетельствуют о том, что Аварский хаганат удерживал тогда под своей властью как бассейн Моравы, так, вероятно, и другие районы, заселенные сербами (видимо, восточную Рашку, а может быть, и другие части сербского союза)<sup>20</sup>.

Вероятно, с этим периодом верховной власти аваров либо прочного и длительного союза и соседства с ними следует связывать широкое распространение у сербов и хорватов терминов аварского происхождения «жупан» и «бан», которые долгое время применялись для обозначения феодальных правителей, стоявших во главе государств или их отдельных областей<sup>21</sup>. Разумеется, факт бытования у сербов и хорватов данных титулов (в особенности, термина «жупан», с которым связаны и названия областей — «жупания», «жупа») нельзя истолковывать только как доказательство того, что аварский хаган всегда назначал в эти земли своих наместников и управителей — «жупанов»<sup>22</sup>. Употребительность титула «жупан» могла быть результатом влияния системы административных наименований Аварского хаганата и Первого Болгарского царства, как воспринимали разные славянские племена и германские термины («князь», «краль» — король и т. п.) вследствие древних языковых контактов, отнюдь не связанных с отношениями господства и подчинения<sup>23</sup>.

При оценке роли сербских «жупанов» в IX—X вв., когда уже в основном сложилась система раннефеодальных государств, а Аварский хаганат исчез с политической карты,

в исторической литературе нередко высказывается мнение, основанное на концепциях «жупной организации», «жупанской системы», т. е. племенного строя, продолжавшего якобы существовать в сербских землях вплоть до XII в.<sup>24</sup> Соответственно этим распространенным теориям каждое племя обладало собственной племенной территорией — «жупанией» или «жупой», во главе которой и стоял «жупан». Однако, как показал анализ источников, уже в то время термин «жупан» вовсе не обозначал неких предводителей «племенной демократии», «власть которых была бы основана на принципе родо-племенных отношений и распространялась на территорию одного племени или, соответственно, на территорию одной жупы». В IX—X вв. сербские «жупаны» представляли собой уже лишь «один из элементов» раннефеодальной надстройки, как и другие должностные лица тогдашних государств, подчиненные «архонтам» или князьям<sup>25</sup>.

Об отсутствии у «жупанов» самостоятельной социальной и политической роли в сербских землях, о значительной эволюции данного термина, связанного ранее с догосударственными институтами, говорит и существование в раннефеодальных государствах региона наследственных княжеских родов, обладавших высшей властью. В некоторых княжествах (в собственно Сербии, в Захумье) сложились вполне определенные по своей идеологической направленности предания или родословы («Хроники сербских правителей»), которые возводили генеалогию той или иной династии ко временам поселения на Балканах, т. е. подчеркивали исконность и «законность» владычества этих «архонтов» не только над «своими», но и, вероятно, соседними территориями<sup>26</sup>. Важно в данной связи, что и в тех случаях, когда для какого-то княжеского рода или отдельного княжества Константин Багрянородный не зафиксировал столь давней традиции (с VII в.), все другие сохранившиеся известия свидетельствуют, напротив, об установлении наследственной власти князей и в этих сербских раннефеодальных государствах. Так, например, известно о передаче власти по наследству в княжестве Травунии (Требинье) среди потомков местного жупана Белоя (Бела) на протяжении IX—X вв. (КБ, с. 296). В другом разделе своего труда Константин Багрянородный, прямо связывая возникновение княжеских династий с «назначением» архонтов для всего данного региона императором Василием I (867—886), признает, что власть в этих землях и до этого «назначения» принадлежала определенным родам: «... он поставил для них архонтов, кото-

рых они сами хотели и выбирали из рода, почитаемого и любимого ими. С тех пор и доныне архонты у них появляются из тех же самых родов, а не из какого-либо иного» (КБ, с. 287).

О значимости перемен в социальном и политическом строе сербских земель в связи со становлением и развитием раннефеодальной государственности позволяет судить и та роль, которую играли «жупании». Ранее их обычно рассматривали только как «племенные государства», «племенные области», теперь же их значение в административной системе сложившихся сербских княжеств представляется иначе<sup>27</sup>. Во-первых, «жупании» вовсе не являлись единственным или главным видом политико-социального деления — имелись и другие крупные и мелкие административные области («земли»: Коनावли, Босния и др.), Во-вторых, и «жупании», и «области» в рамках тогдашней административной структуры были связаны с сетью крепостей, городов и замков, именуемых в неславянских источниках «кастрон» и «цвивитас»<sup>28</sup>.

Реальное значение этих древнесербских «градов» было, вероятно, неодинаковым: в одном случае такой «град» или «кастрон» мог быть скорее оборонительным пунктом, в другом — центром какой-то области («земли») или «жупании», наконец, один из этих «градов» служил обычно резиденцией правителя княжества. Об этой взаимосвязи «градов» и «жупаний» можно судить, например, по данным 36-й главы труда Константина Багрянородного. Описывая Паганию, которую автор причислял к сербским землям (ныне — это побережье Далмации между реками Цетиной и Неретвой), он упоминает там четыре «населенные крепости (кастра): Мокр, Веруллия, Острок и Славинеца». Между тем, говоря выше о той же Пагании, Константин отмечает, что она включала три «жупании» (Растоцу, Мокрон и Дален), причем две из них были прибрежными, а последняя (Дален) лежала вдали от моря (КБ, с. 297). Налицо явное несоответствие числа и местонахождения этих «жупаний» и «кастра» (в литературе подтверждено расположение всех этих градков в приморской полосе княжества неретвлян, т. е. Пагании)<sup>29</sup>.

Уже одно это при всей возможной локальной специфике местных отношений в земле неретвлян дает возможность представить сложность и неоднозначность политико-административного деления в раннефеодальных сербских государствах, значительность происшедших в VII в. у сербов и других славянских племен перемен на пути развития классово-

го общества. Следует к тому же учесть, что Пагания, по оценке византийских авторов, была «окраинной», самой удаленной от главных центров Византии сербской «землей», менее других княжеств, вероятно, испытывавшей влияние и итальянской и ромейской культуры.

О незначительности влияния Византии и об устойчивости славянских языческих порядков в Пагании, лежавшей на границе с Хорватией, говорит само название «Пагания». Любопытно, что Константин Багрянородный специально поясняет это наименование, полагая, что так эту землю и ее жителей именуют «по-славянски» соседние обитатели других славянских районов, тогда как византийцы (и далматинцы) называют ее Арентанией (КБ, с. 297). Дело в том, что поселенцы Пагании «не приняли крещения в то время, когда были крещены все сербы», т. е., видимо, в правление Василия I (867—886), который, по словам его внука — Константина, назначил сербам и хорватам князей и обратил их в христианство<sup>30</sup>.

Это сообщение о христианизации сербов в данной связи позволяет судить о значимости изменений в славянском обществе к тому времени, об оформлении раннефеодальной государственности и классовых отношений. Нет сомнений в том, что ввиду особенностей природных условий и политической обстановки на Балканах в VII—IX вв. указанные процессы протекали в разных сербских землях по-разному, сопровождаясь, вероятно, и острой борьбой внутри первых политических объединений. Скорее всего христианизация VII в., о которой упоминает Константин, была весьма недолговечной, хотя она могла оставить более прочные следы в приморских областях, связанных с Италией и византийскими городами Далмации. Константин, говоря в биографии своего деда Василия I об «отпадении» от Византии всех славянских народов западной части Балканского полуострова в начале IX в. (при Михаиле II), замечает, что тогда «большинство» из них отказалось «и от святого крещения»<sup>31</sup>. Следовательно, часть славянского населения все же сохранила приверженность христианской религии (возможно, прежде всего в приморских районах Захумского и Дуклянского княжеств). Завершение христианизации сербских земель относится, вероятно, к третьей четверти IX в., хотя отдельные представители сербской знати могли принимать крещение и гораздо ранее, тогда как в некоторых районах (особенно в Пагании) и в среде крестьянства язычество господствовало еще и в X в.<sup>32</sup>

Лишь принятие христианства, с точки зрения византий-

ских политических деятелей, окончательно вводило сербов в круг «цивилизованного» человечества и одновременно (что было особенно важно для Константинополя) включало их в систему имперских владений и зависимых (зачастую лишь в теории) от Византии соседних государств.

Важной особенностью политической карты сербских земель в IX—X вв. были образование нескольких (сначала шести, затем пяти) раннефеодальных княжеств, устойчивый государственный и этносоциальный полицентризм. Константин Багрянородный (913—959), который располагал не только современной ему информацией, но и сообщениями о событиях предшествовавших столетий, полагал, что данная система сербских государств существовала чуть ли не искони, во всяком случае, уже в начале IX в. Именно тогда, по его словам, «хорваты, сербы, захлумы, тервуниоты, каналиты, диоклетианы и паганы также взбунтовались против царства ромеев, оказались независимыми и самовластными, никому не подчиненными» (КБ, с. 287). Существование данных сербских политических образований подтверждается и списком тех правителей, которым византийский двор отправлял «повеления» как своим вассалам. Этот список, видимо, был составлен уже при Льве VI (886—912), а затем отредактирован в начале X в.<sup>33</sup>

Известные из этих свидетельств сербские раннефеодальные государства были неодинаковы и по размерам, и по роли в создавшейся тогда политической системе. Неодинаково были и их местоположение, и их взаимоотношения с соседями, с Византией. Так, вдоль Адриатического моря с севера на юг простирались следующие сербские княжества. На крайнем северо-западе располагалась Пагания, с юга к ней примыкала «архонтия» Захумье (или «страна захлумов»). Далее на юг, между приморским городом Дубровником (Рагузой), оставшимся под византийской властью, и заливом Бока Которская простирались земли двух княжеств — Травунии (или Требинье) и Конавли («страны каналитов»), с которыми на юге граничила «земля диоклетианов», или, как оно известно у сербов, — Дуклянское княжество, которое было в непосредственном соседстве с византийскими владениями. Вдали от моря, охватывая все внутренние районы почти вплоть до Савы и примыкая «с тыла» ко всем названным прибрежным государствам, находилось самое обширное из всех этих политических образований той поры — «архонтия» Сербия, владения которой достигали рубежей Хорватии и Болгарии (КБ, с. 292).

О прочности и устойчивости этой системы сербских раннефеодальных государств IX—X вв. свидетельствует хотя бы тот факт, что на протяжении более ста лет она оставалась почти неизменной. Единственным исключением была судьба небольшой «страны каналитов» (Конавли) на Адриатическом побережье, которая, согласно упомянутому списку адресатов византийского двора, составляла особую «архонтию» в конце IX — начале X вв., однако уже в труде «Об управлении империей» августейший писатель специально отмечает, что «страна тервунпотов (т. е. Травуния, Требинье.— *Е. Н.*) и каналитов — одна и та же» (КБ, с. 296).

Поскольку основные сведения сербских глав данного произведения восходят к 20-м годам X в. (а в 40-х годах они, вероятно, были лишь отредактированы), можно, видимо, допустить, что область Конавли была подчинена окончательно травунскими князьями уже к 20-м годам (самое позднее — к 40-м годам) X в. Показательно, однако, что попытка князя Людевита Посавского образовать широкое объединение славянских племен (в современных Славонии и Северо-Восточной Сербии), завоевать часть сербских земель и создать, таким образом, в ходе антифранкской борьбы (начало IX в.) новое государственное образование окончилась неудачей<sup>34</sup>.

О значительной устойчивости большинства сербских княжеств можно судить и по тем сообщениям Константина Багрянородного о взаимоотношениях отдельных правителей этих земель, которые недостаточно обоснованно интерпретируются иногда в литературе как доказательство «верховой власти» архонтов Сербии над другими князьями<sup>35</sup>. Константин упоминает, что Пагания находилась «в то время (т. е. в начале X в.— *Е. Н.*) под властью архонта Сербии» Петра, однако нет сомнений в том, что речь идет о недолговременном подчинении Петром Пагании, поскольку и позднее жители Пагании сохраняли свою независимость; поэтому, собственно, им и посвящена особая глава в сочинении Константина (КБ, с. 297). Данные византийских источников не позволяют согласиться и с тезисом о ступенчатой, иерархической зависимости архонта страны Конавли от архонта Травунии, а травунского князя в свою очередь — от правителя Сербии<sup>36</sup>. Архонты Конавльского края были самостоятельными вплоть до того момента, когда (уже во время Константина) эта область была полностью подчинена правителями Травунии, объединена с нею в одно княжество.



Нет веских оснований и для категорического вывода о зависимости Травунии от властителей Сербии. В сообщениях о событиях IX—X вв. Травуния постоянно фигурирует как совершенно самостоятельное государство — наравне с другими югославянскими политическими образованиями (КБ, с. 287 и сл.); четко отделяет Травунию от других сербских земель и неизвестный автор сложного и более позднего памятника — Летописи попа Дуклянина (Барского родослова)<sup>37</sup>. В данной связи заслуживают особого внимания сведения Константина Багрянородного о взаимоотношениях повелителей Травунии и князей Сербии. Византийский писатель упоминает, что сербский архонт Властимир (середина IX в.) отдал свою дочь в жены сыну травунского жупана Бела (Белоя); в знак милости и уважения своему зятю «он нарек его архонтом, сделав его самовластным». Можно заключить, следовательно, что речь идет о самостоятельности княжеского рода Травунии, хотя здесь же ниже добавлено, что «архонты Травунии всегда были послушны архонту Сербии» (КБ, с. 296). Нам представляется слишком категоричным перевод соответствующего места памятника в смысле подчинения Травунии «власти архонта Сербии»<sup>38</sup>. Не следует упускать из виду, что даже о таком неопределенном, скорее лишь династическом (притом, может быть, только с точки зрения самих князей Сербии), верховенстве Сербского княжества над Травунией говорится в прошедшем времени, а не как о реальном факте современной Константину Багрянородному действительности.

Итак, судя по свидетельствам этого византийского писателя, опиравшегося на утраченную «хронику сербских князей», даже приведенные односторонние и, естественно, тенденциозные факты не оправдывают заключений о продолжительной зависимости более мелких правителей той поры от Сербского княжества. Речь может идти лишь о стремлениях архонтов Сербии обосновать свои претензии на соседние государства (ссылаясь при этом и на общность происхождения от сербского племени, пришедшего на Балканы). Однако эти притязания архонтам Сербии не удалось осуществить даже в отношении к двум, видимо, наиболее слабым звеньям политической системы сербских земель IX—X вв., т. е. Пагании и Травунии.

Закономерно возникает вопрос: можно ли считать период, связанный с завершением ожесточенной борьбы Византии и Болгарии при царе Симеоне (893—927) особо важным этапом в истории сербской раннефеодальной государствен-

ности, резким рубежом в процессе политической консолидации сербских земель? Дело в том, что в сербской буржуазной историографии период правления в Сербии князя Часлава, сумевшего (в 927 или в 928 г.) утвердить здесь свою власть после кратковременного захвата страны Симеоном Болгарским, расценивался как необычайно значительный факт объединения всех (или почти всех) сербских земель, как начало этнической нивелировки населения всех этих княжеств и преодоления сепаратизма<sup>39</sup>. В других работах, правда, результаты политической деятельности Часлава оценивались более объективно, не преувеличивались ни продолжительность его правления, ни его влияние на остальные сербские княжества<sup>40</sup>.

Действительно, в главе о Сербии труда «Об управлении империей» сказано лишь об установлении в этом княжестве власти Часлава, о помощи ему со стороны Византии, о «покорности» Часлава императору. Там не говорится о покорении Чаславом Травунии и других сербских земель, которые упомянуты здесь же, напротив, как вполне самостоятельные государства (КБ, с. 296)<sup>41</sup>. Более того, по хорватским и итальянским источникам можно заключить скорее об усилении в те годы политического влияния в Адриатике захумского князя Михаила<sup>42</sup>, роль которого в системе сербских государств возросла ввиду ослабления Сербии после опустошительного вторжения войск болгарского царя Симеона.

Таким образом, более обоснованным представляется мнение не о кратковременном этапе нарастания центробежных сил на сербских землях во второй четверти X в., а, напротив, о закреплении того политического полицентризма, который был характерен для сербских земель на протяжении более ста лет и, возможно, определял здесь судьбы раннефеодальной государственности еще и ранее (т. е. уже в VIII в.). Причины этого коренились не только во внешнеполитической, но и во внутривосточной обстановке той эпохи. Существование нескольких крупных и мелких княжеств было выгодно для соседних держав (Византии, Болгарии, Хорватии), которые старались подчинить сербов своему влиянию. В свою очередь, противоборствуя друг с другом, отдельные сербские правители использовали противоречия между могущественными державами и опирались на помощь одной державы против той династии, которой был в союзе с другой.

К сожалению, почти полное отсутствие данных о положении сербских княжеств во второй половине X — начале

XI в. (если не считать смутных известий Летописи попа Дуклянина и других фрагментарных сообщений) не позволяет хотя бы в общих чертах проследить развитие сложившейся в этой части Балканского полуострова политической системы. Видимо, дальнейшей эволюции раннефеодальной сербской государственности и становлению единой древнесербской народности во многом препятствовали такого рода политическая и этническая консолидация в рамках отдельных княжеств и областей, возникновение локальных «протонародностей», создание соответствующих местных династических теорий. Этими причинами, видимо, было обусловлено и постепенное ослабление и исчезновение связей Пагании с другими землями, входившими в круг сербских ранних государств<sup>43</sup>.

#### РАЗВИТИЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПЕРЕХОД К ПОЛИТИЧЕСКОМУ СТРОЮ ЭПОХИ РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА

«Темная пора» сербской истории (вторая половина X — начало XI в.), почти не освещенная в сохранившихся источниках, открывает тем не менее новый этап раннесредневековой сербской государственности, связанный с резким изменением политической обстановки на Балканах, ожесточенной борьбой Византии против Западно-Болгарского царства и победой империи в этой длительной войне<sup>44</sup>.

Эти немаловажные перемены на политической карте Юго-Восточной Европы в той или иной мере повлияли и на судьбы различных сербских княжеств: Дукли, Травунии, Захумья, а также внутренней Сербии, которая, видимо, тогда стала именоваться Рашкой. Из Летописи попа Дуклянина известно, что царь Самуил, стремясь подавить влияние Византии на Адриатике, выступил с войском не только против приморских крепостей империи (Котора, Дубровника, Ульциня), но и против всех сербских княжеств, видимо опасаясь присоединения их к Византии в этой тяжелой войне. Включенное в Летопись «Житие дуклянского князя Владимира» содержит весьма интересные детали, показывающие, что в конце X или начале XI в. все или почти все сербские земли оказались в зависимости от Самуила. Самуил оставил у власти в некоторых княжествах прежних правителей в качестве своих вассалов. Так, освободив пленного дуклянского князя Владимира и обеспечив его верность династическим браком, царь Самуил «назначил его королем и дал ему землю и королевство его предков и

всю страну жителей Диррахия». Точно так же дяде Владимира, Драгимиру, Самуил предложил «спуститься (с гор.— *Е. Н.*) и принять свою землю Трибунию» (Травунию), вероятно, на правах вассала и союзника<sup>45</sup>. К сожалению, трудно судить, каким было тогда положение Захумья п Рашки.

Разгром царства Самуила Василием II и включение всей завоеванной территории в состав Византийской империи, без сомнения, значительно изменили уже к исходу второго десятилетия XI в. политический статус сербских земель, поскольку в этот период неоспоримой гегемонии Византии на Балканах все эти земли, видимо, входили в состав новосозданных провинций империи или же полузависимых княжеств. Здесь в сербских землях во главе вассальных государств и некоторых соседних областей империи стояли представители местной раннефеодальной знати, обладавшей пышными ромейскими титулами<sup>46</sup>. Весьма примечательна в данном смысле фигура одного из влиятельных местных правителей той поры — Лютовита (или Литовита). В грамоте, изданной в пользу Локрумского монастыря (близ Дубровника — оплота византийского влияния в этой части Далмации) в годы могущества Василия II, Лютовит подчеркивает свое признание сюзеренитета империи, именуя себя лишь ромейскими придворными титулами — «протоспафарий эпи то хризотриклино, ипат и страгиг Сербии и Захлумии» (Захумья)<sup>47</sup>. В сербском же источнике, включенном в состав Летописи попа Дуклянина, он фигурирует просто как «князь Хумской (Захумской.— *Е. Н.*) области»<sup>48</sup>.

Кроме того, примечательно, что автор Летописи вопреки своему навязчивому старанию соединить генеалогическими узами всех и всяческих правителей Сербии того времени<sup>49</sup> не включил Лютовита в эту сложную династическую систему. Вероятно, это можно расценить как одно из доказательств в пользу предположения югославского ученого Й. Враны, что Лютовит, как и один из последующих владетелей Захумья — некий Хранко, был узурпатором<sup>50</sup>. Действительно, в начале XI в., во время установления византийского господства, частых войн и междоусобных распрей местных династий, на политической арене могли появиться и такие удачливые полководцы, сербские воеводы, которые укрепились с помощью войск империи и содействовали затем сохранению византийской гегемонии.

Иными словами, происходило ослабление прежней системы раннефеодальных сербских княжеств, тем более что,

судя по ряду независимых друг от друга источников, в этот период (вероятно, в 20-х или 30-х годах XI в.) самостоятельность всех или большинства государств данного региона была уничтожена Византийской империей и сербские земли были подчинены имперской администрации. Хотя в историографии ведутся споры о существовании в тот период новой византийской провинции («фемы Сербия») и об ее границах<sup>51</sup>, наличие прямых свидетельств о ней (в том числе византийских печатей с названием этой провинции) дает основание полагать, что в первые годы византийского господства на Балканах такая фема была создана. Она была, видимо, очень недолговечной, границы ее, возможно, часто менялись (как и ее наместники — Лютовит, Константин Диоген). Кроме того, сохранившиеся материалы позволяют заключить, что провинция Сербия не представляла самостоятельной административной единицы, служа скорее «дополнением» к соседним областям империи, — она входила в фему Болгария или же, как видно из Локрумской грамоты Лютовита, — в Захумье<sup>52</sup>.

Именно поэтому, скорее всего, реальная власть в этой новой провинции империи, точно так же как и в вассальных югославянских княжествах, оставалась в руках местной раннефеодальной знати. Подобная политическая обстановка при определенных обстоятельствах содействовала выступлениям местных династов против Византии, за восстановление государственной самостоятельности сербских земель. Вместе с тем нельзя недооценивать и тот факт, что Василий II осуществил ряд серьезных мероприятий по укреплению влияния империи во всей западной части Балканского полуострова. Большое значение имела организация сети епархий под эгидой Охридской архиепископии<sup>53</sup>.

Политическая обстановка в целом оказалась, однако, благоприятной для выступления в 1034—1042 гг. зетского князя Стефана Воислава и поддерживавшей его группировки сербской знати. Возникло самостоятельное Сербское государство, покончившее с зависимостью от Византии<sup>54</sup>. Оно нередко именуется Дуклянским (или Зетским) королевством (ввиду господства там дуклянской династии и превращения прежней Дукли в ядро нового политического образования). Его образование явилось важным этапом в истории оформления сербской раннефеодальной народности, поскольку вплоть до этого времени нет свидетельств о прочном объединении всех сербских земель в рамках одной монархии. Как было показано и для середины X в. (правление Часлава), нет никаких оснований говорить о широ-

ком и длительном объединении уже существовавших княжеств. Впервые это произошло лишь в 40-е годы XI в.

Для понимания судеб сербской раннесредневековой государственности необходимо сказать об обстоятельствах образования Дуклянского королевства, как и о связанных с этим значительных сдвигах в сфере церковной организации. Заслуживает особого внимания тот факт, что зетский князь Воислав лишь постепенно отвоевывал у Византии одну область за другой, причем успехи достигались в упорной борьбе с князьями-соперниками, стоявшими на стороне империи. Вначале Воислав освободил только Дуклю (Зету) и лишь затем, видимо, подчинил своей власти Травунию<sup>55</sup>. Возможно, именно поэтому в одном из сообщений, использованных в сочинении византийского полководца Кекамена, Стефан Воислав фигурирует как «Трибуний серб»<sup>56</sup>.

На этом этапе борьбы Воислава против Византии ему пришлось, по всей вероятности, иметь дело с коалицией враждебных сербских князей (жупана Рашки, бана Боснии и уже упомянутого Лютовита Захумского), которая была разгромлена в 1042 г.<sup>57</sup> Победа Воислава над Лютовитом повлекла за собой, несомненно, и переход Захумья под власть дуклянского князя: все приморские сербские земли были объединены под эгидой Дукли, которой, возможно, удалось позднее подчинить своему влиянию и внутренние земли (Боснию, Рашку) либо их часть. Этот период наибольшего расширения границ Дуклянского государства также нашел отражение в произведении Кекамена, по словам которого тогда «в крепостях Далмации, в Зете и Стамне (в нынешнем Стоне, близ Дубровника.— *Е. Н.*), был топархом Воислав Диоклейский» (Дуклянский)<sup>58</sup>.

Любопытно в этом сообщении проявление господствовавшей в ту пору византийской государственно-политической доктрины, согласно которой империя, даже смирившись с появлением на северо-западной границе независимого Дуклянского государства, все-таки рассматривала его как нечто эфемерное, а самого сербского правителя — как неполноправного соседа Ромейской державы, одного из незначительных местных феодалов — «топархов». Без сомнения, правительство империи, видя ослабление своих позиций на Балканах, делало ставку и на внутренние противоречия в новосозданном Сербском государстве, и этот расчет не был лишен оснований.

В известной мере судить об этом можно по грамоте, дарованной Локрумскому монастырю близ Дубровника (в

пределах узкой кромки византийских владений на Адриатическом побережье) неким Хранко, владевшим Захумьем в 50-е годы XI в., уже после правления Воислава в Дукле. Выступая в роли дарителя локрумских монахов, Хранко вел себя как независимый от правителя Дукли властитель Захумья: он считает себя вправе жаловать землю монастырю, подчеркивая тем самым свои дружественные отношения с византийским Дубровником (и с империей).

Характерно, однако, что таинственный Хранко в отличие от Людовита не именует себя пышными византийскими титулами, называясь просто: «Хранко со всеми своими жупанами Захумья» (даже без титула «князя», «господина», «великого жупана» или др.)<sup>59</sup>. Само недолговременное появление на политической арене этого властителя Захумской земли, его примечательная ссылка на поддержку местной знати свидетельствуют о том, что правителям Дукли не удавалось прочно и постоянно удерживать в своей власти все сербские земли. Некоторые княжества во главе с представителями прежних династий (либо «узурпаторами», подобными Хранко) иногда достигали полной независимости от Дукли.

Именно поэтому (и данный факт весьма показателен для рассматриваемого этапа сербской раннефеодальной государственности) дуклянские правители, в частности Воислав и его преемники — сын Михаил и внук Константин-Бодин, в целях укрепления своей державы использовали не только военные средства и благоприятную политическую конъюнктуру, но и доступные им возможности в идеологической (церковной) и дипломатической сфере, в особенности свои контакты с католическим Западом. Представляется весьма существенным в этом плане то обстоятельство, что во время борьбы Дуклянского княжества против Византии в Дукле (Зете) возникло первое произведение средневековой югославянской агиографии — житие зетского князя Владимира, погибшего ок. 1016 г. Без сомнения, составление этого жития имело целью не столько восхваление невинного князя-мученика, сколько «освящение» династических претензий Воислава Дуклянского, утверждение его «законных» прав на это княжество и наследство Владимира. Было создано, таким образом, идейно-политическое обоснование самостоятельности нового государства<sup>60</sup>.

Кроме того, становление культа одного из представителей дуклянской династии открывало перед Воиславом и его преемниками заманчивые перспективы прочного союза с

католическим клиром прибрежных романских городов Южной Далмации (Котора, Бара и др.), входивших уже в состав их державы и тесно связанных в церковном, экономическом и культурном отношении с Италией, с папской курией. Закономерным результатом такого союза дуклянских правителей с католическим духовенством подчиненных им прибрежных городов было не только провозглашение самостоятельной Барской архиепископии<sup>61</sup>, но также, вероятно, и официальное признание папской курией «короля Дукли» Михаила одним из «законных» и полноправных властителей сообщества средневековых государств и народов христианской Европы<sup>62</sup>.

Создание единого Сербского государства — Дуклянского королевства, представляющее важный рубеж в истории политической консолидации сербских земель и развития раннефеодального общества, закономерно сопровождалось переменами и в сфере социально-экономических отношений и культуры. К сожалению, ввиду специфики сохранившихся памятников (Летопись попа Дуклянина и грамоты Локрумского монастыря вызывают споры в историографии по поводу их достоверности и хронологии) невозможно подробно проследить эволюцию социального и политического строя державы дуклянских королей, как и зависимых от них и независимых сербских княжеств<sup>63</sup>.

Тем не менее даже имеющиеся сведения византийских и латиноязычных источников позволяют в общих чертах наметить главные особенности динамики внутривосточной системы сербских земель в XI—XII вв., выявить то общее, что объединяет ее с соответствующими институтами местных княжеств предшествующей эпохи (IX—X вв.), как и то, что уже можно счесть особенностями и тенденциями нового этапа развития сербской государственности.

В этой связи необходимо прежде всего остановиться на вопросе о социальной верхушке раннефеодального общества. Как и прежде, ее представители именовались «жупанами», «князьями»; они были либо самостоятельными, либо зависимыми от того или иного сюзерена правителями отдельных княжеств и земель, либо же — наместниками областей и сановниками двора, называясь в соответствии со своими функциями и должностями «сотниками», «судьями», «воеводами» и т. д.<sup>64</sup> Важной особенностью господствующей верхушки уже в эпоху Дуклянского государства было особое влияние, которым пользовались высшие представители христианской церкви, прежде всего католические «епископы и аббаты», о большой роли которых сказано в Летописи



си попа Дуклянина<sup>65</sup>. Вполне вероятно, что архиепископ Барский и другие клирики выполняли роль посредника между враждующими членами дуклянской династии<sup>66</sup>.

В эпитафии барскому епископу Иоанну говорится, что его «необычайно любили короли этой страны и не колебались доверить ему дела королевства»<sup>67</sup>. Возросшее влияние высшего духовенства в Дукле и соседних сербских землях объяснялось не только стремлением преемников Воислава наладить отношения с папской курией или возросшим значением в рядах господствующего класса патрициата приморских городов (отдельные семьи романских нобилей оказывались в родстве с королевской династией: по словам попа Дуклянина, женой короля Бодина была Яквинта, дочь некоего Архириза из г. Бара)<sup>68</sup>. Может быть, в этой связи необходимо обратить внимание также на появление в сербских землях ряда новых католических монастырей и церквей (аббатств св. Сергия и Вакха близ Скадра, св. Петра в Требинье и др.)<sup>69</sup>, которые получали немалые земельные пожалования от правителей, точно так же как и Локрумский монастырь, согласно сохранившимся документам (хотя и не всегда вполне надежным)<sup>70</sup>.

Даже эти скудные и, возможно, отчасти не совсем достоверные свидетельства грамот XI—XII вв. позволяют все же судить о дальнейшем развитии феодального землевладения в Дуклянском королевстве и соседних сербских княжествах. Богатства духовных феодалов росли, монастыри стремились непременно обеспечить себе подтверждение прав на свои владения со стороны местных правителей. Упомянутые документы сохранили, кроме того, сведения о переходе ряда земельных участков в собственность короля или его вельмож (не случайно в актах появились новые термины — «королевская земля», «земля судьи» — в том же смысле, в каком ранее употреблялись «церковная земля», имение монастыря)<sup>71</sup>.

Рост земельных владений и политического влияния светской и духовной знати в эту эпоху проявился и в увеличении роли «магнатов» и «нобилей» на общегосударственных соборах, о созыве которых неоднократно говорится в Летописи попа Дуклянина. Видимо, созыв таких соборов являлся характерной чертой этого времени, хотя, может быть, и ранее случались торжественные собрания знати (например, для официального провозглашения нового правителя; под этим предлогом, вероятно, в начале X в. были созваны плененные болгарами сербские жупаны, которые должны были провозгласить князем Часлава) (КБ, с. 295).

Обычно в Летописи попа Дуклянина говорится о соборах, созванных для возведения на престол нового короля, однако собор обсуждал и решал также другие важные государственные дела.

В данной связи интересно сообщение Летописи попа Дуклянина о соглашении между наследниками Стефана Воислава (Михаилом, Радославом и Саганецом), скрепленном присягой «перед магнатами страны»<sup>72</sup>. По мнению Н. Радойчича, специально занимавшегося историей сословного представительства в средневековой Сербии, здесь шла речь о «властельском соборе», т. е. о собрании знати, а не о «государственном соборе»<sup>73</sup>. Эта точка зрения не представляется убедительной, поскольку нормы для созыва были не всегда одинаковы, т. е. созывались и «более узкие» по своему составу, и более широкие общегосударственные соборы<sup>74</sup>.

В самом деле, если признать достоверным приведенное свидетельство, следует заключить, что данное собрание «магнатов» Дуклянского королевства было общегосударственным собором, поскольку на нем был утвержден договор о разделе наследства, т. е. всей территории государства, между преемниками Воислава. Созыв таких соборов мог служить и укреплению положения отдельных представителей правящей династии, а может быть, в целом — и сохранению существовавшей политической системы, позиций центральной власти в ее борьбе с тенденциями к сепаратизму.

Созыв соборов был, вероятно, тем более необходим, что административная структура Дуклянского государства оставалась еще рыхлой и непрочной. Это явствует, в частности, из наличия института соправительства. Причем соправители короля получали в управление определенные области, тогда как другие районы находились во власти полузависимых наместников, вассалов верховного правителя. Институт соправительства существовал в сербских землях, вероятно, уже в IX в. Константин Багрянородный упоминает, что после смерти князя Властимира власть в Сербии наследовали «три его сына, Мунтимир, Строимир и Гойник, поделившие страну» (КБ, с. 294). Однако лишь при дуклянских королях особое значение приобрел обычай соправительства, сопровождавшийся разделом всего государства.

Показательно, что в Дукле речь шла нередко уже не о назначении того или иного члена правящей династии управителем какой-то провинции, а о создании наследственных уделов, закрепленных за родственниками сюзерена.

Договор преемников Воислава, его сыновей Михаила, Радослава и Саганеца, основывался на предшествующем соглашении наследников (вдовы Воислава и 5 его сыновей), которые решили «разделить между собой земли и области своих предков, чтобы каждый держал свою долю». Летопись попа Дуклянина перечисляет области, входившие в уделы этих братьев<sup>75</sup>. Позднее, однако, ввиду восстания в Трибунии этот удел оказался выморочным и возникла необходимость в переделе владений между оставшимися членами династии. Поэтому-то на созванном соборе Михаил и Саганец должны были дать грамоту Радославу и поклясться, «чтоб он и его наследники владели частью Зеты и что, если он (Радослав.—*Е. Н.*) сможет приобрести себе Трибунию или какую-либо другую провинцию, она (эта страна.—*Е. Н.*) будет наследственной собственностью и владением ему и его наследникам...»<sup>76</sup>. Этот раздел Дуклянского государства вовсе не был исключительным явлением, судя по рассказу Летописи. В ней упоминается и о разделе страны при короле Георгии<sup>77</sup>, да и позднее, уже в середине XII в.,— о правлении Радослава «с братьями» в уже сильно ослабленной и сократившейся Дуклянской державе, включавшей тогда лишь приморские районы от Котора до Скадра и находившейся под сюзеренитетом императора Мануила Комнина<sup>78</sup>.

Все это наглядно свидетельствует не только о существенной эволюции Дуклянского королевства в XI—XII вв., но и, более того, о значительных изменениях в положении всех сербских земель, большая часть которых уже в конце XI—начале XII в. была потеряна дуклянскими королями. Ослабление Дукли и постепенное отделение от нее некоторых приморских и внутрисербских областей (Рапки, Боснии, Захумья) составляют новый рубеж в истории сербской раннефеодальной государственности. На этот раз имели место не временные изменения в соотношении центростремительных и центробежных сил, удаchi или неудачи дуклянских королей в борьбе с соперниками, а глубокие перемены во всей системе раннесредневековых сербских государств. Именно в это время от сербских земель начала отделяться Босния, где формировалось ядро новой политической организации и особой раннефеодальной народности<sup>79</sup>. Эти процессы не ускользнули от внимания и современников-византийцев: Иоанн Киннам констатировал, что «Босния не подчинена архиэупану сербов, а народ ее имеет особый образ жизни и управления»<sup>80</sup>.

Отмечая наиболее характерные черты следующего эта-

па политической истории сербских земель, начинающегося на рубеже XI—XII вв. и заканчивающегося примерно в 80-е годы XII вв., исследователи высказывают разные мнения. Этот период называют и эпохой «борьбы Зеты и Рашки за гегемонию», и временем длительного противоборства владетелей Рашки с Византией<sup>81</sup>. В литературе справедливо отмечалась и такая важная особенность сложных перипетий борьбы Рашки и Византии, с одной стороны, и междоусобных распрей сербских правителей — с другой, как существенная роль для судеб Рашки и сербо-византийских отношений королевства Венгрии, подчинившего Хорватию и Боснию<sup>82</sup>. Попытки вмешательства в ожесточенную борьбу сербских князей предпринимали и некоторые полусамостоятельные властители Боснии, носившие в качестве васалов венгерского короля титул «бана» (Борич и др.)<sup>83</sup>.

Указывая на влияние внешнеполитической обстановки на положение в сербских землях, следует, однако, подчеркнуть, что само втягивание Сербии и в конфликт Венгрии с Византией, и в жестокие междоусобные войны в значительной мере было обусловлено такой важнейшей чертой данного периода, как возрождение полицентризма на всех сербских территориях. Политическая раздробленность Сербии, которая с конца XI в. до 80-х годов XII в. распалась на ряд самостоятельных или полусамостоятельных, крупных и мелких государств, в известной мере напоминает прежнюю систему сербских княжеств IX—X вв.

Разумеется, еще более существенными были отличия внутренней политической ситуации XI—XII вв. от зафиксированной Константином Багрянородным для IX—X вв. Они заключались, конечно, не только о том, что разные сербские государства оказывались в большей или меньшей зависимости от соседних держав (Византии, Венгрии, а иногда и Боснии). Гораздо важнее в данной связи тот факт, что число политических образований заметно сократилось по сравнению с периодом IX—X вв. и границы их зачастую были весьма неустойчивыми. Для XI—XII вв. можно говорить только о двух-трех государствах — о Дукле, Рашке (внутренней Сербии) и в какой-то мере о Захумье. В действительности, однако, феодальная децентрализация с иерархической зависимостью между сербскими владетелями приобрела гораздо больший размах. Видимо, в то время наряду с верховными правителями Дуклянского королевства или Рашки на политической арене выступали (зачастую в роли фактически самостоятельных государей) отдельные местные князья или жупаны («господа»), в отличие от ко-

торых их номинальным суверенам приходилось именоваться «великими жупанами» (в Рашке) или «великими князьями» (например, в Захумье)<sup>84</sup>.

Установление сложных иерархических связей между местными удельными и верховными властителями в каждой части сербских земель, дополнявшихся отношениями союза или вассальной зависимости (от Византии или Венгрии), означало формирование многоступенчатой системы государственной власти. В результате даже безвестный князек (вроде Девезия, «господина Конавлей и Жрновницы») мог считать себя в непосредственном подчинении у могущественного императора Мануила Комнина, добившегося недолгой гегемонии Византии на Балканах<sup>85</sup>, а второстепенный сербский династ оказывался одновременно и удельным князем в пределах Рашки (под эгидой ее верховного владетеля — «великого жупана»), и вассалом царя Мануила (как, например, рашский Деса и, позднее, Неманя)<sup>86</sup>.

В этой обстановке, характерной для 1150—1180 гг., когда величие и мощь Византии казались безграничными, в Дукле возник такой интересный памятник общественно-политической мысли, как неоднократно использовавшаяся выше Летопись попа Дуклянина (Барский родослов)<sup>87</sup>. Автор (или авторы) этого сочинения стремится подчеркнуть особые, «законные» права Дуклянского королевства (и его династии) на власть над всеми сербскими областями и княжествами. Стараясь обосновать «верховенство» правителей Дукли над их соперниками — жупанами Рашки и другими князьями, автор апеллирует к воображаемой генеалогии их предков, возводимых к древним королям готов и хорватов. Государственно-правовые идеи Летописи причудливо сочетаются с тезисом об особых правах Барской архиепископии, с попытками доказать правомерность рассмотренной выше системы государственной иерархии и удельных владений. Конечно, в сложившихся условиях подобного рода концепция раннесредневековой сербской доктрины могла лишь содействовать закреплению византийского владычества над сербскими землями, сохранению их политической разобщенности.

Однако уже в третьей четверти XII в., когда еще полностью сохранялась политическая децентрализация сербских земель и их зависимость от Византии, наметился процесс нарастания центростремительных тенденций, который в 80-е годы этого столетия привел к объединению всей этой территории в единое Сербское государство во главе со Стефаном Неманей — «великим жупаном» Рашки<sup>88</sup>. В со-

став его державы вошли не только Рашка и соседние районы на сербо-византийской границе, но и Дукля и Захумье. Закономерным следствием объединения сербских земель стали утверждение полной самостоятельности Сербии, ликвидация ее вассальных отношений с Византией.

Становление и развитие Сербского государства Немани и первых Неманичей явилось прежде всего важным этапом в процессе преобразования прежнего, раннефеодального государства в монархию эпохи развитого феодализма. Имея в виду именно эту постепенную эволюцию державы Немани (1166—1195), вряд ли можно счесть вполне обоснованным утверждение, что «Неманя не вносит никаких более важных изменений в систему, которая в основе своей возникла в предшествующий период»<sup>89</sup>.

Действительно, вначале внутри Сербии царил, казалось бы, старая удельная система. Имело место и соправительство Немани и его братьев — Мирослава и Срацимира. Однако и в это время (примерно до 1189 или 1190 г.) появились новые черты и в административной структуре, и в государственно-правовой теории. Неманя старался всемерно заручиться поддержкой православного духовенства, основывал в Сербии новые монастыри, созывал общегосударственный собор для борьбы с богомильской ересью (вероятно, до 1180 г.)<sup>90</sup>. Неманя и поддерживавшая его часть господствующей верхушки стремились превратить созыв таких соборов в действенное средство сплочения еще рыхлого государственного образования, а также в орудие расправы со своими противниками. Так, в частности, «уличенные» на соборе в «зловредной» ереси сербские феодалы были изгнаны из страны, а «дома и имения их» были отобраны (возможно, переданы православной церкви)<sup>91</sup>. В отличие от церковного курса дуклянских королей для Немани и его сыновей — Стефана и Саввы характерна опора не на католический клир, а на православную церковь, которая уже получила преобладание в Сербской державе Неманичей.

По всей видимости, уже эти перемены подготовили почву для решительной перестройки государственной структуры примерно в 1190—1191 гг. Вместо прежнего триумvirата сербских князей — «братии», в которой первым (но почти равным остальным) был сам Неманя, во главе державы оказался один верховный властелин («великий жупан» Неманя), которому были подчинены его сыновья (Вукан, Растко и, может быть, Стефан). Удельные правители были лишены права участия в международной политике — все дела в этой сфере решал отныне отец-сюзерен<sup>92</sup>. Одновре-

менно с этой перестройкой, вероятно, изменилось кардинально и государственно-правовое положение существовавших тогда уделов. Если прежде (во времена господства королей Дукли, а для Захумья — вплоть до 1189 или 1190 г.) отличительной чертой уделов (в особенности крупных) была передача их по наследству потомкам данного удельного князя, т. е. по существу сохранение самостоятельных «государств в государстве» и упрочение особых владетельных ветвей правящей династии, то теперь Неманя поставил своей целью полную ликвидацию всех старых государственных образований и вытеснение давних княжеских родов или возможных претендентов на трон из среды своей «братии».

Особенно последовательно и целенаправленно такой курс на разрыв с прежней государственно-правовой традицией старых политических центров (Дукли, Захумья, Травунии) проводился Неманей и его сыновьями — Стефаном, ставшим королем нового Сербского государства (1217), и Саввой, первым архиепископом самостоятельной сербской церкви, в сфере политической идеологии. Уже первые памятники новой (рашской) династической доктрины свидетельствовали о тщательной разработке и обосновании неоспоримого права Немани и Неманичей на всю территорию сербских земель, на верховную власть наследника Немани над всеми прочими членами династии. Все это оказалось несовместимым с каким бы то ни было признанием владетельческих или соправительских прав «братии»<sup>93</sup>.

С этой целью из всех литературных памятников новой эпохи тщательно удалялись всякие упоминания о предшественниках Немани, о самостоятельных княжествах или владетельных родах, даже близких родственниках самого Немани. С целью резко отделить в истории Сербии эпоху Немани, утвердить незыблемость его права и права его потомков первые Неманичи стремились упрочить свою династию как «светородную», установить культ «святого» ее основоположника и основателя «Сербского царства» — Стефана Немани, а затем дополнить этот культ почитанием и других «святых» представителей данного господствующего рода<sup>94</sup>.

Как известно, сложный процесс консолидации сербских земель в конце XII — начале XIII в. протекал отнюдь не беспрепятственно, как это можно заключить по ряду источников, в особенности по житиям Немани и его сыновей. Напротив, рубеж XII—XIII вв., являющийся одновременно рубежом между раннесредневековым Сербским государством и державой развитого феодализма, был ознаменован ожесточенной борьбой между наследниками Немани, дли-

тельным (вплоть до 1216 г.) противоборством двух главных политических центров — Рашки и Зеты (Дукли), а также заметным обособлением третьей части прежнего Сербского государства — Захумья. Окончательно завершился процесс объединения сербских земель и формирования устойчивого государственного образования лишь во втором десятилетии XIII в.

Итак, развитие сербской раннефеодальной государственности заняло целую историческую эпоху, в ходе которой можно наметить ряд различных этапов, для каждого из которых характерны свои особенности. В качестве наиболее общей специфической черты этого процесса следует указать на его чрезвычайную сложность и длительность. Впервые единое государство, включавшее все сербские земли, возникло лишь к середине XI в., а окончательно центростремительные тенденции одержали верх только в конце XII — начале XIII в.

<sup>1</sup> См., например: *Станојевић С.* Историја српског народа. Београд, 1908, с. 43; ср.: *Греков Б. Д.* Славяне: Возникновение и развитие Киевского государства. М., 1946, с. 16; *Грачев В. П.* Сербская государственность в X—XIV вв. М., 1972, с. 313.

<sup>2</sup> См., например: *Державин Н. С.* Славяне в древности. М., 1946, с. 207; *Историја народа Југославије.* Београд, 1953, т. 1, с. 231; *История Югославии.* М., 1963, т. 1, с. 64; и др.

<sup>3</sup> *Срећковић П. С.* Историја српског народа. Београд, 1884, т. 1, с. 92. 447; ср. также: *Грачев В. П.* Сербская..., с. 310—311.

<sup>4</sup> См., например: *Срећковић П. С.* Историја..., с. 90, 109 и др.; *Станојевић С.* Историја..., с. 49 и сл.

<sup>5</sup> *Срећковић П. С.* Историја..., с. 109, 438—439 и др.

<sup>6</sup> См.: *История Югославии*, т. 1; *Историја народа Југославије*, т. 1; *Историја Црне Горе.* Титоград, 1967, кн. 1, с. 347 и др.; *Историја на државите и правата на југославенските народи.* Београд, 1972, с. 13 и др.

<sup>7</sup> Подробнее об этом см.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975, с. 12—17.

<sup>8</sup> См., например: *Ферјанчић Б.* Византија и јужни Словени. Београд, 1966, с. 28 и сл.; *Ферлуга Ј.* Византија и постанак најраниј их јужнословенских држава.— ЗРВИ, 1968, т. 11, с. 55 и сл.

<sup>9</sup> *Историја српског народа.* Београд, 1981, т. 1, с. 147—148; ср. также: с. 160, 162, 166, 167 и сл.

<sup>10</sup> См. также: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 181—193; ср.: *Наумов Е. П.* Процессы формирования средневековой сербской народности и балканские влады в XII—XIII вв.— В кн.: *Формирование раннефеодальных славянских народностей.* М., 1981, с. 187 и след.

<sup>11</sup> Ср., например: *Ферлуга Ј.* Византија..., с. 55 и др.

<sup>12</sup> Развитие этнического..., с. 294.

<sup>13</sup> Там же, с. 293.

<sup>14</sup> См., например: *Byzanz im 7. Jahrhundert.* В., 1978, S. 97—98; *Zás-těrová B.* Zu einigen Fragen aus der Geschichte der slawischen Kolo-



- nisation auf dem Balkan.— In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. В., 1976, S. 63—65.
- <sup>15</sup> См., например: Историја српског народа, кн. 1, с. 143—144; *Лугаврин Г. Г.* К проблеме становления Болгарского государства.— ССл., 1981, № 4, с. 38—39; и др.
- <sup>16</sup> См., например: *Станојевић С.* Историја..., с. 46—47; *Zástěrová V.* Zu einigen..., S. 65.
- <sup>17</sup> См., например: ВИНН, т. I, 1955, с. 224; *Byzanz...*, S. 132; *Ditten H.* Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jahrhundert.— In: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert. Pr., 1978, S. 453.
- <sup>18</sup> *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. М., 1980, с. 37, 62, 154, 162.
- <sup>19</sup> См., например: *Чичуров И. С.* Византийские..., с. 122—123; *Лугаврин Г. Г.* К проблеме..., с. 37—39.
- <sup>20</sup> Ср.: *Ковачевић Ј.* Аварски каганат. Београд, 1977, с. 89—90.
- <sup>21</sup> См., например: *Ditten H.* Bemerkungen..., S. 448 f.; *Грачев В. П.* Сербская...; *Ферлуга Ј.* Византија..., с. 56 и сл.
- <sup>22</sup> Ср.: *Ditten H.* Bemerkungen..., S. 449, 453—454.
- <sup>23</sup> Ср.: *Седов В. В.* Ранний период славянского этногенеза.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 92; *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 203—204 и след.
- <sup>24</sup> Подробнее см.: *Грачев В. П.* Сербская...
- <sup>25</sup> Там же, с. 201, 204 и др.
- <sup>26</sup> Развитие этнического..., с. 188; ср.: *Острогорски Г.* Порфиригенова хроника српских владара и њени хронолошки подаци.— В кн.: Сабрана дела Г. Острогорског. Београд, 1970, кн. 4, с. 79—86.
- <sup>27</sup> Подробнее см.: *Грачев В. П.* Сербская..., с. 90 и след.
- <sup>28</sup> Развитие этнического..., с. 187; Историја српског народа, т. 1, с. 163.
- <sup>29</sup> *Грачев В. П.* Сербская..., с. 91.
- <sup>30</sup> ВИНН, т. II, 1959, с. 16, 64.
- <sup>31</sup> Там же, с. 79.
- <sup>32</sup> Историја српског народа, т. 1, с. 151; Историја Црне Горе, кн. 1, с. 354.
- <sup>33</sup> *Ферлуга Ј.* Листа адреса за стране владаре из Књиге о церимонијама.— ЗРВИ, 1970, т. XII, с. 162 и сл.
- <sup>34</sup> См., например: *Јуречек К.* Историја Срба. Београд, 1952, т. 1, с. 110—111 и др.
- <sup>35</sup> См., например: Историја српског народа, т. 1, с. 148.
- <sup>36</sup> *Грачев В. П.* Сербская..., с. 209.
- <sup>37</sup> *Шишић Ф.* Летопис пона Дукљанина. Београд, 1928, с. 320 и сл.
- <sup>38</sup> ВИНН, т. II, с. 62.
- <sup>39</sup> *Станојевић С.* Историја..., с. 62—63; *Срећковић П. С.* Историја..., с. 192 и др.
- <sup>40</sup> *Јуречек К.* Историја..., т. 1, с. 113—114; Историја српског народа, т. 1, с. 160, 162—163; и др.
- <sup>41</sup> История Югославии, т. 1, с. 64, 65; Историја народа..., т. 1, с. 236.
- <sup>42</sup> См.: например: *Јуречек К.* Историја..., т. 1, с. 115—116.
- <sup>43</sup> Развитие этнического..., с. 189; *Јуречек К.* Историја..., т. 1, с. 116—118.
- <sup>44</sup> Историја српског народа, т. 1, с. 166—171.
- <sup>45</sup> *Шишић Ф.* Летопис..., с. 335—336; ср.: *Станојевић С.* Историја..., с. 67; Историја Црне Горе, кн. 1, с. 382, 384.

- <sup>46</sup> См., например: *Naumov E. P.* Slawische Aristokratie und Kirche in den byzantinischen Provinzen und den frühfeudalen Nachbarstaaten.— In: Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. В., 1982, Bd. 6; ср.: *Степаненко В. П.* Дука Востока — стратег Иверии? — В кн.: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979, с. 32—34.
- <sup>47</sup> *Шишић Ф.* Летопис..., с. 189—190.
- <sup>48</sup> Там же, с. 346—347.
- <sup>49</sup> Ср., например: Историја Црне Горе, кн. 1, с. 386.
- <sup>50</sup> *Vrana J.* Isprave zahumskih vladara iz XI. i XII. st. o Babinu polju na otoku Mljetu.— Historijski zbornik, 1960, sv. 13, s. 161.
- <sup>51</sup> Историја српског народа, кн. 1, с. 174—175.
- <sup>52</sup> *Swiencyskij J.* Byzantinische Bleisiegel in der Sammlungen von Lwow.— In: Сборник в помет на проф. П. Ников. С., 1940, № 11, с. 440.
- <sup>53</sup> Историја српског народа, т. 1, с. 176—178.
- <sup>54</sup> *Јиречек К.* Историја..., т. 1, с. 131—139; Историја Црне Горе, кн. 1, с. 381—399 и др.
- <sup>55</sup> ВИИНЈ, 1966, т. III, с. 156—157.
- <sup>56</sup> Совети и раскази Кекавмена: сочинение византијског полковода XI века / Подгот. текста, введ., пер. и комент. Г. Г. Литаврина. М., 1972, с. 168—169.
- <sup>57</sup> *Шишић Ф.* Летопис..., с. 346—347, 352—353.
- <sup>58</sup> Совети и раскази Кекавмена..., с. 170—171.
- <sup>59</sup> *Шишић Ф.* Летопис..., с. 191.
- <sup>60</sup> О житија Владимира Дукљанског см., например: Историја Црне Горе, кн. 1, с. 381—399; *Банашевић Н.* Летопис попа Дукљанина и народна предања. Београд, 1971, с. 133 и сл.
- <sup>61</sup> См., например: *Јиречек К.* Историја..., т. 1, с. 124—125, 131—132; Историја Црне Горе, кн. 1, с. 430—431.
- <sup>62</sup> Историја српског народа, т. 1, с. 189.
- <sup>63</sup> См., например: *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 53.
- <sup>64</sup> См., например: *Хвостова К. В.* К вопросу о терминологии Летописи попа Дукљанина.— В кн.: Славянский архив. М., 1959, с. 36—37; *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 55—60.
- <sup>65</sup> *Шишић Ф.* Летопис..., с. 363.
- <sup>66</sup> Там же, с. 360.
- <sup>67</sup> Историја Црне Горе, кн. 1, с. 430—431.
- <sup>68</sup> *Шишић Ф.* Летопис..., с. 360.
- <sup>69</sup> Историја Црне Горе, кн. 1, с. 440.
- <sup>70</sup> *Шишић Ф.* Летопис..., с. 185 и сл.
- <sup>71</sup> См. там же, с. 198, 200; *Соловјев А. В.* Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века). Београд, 1926, с. 1.
- <sup>72</sup> *Шишић Ф.* Летопис..., с. 356.
- <sup>73</sup> *Радојчић Н.* Српски државни сабори. Београд, 1940, с. 59.
- <sup>74</sup> Ср.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978, с. 62—66, 385—388 и др.
- <sup>75</sup> *Шишић Ф.* Летопис..., с. 354—355.
- <sup>76</sup> Там же, с. 356.
- <sup>77</sup> Там же, с. 370.
- <sup>78</sup> Там же, с. 375.
- <sup>79</sup> Развитие этнического... с. 192; *Ђирковић С.* Историја средњовековне Босанске државе. Београд, 1964, с. 41—42.
- <sup>80</sup> ВИИНЈ, 1971, т. IV, с. 28.
- <sup>81</sup> Историја народа..., т. 1, с. 248; Историја српског народа, кн. 1, с. 197.
- <sup>82</sup> Историја српског народа, т. 1, с. 199—200.

- <sup>83</sup> Ср.: *Шишић Ф.* Летопис..., с. 195.
- <sup>84</sup> Ср.: *Јуречек К.* Историја..., т. II, с. 11—12 и др.; *Шишић Ф.* Летопис..., с. 193, 201; ВИНЈ, т. III, с. 384—389.
- <sup>85</sup> *Соловјев А. В.* Одабрани..., с. 1.
- <sup>86</sup> *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 182 и след.
- <sup>87</sup> Ср.: *Банашевић Н.* Летопис..., с. 263—268.
- <sup>88</sup> См., например: Историја српског народа, кн. 1, с. 251 и сл.; *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 178 и след.; *Наумов Е. П.* К истории Сербского феодального государства в конце XII — начале XIII вв.— ССл., 1976, № 1.
- <sup>89</sup> Историја српског народа, т. 1, с. 261.
- <sup>90</sup> Светосавски зборник, Београд, 1938, кн. 2, с. 21, 25, 28, 29.
- <sup>91</sup> Светосавски зборник, кн. 2, с. 28.
- <sup>92</sup> Ср.: *Наумов Е. П.* К истории..., с. 55—56.
- <sup>93</sup> *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 188 и след.
- <sup>94</sup> Ср., например: *Павловић Л.* Култови лица код Срба и Македонаца. Смедерево, 1965, с. 42 и сл.





## Глава шестая

# ФОРМИРОВАНИЕ ХОРВАТСКОЙ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

**И**зучение генезиса первичных надобщинных образований и ранних форм государства в Хорватии затруднено чрезвычайной скудостью необходимых данных. Письменные источники, в которых содержатся отрывочные сведения по раннесредневековой истории страны, в большей части не вполне надежны. Таковы эпитафические памятники, зачастую не поддающиеся датировке; акты и грамоты, нередко оказывающиеся фальсификатами или содержащие поздние интерполяции; сочинения византийских, франкских, итальянских средневековых далматинских историков, отражающие обыкновенно позднюю традицию либо передающие тенденциозную точку зрения заинтересованных сторон. Вследствие этого немало свидетельств об образе жизни, уровне производства и культуры, характере социально-политической структуры раннегосударственных хорватских образований может быть интерпретировано лишь гипотетически. В историографии ведутся дискуссии практически по всем ключевым вопросам развития раннесредневекового Хорватского государства — его хронологии, системы управления, социальной стратификации, становления феодальных отношений и др.<sup>1</sup>

Согласно известиям Константина Багрянородного хорваты появились на Балканском полуострове в правление императора Ираклия в 20—30-е годы VII в. Эта условная дата может быть принята как *terminus post quem* становления ранней государственности хорватов. Конечным пределом является 1102 г. — дата коронации венгерского короля Кальмана вешком Хорватского королевства.

Уровень общественно-политического развития хорватов периода их переселения определить трудно. На военно-демократическое устройство раннехорватского общества указывают, возможно, первые легендарные известия о политической организации у хорватов в это время, принадлежа-

щие неизвестному автору середины X в. и зафиксированные в 30-й главе труда Константина Багрянородного «Об управлении империей». Там говорится об отделении от белых хорватов одного рода, возглавляемого пятью братьями — Клуком, Ловелом, Косендзисом, Мухло и Хорватом — и двумя сестрами — Тугой и Вугой, и о переселении их «вместе с их народом (*λαός*)» в Далмацию (КБ, с. 291). Некоторые из имен семи кровных родичей (в них обычно видят вождей племен) находят соответствие в топонимике и этнонимике, некоторые же остаются и поныне загадочными<sup>2</sup>. Признавая историческую достоверность основы предания, можно попытаться представить начальный этап становления Хорватского государства. 30-я глава свидетельствует, что к VII в. у хорватов выделился слой людей, стоящих над первобытными общинами. Они принадлежали к одному роду, который можно рассматривать в качестве зарождающегося правящего рода. И если верно мнение Г. Диттена, что слово *λαός* в указанном контексте означало «военное окружение правящего рода»<sup>3</sup>, то постепенное возвышение этого рода над племенем опиралось, вероятно, уже в то время не только на авторитет исполняемых его представителями общественных функций, но и на возникающий аппарат власти.

Вывод этот, однако, требует крайней осторожности, поскольку рассмотренное сообщение, восходящее к хорватской фольклорной традиции, не может служить прочным основанием для суждения о существовании у далматинских хорватов в начале VII в. протогосударственной структуры. Другие письменные известия еще более ненадежны. Известие Константина Багрянородного о том, что хорваты выполняли распоряжение Ираклия, ведя военные действия против аваров и заселяя в последующем территории провинции Далмации (КБ, с. 233), доказывает как будто наличие у хорватов устойчивой организации<sup>4</sup>, но не является свидетельством более высокой ступени их политического и социально-экономического развития по сравнению с соседними племенами<sup>5</sup>. К 678 г. относится сообщение Феофана о приеме Константином IV послов аварского хагана, послов «королей», «экзархов», а также «выдающихся представителей западных народов». Чисто логическое заключение Ф. Шишича о присутствии среди послов вождей «далматинских славян»<sup>6</sup> неосторожно истолковывалось впоследствии как доказательство высокого уровня политического развития хорватов в VII в.<sup>7</sup>

Согласно Константину Багрянородному, та область Балкан, где появились хорваты, уже в конце VI в. была засе-

лена какими-то славянскими племенами, находившимися под властью Аварского хаганата, и собственно аварами<sup>8</sup>. По хорватскому преданию, зафиксированному в 30-й главе труда Константина, хорваты и авары «несколько лет... воевали друг с другом — и одолели хорваты», так что «с тех пор эта страна находится под властью хорватов» (КБ, с. 291). Другая версия, переданная в 31-й главе, совпадает в своей основе с первой, но выделяет роль императора Ираклия в победе хорватов над аварами (КБ, с. 293). Сопоставление этих версий привело исследователей к заключению о возникновении в конце первой — начале второй трети VII в. в Приморской Далмации племенного союза, в котором объединились хорваты, славянские племена, находившиеся ранее под аварским господством, и остатки аварского населения<sup>9</sup>. В рамках этого союза — центр его предположительно находился между Цетине и Велебитом, — очевидно, протекал интенсивный процесс консолидации славянского населения, выразившийся в утрате к IX в. местных славянских племенных наименований (исключение составляло узколокальное племенное название «гудусканы») и в принятии общего названия «хорваты»<sup>10</sup>. Мнение о трансформации этого племенного объединения уже в VII в. в раннесредневековое государство<sup>11</sup> представляется слабо аргументированным. Несомненно, однако, что, оказавшись на положении завоевателей, славяне должны были организовать свое господство на занятых землях.

Реальные сведения о политических сдвигах в Далматинской Хорватии представляют археологические находки, предположительно относящиеся к старохорватскому пласту и датируемые VIII — началом IX в. Этот археологический материал позволяет рассмотреть важный предварительный вопрос, имеющий непосредственное отношение к теме формирования раннехорватского государства, — вопрос о континуитете, т. е. о поселениях и формах жизни автохтонного населения, его материальной и духовной культуре на территории Далматинской Хорватии<sup>12</sup>.

Здесь до сих пор не обнаружено археологических следов ранних хорватских поселений, однако на присутствие хорватов указывают материалы некрополей Северной Далмации, расположенных в плодородных областях, в частности в районе Нина, в Равних Котарах, на южном правом берегу р. Крки, т. е. в местах концентрации археологических находок античной эпохи — поблизости или непосредственно на развалинах античных поселений и их некрополей<sup>13</sup>. Уже первые раскопки подтвердили присутствие хорватского эле-

мента в античных городских поселениях (Нин)<sup>14</sup>. Характерно, что на территории Равних Котаров, где велика плотность старохорватских некрополей, во множестве находят остатки еще недостаточно исследованных сельских домов и грубых жилищ позднеантичной эпохи, которыми могли пользоваться и хорваты<sup>15</sup>.

Несмотря на вероятность освоения хорватами городских иллирийско-римских поселений (Нина, Брибира, Салоны и др.), непрерывное развитие этих городов от античности к средневековью не прослеживается. Они постепенно деградируют, аграризируются, и в дальнейшем процесс их реурбанизации, связанной с развитием государственности, проходит так же, как и в других, не урбанизованных ранее странах Европы. Впрочем, в них сохранялись некоторые элементы инфраструктуры — частично сеть римских дорог, фрагменты жилых строений, сакральные объекты и т. п., а также античные наименования (Салона — Солин, Нона — Нин и т. д.)<sup>16</sup>.

Находки в Кашиче у Нина захоронений славянского типа (трупосожжение), датированных первой половиной VII в.<sup>17</sup>, в сочетании с повсеместными находками погребений по обряду трупоположения, относящихся к VIII — началу IX вв., доказывают факт устойчивого культурного влияния далматинских автохтонов уже на начальном этапе пребывания хорватов в Далмации. Хорваты, очевидно, переняли у иллиров и способ постройки жилищ, поскольку иллирийский тип деревенского дома сохранился у сельского далматинского населения вплоть до настоящего времени<sup>18</sup>. Культурное воздействие автохтонного римско-иллирийского населения на хорватов отразилось и в ремесле (перстни с гравированной звездой, керамика, массивные железные иглы, костяные гребни и т. д.). Сохранение автохтонного населения в Салоне и ее окрестностях доказывается и письменными сведениями, и неизменностью мест постройки христианских культовых сооружений<sup>19</sup>.

Существование на занятой хорватами территории славянского (хорватского и дохорватского) и автохтонного населения, находящегося практически на одной ступени развития родо-племенного строя, должно было привести к их быстрому сближению и восприятию пришлыми элементами далматинского типа автаркийного земледельческого-скотоводческого хозяйства<sup>20</sup>.

Материал хорватских некрополей VIII — начала IX в. свидетельствует о далеко зашедшем процессе социально-имущественной дифференциации хорватского общества<sup>21</sup>.

Богатые захоронения содержат золотые византийские изделия, дорогие женские украшения, изящные изделия из стекла (предположительно — сирийские и североитальянские)<sup>22</sup>. Погребения всадников с дорогими военным снаряжением — с обоюдоострым мечом, реже — с коротким или длинным ножом, копьём, разнообразным верховым снаряжением — соседствуют с захоронениями простых пехотинцев, вооружённых «листовым» копьём, боевым топориком, луком со стрелами<sup>23</sup>. Характерно, что некрополи с захоронениями всадников группируются вокруг Нина и Книна и их ближайшей округи, и вследствие этого их, очевидно, следует рассматривать в качестве центров формировавшихся локальных политических структур.

Пышность инвентаря богатых захоронений свидетельствует об уже глубоких различиях в размерах присвоения и в социальном статусе разных групп хорватского общества, а следовательно, о выделении привилегированного слоя, при опоре на который формировалось государство, создавались управленческий аппарат, налоговая система, войско и другие институты.

Одновременно с началом социального размежевания общества возникла и княжеская власть. К первой четверти IX в. относятся первые достоверные известия франкских письменных источников о политических образованиях у славян Нижней Паннонии и Далматинской Хорватии, находившихся тогда под патронатом фриульского маркграфа. Очевидно, в начале IX в. территория Паннонии и Далмации состояла из мелких славянских «княжеств». Князем (dux) одного из них, находившегося в Нижней Паннонии, с центром в городе Сисаке (античная *Siscia*), был Людевит Посавский, князем другого, располагавшегося в Далмации, — Борна<sup>24</sup>.

Не исключено, что в формировании славянской политической организации в Паннонии определенную роль сыграла Карантаня, процесс внутренней консолидации которой приходится на период кризиса Аварского хаганата в 30-х годах VII в. О стабильности политического образования карантанцев свидетельствует сохранение у них собственной правящей династии даже в условиях баварского суверенитета. После завоевания франками Баварии и их победы над аварами в конце VIII — начале IX в. паннонские земли активно заселяли славяне, главным образом карантанцы, признавшие зависимость от Каролингов<sup>25</sup>.

История борьбы Людевита Посавского против фриульского маркграфа в 819—822 гг. позволяет составить пред-



ставление о начальных этапах складывания в данном регионе сложных гетерогенных политических структур из локальных гомогенных. Племенная гетерогенность и обширность территории являлись характерными чертами формирующегося государства, поскольку значительная часть населения оказывалась в его составе в результате добровольного или насильственного присоединения соседей. Именно таким способом Людевит стремился увеличить свою территорию во время восстания против зависимости от франков: «Людевит... разослал послов к окружающим соседним племенам, подстрекая их к войне», а народ тимочан, «который отказался от союза с болгарами», привлек на свою сторону «фальшивыми доводами»<sup>26</sup>.

Борна первоначально выступает в анналах лишь как «dux Guduscانogum», «князь гудускан», т. е. хорватского племени гачан, а затем именуется «князем Далмации», «князем Далмации и Либурии» (An. Franc., p. 151, 155)<sup>27</sup>. Если верна идентификация упомянутого Константином Багрянородным «архонта» Порга или Порина с Борной<sup>28</sup>, то употребление по отношению к нему этого титула показательное, поскольку термином «архонт» Константин обозначает правителя определенной территории («князя») в отличие от племенных старейшин — «старцев-жупанов».

В основе конфликта между Борной и Людевитом лежало по сути дела стремление к политической интеграции, к созданию территориальных предпосылок образования государства. Попытки Людевита организовать независимое от франков обширное территориальное объединение столкнулись с интересами Франкского государства и потерпели неудачу. После опустошительных походов франков 821 и 822 г. в «область изменников и сторонников Людевита» паннонский князь бежал к сербам и его протогосударственное объединение распалось (An. Franc., p. 158). Франкские анналы под 827 г. сообщают о разорении болгарами паннонских славян и изгнании их князей (ducibus) (Ibid., p. 173). Болгарский хан Омуртаг вручил управление землями Нижней Паннонии своему вассалу Ратимиру, однако в 838 г. Нижнюю Паннонию вновь заняли франкские войска. Ратимир и его приближенные бежали.

Политическое объединение Борны, опиравшегося на поддержку франков, оказалось более прочным: после смерти Борны в 821 г. «по просьбе народа (petente populo) и с согласия императора» (Людовика Благочестивого) место князя занял его племянник Владислав (Ibid., p. 155). Согласно этому известию в объединении Борны сохранялся ряд

племенных институтов, в частности народное собрание, от имени которого назначался новый правитель. Это сообщение, кроме того, — первое документальное свидетельство о существовании в хорватском объединении правящего рода с наследственной передачей власти. Те политические силы, в сферу влияния которых входила территория Хорватии — Франкская империя (затем Итальянское королевство) и Византия, — были заинтересованы в выдвигании в Хорватии владетельного рода и всегда поддерживали его представителей<sup>29</sup>.

Самый процесс выделения владетельного рода в Хорватии не отражен в источниках. Подчеркнутое внимание, которое франкский анналист уделяет родственникам Людевита и Борны (тестю Людевита — Драгомозу и дяде Борны — Людемыслу), предполагает исключительное положение всех членов правящего рода. Известие о бегстве Людевита «в Далмацию к Людемыслу» можно расценить как доказательство управления Людемыслом какой-то областью «Далмации». Однако из-за недостатка данных невозможно судить о месте родичей князя в политической иерархии. Обособление правящего рода было естественным следствием процесса социальных преобразований, связанных с выделением слоя имущей знати. Трудно с определенностью сказать, как формировался этот слой. Несомненно, однако, что в него вошли представители племенной аристократии<sup>30</sup>.

О характере управления в объединениях Борны и Людевита почти ничего не известно. Франкские анналы сообщают лишь о наличии у Борны своей княжеской дружины (*praetorianorum suorum*), которая спасла ему жизнь в столкновении с изменившими ему гачанами. Борна, опасаясь войска Людевита, спрятал «все свое» (*omnia sua*) в крепости<sup>31</sup>. Видимо, речь шла о немалой казне, составленной двумя возможными путями — прямым грабежом и сбором дани. Само по себе увеличение территории и численности населения, как и племенная гетерогенность формирующегося государства, вызывали необходимость создания административного аппарата и совершенствования системы управления в целом, замены племенной основы общественного строя территориальным. Это в конечном счете вело к консолидации государства, объединившего разрозненные ранее «княжества» хорватов и других славянских племен.

Как следует из грамоты князя Трпимира (852), к середине IX в. появляются понятие единой «страны хорватов», титул «князя хорватов», представление о родине, отчизне, которое, однако, еще не вытесняет понятия «рода» (СД,

р. 6). Хотя указанные сведения содержатся в пассаже, который считается поздней интерполяцией, они, видимо, верно отражают основную тенденцию развития Хорватского государства: в надежно датированной надписи на камне князя Бранимира, занявшего престол в конце 70-х годов IX в., он также именуется «князем хорватов».

Упрочению первичного государственного образования у хорватов способствовало введение единой официальной религии. Согласно грамоте Трпимира, его предшественник князь Мислав был христианином, и христианство утвердилось в «стране хорватов», очевидно, к середине IX в. Поскольку принятие христианства в раннее средневековье являлось обычно актом государственной власти на определенной ступени развития общества, вопрос о христианизации хорватов применительно к проблеме создания государства обретает принципиальное значение.

Деятельность христианских миссионеров среди славян началась, очевидно, вскоре после завоевания Далмации. Вполне вероятно, что идея христианизации исходила от императора Ираклия (КБ, с. 293), призвавшего для этой цели римских священников. В 680 г. папа Агатон уведомлял Константина IV, что римские миссионеры продолжают действовать среди славян, которых обычно идентифицируют с хорватами<sup>32</sup>. Миссионерские рейды отвечали также, несомненно, надеждам романского и романизованного населения далматинских городов, заинтересованного в мирных отношениях с жителями «варварской» округи. Попытки христианизации славян могли предпринимать и сами обитатели далматинских городов. В хронике Фомы Сплитского содержится полуполюгендарное сообщение о том, что «грубые народы» Далмации и Славонии были привлечены к христианству первым архиепископом Сплита Иоанном Равеннским, и о почитании славянскими вождями св. Домния, покровителя сплитской церкви. Проповедниками христианства могли быть и автохтоны далматинского хинтерланда. Признавая возможность единичных случаев крещения хорватской знати в VII—VIII вв., следует учитывать, что в VII—начале IX в. большинство хорватов оставались язычниками. Это подтверждается особенностями относящегося к этому периоду погребального ритуала — наличие в погребениях жертвенной еды, зажигание огня над покойником, разбивание на могиле керамики и пр.<sup>33</sup>

Все больше сторонников приобретает мнение, приписывающее заслугу «официального» крещения хорватов франкским священникам, направлявшимся аквилейской патриар-

хий. К началу IX в. относятся находки в Далматинской Хорватии предметов христианского культа франкского происхождения. Одновременно отмечается и оживление культового строительства. Только принятием крещения из Аквилей можно объяснить почитание в Хорватии франко-аквилейских святых и франкские имена первых хорватских священников<sup>34</sup>.

Первое документальное свидетельство об учреждении хорватской епископии в Нине содержится в письме папы Николая I «лучшим людям и клиру Нинской епископии», датированном концом 50-х — 60-ми годами IX в. (Дос., р. 185). В письме настойчиво развивается идея о священном праве апостольского престола на учреждение епископий, что, очевидно, следует расценивать как свидетельство борьбы за сферы влияния между Римом и Аквилеей<sup>35</sup>. В дальнейшем влияние церкви на консолидацию власти и формирование государственного аппарата в Хорватии было чрезвычайно велико. Именно церковный собор в Сплите 925 г. определил меру наказания за убийство не только священника, но и владельца определенной территории и своего господина (СД, р. 31).

Таким образом, политические и этносоциальные процессы обусловили к середине IX в. создание основ раннесредневековой хорватской государственности и образование ядра хорватской народности. Византийское (через папство и далматинские города) и франкское влияние было тем внешним фактором, который на этом первоначальном этапе содействовал ускорению указанных процессов<sup>36</sup>.

Во второй половине IX в. Хорватское государство было уже достаточно прочным для того, чтобы проводить самостоятельную политику и отстаивать свою независимость. Этому в немалой степени способствовал и распад франкской державы. Хотя в 871 г. хорваты принимали участие со своим флотом в качестве вассалов итальянского короля Людовика II в военных операциях против арабов у города Бари<sup>37</sup>, уже тогда зависимость была номинальной. Еще в середине 60-х годов хорватский князь Домагой успешно отразил нападение венецианского флота и в качестве самостоятельного правителя заключил с дожем мир, подтвержденный в 876 г. его сыновьями (Ioh. Dias., р. 123). Со смертью Людовика в том же 876 г. вмешательство франков в дела Хорватского государства, очевидно, полностью прекратилось.

Византию до второй половины IX в. в сущности мало интересовали славянские западно-балканские государства, и лишь Василий I (867—886) предпринял шаг с целью вер-

нуть под свой контроль эти земли, занятые славянами. Характерно, однако, что в отношении Хорватии Византия действовала с учетом ее интересов. В 878 г. на хорватский престол был возведен константинопольский ставленник Здеслав «из рода Трпимира» (Ibid., p. 125), т. е. из правящего рода, права которого были признаны и поддержаны Византией. Кроме того, империя признала за хорватами право сбора дани с византийских далматинских городов и островов (КБ, с. 232). При всей символичности суммы дани ее уплата свидетельствовала, во-первых, о нестабильности позиций византийских властей в Далмации<sup>38</sup>, а во-вторых, об упрочении Хорватского государства, с которым империя была вынуждена считаться.

Ко времени правления Василия I относятся, по всей видимости, и первые попытки идеологического обоснования Византией своей значительной роли в судьбах южнославянских народов, в том числе и хорватов. В 31-й главе труда Константина Багрянородного зафиксированы предания об активном участии Ираклия в поселении и христианизации хорватов. Согласно этим преданиям, хорваты пришли на Балканы во главе с «архонтом» — «отцом некоего Порга» — и были крещены при «архонте Порге» (КБ, с. 293). Интерпретация этих известий как отражающих «династическую», «княжескую» традицию древнейшей хорватской истории, противостоящую эпической народной — сказанию о пяти братьях и двух сестрах<sup>39</sup>, — также позволяет говорить о признании Византией интересов хорватских князей, хотя она и стремилась подчинить их своим политическим планам. Провизантийское правление Здеслава продолжалось всего несколько месяцев. Уже в 879 г. Здеслав был убит Бранимиром, который, захватив княжеский престол (879 — ок. 892 г.) (Ioh. Diac., p. 126), отказался от покровительства Византии<sup>40</sup>.

Расцвет раннесредневекового Хорватского государства связывают обычно с именем князя Томислава (ок. 910—925). Скучные сведения о Хорватии того времени содержатся в основном в более поздних источниках — в Дуклянской летописи, хронике Фомы Сплитского, переработанных актах сплитских церковных соборов. Константин Багрянородный имени Томислава не упоминает. Однако даже фрагментарные известия позволяют судить о Хорватии первой четверти X в. как о реальной политической силе на Балканах. Томиславу удалось обезопасить свои границы с юго-востока со стороны сербских земель, которые подвергались нападениям болгарских войск царя Симеона. Когда болгары, оче-

видно, в ответ на действия хорватского правителя, предоставившего убежище сербскому «архопту» Захарии, напали на Хорватию, хорватское войско нанесло им крупное поражение («все они были уничтожены хорватами», — сообщает Константин Багрянородный) (КБ, с. 295—296). При посредничестве папского легата Магальберта был заключен болгаро-хорватский мир (СД, р. 37). Томислав сдержал и натиск венгров, которые, осваивая территорию Среднего Подунавья, совершали набеги на правобережье Дравы и Савы<sup>41</sup>. Прерадой на пути венгров к югу оказались славонские земли, присоединенные Томиславом к Далматинской Хорватии.

Позиции Хорватии оставались, видимо, неизменными при преемниках Томислава Трпимире II (ок. 925—935) и Крешимире I (ок. 936—945). Ее ослабление обусловили внутренние усобицы при сыне Крешимира Мирославе, который после четырехлетнего правления «был убит баном Привуием, и в стране произошли раздоры и множество столкновений», резко уменьшилась численность хорватского войска (КБ, с. 293). Тогда же, видимо, от Хорватского государства отложилась Славония<sup>42</sup>. Привуиня (бан Прибина) действовал в интересах младшего брата Мирослава — Михаила Крешимира II (его правление завершилось до 970 г.). Данные Дуклянской летописи о победе Крешимира II над Боснией и захвате ее территории (LPD, р. 73), видимо, недостоверны<sup>43</sup>.

Новое усиление Хорватии произошло, вероятно, в конце X в., когда упрочился авторитет ее правителей на международной арене. Развитие хорватско-византийских связей при Држиславе зафиксировано в сообщении Фомы Сплитского о присуждении Држиславу и его наследникам почетных титулов епархов и патрикиев<sup>44</sup>. После смерти Држислава его старший сын и наследник Светослав был свергнут своими младшими братьями — Крешимиром и Гоиславом; Византия поддержала Светослава в его стремлении возратить хорватский трон. На стороне Светослава оказались также Венгрия и Венеция (союз с венецианцами был скреплен династическим браком — дочь дожа стала женой сына Светослава). Однако хорватское войско в начале XI в., при Крешимире III, при поддержке болгарского царя Самуила смогло противостоять нападениям союзников Светослава. Во второй половине XI в. усилилось вмешательство папства во внутренние дела Хорватии, поскольку Рим стремился к распространению своего влияния на далматинские города путем включения их в состав Хорватии<sup>45</sup>. Активное воздействие на политическую ситуацию в Хорватском королевстве оказы-

вала и Венгрия. Будущий правитель Хорватии Звонимир был вассалом венгерского короля. При Крешимире IV, по всей видимости, не без венгерского вмешательства Звонимир стал хорватским баном, а затем и правителем Хорватии (с 1074 г.); тогда вновь объединились земли Хорватии и Славонии. Через свою жену Елену, сестру венгерского короля Ласло, Звонимир был связан родственными узами с венгерской династией Арпадовичей, что послужило для Ласло формальным обоснованием своих прав на хорватский престол, которыми он и воспользовался после смерти Звонимира в 1091 г.

Таков ход внешнеполитических событий, с которыми было связано развитие Хорватского государства во второй половине IX—XI в. Источники не позволяют проследить эволюцию государственных институтов в Далматинской Хорватии на протяжении двух с половиной столетий. Поэтому возможно рассмотрение лишь отдельных элементов государственной структуры Хорватии, причем в ряде случаев — лишь в тех статических формах, в которых они известны на разных этапах своего становления по крайне скудным и разрозненным известиям.

Усиление авторитета и власти князя как единоличного правителя происходило, очевидно, в результате выполнения им роли «посредника» между родами и племенами, что в конечном итоге привело к его сакрализации, выраженной в надклановой и надплеменной символической форме. Уже в грамоте Мунцимира от 892 г. упоминается княжеский трон как его отцовское наследие, а о самом Мунцимire говорится, что он поставлен хорватским князем «милостью божьей» (CD, I, р. 23). Дальнейшее обособление правителя от родоплеменных связей вело к признанию его личности в качестве священной особы монарха — главы государства. Вопрос о времени коронации хорватских князей является дискуссионным. Некоторые исследователи считают, что можно говорить о коронации князя Томислава в 925 г.<sup>46</sup> Их оппоненты на основе ретроспективного анализа термина *гех* в хорватских документах предлагают более позднюю датировку. Так, по мнению И. Беуца, лишь в эпиграфической надписи на надгробии матери Држислава Елены (ум. в 976 г.) слово *гех* впервые употребляется не в прежнем смысле (восходящем к глаголу *гегеге* — 'править, управлять'), а в значении «носитель всей государственной власти»<sup>47</sup>. Н. Клаич полагает, что только при Звонимире термин *гех* стал соответствовать понятию «король»<sup>48</sup>. Несмотря на то что все подобные версии являются, как правило, лишь результатом абстракт-

ных заключений, следует признать, что точка зрения И. Клаич согласуется с появлением в грамотах Звонимира формул, свидетельствующих об особом почитании королевского трона (CD, р. 170, 180, 188), и с упоминанием регалий — символов мощи и святости королевской власти (мантии, меча, скипетра, короны) (CD, р. 140, 180). Эти письменные свидетельства подтверждаются и барельефным изображением хорватского короля, происходящим, по всей видимости, из Салоны и датируемым XI в.<sup>49</sup> Правитель, облаченный в мантию и увенчанный короной, изображен сидящим на троне с крестом в правой руке и державой — в левой.

Хорватские правители этого периода стремились к укреплению власти путем обращения к авторитету предков, ссылок на династическую преемственность своих прав. С этим, вероятно, связаны и упоминания в грамотах хорватских князей и королей о воле своих державных предшественников. Отражением этой тенденции могло быть и составление каких-то королевских хроник, на существование которых указывает характерный фрагмент, включающий перечень правителей, членов династии и их приближенных, и использованный, возможно, при составлении грамоты Петра Крешимира IV от 1066/67 г., подтверждавшей земельные дарения задарскому монастырю св. Хрисогона.

На протяжении IX—XI вв. происходило оформление княжеского (королевского) двора, структура которого во многом близка и структуре иных европейских дворов того времени. В конце IX в., по данным грамоты Мунцимира, уже существовали многочисленные придворные должности — палатина, меченосца, конюшего, коморника, виночерпия и др. К XI в. произошло увеличение должностной номенклатуры королевского двора и расширение его служб. Двор превратился в центр управления Хорватией. В это время, кроме уже упомянутых должностей, в грамотах фигурируют тепчия, «дед», должностные лица королевской курии, сокольничий, псарь, королевский капеллан, телохранители, служители королевской канцелярии и др. Напоминающая в целом европейские (возможно, франкские) образцы, хорватский двор имел и свои особенности. Тепчия выполнял, вероятно, первоначально те же функции, которые в славянских странах (Польша) и в Венгрии, а также в самой Хорватии в конце IX в. имел палатин. Не исключено, однако, что появление нового названия связано с изменением полномочий носителя титула<sup>50</sup>. Палатины обычно ведали военной сферой, так что жупан-палатин грамоты Мунцими-



ра был, возможно, военачальником. Деятельность же тепчи сводилась к придворному судопроизводству. Функции управляющего при королевском дворе осуществляло лицо, именуемое «дедом». Сравнение этой должности с «кормильцем», «дядькой», опекуном наследника трона, стоявшим на верхних ступенях придворной иерархии в других славянских странах<sup>51</sup>, при всей его правдоподобности все же маловероятно в Хорватии в силу частой сменяемости лиц на этом посту. В источниках XI в. для обозначения королевских служб наряду с латинской терминологией часто употребляется и славянская, свидетельствуя о постепенном ослаблении внешнего влияния на дальнейший процесс формирования двора.

Сведения об окружении хорватского правителя дают некоторое представление о служебной иерархии в Хорватском государстве. Первым лицом после короля был бан, вероятно, именуемый «королевским» (CD, р. 105). Высокий престиж банов подтверждается грамотой Крешимира IV, где имена «могущественных бапов» Прибины и Годемира соседствуют с именами правителей Крешимира и Држислава, рядом со Светославом, его братьями Крешимиром и Гоиславом и его сыном Стефаном упомянуты бапы, которые «были в их времена», — Гвард, Божетех и Стефан Приск (CD, р. 106). Баны принимали активное участие в династической борьбе. Бан Прибина убил сына Крешимира II Мирослава, что положило начало междоусобицам в Хорватии. Бан Звонимир сам занял место правителя, объявив себя князем, а затем приняв корону Хорватии.

В Византии титул бана нашел, возможно, официальное признание: Стефан Приск в грамоте, удостоверявшей основание им и его женой Марией церкви св. Николая в 1042—1044 гг. (CD, р. 75—76), именовал себя баном и императорским протоспафарием. Грамота датирована временем правления Константина IX Мономаха, но имени хорватского правителя не упоминает. Видимо, бан Стефан стремился к политической независимости от короля Хорватии. Не случайно представление о могуществе и политическом влиянии банов в раннесредневековой Хорватии отразилось в источниках более позднего времени, сохранивших предание о заключении баном Годемиром мирного соглашения с венграми от имени короля Крешимира (Дос., р. 472), легенду о семи королевских банах, избравших хорватского короля в случае отсутствия у него прямых наследников (Дос., р. 486), представление о банах как о братьях короля, «князьях» (*banum id est ducem*), повелевавших семью сотниками, которые «по

праву и справедливости судят народ и собирают дань, передавая ее банам» (LPD, p. 55). Исследователи, как правило, считают банов наместниками короля, наделенными большими военными, судебными и административными полномочиями. Исходя из этого, аналогию системе власти в Хорватии усматривают в структуре Аварского хаганата периода его распада, где имело место двоевластие хагана и вождя, выходца из среды высшей аварской аристократии<sup>52</sup>.

Значительной в аппарате государства была роль жупанов. К середине IX в. они уже не были связаны с племенной организацией, представляя собой многофункциональный институт государственной власти<sup>53</sup>. По данным грамоты Трпимира, князь «с общего совета» (*commune consilium*) с жупанами решал государственные проблемы (CD, p. 4). И хотя подобные совещания являлись скорее всего лишь модификацией племенных народных собраний, жупаны выступали как представители княжеской администрации. Это видно, в частности, по употреблению князем в отношении жупанов притяжательного местоимения — «мои жупаны». В конце IX—XI вв. в институте жупанов выделилось три группы: жупаны, управлявшие определенными территориями (жупаниями); исполнители конкретных функций при княжеском дворе; просто жупаны. Наличие лиц, фигурирующих в грамотах лишь как «жупаны», без указания на их функции, свидетельствует, очевидно, об отсутствии связи между должностью и титулом жупана, о наследственности этого родового титула. Следует, однако, учитывать, что зачастую просто «жупанами» называются также лица, представленные в других документах как правители жупаний или чиновники двора. В грамотах XI в. при упоминании жупанов, занимавших придворные должности, титул жупана, как правило, опускается (исключения единичны) (см. CD, p. 114, 148), что может свидетельствовать как о постепенной утрате при дворе значения старой родовой титулатуры, так и о назначении на эти почетные должности служилых людей незнатного происхождения.

Из грамоты Мунцимира известно о некоторых второстепенных службах при дворе, исполнители которых не имели титула жупана, — это второй и третий коморник и меченосец княгини (CD, p. 24). Видимо, в конце IX в. к службе при дворе привлекались лица, выдвинувшиеся благодаря своим деловым качествам. Несомненно, процесс проникновения таких людей в среду придворной знати со временем становился более интенсивным. При Крешимире IV наряду с жупанами уже существовала категория знати, носившая

титул комитов (CD, p. 113, 114). Ее представители занимали почетные должности при дворе, например должность «комита королевской курии» (CD, p. 114). В правление Дмитрия Звонимира, делавшего ставку на поддержку извне и вследствие своего иноземного происхождения не имевшего возможности опираться на знатные хорватские роды и авторитет предков-правителей, по всей видимости, была предпринята попытка полностью заменить старую родовую титулатуру новой, феодальной. В грамоте, изданной вскоре после коронации Звонимира, фигурируют свидетели — комиты и бароны. Состав лиц, к которым применялись эти титулы, весьма показателен. Это: тельция — должность, исполнявшаяся обычно жупаном; комит Кливна и цетинский комит, которые впоследствии называются в грамотах жупанами Кливна и Цетине; наконец, лица, упомянутые в других грамотах как жупаны. Характерно, что в Дуклянской летописи термины «жупан» и «комит» синонимичны (*supanos id est comites*) (LPD, p. 55).

Введение новой феодальной титулатуры должно было означать закрепление иной системы социальных связей, основанных на отношениях личной верности и покровительства, и, в конечном счете, консолидацию центральной власти за счет периферийной. Между тем к Далматинской Хорватии этого периода применимо, видимо, положение, выдвинутое В. П. Грачевым на основе сербских средневековых источников, согласно которым, термин «жупан» зачастую употреблялся представителями знати, чтобы подчеркнуть свое положение местного управителя или господина. Сильные во второй половине XI в. позиции знатных хорватских родов препятствовали введению новой системы феодальных титулов. В более поздних грамотах Звонимира титул комита в отношении высшей хорватской аристократии использовался уже крайне редко (CD, p. 163—187).

Развитие центральных институтов власти в Хорватии не завершилось к концу XI в. формированием устойчивых органов управления, представлявших привилегированным слоем раннефеодального государства. Сохранялся обычай выбора правителя «всею народом» или «всею знатью и малыми людьми» (CD, p. 140, 188); король принимал важные государственные решения на собраниях знати, генетически восходивших к народному вече. Промежуточным этапом в их формировании были, очевидно, собрания жупанов, одно из которых упомянуто в грамоте Трпимира. В дальнейшем состав таких собраний расширился за счет служилых людей, что подтверждается появлением в источниках специальной

и обобщающей терминологии. Уже Мунцимир принимал решения «с общего совета» со всеми находившимися при нем «верными людьми» (*fidelibus*) и «главами народа» (*primatus populi*), т. е. представителями родо-племенной аристократии (CD, р. 23). Материалы сплитских соборов 925 и 928 гг. показывают, что важные решения принимались совместно правителем и знатью (*proceres*) (CD, р. 34, 37). В XI в. король совещался «со своими нобильями» (CD, р. 97, 107, 117, 170). Широкий круг лиц, участвовавших в собраниях, определяет грамота Крешимира IV: это жупаны, комиты, баны, капелланы, королевская свита (CD, р. 113). На собраниях решались вопросы не только о земельных пожалованиях, но, видимо, и о важнейших делах государства. Грамота Крешимира сохранила традиционную форму, в которую облакалось рассмотрение подобных проблем: король собрал знатных людей страны, чтобы «обсудить, как хранит всемогущий бог вверенное ему кормило унаследованного им государства и бережет вечный покой его предшественников, и не обнаружил в делах ничего, заслуживающего сожаления или противного богу».

Однако подобные собрания не были постоянно функционирующим органом — они собирались от случая к случаю, не имели постоянного состава, определенного круга полномочий и установленного места проведения. Вначале они проходили под открытым небом, подобно собранию знати 892 г. перед церковью св. Марии в Бихаче (CD, р. 24). В дальнейшем, с появлением резиденций правителей собрания, очевидно, проводились в них. Так, в грамоте Крешимира от 1069 г. слово *senaculo* (верхний этаж), обозначающее место проведения представительного собрания (CD, р. 113), определено указывает на королевский дворец в Нине. Появление в хорватских источниках оппозиции «знать — малые люди», терминов «*proceres*» и «*nobiles*» в отношении слоя населения, имевшего социально-политические и экономические преимущества, подтверждает факт выделения в Хорватии привилегированного класса.

Основная роль в процессе классообразования принадлежала свободному сельскому населению. Для обозначения лично свободных крестьян, составлявших большинство сельских жителей, в источниках используются лишь термины широкого значения — «владельцы» (*possessores*), «вилланы» и др. Свободные крестьяне обладали как неразделенными общинными угодьями (альмендой), так и индивидуальными участками, об отчуждении которых имеется много данных.

Слой сервов, появившихся в имениях отдельных владель-

цев, как свидетельствует картулярий монастыря св. Петра (Супетарский картулярий), состоял, очевидно, не столько из лиц, утративших личную свободу, сколько из пришлых людей, происходивших из внутренних областей<sup>54</sup> и потому стоявших вне сельских общин, объединявших свободное население. Положение сервов было отличным от рабского. Их зачастую сажали на землю, которую они обрабатывали за часть урожая, использовались они и как пастухи. Однако определить их социальный статус, в частности идентифицировать их с феодально-зависимыми крестьянами, не представляется возможным вследствие противоречивости сведений<sup>55</sup>.

Уровень развития в Хорватии феодальных форм собственности во многом определялся особенностями хозяйственной деятельности, обусловленными спецификой природных условий — гористым рельефом местности, каменистой поверхностью и пр. Сельское население более чем на половине земельного фонда страны было вынуждено заниматься скотоводством или вести смешанное, с преобладанием скотоводства, хозяйство<sup>56</sup>. Немногочисленные участки земли, пригодные для обработки, были настолько разбросанными и раздробленными, что создание здесь крупных феодальных хозяйств не представлялось возможным.

Таким образом, путь феодализации, предполагавший создание вотчин с несвободными крестьянами, очевидно, не играл существенной роли в Хорватии. Основная форма эксплуатации заключалась во взимании подати с населения, проживавшего на подвластной землевладельцу территории. Однако и эта форма эксплуатации в рассматриваемый период, очевидно, еще не сложилась окончательно, поскольку употребляемый в источниках для обозначения такой подати термин «tributum» использовался также в отношении самого разного рода платежей — и налогов в пользу фиска (CD, р. 88, 90), и дани, выплачиваемой зависимым государством своему сюзерену (CD, р. 54—56). Тем не менее такие владения, собственники которых пользовались правом сбора дани с населения, можно рассматривать в качестве зарождавшихся форм феодалов. Их владельцы не были еще собственниками земли, но обладали определенными правами по отношению к проживавшим на ней крестьянам. Тем самым непосредственный производитель, еще сохраняя личную свободу, уже втягивался в феодальную зависимость.

Другой стороной процесса дифференциации свободного населения было выделение мелкой знати. Этот процесс отразился, видимо, в свидетельствах хорватских актов о заин-

тересованности свободных общинников в приобретении коней, необходимых, вероятно, для несения конной службы<sup>57</sup>. Полноправных свободных людей не без основания предлагают искать за пределами частных вотчин, на государственных (королевских) землях<sup>58</sup>. Налог, который выплачивали в пользу государства крестьяне этих земель, еще не трансформировался в феодальную ренту, поскольку в рассматриваемый период не произошло закрепления верховной собственности королей на землю свободных общинников-аллодистов. Крестьяне могли продавать землю без ведома короля за пределы королевства. На это указывает известный эпизод из картулярия монастыря св. Петра: король-Звонимир был вынужден отменить распоряжение о передаче своему родственнику Стрезу права взимать дань (*tributum*) на территории Мосора, так как выяснилось, что часть этой земли была продана крестьянами далматинскому горожанину, ибо земля рассматривалась как собственность «только тех, кто ее продал» (CD, p. 166). Подчинение свободного населения королю как главе государства, но не как землевладельцу обусловило специфику пожалований короля своим вассалам или верным людям. Сущность их состояла в передаче королем тех прав, которыми он сам обладал по отношению к жителям данной территории, прежде всего права сбора налога.

Некоторые сведения о порядке распределения государственных доходов позволяют говорить если не о наличии в Хорватии централизованной ренты, то по крайней мере о появлении некоторых присущих ей признаков. Так, по распоряжению князя Трпимира десятина «от всего, что родит земля», поступала в пользу сплитской церкви с княжеского двора (*ex curte*) в Клице. При отсутствии более достоверных сведений представляет интерес также сообщение Барского Анонима, что половина налога, собранного баном, и две трети — правителями жупаний, должны были поступать королю (LPD, p. 54—55).

Уровень развития классового общества во многом определялся формой существования семьи. К XII в. в хорватских землях основной общественной единицей была уже малая семья. Вместе с тем сохраняли устойчивость в Далматинской Хорватии и архаические формы семейных отношений, в частности большая семья в форме «братской» семейной общины<sup>59</sup>, включавшей представителей трех и более поколений и возглавляемой несколькими мужчинами-братьями. Удерживалась и коллективная семейная собственность, выражавшаяся в случаях обязательного согласия родственников на продажу или дарение участков земли,

в праве предпочтительной покупки родственниками недвижимости (СД, р. 133, 154), в ручательстве родственников и их ответственности за нанесенный ущерб (СД, р. 192—193).

Важным аспектом создания раннефеодального государства является определенность территории, над которой осуществлял власть ее правитель. Существование такой территории у хорватов признавалось иностранными авторами уже во второй половине IX в. Папа Иоанн VIII, обращаясь к хорватскому князю Бранимиру, посылал благословение ему и народу «всей его земли» (СД, р. 15); в 912 г., как указывает венецианская хроника Иоанна Дьякова, сын дожа Петр «нарушил границы хорватов» (Ioh. Dias., р. 132). Между тем вплоть до середины X в. (когда в сочинении Константина Багрянородного фиксируется политическое понятие «Хорватия») ни местные, ни иностранные источники не называли эту область Хорватией. Она обозначалась как «земля» хорватов или славян, а ее правитель — как князь (король) хорватов или славян. Естественно видеть в этом сохранение у населения раннего Хорватского государства черт прежнего племенного сознания, тем более что государство объединило группу племен, тесно связанных этническим родством. Этническая однородность, лежавшая в основе племенных связей, вероятно, осознавалась на начальных этапах истории государства сильнее, чем политическая общность.

Конкретная информация Константина Багрянородного о территории Хорватии противоречива. Перечисленные в 30-й главе хорватские жупании составляли лишь среднюю часть Далмации, тогда как территория Хорватии (и это отмечено в той же главе) простиралась от реки Цетине до Истрии (КБ, с. 292). Это противоречие объясняют двояко. С одной стороны, допускается, что сведения автора о жупаниях могли относиться к более раннему периоду (к IX в.), когда Хорватия занимала меньшую территорию, а известие о площади Хорватии — к середине X в.<sup>60</sup>; с другой — предполагается, что автор располагал сведениями лишь об одной части хорватских жупаний<sup>61</sup>. Из того же источника известно, что Хорватия граничила с Паганией по реке Цетине (КБ, с. 292), а предположительная граница с сербами в X в. проходила от Бреде и Биокова на север, далее между Ливно и Дувно к Пливе западнее Яйце<sup>62</sup>.

Экспансионистские устремления хорватских правителей отмечаются с начала IX в. Уже Борна приложил к этому немалые усилия, хотя ни ему, ни его преемнику Владиславу не удалось присоединить княжество Людевита. Об успешных шагах Трпимира с целью увеличения подвластной ему тер-

ритории сообщает бенедиктинский монах Готтшалк; его сведения о победе Трпимира над «народом греков» являлись, по всей видимости, известием об удачных боевых действиях князя против далматинских городов (прежде всего Сплита и Трогира), в результате которых он потеснил далматинских жителей на их пригородных территориях<sup>63</sup>. О расширении границ государства свидетельствуют и известия 30-й главы труда Константина о переселении части хорватов в «Иллирик и Паннонию», т. е. на территорию Славонии. Этим сообщением обосновывают предполагаемое объединение Посавья с Далматинской Хорватией в правление Томислава<sup>64</sup>.

Ни об организации, ни о внутренней жизни Славонии в это время ничего не известно. Однако данные о наличии у жителей «Иллирика и Паннонии» «самостоятельного архонта, который ради дружбы обменивался дарами с архонтом Хорватии», позволяют полагать, что Славония имела особый статус в пределах Хорватского государства. Обозначение ее жителей термином «хорваты» имело скорее политический смысл и не отвечало реальной этнической ситуации<sup>65</sup>.

Приблизительно в конце 60-х — начале 70-х годов XI в. в состав Хорватии вошли земли междуречья Цетише и Неретвы<sup>66</sup>.

По вопросу о присоединении к Хорватии Далмации в историографии определились две тенденции. Одни авторы, вольно интерпретируя известие переработанных актов сплитского церковного собора 925 г. о папском посольстве в «провинцию хорватов и далматинцев во владениях короля Томислава», обосновывают мнение о присоединении Далмации при Томиславе<sup>67</sup>. Этой точке зрения противоречат византийские источники X в. — так пазываемый Тактикон Бенешевича и труд Константина, согласно которым, в правление Томислава Далмация находилась на положении византийской фемы<sup>68</sup>. Другие историки относят создание хорватско-далматинского объединения (при сохранении значительной автономии далматинских городов) ко второй половине XI в., ко времени Петра Крешимира IV<sup>69</sup> либо короля Звонимира<sup>70</sup>.

В борьбе за присоединение далматинских городов проявилось не только характерное для ранних политических структур стремление к расширению подвластных земель — было выдвинуто и идеологическое обоснование этих устремлений хорватских правителей, поскольку названные города и собственно хорватские земли некогда составляли единую провинцию Далмация. Опорой для подобных притязаний служила хорватская церковная организация с центром в Нине. С появлением этой епископии в Далмации сложилась



противоречивая ситуация: юрисдикция сплитской церкви — прямой наследницы салонской — ограничивалась территориями диоцезов старых далматинских городов, тогда как нинская епископия охватывала большую часть территории бывшей салонской архиепископии. Первая попытка преодолеть это противоречие была предпринята в правление князя Брашмира, когда епископом Нина стал Феодосий (879—886). Избранный главой сплитской церкви в 886 г., он в течение короткого времени занимал сразу две епископские кафедры. Было ли это совпадение отражением политических объединительных концепций, разрабатываемых при дворе хорватских правителей<sup>71</sup>, сказать трудно, но то, что назначение нинского епископа на сплитскую кафедру содействовало усилению авторитета нинской церкви и увеличивало ее шансы на приобретение привилегий бывшей салонской церкви, является несомненным фактом. При следующем хорватском князе Мунцимире разгорелся спор из-за земельных владений церкви Георгия Путальского между преемниками Феодосия на нинском и сплитском епископских престолах — Альфредом и Петром. Спорные земли как наследие салонской церкви оба рассматривали в качестве собственности (CD, p. 23—24).

Уже к 925 г., когда состоялся сплитский церковный собор, при Томиславе и нинском епископе Григории, существовала реальная возможность объединения всех далматинских диоцезов под главенством нинского епископа. Далматинские клирики в решениях собора предусматривали эту опасность: «если король с вельможами Хорватии пожелают передать своему епископу все диоцезы в пределах нашей митрополии, ни один из нас по всему его государству не будет ни крестить, ни освящать церкви, ни посвящать священников» (CD, p. 32). Папа Иоанн X писал, что нинский епископ «пожелал присвоить себе старшинство среди далматинских епископов», не подтвердив, однако, приведенный пункт решений собора (CD, p. 35—36). Своим усилением нинский епископ был обязан, очевидно, авторитету самого папы Иоанна X и, особенно, Томислава<sup>72</sup>. На следующем сплитском соборе в 928 г., когда уже не было ни папы Иоанна, ни Томислава, нинская епископия была упразднена, ее диоцезы перешли под юрисдикцию сплитской церкви (CD, p. 37).

Из текста решений собора 925 г. ясно видно, что претензии нинского епископа Григория опирались на политические устремления короля и хорватской знати. Вполне возможно, что именно при Томиславе для обоснования прав

Хорватии и хорватской церкви на города Адриатического побережья начали создаваться легенды об автохтонности хорватов в Далмации, которые к XIII в. в хронике Фомы Сплитского выразились в убеждении автора об идентичности хорватов и античных куретов (HS, р. 27). Кроме того, в рассмотренных событиях угадывается стремление хорватских церковных и светских деятелей создать свою, независимую от сплитской архиепископии церковь. Возможно, сведения Константина Багрянородного о приятии хорватами крещения из Рима явились отражением этого стремления к автокефальной хорватской церкви.

Несмотря на неудачу в целом политикт Томислава, направленной фактически на присоединение далматинских городов, успехи в идеологическом ее обосновании были налицо. В дальнейшем хорватские правители, претендуя на расширение своей власти на византийскую Далмацию, принимали титул королей хорватов и далматинцев либо королей Хорватии и Далмации независимо от реального положения вещей.

Формирование основ территориально-административной структуры Хорватского государства относится, очевидно, к IX в. Принятие хорватами христианства является надежным основанием для предположения о наличии в княжестве Трпимира политической территориальной организации. Хотя жупаны (Клиса и Кливно), связанные с территориальным управлением, упомянуты в грамоте Мунцимира, термин «жупания» впервые зафиксирован лишь Константином Багрянородным, который обозначает этим термином 11 областей Хорватского государства. Названия жупаний не связаны с племенными наименованиями — они обозначали территориально-административные единицы Хорватии.

В сочинении Константина отдельно выделены три области (Криваса, Лика и Гуциска) с остатками аварского населения, находившиеся под управлением бана (КБ, с. 292). Аварские племенные институты воздействовали на формирование политико-административного устройства раннего Хорватского государства в результате длительного сосуществования славянских и аварских родовых структур<sup>73</sup>.

Поскольку число названных Константином жупаний близко к числу упомянутых им городов (9) (КБ, с. 292) и названия ряда жупаний и городов совпадают, не исключено, что города являлись административно-политическими центрами жупаний. На их укрепленный характер указывает их терминологическое обозначение у Константина — *кастр*. По своему внутреннему устройству города представляли

несколько разных типов. Так, во главе управления Биограда в XI в. стоял приор, и это определяет сходство внутренних порядков города с системой управления некоторых далматинских городов, особенно Задара. Другой крупный центр — Нин не имел приора, возглавляли город жупан и судья, что свидетельствует о специфических местных формах городского управления.

Не исключено, что, кроме городов — центров жупаний, в Хорватии имелись города, подвластные непосредственно королю. Вероятно, для Хорватии были характерны обычные в раннесредневековых государствах периодические поездки правителя по стране, являвшиеся основной формой его общения с подданными. Это требовало строительства нескольких резиденций для размещения его семьи, двора и свиты. Наиболее часто правители Хорватии наведывались в Бишач, Нин, Книн, Солин, Биоград, Шибеник, Омиш. Именно в округе этих городов лежали земли, составлявшие королевский домен (*terrae regalis*). Нин, Клис, Книн впоследствии развились в столичные центры, и строительство в них резиденций обозначило начальную стадию этого процесса. В оформлении столичных центров отразилось стремление государей опереться на церковную организацию: Нин и Книн в разное время были резиденциями епископов, Клис находился поблизости от Сплита — резиденции архиепископа. В IX—XI вв. в Нине, Клине и их окрестностях были возведены крупные церкви. Вокруг этих центров сосредотачиваются и старохорватские захоронения.

Массовые находки матриц и заготовок золотых перстней с гравированной звездой в окрестностях Книна свидетельствуют о развитии здесь золотого дела и, возможно, других ремесел по производству предметов роскоши, обозначая, таким образом, близкое местонахождение резиденции правителя<sup>74</sup>. Предполагается также наличие в указанных центрах и их округе мастерских по производству оружия, керамики и другой продукции<sup>75</sup>. Кроме административной, военной и ремесленной, хорватские города осуществляли также торговую функцию. Нин служил, вероятно, центром морской торговли, что доказывают находки в его окрестностях остатков судов для прибрежного плавания, датированных XI в.<sup>76</sup> Все это позволяет определить Нин и Книн как крупные многофункциональные городские поселения со сложной структурой, восходившей к начальным этапам хорватской государственности и включавшей двор правителя и связанные с ним службы, а также комплекс светских и церковных построек.

Появление столичных поселений на ранних стадиях образования государства отмечено и в Славонии. На месте центра политического объединения Людевита Посавского (Сисака) открыты следы интенсивной жизни в IX—X вв., в том числе и следы мастерских по производству предметов роскоши <sup>77</sup>.

Функционирование одних и тех же городов и как столичных государственных центров, и как центров жупаний оправдывает гипотезу о существовании в раннесредневековой Хорватии двух систем местного управления — жупанийской и организованной по округам, возглавляемым, по всей видимости, дворниками как представителями королевской власти на местах <sup>78</sup>.

Как осуществлялось территориальное управление в Хорватии, каким образом избирались или назначались жупаны, неизвестно. Однако при всей фрагментарности сведений они позволяют сделать ряд предварительных заключений. Возможно, в частности, использование косвенных данных о жупанах-свидетелях в грамотах второй половины XI в. — при всех неизбежных лакунах это достаточно подробный материал. Прежде всего следует отметить частую сменяемость жупанов и нефиксированность срока их полномочий. Так, жупан Цетине Драгомир, упомянутый под 1069 г., сменил в 1070 г. Вилчиной, а в 1076 г. жупаном Цетине назван уже Прибипа. Сходное положение наблюдалось и в других жупаниях. Исключением из этого правила был нинский жупан Адамиз, упомянутый в грамотах 1062—1078 гг. Он был близок к королю, принимал активное участие в делах государства. Видимо, имело место вмешательство короля в назначение жупанов или по крайней мере учитывались его рекомендации. В легендарных сведениях Дуклянской летописи также указывается на выбор королем жупанов (LPD, p. 55). Показательно, что ни один из жупанов, приближенных к Крешимиру IV, кроме Адамиза, не выступал свидетелем в грамотах Звонимира. Более того, если Крешимир опирался на жупанов Нипа, Сидраги, Луки и некоторых других (судя по частоте упоминаний в грамотах их имен), то в грамотах Звонимира жупаны Луки и Сидраги уже не называются. Очевидно, среди жупанов существовала иерархия, место в которой определялось правителем.

Впрочем, нельзя отрицать также влияния самого кандидата на пост главы жупании, добивавшегося его, видимо, в борьбе с другими кандидатами. В одной из грамот пачала 70-х годов XI в. в качестве свидетелей названы два жупана Луки — Векемир и Кузьма (CD, p. 116—117),

а в дальнейшем лишь второй именуется лучским жупаном. Адамиз упоминается в качестве единственного нинского жупана в 60-е годы, в 1070 г. наряду с ним появился еще один жупан Нина — Десинна, который впоследствии называется в общем ряду «свидетелей», тогда как Адамиз выделен особо.

Редкие упоминания в грамотах поджупанов (*podjuppus*, *podsuppus* и др.) и сотников (*sethic*, *sithic*, *setenic* и др.) как лиц, находившихся в ведении жупанов, не дают представления об их функциях. Сотники фигурируют в качестве свидетелей при королевских дарениях и различных сделках, что предполагает наличие у них административных функций. Жупаны вместе с сотниками, возможно, участвовали в судопроизводстве (LPD, p. 55). Сотники могли иметь и военные обязанности.

Рассматривая порядок управления жупаниями, следует учитывать сведения о том, что должность правителя жупании носила почетный характер, а ее исполнение было в значительной степени номинальным. Показателен в связи с этим пример брибирского жупана Будеца, исполнявшего наряду с должностью жупана обязанности постельничьего при короле Крешимире IV (CD, p. 114). Характерно и длительное пребывание многих жупанов возле королевской особы, как видно из перечней свидетелей королевских грамот. Видимо, центральная власть стремилась стабилизировать территориальное управление и ограничить влияние местной аристократии. С этим, очевидно, связаны и частая сменяемость жупанов, и предполагаемое введение административного деления на округа, руководимые королевскими чиновниками.

Неясной остается организация хорватского войска. Археологические материалы указывают на существование конницы, вооруженной дорогим импортным снаряжением, и пешего войска. Данные Константина Багрянородного о хорватском войске в правление Томислава, безусловно, преувеличены, но тем не менее отражают его структуру: Хорватия выставляла конницу «до 6000 воинов, пешее войско — до ста тысяч», длинных судов — до 80, а кондур — до 100, «длинные суда имеют по 40, а кондуры — по 20 мужей (экипажа), мелкие же кондуры — по 10 мужей» (КБ, с. 293). Наряду с королевским войском, имелись, видимо, свои военные отряды и у жупанов (см. CD, p. 156).

В целом Хорватское раннефеодальное государство не обладало внутренней стабильностью. Сопротивление централь-

ной королевской власти со стороны знатных родов, стремление феодальной аристократии к полной собственности на подвластные земли и к неограниченной власти на них, отсутствие у хорватских правителей прав верховной собственности на территорию страны, этническая и политическая разобщенность составляющих Хорватское государство к концу XI в. областей (Далмации, Далматинской Хорватии и Славонии) — все это привело к дестабилизации и без того шаткой политической структуры Хорватии и облегчило ее переход под власть венгерского короля. После смерти Звонимира венгерский король Ласло без труда занял Хорватию и посадил на хорватский престол своего племянника Алмоша.

Последнюю попытку отстоять независимость государства, как свидетельствуют венгерские источники, предпринял хорватский король Петр, который безуспешно сопротивлялся в 1102 г. войску венгерского короля Кальмана, в том же году коронованного хорватской короной. Хорватская знать была включена в феодальную иерархию Венгерского государства, но сохранила свои позиции на хорватских территориях. Поэтому дальнейшее развитие феодального порядка в Хорватии в рамках Королевства Венгрии определялось междоусобной борьбой хорватской знати за земли и влияние.

<sup>1</sup> См. об этих спорах: *Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*. Zagreb, 1971, s. 55—92; *Beuc I. Još o problemu formiranja feudalnih država u Južnih Slavena*.— In: Radovi, (Zagreb), 1976, N 8, s. 98—161; *Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, с. 18—80.

<sup>2</sup> Историографию вопроса см.: *De adm. imp.*, II, p. 116—117, ВИНН, т. II, с. 30.

<sup>3</sup> *Ditten H. Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jh.*— In: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jh. Pr., 1978, S. 452.

<sup>4</sup> *Тъпкова-Заимова В.* Византия и образването на средновековните балкански държави.— В кн.: България в света от древността до наши дни. С., 1979, т. 1, с. 48.

<sup>5</sup> *Ljubinković M. Ka problemu kontinuiteta Iliri — Slaveni*.— In: Centar za balkanološka ispitivanja Akademije nauka i umjetnosti Bosnije i Hercegovine. Sarajevo, 1969, knj. 12. Posebna izdanja, s. 205.

<sup>6</sup> *Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara*. Zagreb, 1925, s. 271.

<sup>7</sup> *Zastěrová B. Zu einigen Fragen aus der Geschichte der slawischen Kolonisation auf dem Balkan*.— In: Studien zum 7. Jh. in Byzanz. B., 1976, S. 65; ср.: *Beuc I. Još o problemu...*, s. 108.

<sup>8</sup> Наиболее аргументированной признается теория о двух волнах славянского переселения на Балканы; см. об этом: *Бромлей Ю. В.* Становление..., с. 10—11; *Klaić N. Povijest...*, s. 63—65.

- <sup>9</sup> История Югославии. М., 1963, т. 1, с. 49; Historija naroda Jugoslavije. Zagreb, 1953, т. 1, с. 177.
- <sup>10</sup> Наумов Е. П. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности.— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 168—169.
- <sup>11</sup> Klaić N. Povijest..., с. 146—148.
- <sup>12</sup> Археологические раскопки на территории современной Югославии свидетельствуют об отсутствии в этом районе сколько-нибудь заметного влияния материальной культуры германских племен (остготов, лангобардов), селившихся здесь в период завоеваний конца V—VI в. (*Bierbrauer V. Jugoslawien seit dem Beginn der Völkerwanderung bis zur slawischen Landnahme: Die Synthese auf dem Hintergrund von Migrations- und Landnahmevorgängen.*— In: Jugoslawien. Integrationsprobleme in Geschichte und Gegenwart. Göttingen, 1984, S. 49—97).
- <sup>13</sup> Belošević J. Materijalna kultura Hrvata od VII do IX stoljeća. Zagreb, 1980, с. 69—70.
- <sup>14</sup> Batović Š. Istraživanje ilirskog naselja u Bribiru.— Diadora. Zadar, 1968, sv. 4, с. 85—90.
- <sup>15</sup> Belošević J. Materijalna kultura..., с. 82.
- <sup>16</sup> Bošković Dj. Réflexions sur la réurbanisation médiévale du territoire central des Balkans.— In: III Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. Br., 1975.
- <sup>17</sup> Belošević J. Die ersten slawischen Urnengräber auf dem Gebiete Jugoslawiens aus dem Dorfe Kašić bei Zadar.— Balcanoslavica, 1972, N 1, p. 73—86.
- <sup>18</sup> Batović Š., Oštrić O. Tragovi ilirske kulturne baštine u narodnoj kulturi našeg primorskog područja.— In: Centar..., с. 252—253.
- <sup>19</sup> Rapanić Z. Prilog proučavanju kontinuiteta naseljenosti u salonitanskom ageru u ranom srednjem vijeku.— VAHD, 1980, т. 74.
- <sup>20</sup> См.: Suić M. Marginalne bilješke uz rad N. Klaića.— Sociologija sela. Zagreb, 1978, g. 16, br. 61—62, с. 135.
- <sup>21</sup> Авторы «Истории народов Югославии» (с. 170—171) именно к VIII в. относят создание «мощного слоя богатой племенной аристократии».
- <sup>22</sup> Belošević J. Materijalna kultura..., с. 91—92, 129, 131.
- <sup>23</sup> Vinski Z. Zu den Waffenfunden in Bereich des Altkroatischen Staates bis zum Jahre 1000.— In: I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej, 1965. W-wa, 1970, т. III, с. 147—148.
- <sup>24</sup> В 1853 г. в Венеции была найдена каменная купель с именем князя Вышеслава—(*Vuissaslavo duci*). Итальянский ученый Дж. Феррари-Купилли предположил, что она происходит из баптистерия Нина и принадлежит хорватско-далматинскому князю. Датировка надписи приблизительно 800 г., предложенная в начале XX в. Л. Еличем и Ф. Шишичем, утвердилась в хорватской историографии. Так, Вышеслав оказался первым известным хорватским князем, которого нередко считают отцом Борны (историю вопроса см.: *Petricioli I. Osvrt na ninske gradevine i umjetničke spomenike srednjega vijeka.*— RIZ, 1969, sv. 16—17, с. 315—317). Однако ранняя датировка памятника ненадежна, не дали пока ощутимых результатов и раскопки баптистерия Нина.
- <sup>25</sup> О влиянии Карантании на формирование ранних государств в дру-

- гих славянских землях см.: *Łowmiański H. Początki Polski. W-wa, 1968, t. 4, s. 259.*
- <sup>26</sup> An Franc., p. 150—151.
- <sup>27</sup> См.: *Antoljak St. Da li bi se još moglo bi se reci o brvatskim knezovima Borni i Ljudevitu Posavskom.*—Годишеш зборник на филозофскиот факултет на универзитет во Скопје, 1967, кн. 19, s. 133.
- <sup>28</sup> ВИНП, т. II, с. 42.
- <sup>29</sup> *Ферлуга J. Византија и постапак најраниј ихјужнословенских држава.*—ЗРВИ, 1968, т. II, с. 58—60.
- <sup>30</sup> Распространенная в начале XX в. в хорватской историографии теория о превращении в привилегированное сословие потомков переселившихся на Балканы хорватов, подчинивших местных славян и автохтонов (В. Клаич, К. Ирачек, Л. Гауптман и др.), ныне обоснованно отвергнута.
- <sup>31</sup> Упоминание крепости важно, поскольку возникновение у южных славян крепостей приходится именно на раннегосударственный период (*Kurnatowska Z. Słowiańszczyzna południowa. Wrocław, 1977, s. 117.*).
- <sup>32</sup> *Dvornik F. Byzantium, Rome, the Franks and the christianisation of the Southern Slavs.*—In: Cyrillo-Methodiana. Köln; Graz, 1964, p. 90.
- <sup>33</sup> *Belošević J. Materijalna kultura...*, s. 78—79.
- <sup>34</sup> *Klaić N. Povijest...*, s. 191—206; *Belošević J. Materijalna kultura...*, s. 98.
- <sup>35</sup> Ср.: *Dvornik F. Byzantium...*, p. 99.
- <sup>36</sup> *Janković D. Istorija država i prava naroda Jugoslavije. Beograd, 1957, t. I, s. 55 i d.*
- <sup>37</sup> См.: ВИНП, т. II, с. 18—19.
- <sup>38</sup> *Тънкова-Заимова В. Византия, България...*, с. 49.
- <sup>39</sup> *Наумов Е. П. Возникновение...*, с. 169—171.
- <sup>40</sup> Предположение о том, что Бранимир был сыном Домагоя (*Historija naroda Jugoslavije, s. 190*), не находит подтверждения в источниках.
- <sup>41</sup> В Дуклянской летописи сохранилось предание о борьбе Томислава с венграми: «Во время правления Томислава венгерский король по имени Аттила (имеется в виду Арпад.—*О. А.*) двинул войско, чтобы разбить его. Но король Томислав, ведя с ним многочисленные войны, всегда обращал его в бегство» (*LPD, p. 58*).
- <sup>42</sup> Ср.: *Klaić N. Povijest...*, s. 314.
- <sup>43</sup> См.: *Čirković S. Istorija srednjovekovne bosanske države. Beograd, 1964, s. 40*; ср.: *Historija naroda Jugoslavije, s. 561*.
- <sup>44</sup> *Thomas Arcidiaconus. Historia Salonitana. Zagrabiae, 1895, p. 37—39.*
- <sup>45</sup> *Margetić L. Odnosi Petra Krešimira i pape prema Korčulanskom kodeksu.*—*VAHD, 1980, t. 74.*
- <sup>46</sup> См., например: *Karaman Lj. Živa starina. Zagreb, 1943, s. 56.*
- <sup>47</sup> *Beuc I. Rex i regnum na nadgrobnom natpisu kraljice Jelene.*—In: *Starine. Zagreb, 1980, knj. 58, s. 1—8*; критический разбор мнений о возможности коронования хорватских правителей в X в. см.: *Wasilewski T. Geneza titulu «rex chroatorum».*—*Pamiętnik słowiański. Wrocław, 1967, t. 17, s. 149—160.*
- <sup>48</sup> *Klaić N. Povijest...*, s. 291.
- <sup>49</sup> *Museum of the croatian archeological monuments. Split, 1980, p. 51—53.*



- <sup>50</sup> Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 72—73.
- <sup>51</sup> Там же, с. 74.
- <sup>52</sup> Там же, с. 74—75; ср.: *Rapports du III Congr. Intern. d'archeologie slave Bratislava, 1980, vol. II, p. 141.*
- <sup>53</sup> См.: *Грачев В. П.* Сербская государственность в X—XIV вв. М., 1972, с. 286.
- <sup>54</sup> *Макова Е. С.* К истории генезиса и развития феодальной земельной собственности у южных и западных славян.— В кн.: Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979, с. 131.
- <sup>55</sup> Ср.: *Бромлей Ю. В.* Становление..., с. 130.
- <sup>56</sup> По современным оценкам, лишь 36% территории Северной и 58% Средней Далмации пригодны для сельскохозяйственной эксплуатации, из них малоценные пастбища составляют соответственно 90 и 60% этих площадей (*Rogić J. Hrvatska, III. Regije.*— In: *Enciklopedija Jugoslavije, Zagreb, 1960, t. IV.*).
- <sup>57</sup> *Бромлей Ю. В.* Становление..., с. 317—318.
- <sup>58</sup> *Бромлей Ю. В.* Некоторые аспекты изучения статуса свободных общинников в раннесредневековых славянских государствах.— В кн.: Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982, с. 133.
- <sup>59</sup> *Бромлей Ю. В.* Становление..., с. 149.
- <sup>60</sup> *Новаковић Р.* О неким питањима граница Србије, Хрватске и Босне у X в.— *Зборник филозофског факултета Београдског универзитета, 1963, књ 7, д. 1, с. 156.*
- <sup>61</sup> *Ферјанчић Б.* Структура 30 главе списка *De administrando imperio.*— *ЗРВИ, 1978, т. 18, с. 76.*
- <sup>62</sup> *Новаковић Р.* О неким..., с. 177.
- <sup>63</sup> *Klaić N. Povijest..., s. 225; Katić L. Saksonac Gottschalk na dvoru kneza Trpimira. Zagreb, 1932, s. 8.*
- <sup>64</sup> *Grafenauer B. Prilog kritici izveštaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata.*— In: *Historijski zbornik. Zagreb, 1952, god. 5, br. 1—2, s. 30—31; ср.: Ферјанчић Б.* Структура..., с. 75; *Antoljak St.* Обновљено и надопunjено тумачење једнога пасуса у 30-тој глави *Porfirogenitovog De administrando imperio.*— В кн.: *Годишен зборник. Скопје, 1979—1980, кн. 5—6, с. 63—85.* Подсчеты Б. Графенауэром численности населения Хорватии при Томиславе, видимо, преувеличены — 500 тыс. человек при плотности 10 человек на 1 кв. км (*Grafenauer B. Zgodovine slovenskega naroda. Ljubljana, 1964, t. 1, s. 291—293.*).
- <sup>65</sup> Характерно, что источники вплоть до позднего средневековья называют эту территорию Склавинией, Славинией и т. п., а ее обитателей — просто склавинами, славянами и пр., тогда как собственно Хорватия и хорваты (хотя и к ним иногда также применялись подобные наименования) сохраняли свое название.
- <sup>66</sup> *Beuc I. Još o problemu..., s. 120.*
- <sup>67</sup> *Historia Salonitana major/U* ред. Н. Клаић. Београд, 1967, с. 98. См.: *Ferluga J. L'amministrazione Bizantina in Dalmazia, Venezia, 1978, p. 186;* помимо приведенной автором литературы, также см.: *Lučić J. Hrvatska na Jadranskom i podunavskom prostoru u IX i X st.*— In: *Starine. Zagreb, 1980, knj. 58, s. 19.*
- <sup>68</sup> *Ферлуга Ј.* Византиска управа у Далмацији. Београд, 1957, с. 81—87.
- <sup>69</sup> *Ferluga J. Byzantium on the Balkans. Amsterdam, 1976, p. 147.*
- <sup>70</sup> *Klaić N. Povijest..., s. 387—389.*

- <sup>71</sup> См.: *Lučić J.* Nin u IX stoljeću.— In: *Povijest grada Nina*. Zadar, 1969, s. 385.
- <sup>72</sup> Мнение о поддержке Томиславом сплитского архиепископа (*Fine J.* The early medieval Balkans. Ann Arbor, 1983, p. 269) не находит подтверждения в источниках.
- <sup>73</sup> *Suić M.* Marginalne bilješke..., s. 133.
- <sup>74</sup> *Gunjača S.* Postojanje jednog centra za izradjivanje starohrvat skog nakita.— *VAHD*, 1954—1957, T. 56—59, s. 231—237.
- <sup>75</sup> *Belošević J.* Materijalna kultura..., s. 96, 109, 113—114.
- <sup>76</sup> *Brusić Z.* Nin, Ždrijac — starohrvatski brodovi.— *Arheološki pregled*, Beograd, 1974, t. 16, s. 133—144, tabl. 57—59; Константин Багряно-родный пишет о распространении морской торговли хорватов «вплоть до Венеции» (*De adm. imp.*, t. I, p. 151).
- <sup>77</sup> *Horvat A.* O Sisku u starohrvatsko doba na temelju pisanih izvora i archeoloških nalaza.— *Starohrvatska prosvjeta*, Zagreb, 1954, N 3, s. 95—104; *Vinski Z.* O postojanju radionica nakita starohrvatskog doba u Sisku.— *Vjesnik archeološkog muzeja u Zagrebu*, 1970, s. III, N 4, s. 45—92.
- <sup>78</sup> *Бромлей Ю. В.* К реконструкции административно-территориальной структуры раннесредневековой Хорватии.— В кн.: *Славяне и Русь*. М., 1968.





## Глава седьмая

# ГОРОДА-КОММУНЫ ДАЛМАТИНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ (VII — середина XIII в.)

**И**стория раннесредневековой государственности на Балканах неполна без истории городов Адриатического побережья полуострова. Здесь целая россыпь городских центров: в Истрии (Пула, Пореч, Риека), в Далмации (Задар, Дубровник, Сплит); на так называемом Черногорском Приморье (Котор, Будва, Улцинь); наконец, в Албании (Влора — Валона, Дуррес — Диррахий, Драч). Многие из них были коммунами, а Дубровник самостоятельным государством — Дубровницкой республикой. История местных городов представляет интерес для истории балканской государственности в нескольких отношениях.

Прежде всего потому, что опыт, накопленный городами в административной, правовой и дипломатической областях, активно использовался другими балканскими государствами. Такова, например, роль городов с далматинского побережья — Задара, Дубровника, Сплита, Трогира. Это было реальное взаимодействие в рамках средневековой эпохи. Однако сочетание понятий «далматинский город» и «балканское государство» важно для исследователя еще и потому, что, реконструируя, например, исчезнувший облик Боснийского государства, он не может игнорировать развитие средневекового Дубровника, особенности его предгосударственной и государственной истории. Хотя в рассматриваемый период ни один из этих городов не стал в полном смысле государственным организмом, они постепенно обретали элементы административной (правовой, судебной) структуры, которые составили фундамент будущей государственной системы. Изучение этих элементов способно пролить дополнительный свет на пути развития политической жизни в разных регионах Балкан и на полуострове в целом. Особый интерес представляет также изучение той общности, того социума, который обычно именуется городской общиной. Ее характерные черты весьма многообразны. Определяю-

щее значение имели ее внутренние социальные связи, ее потенции для последующего государственного развития. Наличие каналов связи с местной округой позволяло городской общине восполнять свои демографические потери, а ее сплоченность — совершать первые акции в пользу города, оборонять его, строить укрепления и т. п. Экономическая устойчивость города определялась наличием у него собственной хозяйственной базы. Возможно, обособленность городского социума отразилась и в сфере сознания, позволяя горожанам ощущать себя выше поселян округи и на этом основании претендовать на верховенство над ними.

При подходе к истории города как политической структуры закономерно выяснение взаимоотношений между ним и теми государственными образованиями, в состав которых он (формально или по существу) входил. Не исключено, что по отношению к континентальным городам, теснее связанным с Хорватским, Сербским или Боснийским государствами, либо для сравнительно более позднего времени, когда пачался процесс централизации, подобного рода анализ может привести к важным научным наблюдениям. Для далматинских же городов, находившихся «на отшибе», и для столь ранней эпохи исследование названного вопроса мало перспективно, и он затрагивается в данной главе лишь попутно.

Прежде всего рассмотрим природные условия данного субрегиона. Далмация обладает рядом черт, которые содействуют сложению специфических форм человеческого общения. Здесь очень тепло, на побережье сходятся несколько природных зон, и население могло прожить, используя на выбор разные занятия — выращивать по два урожая в год, кормиться от моря, разводить скот. Впрочем, все эти занятия требовали активного торгового обмена: скудость здешних почв диктовала необходимость в постоянных закупках хлеба на стороне; интенсивный характер местного земледелия обуславливал нужду земледельца, возделывавшего оливы, лозу, садовые и огородные культуры, в рынке; рано развившиеся рыболовство и солеварение дополнительно стимулировали рыночные интересы. Это отразилось и на характере местных общин, их административные институты не отличались замкнутостью, они были открыты воздействию соседних обществ. Далматинские города развивались в русле богатой административной традиции, идущей из соседних средиземноморских областей, в первую очередь из Италии.

Впрочем, эти связи не ограничивались одной Италией. Природные условия Далмации таковы, что напоминают скорее греческий юг Балканского полуострова, чем Апеннин-

ский полуостров. Здесь много островов, где жизнь местных общин сама природа ограничила узкими рамками, да и на материке округа городов была стеснена ближайшими горами. Так сложилась та миниатюрность местных мирков, которая предполагает естественную связь города с пригородной зоной по образцу, известному еще в античности. Отсюда и некоторая аналогия с полисными порядками, которая возникает у всех, изучающих далматинские города. О ней будет особо сказано в дальнейшем.

Античное население требует внимания при рассмотрении раннесредневековой истории далматинских городов прежде всего потому, что оно представляло здесь живую реальность — античные муниципии, возникшие на восточном побережье Адриатики задолго до нашей эры и дожившие до крушения римской государственности. Почти каждый из тех городов, которых пойдет речь ниже, имел в древности своего античного предшественника. Это: Задар (антич. Ядер), расположенный на небольшом полуострове; Сплит (от античн. Аспалатос), возникший на месте дворца, который некогда построил для себя Диоклетиан; расположенный на крошечном островке Трогир (античн. Трагуриум). Наконец, на юге Далмации находится один из самых известных балканских городов — Дубровник, стяжавший себе в позднее средневековье мировую известность своей торговлей, мощным флотом и яркой культурой.

Упадок этих городов явственно обозначился в годы варварских вторжений. Правда, готы, пройдя вдоль побережья в IV—V вв., обошли города стороной<sup>1</sup>. Оставаясь независимыми под управлением своих проконсулов в V в. и возвратившись под власть империи при Юстиниане I, местные города переживали кризис, но не исчезли. Упадок был значителен — в главном городе Далмации — в Салоне, где некогда было 40 или даже 60 тыс. жителей, пустовали скамьи цирка, рассчитанного на 18 тыс. зрителей; во дворце Диоклетиана близ Салоны разместились ткацкие мастерские, значительно уменьшилось от этой эпохи число монетных находок. Но все же виллы «*possessores magnates*» сохранялись, возводились в V—VI вв. и церкви внутри городских стен. Крупные перемены наступят позже — лишь в первой трети VII в.

Около 614 г. очередная волна славянских вторжений докатилась до Центральной Далмации. Судя по свидетельствам Константина Багрянородного<sup>2</sup> и сплитского хрониста и историка XIII в. архидиакона Фомы<sup>3</sup>, Салона была взята, подверглась разгрому и грабежу, жители попали в плен

или бежали. Бесспорны два обстоятельства, во-первых, после сокрушительного разорения начался новый этап в истории далматинских городов. Во-вторых, города пострадали в неодинаковой степени. Одни, как Ядер или Трагуриум, устояли под натиском врагов и уцелели, другие, как Салона и Эпидавр, были захвачены и разрушены, а часть их жителей бежала. Основанные этими беженцами города (Сплит — салонитанцами; Рагуза, буд. Дубровник, — эпидаврами) были выстроены совершенно заново. И тем не менее в обоих случаях имело место прямое продолжение античных традиций. Поэтому, по всей вероятности, можно говорить о сохранении в городах того времени, хотя и в разной мере, элементов преемственности с позднеантичным муниципием<sup>4</sup>. Однако в целях выяснения специфики в развитии разных городов необходимо отличать новооснованные города от городов «старого корня».

К сожалению, сведений о переменах, происшедших в Далмации в VII—VIII вв., крайне мало. Несомненно, впрочем, что города попали в сферу воздействия нескольких внешних сил. В ходе VII—VIII вв. они стали фактически независимыми от Константинополя; в начале IX в. Задар совершенно самостоятельно вступал в сношения с империей Карла Великого. Затем пришла пора постепенного восстановления византийского суверенитета на побережье: в далматинские воды был послан византийский флот и по Ахенскому миру 812 г. с франками города формально вернулись во власть империи. Претендовали на господство здесь и сицилийские арабы, которые в 866—867 гг. в течение 15 месяцев осаждали Дубровник.

В ходе этой осады городская община проявила большую сплоченность. Горожане спасли себя также потому, что заранее окружили город кольцом стен. И позднее, на протяжении столетий, в Дубровнике продолжалась энергичная градостроительная деятельность. Процесс застройки и укрепления городского пространства особенно интересен в его дубровицком варианте, где город возник на пустом месте и его застройка началась с «нулевой отметки».

По сообщению Константина, беженцы из Эпидавра укрылись в «обрывистых местах» (*De adm. imp.*, I, p. 134). Ныне не сомневаются в том, что этих мест было несколько: раскопки на возвышенностях Спилан и Градац (к востоку от современного Дубровника) показали, что эти места были заселены в VII в. Вскоре, однако, как наиболее безопасный был избран скалистый участок в нескольких десятках метров от берега, под современной горой св. Срдж («гора

св. Сергия»). Пришельцы заселили вначале даже не все пространство этой скалы—им вполне хватило ее западной оконечности. Обрывистые утесы были укреплены каменными стенами, сложенными пасухо, а образовавшаяся небольшая крепость так и была названа — «Каштель». Так возникла первая часть («секстерий») будущего города. Вскоре ново-прибывшим стало тесно, и на прилегающем куске острова возник новый квартал. Его в VIII в. окружили уже более прочной стеной, камнем с известью, а с северной стороны — даже крепкими башнями. Это была пологая сторона, открытая в направлении к протоке, точнее, гнилому болоту, отделявшему островок от материка. Город продолжал расширяться — в VIII—IX вв. возник еще один квартал. Теперь их было уже три: Каштель, св. Петр и Пустиерна. Скала была заселена полностью. Сложился «Старый город», отчетливо демонстрирующий и поныне в этих узких пределах свою квартальную структуру: кварталы и секстерии были неодинаковыми, построенными в разное время и по-разному.

В узкой части болотистой протоки в X в. были возведены сначала церковь св. Влаха и при ней приход, предместье Приеко (т. е. «По ту сторону»), а в XI в. началась засыпка протоки. На ее месте появилось сначала поле, а затем и широкая улица — Паца (или Страдун). Немного позднее, в XI—XII вв., по склону горы будут построены жилые дома и проложены улицы, возникнет четвертый секстерий города («Новый город»), в несколько раз больший, чем весь старый город. В этих границах, достигнутых в XII в. (15,5 га), город прекратил свой рост: освоение городской территории закончилось<sup>5</sup>.

Чрезвычайно важно, что возведение жилых и общественных зданий, стен и башен, засыпка болот и прокладка улиц явились одновременно своеобразным способом формирования городской общины. В городе, который не имел под собой античной основы, именно застройка стала наиболее действенным способом создания городской общины. А в Дубровнике, где все эти работы были особенно трудны, они дали и дополнительный психологический результат: приходилось жить на крутой и малодоступной скале, под ногами была не почва, а голый камень, в котором нельзя было пробить колодец. Преодоление этих трудностей заметно сказалось на внутреннем облике горожан, способствуя воспитанию в них упорства, стойкости, жизненной цепкости и энергии. На это впоследствии не раз обращали внимание современники-иностранцы.

Градостроительная история средневекового Задара протекала совершенно иначе. У жителей города было все, что требовалось для жизни. В течение столетий они сохраняли обширное городское пространство (ок. 25 га), позволившее им иметь при домах дворы и даже сады, соблюсти геометрическую схему расположения улиц, построить множество культовых зданий. Традиции упорядоченной городской жизни здесь были прочными. Никакой серьезной ломки они не пережили. Разве что в VII—X вв. пришел в упадок античный форум и возник новый рыночный центр Задара — «Большая площадь», да начали возводиться, перерезая античный «кардо», дома состоятельных горожан<sup>6</sup>. В остальном все сохранилось по-старому, и первые столетия средневековья задартинцы не имели серьезных градостроительных забот. Характерно, что и по сей день не установлена хотя бы приблизительно дата возведения одной из самых знаменитых церквей города — трехапсидной ротонды св. Доната (св. Троицы); ее относят к периоду от VI до начала IX в.<sup>7</sup>

Античное прошлое далматинских городских центров, которое постоянно заявляло о себе при застройке или перестройке городов «старого корня», не менее ощутимо проявляло себя в ходе их этнического развития. И старые и запозво основанные города населяли в VII—VIII вв. потомки римлян (Romani) и романизированные местные жители. Конечно, в облике этих жителей, судя по тому отпечатку, который они наложили на местную топонимику, сохранялись черты доримского, иллирийского прошлого. В частности, иллирийским является корень и топонима «Рагуза» (Rausij)<sup>8</sup>. Однако доминантой в этническом развитии городов продолжала оставаться их «romanità». Антропонимия завещания задарского приора Андрея от 918 г. свидетельствует о ничтожно малом проценте славянского населения в городе: из 30 имен в завещании только два славянских<sup>9</sup>.

На трудные вопросы о времени первых вторжений славян и о характере их воздействия на местное городское население пытался ответить в конце XIX в. К. Иречек. Подвергнув анализу антропонимию множества текстов из материковых и островных архивов, он пришел к выводу, что Дубровник, Трогир, Сплит, Задар, а также Крк, Раб, Котор, Улцинь оставались по преимуществу романскими городами еще в XIII в.<sup>10</sup> Выдвинутая в противовес Иречеку концепция хорватского историка И. Строхала<sup>11</sup>, согласно которой города с самого начала своего возникновения носили хорватский характер, отвергнута как бездоказательная. Однако



с 20-х годов XX в. и поныне все чаще предпринимаются попытки лингвистическим путем обосновать более ранний, чем это предполагал К. Иречек, срок славянизации населения далматинских городов. Новые важные выводы на этом пути получила В. Якич-Цестарич, предложившая для классификации имен метод учета не только славянских корней, но и славянских суффиксов: -онья, -еха, -оша, -еща, -ица, -ача. Учитывает она при этом также и романские суффиксы, такие, как -ullus, -ellus, -inus, -anus, -etta и пр. Общий результат ее подсчетов оказался не в пользу романского населения. Выяснилось, что с X по конец XIII в. в опубликованных документах из Задара встречается 524 преобразованных с помощью суффикса имени, из которых 72 имеют романские суффиксы, а 462 — славянские<sup>12</sup>. Картина славянизации предстает иной, хотя речь идет о городе с очень сильными традициями континуитета. Когда папа Александр III на пути в Венецию в 1177 г. остановился в Задаре, клир и народ встретил его и проводил в собор громкими славословиями и песнопениями «на их славянском языке» (*in eorum sclavica lingua*)<sup>13</sup>.

Конечно, цифры, касающиеся женского населения, не столь надежны — женщины не выступали в качестве свидетелей. Так, в документах X в. соотношение славянских и неславянских женских имен составляет 1 : 3. Но и в данном случае очевиден быстрый рост славянского населения в городе; в XI в. указанное соотношение выглядит уже как 8 : 9, а в XII в. — как 1 : 1<sup>14</sup>.

По отношению к Дубровнику установлено, что уже ок. 1200 г. славянский элемент в нем был весьма значительным, а в состав верхнего слоя города (патрициата) славяне проникли, по-прежнему, еще до 1100 г.<sup>15</sup> Что же касается Сплита, то он уже в XII в. был по преимуществу хорватским городом<sup>16</sup>, а Трогир, по новейшим данным, стал хорватским уже в XI в.<sup>17</sup> Таким образом, большинство исследователей называет XII век временем, когда, по самым осторожным подсчетам, произошла окончательная славянизация далматинских городов.

Говоря о путях проникновения в города славянского элемента, по традиции считают, что в основном это были браки горожан-мужчин со славянками из окрестных сел. Не отвергая этого пути славянизации (он, по-видимому, и был основным), следует учитывать еще одну демографическую ситуацию, а именно убыль населения во время эпидемий. Так, известно об эпидемиях «чумы» в 871 и 901 гг. в Дубровнике. Опустошения, чинимые мором, должны были компен-

сироваться за счет прилива населения извне. В какое-то время, во всяком случае до 1100 г., в состав населения Дубровника *единовременно* (курсив наш.— М. Ф., А. Ч.) влилась значительная группа славянских поселенцев<sup>18</sup>. Это, вероятно, и было таким заполнением «демографической пустоты», образовавшейся в результате недавней эпидемии. Наконец, какую-то роль в славянизации играл и прилив в город молодежи из окрестностей — служанок, подмастерьев, а также поденщиков и арендаторов на виноградниках.

Пути этнической и демографической эволюции города ведут, таким образом, отчасти за город — к уяснению его отношений с окрестностями. Эти отношения были связаны прежде всего с использованием горожанами ближайшей к городу земли. Крайне важно определить, как и когда город (или отдельные горожане) начали распоряжаться пригородными землями. Свидетельства частного акта — завещания приора Андрея от 918 г. о принадлежавших ему виноградниках близ города стоят особняком: у Задара, в сущности, не было материковых владений еще в X в.<sup>19</sup> — он владел главным образом островами, но эти острова не были населены (*λοιοι ηται*) (De adm. imp., I, p. 138)<sup>20</sup>. Поселений на близких к Задару островах действительно могло не быть, поскольку владельцы земли на островах имели местом своего постоянного проживания сам Задар. Здесь складывался такой вариант развития городского строя, при котором значительная часть горожан оказалась связанной с пригородными землями, владела ими и обрабатывала их в качестве своего основного занятия. Наличие аграрной прослойки в составе горожан даже в пору расцвета городской экономики оставалось особенностью далматинских городов<sup>21</sup>. Именно самый ранний период городской истории может пролить свет на происхождение этой прослойки, которая сыграла весьма существенную роль в создании самого города.

Город рос вначале не только за счет естественного прироста и притока окрестных поселян, но и за счет прямого сселения крестьян из деревень. Город увеличивал таким образом число своих граждан, а крестьяне получали защиту и легкий доступ к городскому рынку. Один пример, правда, из более позднего времени: захватив в 1226 г. в борьбе с Трогиром село Острог, горожане Сплита поспешили разрушить село, разорить его кладбище, а часть жителей увести за свои стены<sup>22</sup>. Случай с Острогом носит, возможно, исключительный характер. В других случаях дело, вероятно, не доходило до насильственной ликвидации целых поселений, но множество крестьян переселялось под городские

стены. Так, в одной из усабиц под Сплитом было сожжено более 500 деревянных, по-видимому, крестьянских домов<sup>23</sup>. Имел место своеобразный «синойкизм» в раннесредневековых условиях. Этот термин соответствует той аналогии, которую, видимо, можно усмотреть между раннесредневековым далматинским городом и античным полисом. Конечно, эта аналогия не может быть полной, но она связана с вопросом о роли пригородной земли, известной в античности под названием «полисная хора» и имевшей столь важное значение в поддержании полисных порядков. Близкая к городам земля в Далмации выступала в роли такой полисной хоры, и в столетия общей аграризации помогла прокормиться городскому населению. Таким образом, на этом этапе земледельческая округа, как и в полисе, являлась органической составной частью городского коллектива. Безусловно, острова являлись важнейшей опорой раннесредневекового Задара<sup>24</sup>. Эта констатация, сделанная Н. Клаич, может подкрепить ее тезис о полисных основах городского строя в Далмации.

Отчетливо различимы две формы взаимосвязей города и округи — сселение окрестных жителей в город и обратное движение горожан на пригородные земли в качестве их собственников и земледельцев. Существовал, видимо, и третий канал отношений, когда крестьянин, не переезжая ни внутрь города, ни под защиту его стен, но, продолжая жить у себя в селе, тем не менее имел статус горожанина, принимая участие во всех городских делах. Это подтверждается сообщением Фомы Архидиакона о том, что при разорении села Острог сплитчане, пересчитав свое войско, нашли в нем 3 тыс. человек<sup>25</sup>. Еще более выразительно известие того же Фомы о присяге повому подеста́ в мае 1239 г., когда список взрослых присягнувших мужчин-горожан составил 2 тыс.<sup>26</sup> Между тем население Сплита даже в более поздние времена не превышало 3 тыс. человек, что никак не согласуется с цифрой в 2 тыс. взрослых мужчин или, тем более, в 3 тыс. воинов. Ясно, что в число горожан были зачислены какие-то люди, которые могли быть только окрестными крестьянами. Следовательно, эта форма взаимодействия города с округой — городское гражданство окрестных крестьян — была свойственна Сплиту и в ранние столетия, а может быть, и не одному Сплиту. Наличие «полисной хоры» в ряде городских общин заставляет это предполагать.

Полисная хора в древности была не только материальным оплотом городского единства, но и важным средством поддержания особого социального климата в городе — равен-

ства его свободных горожан. Раннесредневековая далматинская округа городов выполняла отчасти те же функции. Здесь существовал обычай (долго сохранившийся в пережитках) равного раздела между горожанами новоприобретенных земель. Л. Маргетич отметил, что в ряде общин еще в XIV в. сохранилась практика деления горожанами поровну пригородных земель — практика, безусловно, «очень старого порядка, применявшегося во время основания и расширения средиземноморских городов много раньше XIV в.»<sup>27</sup> Эти эгалитарные тенденции в жизни далматинского города также напоминают порядки античного полиса<sup>28</sup>. Роль пригородных земель на ранних этапах жизни города была велика не только потому, что никакой город нельзя себе представить без его округи, но и потому, что именно в это время проявилась такая важная черта городского строя, как уравнивательная тенденция.

Хозяйство городов в эти столетия развивалось своеобразно. Импульс к оживлению экономики дали не ремесла, а промыслы. Три из них, по общему мнению, являются древнейшими. Это — выпарка соли из морской воды, рыболовство и мореходство. Добыча соли возможна лишь в жаркое лето и не везде, а лишь на мелководье (о-в Паг около Задара, Стон у Дубровника). Но зато в этих удобных местах она велась издавна, по крайней мере с X в. Рыболовство в Далмации — занятие еще более распространенное, о рыбаках в составе задартинцев известно с 995 г. Наконец, мореходство оказалось спасительным средством существования для горожан с момента их бегства от славян. «Море им помогало жить», — кратко сказал об этом Константин Багрянородный (*De adm. imp.*, I, p. 142). Наименее «городским» промыслом было, пожалуй, мореходство — им занимались все, лодки строились в любой прибрежной деревне. Это не мешало городам располагать и собственным флотом. Дубровник выставил свои суда во второй половине IX в. для войны с арабами. Но прямо или косвенно, однако, на развитие городского рынка все три промысла оказали большое влияние. Сходную роль играла еще одна отрасль хозяйства.

Жители раннего города бережно хранили античные навыки разведения лозы, оливы и других садовых культур. Правда, территория, где они могли бы использовать этот сельскохозяйственный опыт, поначалу (в VII—VIII вв.) сократилась, но, во-первых, не до самых городских стен, во-вторых, скоро наступило время мирного симбиоза со славянами. Города получили возможность стать центрами интенсивного земледелия еще и потому, что славянское на-

селение ещё не знало местных культур — оно было преимущественно хлебопашеским или скотоводческим. Города в этих условиях становились пунктами обмена вина, масла и смокв (инжира) на хлеб и мясо.

Промыслы и интенсивное земледелие превращали города в рыночные центры. О том, что товарообмен возник рано и рано принял денежный характер, свидетельствует Константин Багрянородный: император Василий I приказал, чтобы всё, что города раньше платили стратигу, они платили бы отныне славянам и жили бы в мире с ними. Сплит должен был платить 200 номисм, Трогир — 100, Задар — 110, Дубровник — 72 (De adm. imp., I, p. 146; ВИНН, т. II, с. 36). Уплата этих, хотя и символических денежных сумм в качестве «подати мира» была возможна все-таки только при наличии действующего рынка.

Таким образом, даже при условии, что в раннем городе не получили достаточного развития ремесла, три отрасли его экономики способствовали обособлению города от окружающих поселений. Ремесленное же развитие города запаздывало, исключая строительное дело. В IX—X вв. городские скульпторы-камнерезы создали хорошо знакомый «дороманский» (или «старохорватский») стиль. В одном только Задаре найден ряд саркофагов, алтарных шатров и преград, каменных решеток на окнах. Почти все они украшены характерной местной «плетенкой», а в XI в. городские камнерезы создавали еще более сложные многофигурные композиции<sup>29</sup>. Наиболее ранние (ок. 1000 г.) реликварии из Задара, корона св. Влаха из Дубровника подтверждают успехи ювелирного дела<sup>30</sup>. С конца XI в. это ремесло переживало подъем, к 1176 г. относится создание в Задаре первой ремесленной корпорации золотых дел мастеров<sup>31</sup>. В целом, однако, в эту эпоху, да и позднее в большинстве городов, кроме Дубровника, не ремесло определяло городскую экономику<sup>32</sup>. Социальная характеристика раннесредневекового города сложна. Источники свидетельствуют лишь о наличии в городе его «лучших людей», «знатных» (nobiles). С XII в. в Задаре складывается и наследственная знать (proceres) — Петричи, Злорадичи, Кучила<sup>33</sup>. Имелись в составе городского населения и рабы, упомянутые в завещании приора Андрея и в Супетарском картулярии конца XI в., они были заняты в основном в сельскохозяйственном производстве<sup>34</sup>.

В основной массе горожан как в X—XI вв., так и в XII — первой половине XIII в. не прослеживаются иные градации, кроме владельческих и профессиональных. В со-

циальном смысле средний слой горожан (будущие «пополаны») был сравнительно однородным, и эта однородность сыграла значительную роль в развитии городских институтов. Именно это обстоятельство обеспечило относительно равномерное созревание, а затем и фиксацию городского права, обусловило потребность в регулярном делопроизводстве, а затем и функционирование устойчивых городских учреждений. Этому не противоречит тот факт, что городские учреждения в своем окончательном виде после 1250 г. получили не пополанский, а аристократический характер. Особенности далматинских коммун в том и заключалась, что городская знать, монополизировавшая коммунальную администрацию, являлась силой, не созданной (даже частично) за счет внешних, иногородних элементов, а выросшей внутри города и поэтому органически связанной со всем городским строем.

Необходимо в связи с политическим развитием города вкратце остановиться на развитии городского нотариата и права. В Сплите он прошел в своем развитии три фазы<sup>35</sup>. Первую фазу, начиная с 30-х годов XII в., можно назвать временем «примитивных писцов», когда документы создавали просто грамотные люди, в большинстве — священники. Института городских нотариев еще не было. С оформлением городского строя в соседних итальянских городах институт городских нотариев (*notarii communis*) возник и в Далмации (в Сплите — с 1176 г.) — вторая фаза. Нотариями были еще преимущественно клирики. Число их было невелико: образованных людей не хватало. Наконец, в начале XIII в. наступила третья фаза истории нотариата в Сплите, когда нотариусы, включенные в систему учреждений Священной Римской империи, получили обозначение «*imperiali auctoritate*». Нотариями теперь становились также и миряне, число их возросло, они не только выполняли задания коммунальных властей, но и составляли частные акты. Объем их деятельности увеличился, и контроль за соблюдением законности при составлении ими документов возлагался отныне еще на одно должностное лицо, на «экзаменатора» (в Сплите известен с 1247 г.).

Развитию нотариата в Задаре, по мнению Н. Клаич, свойственны те же закономерности<sup>36</sup>. Влияние итальянского нотариата в Задаре было еще сильнее, чем в Сплите, влияния же византийских порядков совершенно не ощущалось<sup>37</sup>. Судя по новейшим исследованиям<sup>38</sup>, в каждом городе к 1250 г. было несколько нотариусов, расхаживавших по городу, и там, где встречали их клиенты, они в ответ на

их просьбы составляли краткие наброски (*schedulae*), чтобы у себя дома нотариий мог превратить их в развернутые документы (*instrumenta*), выдаваемые на руки просителю, а в особой книге оставить краткую запись о совершенной сделке (*imbreviatura*)<sup>39</sup>. Впрочем, составление этих книг («нотариальных тетрадей») относится лишь к 60—70-м годам XIII в.

Для правовой жизни городов Далмации X—XII вв. характерно отсутствие писаного права. Господствовал обычай (*usus, consuetudo*). Нередко расследование сводилось к «изучению обычая», имевшего отношение к данному правовому казусу. Еще в середине XIII в. далеко не все городские судьи знали грамоту — судья в Задаре в 1239 г. не мог подписать решение суда, так как «не умел писать» (CD, IV, s. 83). Нормы судопроизводства передавались изустно, преимущественно в патрицианских семьях, и усваивались практически при судоворении. Поэтому при рассмотрении сложных судебных дел присутствовало много нобилей.

Отсюда проистекали два важных последствия. Во-первых, само судоворение в этих условиях содержало элементы правотворчества, поскольку трактовка обычая в каждом конкретном случае зависела от компетентности судебной коллегии. Так как от XII в. сохранилось очень немного законодательных актов из городов, можно предположить, что до середины XIII в. преобладало правотворчество «традиционного» типа. Неупорядоченность была характерна для правоотношений в далматинских городах конца XII — начала XIII в.<sup>40</sup> Частое переизбрание состава судебных органов при отсутствии кодифицированного права нередко нарушало преемственность в рассмотрении судебных дел. Новый состав судебной коллегии заново рассматривал незавершенные прежними судьями процессы. Закономерной в таких условиях была и апелляция одной из сторон на решение предшествующего состава курии<sup>41</sup>. Для обеспечения преемственности судопроизводства с конца XII в. в городах был введен институт судебного пристава, заимствованный из хорватского права. Пристав прикреплялся теперь к каждому судебному делу и следил за его ходом; привлекался он и при повторном рассмотрении дела<sup>42</sup>.

Во-вторых, при функционировании обычного права в городах оно было неотделимо от его коллективного носителя — патрициата. Судьи, как и судебные коллегии в целом, должны были иметь не столько высокую профессиональную подготовку, сколько авторитет. Именно это, а не закон, гарантировало нерушимость принятого судебного постанов-

ления. В далматинских городах судебная прерогатива принадлежала всему патрициату, хотя судебные должности занимало очень небольшое число людей<sup>43</sup>, и нобили не всегда были склонны выполнять постановления, относящиеся ко всей городской общине. В начале XIII в. в Сплите судебным решением курии подчинялись только городские низы. Произвол патрициата во время судебных заседаний принимал иногда форму физической расправы над неугодными людьми<sup>44</sup>.

С середины XIII в. в городах началась кодификация обычного права — создание городских конституций, статутов<sup>45</sup>. Она была обусловлена рядом факторов: несоответствием норм обычного права усложнившимся социально-экономическим условиям; дефицитом правозащиты; укреплением монополии на власть у патрицианского сословия; введением в городах режима подестата — правления иностранца, облеченного судебной-исполнительной властью. Подеста мог управлять городом, только опираясь на писаную конституцию.

Акт кодификации права не сводился к механическому объединению старых «обычаев» с новыми законами уже потому, что эти обычаи необходимо было первоначально вычленивать в качестве абстрактных правовых норм из практики городских судебных коллегий. Сплитская кодификация 1240-х годов, связанная с именем Гаргана де Аршиндис, подеста из Анконы, практически сопровождалась обширной судебной реформой, изменившей весь городской правопорядок. Судебная система Сплита была создана Гарганом заново. Фома Архидиакон отмечал, что подеста не раз указывал на необходимость соблюдения законов при судопроизводстве; со времен Гаргана судьи всегда имели под рукой капитулярий и не приступали к рассмотрению дел без этой книги<sup>46</sup>.

С середины XIII в. правозащита в городах Далмации стала более эффективной, а судебная система удовлетворяла потребности различных городских слоев. Кодификация права была, таким образом, выражением глубоких социально-политических процессов, в ходе которых общественная жизнь города окончательно обрела зрелые коммунальные формы. К 1250 г. ранний период развития далматинских коммун завершился.

При характеристике политико-административного строя раннесредневекового города он обычно обозначается в качестве «докоммунального». Это определение вряд ли правомерно, так как оно лишает самостоятельной исторической



значимости долгий период городской истории (ок. VIII—XI вв.), представляя его в качестве затянувшейся прелюдии к коммунальной эпохе. В историографии появилась тенденция хронологически сократить этот «неясный» период городской истории; либо необоснованно настаивают на длительном сохранении в Далмации позднеримского муниципально-го строя<sup>47</sup>, либо чрезмерно рано (X—XI вв.) датируют начало коммунальной эпохи<sup>48</sup>.

Муниципальный строй сохранялся до тех пор, пока в городах существовало сословие куриалов — социальная основа муниципальной структуры городского самоуправления. Это сословие повсеместно и окончательно сошло со сцены в VI в. В основе же ранних датировок коммунального строя в Далмации лежит неверная дефиниция самого термина «коммуна». Ее определение в качестве «объединения равноправных граждан» (Й. Лучич) не соответствует марксистскому пониманию коммуны, одной из черт которой является вооруженная и самоуправляющаяся ассоциация<sup>49</sup>. Коммуна возникает тогда, когда неравноправие городского населения находит воплощение в конкретных организационных формах. Город X—XI вв. еще не имел светской системы самоуправления, полностью отделенной от церковной; еще не оформилась структура представительных административных коллегий, а главное, основам его политической жизни была чужда сословность. Политическая автономия городов Далмации в X—XI вв. была налицо, но коммунального строя они не имели.

В силу сказанного институты самоуправления далматинских городов X—XI вв. нельзя расценивать лишь как остатки муниципальной или как зачатки коммунальной организации. Мысль о так называемом «редуцированном» муниципальном строе<sup>50</sup> нуждается в уточнении. Речь должна, видимо, идти не о «редукции» муниципия после VI в., а об его разложении с сохранением лишь отдельных элементов, оказавшихся жизнеспособными в условиях новой городской действительности<sup>51</sup>. Таким элементом оказался прежде всего институт градоначальников-дуумвиров (*duumviri*). Остальные институты позднеримского муниципия — сенат и «городской защитник» (*defensor civitatis*) — отмерли вместе с «*ordo decurionum*» (сословием куриалов).

Отмиранию муниципальных коллегий (сената) и сохранению в городах системы *duumviri*, видимо, в немалой степени способствовала и политика византийских императоров. С ходом времени имперские власти все более опирались в городах не на традиционные коллегии, а на собственных

ставленников — магистратов<sup>52</sup>. Периферийное положение Далмации и затрудненность сообщения с Константинополем привели к тому, что здесь, как правило, не было специального имперского наместника. Его функции исполнял старший приор (градоначальник) г. Задара, носивший ранее титул архонта провинции Далмация, в IX—X вв. — стратига фемы, а с середины XI в. — катепана<sup>53</sup>. До середины XI в. было правилом объединение функций наместника Далмации и задарского приора в одних руках. Исследования Я. Ферлути показали, что должность приора была первичной по отношению к должности стратига и более почетной, ибо стратиг Далмации не имел ни значительных средств, ни войска, ни собственного административного аппарата<sup>54</sup>. Видимо, чаще император утверждал в качестве стратига того, кто исполнял приорскую должность в Задаре.

Мысль о прямой связи института городских приоров X—XI вв. в Задаре, Сплите, Трогире, Дубровнике с муниципальной системой *diunvigi* принята большинством исследователей<sup>55</sup>. Во главе системы самоуправления раннесредневекового города по-прежнему стояли два человека — «старший» (*maior*) и «младший» (*iunior, minor*), только теперь они избирались не сенатом, а скорее всего на общей городской сходке. Термин «приор» встречается уже в позднеантичных документах при обозначении лиц, возглавлявших *scholae* — профессиональные объединения населения римских городов<sup>56</sup>. Вспомним также монастырских приоров, пополанских приоров XIII в. в Италии, наконец, приоров, возглавлявших отдельные «братства» (*fraternitates*) в далматинских городах XIV—XV вв.<sup>57</sup> Во всех этих случаях под «приором» понимали лидера неформального сообщества, которое в той или иной степени противостояло общностям иного типа: муниципальной курии, мирянам, коммуне. Нейтрализм этого термина (приор — «первый»), видимо, способствовал его постоянному воспроизводству в тех общностях, которые избегали превращения подобной терминологии в титулатуру.

В связи с вопросом о времени введения приората в городах Далмации важно учитывать данные об основании и реставрации городских церквей. В надписях XI—XII вв. из Трогира и Котора идет речь о церквях, основанных приорами; они воздвигались частным образом членами приорских семей и служили местом их захоронения<sup>58</sup>. Однако одна из надписей VIII в. на обломках церкви св. Марии на рынке в Трогире имеет существенную особенность: некий «князь» Констанций в 715—717 гг. отремонтировал церковь

св. Марии, воздвигнутую его предшественниками<sup>59</sup>. Иначе говоря, храм, отремонтированный Констанцием, не был родовым — его воздвигли «предшественники», а не «предки». Таким образом, система наследственного приората в начале VIII в. в Трогире еще не оформилась. Приорат складывается скорее всего в середине VIII—IX вв., а наследственный характер приобретает в период наибольшего ослабления позиций Византии на Адриатике — в начале IX в.<sup>60</sup> Известный по источникам с начала X в. приорат Задара оформился, несомненно, значительно раньше. В X в. в Задаре уже существовали приорские династии. Наиболее известной в Далмации X—XI вв. была задарская династия приоров Мадиевичей. Их сыновья и братья, не занимая никаких должностей, тем не менее подписывали городские документы прежде остальных нобилей (CD, I, s. 68, 98). Приоры имели тесные родственные связи с городскими епископами — нередко и приор, и епископ были членами одной семьи<sup>61</sup>. Хотя приоры были одними из самых могущественных людей в далматинских городах, говорить об их стремлении к единовластию было бы преувеличением<sup>62</sup>. Приоры не решали самостоятельно ни одного важного дела; даже распоряжаться причитавшимися им доходами с городских промыслов они могли только с согласия сходки горожан (CD, I, s. 206). Сила задарских приоров была существенно подорвана во второй трети XI в., когда Мадиевичи пытались добиться от Константинополя автономии для городов, намереваясь реально подчинить их своей власти. Один из задарских приоров во время очередного визита в Константинополь был по приказу Михаила IV Пафлагонянина заключен в тюрьму, где и погиб.

О времени пребывания приоров у власти для X в. нет надежных сведений. Известно, что в XI в. приорская должность была временной. В 1095 г. далматинский приор Драго находился пятый год в этой должности во время своего третьего приората (CD, I, s. 205). Возможно, срок исполнения приорской должности был пятигодовичным. Во всяком случае, так обстояло дело в Равенне<sup>63</sup>. О том, что эта должность не была пожизненной, свидетельствуют и упоминания о «прежних приорах», в том числе живых. Впрочем, нередко на посту приора оставались до самой смерти.

В целом для далматинского приората характерны следующие черты: 1) наследственный характер замещения должности; 2) нередко пожизненное, а в XII в., — во всяком случае, длительное пребывание на этом посту; 3) очевидное преобладание исполнительных функций над судебно-

законодательными; 4) роль одного из важнейших системообразующих факторов городской административной структуры — все прочие органы самоуправления в значительной степени ориентированы в своей деятельности на приора (свидетельство недоразвитости коллегиального начала в городском самоуправлении IX—XI вв.); 5) смыкание с городским епископатом.

О судебных органах далматинских городов для IX—XI вв. известно мало, поскольку судьи в источниках выступают чаще всего в качестве свидетелей, вне прямой связи с исполнением своей должности. Да и судебные процессы вели не судьи, а епископ, приор, трибуны и другие нобили с необозначенными должностями. Таким образом, налицо растворение специализированной судебной коллегии в массе политически активных горожан. Необособленность судебной коллегии от прочих органов самоуправления характерна для относительно простых политических организмов со сравнительно единой социальной базой<sup>64</sup>. Известно тем не менее, что в раннесредневековом городе судьи делились на «высших» и «низших», а возглавлял их так называемый «*primas*». Относительно судей и приоров можно, видимо, допустить определенную преемственность с аналогичными позднеантичными институтами, хотя эти должности приобрели немало специфических черт, присущих системе самоуправления раннесредневекового города. В полном смысле новыми ее институтами стали городская сходка и трибунат.

Сходка объединяла все взрослое мужское население города — богатых и бедных, клириков и мирян — и решала все наиболее важные вопросы городского управления<sup>65</sup>. Неубедительными остаются попытки показать невозможность одновременного сбора большой массы людей<sup>66</sup>. Во-первых, численность городского населения в Далмации до XIII в. не превышала 1,5—2 тыс. человек (т. е. среди горожан было не более 400—500 взрослых мужчин). Только в исключительных случаях (создание новой городской конституции, военное положение) на сходку являлись крестьяне из округи (тогда число участников сходки могло вырасти до 2 тыс.). Во-вторых, выражение источников о сходке «всех горожан» для XI—XII вв. практически равнозначно собранию всех взрослых мужчин, так как официальный статус гражданства не существовал в Далмации до XIII в.<sup>67</sup> Решения сходки обладали высоким авторитетом: в 986 г. в связи с возвратом владений монастырю св. Кршевана в Задаре подчеркивалось, что решение было принято с согласия всего народа, мужчин и женщин (а не только

мужчин), старых и малых, а не каким-либо «специальным» (имелось в виду — узким) советом (CD, I, s. 45). Данные о порядке на сходке содержит дарственная монастырю св. Марии от 1095 г. Там сказано о решении, принятом, «как подобает» (*cum omni honestate et mensura*); при вынесении его народ вопрошал: «Угодно ли вам это?» (*Si placet?*) и получал ответ: «Всем угодно» (*Omnibus placet*) (CD, I, s. 204). Выдающаяся роль сходки в политической жизни города X—XI вв. характерна и для других стран Европы, в частности — для Италии<sup>68</sup>. Ряд исследователей считают возникновение сходки началом нового этапа в политическом развитии далматинских городов, а ее существование — главным содержанием этого этапа городской истории<sup>69</sup>. Действительно, позднеримский муниципий не знал политического института, воплощавшего единство всей городской общины и превосходившего своим авторитетом все прочие органы городского самоуправления, как не знала его и средневековая коммуна.

Характерным для Далмации явлением в политической истории раннесредневековых городов стало формирование группы городских трибунов. Споры по поводу сущности этой магистратуры не утихли до сих пор<sup>70</sup>. Деятельность трибунов касалась и сферы правоотношений (в судах, при заключении договоров), но наиболее вероятно, что трибуны стояли во главе квартальных отрядов городской милиции, которые одновременно являлись и подразделениями городского ополчения. Так, в Задаре число трибунов было не только постоянным (6—12 человек), но и кратным количеству секстериев (кварталов) города<sup>71</sup>. Это вполне согласуется с той важной ролью, которую играли в развитии средневекового города кварталы, округа, соседства, связанные с ними церковные приходы, т. е. формы локальной территориальной общности городского населения, унаследованные от античного города<sup>72</sup>. Сословное членение городского населения в значительной степени подменялось традиционным территориальным членением. Так в раннем средневековье развивалась и Венеция, где до «синойкизма» начала IX в. существовало множество мелких островных общин, возглавляемых трибунами. В Далмации трибунат был развит в сравнительно меньшей степени, чем на лагунах, но и здесь формирование трибунской аристократии стало одним из наиболее существенных факторов «диссоциативного» пути развития позднеримского городского строя<sup>73</sup>.

Далматинскому трибунату были во многом свойственны те же черты, что и приорату, прежде всего наследственность

и долгосрочность занятия должности. Известны семьи, в которых должность трибуна переходила от отца к сыну, а сам термин «трибун» стал составной частью личного имени (Trunzanus)<sup>74</sup>. Трибуны входили вместе с приорами в единую аристократическую группу, рождались посредством браков, из числа трибунов выходили иногда приоры (CD, I, s. 26, 46, 49, 108). Родственники (прежде всего братья) трибунов участвовали в политической деятельности, не занимая официальных должностей. Иногда трибунами оказывались два брата (один — трибун о-ва Раб, другой — трибун г. Задара) (CD, I, s. 46). Трибуны, как и приор, были облечены исполнительной и судебной властью. Сходство приората и трибуната свидетельствует о внутреннем единстве административной структуры раннесредневекового далматинского города и о взаимосвязанности ее элементов.

Для структуры самоуправления далматинских городов X—XI вв. было, таким образом, характерно: 1) наличие народного собрания; 2) дуализм территориально-соседских общин, составлявших город, и города как единого социально-политического организма; 3) аристократический характер высших исполнительных магистратур. К этим признакам следует, может быть, добавить также отсутствие системы прямого налогообложения: оно неизвестно на протяжении всей истории далматинских средневековых городов, поскольку финансирование городских нужд осуществлялось, по-видимому, за счет судебных и торговых пошлин.

Совокупность этих характеристик вновь приводит к мысли об аналогии политической структуры раннесредневековых городов Далмации со структурой античного муниципального полиса, с присущей ей бессословностью городского строя, дихотомией полиса и территориально-соседских общин, его составлявших, органическим единством и противостоянием полисной аристократии и демократии<sup>75</sup>.

Квазиполисная структура самоуправления далматинских городов достигла своего расцвета в XI в., но уже к концу этого столетия равновесие между ее элементами нарушилось. Прежде всего этот процесс был связан с формированием патрицианского сословия. Задарские патриции (*nobiles*) впервые упоминаются с конца X в., а для других городов — с XI в. Оформление патрициата сопровождалось становлением и особого, патрицианского самосознания. Далматинские нобили XIII—XIV вв. возводили свои родословные к итальянской знати, к античным патрицианским родам и даже к древним троянцам. Эти факты справедливо оцениваются как стремление патрициата к обособлению от

остальных горожан, но при этом нередко забывается о том, что не всегда далматинская знать так настойчиво подчеркивала свое иногороднее происхождение. Так, надпись на саркофаге сплитского приора Петра (IX—XI вв.) гласит, что он «родился, вскормлен, получил образование в Сплите»<sup>76</sup>. Аналогична надпись на саркофаге сплитского архиепископа Иоанна (вторая четверть X или последняя треть XI в.)<sup>77</sup>. На надгробиях Иоанна и дубровницкого архиепископа Виталиса (умер в 1046 г.) названы отцы умерших<sup>78</sup>, что позволяет предполагать местное происхождение этих людей. Скорее всего знатные далматинцы раннего средневековья гордились этим происхождением и не пытались его замалчивать. Таким образом, в XII—XIII вв. в сознании городской верхушки произошел перелом, нуждающийся в объяснении.

В связи с этим приобретают важность данные патрицианской антропонимики. Наиболее интересным в этой области является факт постепенного исчезновения в ходе XIII в. фамилий у патрициев таких городов, как Сплит и Трогир, тогда как дубровницкая и задарская знать свои фамилии сохранила. До середины XIII в. преобладало обозначение представителей городской знати по типу «А внук Б», причем вторая часть имени («Б») практически являлась не именем деда, а семейной фамилией. В югославской литературе принято переводить «peros» в подобных формулах как «племянник»<sup>79</sup>. Это вряд ли правильно по двум причинам: счет родства по боковой линии для Далмации неизвестен; в ряде случаев Фома Архидиакон дополняет стандартную формулу «А внук Б» указанием на отца человека (Гаудий, сын Котинин, внук Карокулин<sup>80</sup>), выстраивая прямых родственников-мужчин в генеалогический ряд. Из 16 известных за 1203—1232 гг. сплитских «викариев» (т. е. заместителей городского князя) 10 именовались по этой формуле<sup>81</sup>. То, что последняя часть подобного наименования представляла собой фамилию, следует из имен Добре, внука Карокулина (викарий 1208—1209 гг.), и Фомы, внука Месегалины (викарий 1214—1215 гг.): известно, что Карокулины и Месегалины (Месагалины) являлись знатными сплитскими семьями уже с XI—начала XII в.<sup>82</sup> Однако с середины XIII в. в Сплите и Трогире стало решительно преобладать наименование по типу «X сын (filius) Y», в котором лишь со временем обнаружилась тенденция к превращению второй части («Y») в полноценную фамилию, и то лишь у наиболее видных семей.

У фамилий XI—XII вв. имелась еще одна особенность —

часть из них, по-видимому, была образована от топонимов. Так, сравнив название задарского секстерия Марро ин Сако с фамилией сплитского викария 1217 и 1234 гг. Менгацы Маравенья (Maravegne) (CD, III, s. 164, 394), можно, видимо, счесть вероятным, что и название городского района, и фамилия викария образованы от романского корня *mag-*, обозначающего заболоченную местность. С середины XIII в. связь между патрицианскими фамилиями и топонимами становилась обратной: деревеньки в округе назывались по фамилиям своих хозяев-нобилей. Эти факты свидетельствуют о некотором ослаблении с середины XIII в. связей далматинской городской верхушки с городской общиной и о разрыве традиционных связей городской знати с городскими кварталами. Исчезновение фамилий и счет по отцу превращал генеалогию патрициев в их личное дело, лишая историю знатных родов того общественного значения, которое они, безусловно, имели в X—XI вв., когда само существование этих родов было теснейшим образом связано с локальными формами общности городского населения («малыми ассоциациями»). Знать все более противопоставляла себя городской корпорации и со временем создала собственные организационные формы, вытеснив сходку из сферы городского самоуправления.

В XI—XII вв. этих форм еще не было. Нобили «толпой» (*turba nobilium*)<sup>83</sup> присутствовали при решении важных дел, которые в XII в. все реже выносились на утверждение сходки. Уже в XI в. при разборе судебных дел, помимо епископа, приора и судьи, присутствовало столько нобилей, что их «долго было бы перечислять» (CD, I, s. 153). В начале XII в. оформлялась более узкая правящая группа *proceres* или *principes*. Значительная часть *proceres* не имела должностей, так что неформальный («неконституционный») характер стоявшей у власти группы сохранялся. Людям, «правлящим» городом, выдавались с середины XII в. привилегии венгерских королей, которые до этого предоставлялись всем гражданам. Остальное население все чаще обозначалось как «*conciues*» (сограждане) или даже «*contribules*» (соплеменники) правителей (CD, II, 49). На о-ве Брач уже в 1075 г. непатрицианское население острова обозначено хорватским королем Звонимиром как «*insulane*» (островитяне) (CD, I, s. 159), но отнюдь не «граждане». Патрициат становился основным, а затем и единственным обладателем городской автономии.

Впервые автономия была документально закреплена после подчинения Далмации венгерским королем Кальманом.



Соглашения короля с городами закреплялись в так называемых «дипломах трогирского типа» (1107 г.)<sup>84</sup>. Трогирская хартия, единственная из сохранившихся, должна была служить двум задачам: зафиксировать сложившееся к XII в. политико-административное устройство городов и определить характер взаимных обязательств с новым сувереном. Король обещал городу: 1) сохранять прочный мир; 2) не превращать горожан в подданных «tributarii»; 3) утвердить епископа и князя, которых выберут горожане; 4) позволить горожанам пользоваться издревле установленными законами; 5) сохранить за гражданами право выселяться из города вместе со своими семьями; 6) не позволять вселения венгров или других иностранцев в город без согласия горожан и отказаться от права постоя в Трогире. Наконец, стороны договорились о разделе дохода от торговых пошлин: десятина шла трогирскому епископу, а остальное делилось между королем и городским князем в соотношении 2:1 (CD, II, s. 19). Во внутреннюю жизнь далматинских городов, как она сложилась к 1100 г., эта хартия вносила мало нового. Новыми были письменная фиксация городских порядков и переход к системе договорных отношений с государством-сюзереном. С королем договаривались не отдельные люди, а единая городская община, отказывавшаяся от части общинных доходов в пользу сюзерена. Диплом Кальмана дополняет известная надпись, начертанная ок. 1105 г. на колокольне задарского монастыря св. Марии, выстроенной по приказанию короля<sup>85</sup>. В ней Кальман сообщает об одержанной им над задартидцами победе, а после этого говорит о «наградах мира», т. е. о мирном вступлении в город. В третьей части надписи сказано, что король повелел воздвигнуть эту колокольню за свой счет. Постройка колокольни с надписью отражала, по всей вероятности, стремление Кальмана передать положение дел, сложившееся в ходе заключения договора с Задаром, как ситуацию принесения вассальной присяги: первая часть надписи повествует о подчинении горожан королю, вторая — об установлении мира и, по-видимому, вассальных обязательств, третья — о даре сеньора вновь привлеченному вассалу.

Кальман, конечно, хотел представить включение городов в состав Королевства Венгрии в привычных для феодальной среды категориях. Интереснее, однако, то, что и сами города, судя по всему, не возражали против подобной трактовки установившихся отношений с Арпадами. Итак, «имперский» период политического существования городов, когда они пользовались византийским покровительством, но не обла-

дали официально автономным статусом, сменился «коммунальным» периодом, когда города обрели этот статус, но в значительной степени лишились защиты государства-сюзерена. Документами, фиксировавшими этот статус, были коммунальные хартии — к их разряду, бесспорно, относится и диплом Кальмана. Таким образом, дипломы «трогирского типа», или коммунальные хартии, представляли собой акты, закреплявшие отношения вассально-сеньориального типа. Эти хартии оформляли «оммаж» города сеньору, но косвенным образом они содержали и признание его самостоятельности в качестве контрагента вассальной присяги.

Признание Кальманом автономии городов отнюдь не означало, что их отношения с Королевством Венгрии стали бесконфликтными. Венгерские феодалы и после этого неоднократно пытались утвердиться в стенах далматинских городов, и населению приходилось силой отстаивать свою независимость. После более чем тридцатилетнего пребывания городов в рамках феодального Венгерского государства король Гейза II даровал Сплиту и Трогиру в 1141—1142 гг. привилегии, зафиксированные как дополнительные статьи к диплому Кальмана. Вторая привилегия Сплиту, как и трогирская, словами «с вашим судьей» (CD, II, s. 49), уточнила ранее данное этому городу право пользования старыми законами. Очевидно, венгры пытались посадить в городах своих судей. В трогирском дипломе Гейза II обязался: 1) венгры не будут взимать долги с горожан; 2) не будут брать заложников; 3) люди короля не будут выводить горожан за пределы города (CD, II, s. 53—54). Городская община выступала в этих дипломах в качестве института, гарантирующего личную свободу горожанина независимо от его принадлежности к той или иной группе сограждан. Понятие городской свободы «*libertas civitatum*» фигурирует и в договоре Задара с общиной о-ва Раб 1190 г. Эта свобода заключалась в свободе горожан внутри городских стен: здесь с ними нельзя делать того, что можно вне стен, а именно взыскивать долги, искать у них награбленные вещи (CD, II, s. 248).

Конституционная структура города формировалась медленно. После 1107 г. в Далмации появились городские князья, но приоры еще около полувека фигурируют в документах наряду с князьями, а некоторые из них обозначаются то как князья, то как приоры (CD, II, s. 31, 45, 49, 55). Очевидно, термин «*comes*» первое время был лишь калькой с далматинского «приор». И в начале XII в. сохранялась долгосрочность исполнения должности приора-князя, хотя

неустойчивая политическая конъюнктура нередко заставляла горожан менять состав правящей верхушки, которая в XII в. в значительной степени оставалась местной по происхождению. Престиж княжеской должности к концу XII в. упал в связи с притязаниями на нее со стороны окрестных хорватских феодалов. Они жили в городах наездами, управляя ими с помощью местных викариев. Поскольку горожане «брезговали оказаться под властью славянина»<sup>86</sup>, княжеская должность нередко была вакантной. Когда Задар в конце XII в. избавился от венецианского владычества и от венецианских князей, княжеская должность на протяжении некоторого времени оставалась незанятой и городом управляли консулы (СД, II, с. 318—319).

Не следует преувеличивать степень зрелости городских административных коллегий в XII в. Патрициат в это время еще не настолько созрел и выделился из городской общины, чтобы выработать устойчивую систему коммунальных советов. Аморфность коллегий, неопределенность их функций и количественного состава были общим явлением в раннекоммунальных политических образованиях Европы<sup>87</sup>. К 1200 г. можно судить о существовании лишь двух коллегий узкого состава — консулата, дублировавшего функции князя, и курии, состоявшей из судей и советников. В науке утвердилось мнение, что на родине консулата, в Италии, консулы первоначально были членами временных комиссий, создававшихся городской сходкой для решения конкретных политических вопросов (*ad hoc*), и лишь впоследствии закрепились у власти в качестве постоянной коллегии<sup>88</sup>. В Далмации же консулат, скорее всего, — оформленная группа «*proceges*», члены которой постепенно приобрели статус магистрата. Как правило, консулов было от трех до шести, но количественный состав их коллегии, видимо, так и не был строго определен. На протяжении столетия (примерно в 1150—1250 гг.) консулы эпизодически упоминаются в документах, но окончательно они еще не утвердились. Традиции *приората*, которых не имели города Италии и Южной Франции, затрудняли утверждение консулата, полностью дублировавшего функции городского градоначальника.

Гораздо более перспективной оказалась другая коллегия, не подменявшая собой высшую исполнительную магистратуру, но дополнявшая ее, — курия, состоявшая из судей и советников. Очевидно, на раннем этапе (рубеж XII—XIII вв.) курия объединяла консулов и судей — практически всех должностных лиц высшего ранга (не более 10 че-

ловек). Вряд ли курия была многолюдным собранием<sup>89</sup>. Курия из судей и советников оказалась жизнеспособной, поскольку она объединяла в рамках одного административного органа и судебную, и исполнительную власть. Неотделенность судебной власти от исполнительной стала одним из системообразующих факторов средневекового коммунального строя. Объединение в составе курии судей и консулов не составляло больших трудностей — судебские и консульские должности поочередно исполнялись одними и теми же людьми. В Дубровнике известны имена 9 судей в 1190 и 1195 гг. и 10 консулов в 1198 г.<sup>90</sup> Из этих 10 консулов четверо ранее были судьями, а у пятого судьей был близкий родственник, скорее всего брат. Похоже, что преимущественное право знатных семей на высшие городские магистратуры сложилось уже к началу XIII в.

Коммуна становилась на ноги в сложной внешне- и внутривнутриполитической обстановке. XII век ознаменован в жизни большинства городов также многочисленными конфликтами с местной церковью.

До сих пор в науке идут споры об оценке роли городской церкви (в частности, епископата) в политической жизни далматинских городов IX—XII вв. Остается неясным, был ли епископ носителем высшей исполнительно-законодательной власти. Функции епископа как защитника городских интересов перед государством в позднем Риме хорошо выяснены, но неизвестно, играл ли епископ эту роль и в средневековой Далмации. Об определенной преемственности в этом отношении свидетельствует дубровницкий материал. Мнение С. Рацци, И. Луциуса и других о том, что дубровницкая епископская кафедра была прямой наследницей эпидаврской<sup>91</sup>, нашло подтверждение в опубликованных в XIX в. самых ранних памятниках хорватской истории: в грамоте, которой папа Бенедикт VIII даровал дубровницкому архиепископу Виталису паллий (знак митрополичьей власти), Виталис назван архиепископом Элидаврским, только имеющим резиденцию в Дубровнике (CD, I, s. 61—62). Таким образом, церковь раннего средневековья явно сохранила идею «*translatio sedis episcopalis*». Этот факт небезразличен для проблемы континуитета городских институтов.

Роль далматинского епископата в политических событиях X в. хорошо известна: достаточно напомнить о бурных «синодах» в Сплите в 925 и 928 гг. Однако эту роль церковь играла во внешних, но не в городских делах, даже если речь шла о церковных вопросах. Характерны в этом отношении обстоятельства учреждения архиепископии в Дуб-

ровнике. Около 998 г. иерархи «Верхней Далмации», епископы Котора, Бара, Улциня, отправились на церковный собор в Сплит, и все погибли во время кораблекрушения. Чтобы князья церкви в будущем не подвергали себя опасности, отправляясь в подобные путешествия, их церковной столицей и был назначен Дубровник<sup>92</sup>. Руководствовались при этом не тем, что город к этому времени успешно отстоял свою независимость, а лишь его близостью к другим епископским центрам.

Еще более показательна история возникновения архиепископии в Задаре, самом крупном из всех далматинских городов. Его население в конце XIII в. превышало 8 тыс. человек, его административная роль в системе византийского управления Далмацией была неоспорима. И тем не менее в XI — первой половине XII в. он оставался простой епископией. Когда же в 1154 г. его преобразование в архиепископский центр все же совершилось, это было сделано из сугубо внешнеполитических соображений: Венеция, под властью которой находился тогда Задар, создавала в противовес Сплиту собственную церковную столицу провинции, находящуюся в подчинении патриарха Градо.

С IX в. престиж городской церкви в Далмации повысился в связи с развитием культа местных святых (св. Домния и Анастасия в Сплите, св. Анастасии в Задаре). Но в целом восточной церкви гораздо меньше, чем западной, было свойственно самостоятельное участие в делах городского управления. Оно началось в Далмации в сущности лишь в начале X в., когда провинция перешла под церковное управление римских пап, а в 925 и 928 гг. на сплитских «синодах» была утверждена новая система диоцезов, обеспечивавшая городам контроль над хорватской округой. В XI в. деятельность городских магистратов протекала в епископском дворце при активном участии епископа.

Во второй половине XI в. сплитская архиепископия переняла из рук Мадиевичей дело борьбы за отложение Далмации от Византии. Сплит традиционно ориентировал свою церковную политику на папский Рим в отличие от задарской епископии, подверженной провизантийским тенденциям. Это обстоятельство сыграло важную роль во время движения за реформу церкви и борьбу за инвеституру во второй половине XI в., когда западная церковь в условиях «великой схизмы» 1054 г. противопоставила себя как восточному, так и западному императорам. Не случайно время борьбы за инвеституру называют «матерью городских коммун»<sup>93</sup>: независимо от того, на чью сторону становились

города, противостояние церкви и империи дало им возможность осознать себя третьей силой, не зависящей ни от императора, ни от епископов. Несмотря на это, в большинстве случаев события конца XI в. первоначально привели к усилению позиций церкви в городах, в частности — в итальянских и далматинских. Крупнейшим политическим успехом сплитского архиепископа Лаврентия, активного сторонника реформы церкви, стала подготовленная им коронация хорватского короля Дмитрия Звонимира папским легатом в 1075 г. До этого короли Хорватии принимали власть над Далмацией из Константинополя. Со времени коронации Звонимира сюзеренитет Византии над местными городами прекратился не только фактически, но и юридически<sup>94</sup>.

Политическое единство церкви и городов оказалось в Далмации столь же недолговечным, как и в Италии на рубеже XI—XII вв., поскольку оно было вызвано к жизни переходящими обстоятельствами. К тому же среди прочих средств проникновения в города венгры попытались использовать далматинский епископат и утвердить на городских кафедрах своих ставленников, что им отчасти удалось. Провенгерски настроенные епископы оттесняли в начале XII в. на задний план городских князей и приоров<sup>95</sup>. Внимание Арпадов к епископату было обусловлено не только значимостью иерархов в политической жизни, но и обычаем, сохранявшимся в ряде далматинских епископий XII в. Согласно этому обычаю вся семья вдовы, старший сын которой был клириком, подчинялась епископу во всех делах, в которых другие люди должны были подчиняться городскому князю<sup>96</sup>. Таким образом, переход епископских кафедр к венгерским ставленникам практически переводил под внегородскую юрисдикцию немалую часть городского населения (целибат в XII в. еще не утвердился, а первых детей часто «посвящали богу»), расшатывая внутренние связи городской общины. Возможно, в связи с этим уже в начале XII в. приор и церковный капитул Сплита стремились как можно дольше сохранять вакантной архиепископскую кафедру<sup>97</sup>, а проблема выбора кандидата на место епископа доставляла задарскому князю много забот<sup>98</sup>. Горожане отвергали в качестве претендентов на епископские места как венгров, так и местных нобилей, требуя присылки епископов от папы<sup>99</sup>.

Особенно острыми были конфликты общин с епископами в середине XII в. Факты неповиновения горожан архиепископу подтверждает письмо папы Александра II сплитчанам (CD, II, s. 91—92). В 1150-е годы по мере ослабления вен-

герских позиций на Адриатике в большинстве диоцезов происходили стихийные переизбрания епископов, причем явно проявлялись антицерковные настроения. Так, в Трогире население избрало епископом 12-летнего мальчика, который вдобавок был незаконнорожденным (СД, II, s. 92—93). Горожане тем самым стремились подорвать престиж городского епископата. Кульминация конфликта общин с епископами приходится на 15-летие 1165—1180 годов, когда в условиях восстановления византийской власти над Далмацией при Мануиле I Комнине<sup>100</sup> далматинские епископы оказались в сложном положении — государственное подчинение Далмации Константинополю вновь вступило в противоречие с церковным подчинением Риму. Дело осложняла теперь еще и сильная антицерковная оппозиция в городах. Вряд ли она сложилась только из-за непомерных притязаний церкви в сфере городского землевладения<sup>101</sup>, — судя по решениям сплитского собора 1185 г., города решительно вторгались в управление епископальной церковью, присваивая прерогативы назначения на церковные должности. Представители клира были отстранены от участия в рассмотрении дел, затрагивавших церковные интересы<sup>102</sup>. В 1185 г. далматинский епископат был вынужден заявить о своей обособленности от городской общины, сформулировав ряд запретов относительно вмешательства мирян в церковные дела<sup>103</sup>. Показательно, что и в Задаре, где внешнеполитическая ориентация клира и общины совпадала, будучи антивенецианской и провенгерской, в конце XII в. имели место аналогичные конфликты. Причины подобных столкновений, таким образом, лежали глубже.

В Далмации процессы формирования социальной и политико-административной структуры городской коммуны приняли форму размежевания городской общины с городским епископатом, противопоставления политических форм общности людей — конфессиональным. Выражением этого процесса в значительной мере и было отмирание городской сходимки, воплощавшей единство религиозной и гражданской общины. Интенсивность вытеснения епископата из сферы городского управления в Далмации тем более очевидна, что в итальянских городах, даже наиболее развитых, епископы продолжали играть немалую роль в городском самоуправлении не только в XII, но и в XIII в.<sup>104</sup>

«Обмирщение» городского самоуправления, упрочение монополии патрициата на власть, формирование первых патрицианских коллегий узкого состава дополнились в первой половине XIII в. кодификацией городского права, становле-

нием Больших патрицианских советов и введением института подесты. Все эти явления были взаимообусловлены. Подеста впервые появился в Задаре в конце XII в., по утвердился в далматинских городах лишь в середине XIII в. Подеста — это наемный градоначальник, отправлявший свою должность, как правило, в течение года и облеченный исполнительной и судебной (в ограниченных пределах) властью, а также командовавший городским ополчением. Подеста был чаще всего итальянцем и приносил с собой в Далмацию навыки и традиции развитой политической и общественной жизни итальянских городов. Как и в Италии, введение подестата в Далмации было, видимо, обусловлено усложнением социального (для Далмации — социэтнического) состава городской общины и нарастанием внутрисословных патрицианских противоречий, свойственных любой сложившейся коммуне<sup>105</sup>. По своему правовому положению в коммуне городской князь с середины XIII в. мало отличался от подеста, правда, князь чаще был по происхождению далматинцем или хорватом. Подестарное правление по сравнению с княжеским было более регулярным, оно подразумевало периодическое переизбрание градоначальника. С середины XIII в. городская элита окончательно потеряла доступ к этой должности. Введение подестата было также скорее всего связано с неспособностью раннекоммунальных организмов к саморегуляции, с их потребностью во внешней корректировке деятельности административного аппарата. Правление чужестранцев ограничивалось конституцией и контролировалось коммунальными советами. Немногим позже (в середине XIII в.) в кодификации городского права закрепились количественный состав, функции, полномочия, периодичность заседаний Больших патрицианских советов. Изменения в правовой и административной жизни города потребовали создания единого законодательного органа, который одновременно был бы гарантом городской «конституции» и практически осуществлял бы монополию на власть всего патрициата. Таким институтом, перенявшим у сходки высший авторитет в решении всех политических проблем, стал Большой совет, состоявший в разных городах из 50—100 патрициев.

Подеста или князь, Большой совет, курия и специализированные магистратуры, складывавшиеся на протяжении XIII в., составляли основу коммунальной системы самоуправления городов Далмации. Период становления коммуны в этих городах следует датировать, примерно 1070—1250 гг., т. е. он продолжался немногим менее двух столетий. Суще-



ность этого процесса состояла в кардинальной социально-политической перестройке, которой подвергалась ранне-средневековая городская община. В ходе этой перестройки община утрачивала свое единство, в социальном, а затем и в сословном отношении окончательно обособлялась городская элита (патрициат), место «малых ассоциаций» соседского типа занимали производственные и приходские корпорации — «братовщины». Во второй половине XIII в. городская коммуна приобрела свой окончательный облик.

- <sup>1</sup> См. об этом: *Lučić J. Povijest Dubronika od VII st. do godine 1205.*— In: *Anali Historijskog odjela Centra za znanstveni rad Jugoslovenske Akademije znanosti i umjetnosti (JAZU) u Dubrovniku* (далее — *Anali*). Dubrovnik, 1976, sv. XIII—XIV, s. 16.
- <sup>2</sup> *Constantine Porphyrogenitus. Do administrando imperio* / Ed. Gy. Moravcsik, R. H. Jenkins. Budapest, 1949; также см.: ВИИИ, т. II; *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Пер. Г. Г. Литаврина.— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 286—292.
- <sup>3</sup> Новейший перевод: *Toma Arhidakon. Kronika*. Split, 1977.
- <sup>4</sup> *Klaić N., Petricioli I. Zadar u srednjem vijeku*. Zadar, 1976, s. 55.
- <sup>5</sup> *Lučić J. Povijest Dubrovnika...*, s. 11—12, 15—16.
- <sup>6</sup> *Petricioli I. Lik Zadra u srednjem vijeku.*— RIZ, 1965, sv. XI—XII, s. 145.
- <sup>7</sup> *Klaić N., Petricioli I. Zadar...*, s. 127.
- <sup>8</sup> В тексте DAI предложена иная этимология: «Rausij» от «lau». Это долго принималось в литературе, пока П. Скок не доказал обратную связь: «lau», lava, labes» от «Rausij» (*Škok P. Les origines de Raguse.*— *Slavia*, 1931; X, p. 454; *Idem. Postanak Splita.*— *Anali*, 1952, sv. I, s. 19—62).
- <sup>9</sup> *Jakić-Cestarić V. Antroponomastička analiza isprave zadarskog priora Andrije s početka X stoljeća.*— In: *Onomastika Jugoslavica*. Zagreb, 1976, N 6, s. 195—215.
- <sup>10</sup> *Jireček K. Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters*. Wien, 1901—1904 (новейшее издание см.: *Зборник Константина Јиречека*. Београд, 1962, II).
- <sup>11</sup> *Strohal I. Pravna povijest dalmatinskih gradova*. Zagreb, 1930, dio I.
- <sup>12</sup> *Jakić-Cestarić V. Etnički odnosi u srednjovjekovnom Zadru prema analizi osobnih imena.*— RIZ, 1972, sv. XIX.
- <sup>13</sup> *Strgačić A. M. Pāpa Aleksandar III u Zadru.*— RIZ, 1954, sv. I, s. 153—187.
- <sup>14</sup> *Jakić-Cestarić V. Ženska osobna imena i hrvatsku udio u etnosimbiotskim procesima u Zádru do kraja — XII stoljeća.*— RIZ, 1974, sv. 21, s. 309, 323, 337.
- <sup>15</sup> *Манкен И. Дубровачки патрицијат у XIV веку*. Београд, 1960, с. 83—84.
- <sup>16</sup> *Novak G. Povijest Splita*. Split, 1957, dio 1, s. 361.
- <sup>17</sup> *Jakić-Cestarić V. Nestajanje hrvatskog (čakavskog) Splita i Trogira u svjetlu antroponima XI stoljeća.*— In: *Hrvatski dialektološki zbornik*. Zagreb, 1981, knj. 5, s. 110—112.
- <sup>18</sup> *Манкен И. Дубровачки патрицијат...*, с. 84.

- <sup>19</sup> *Beuc I.* Statut zadarske komune iz 1305 godine.— In: Vjesnik Državnog arhiva u Rijeci. Rijeka, 1954, sv. II, s. 522.
- <sup>20</sup> *Klaić N., Petricioli I.* Zadar..., s. 58.
- <sup>21</sup> *Фрејденберг М. М.* Деревня и городская жизнь в Далмации. Калинин, 1972, с. 186—187.
- <sup>22</sup> *Novak G.* Povijest..., dio 1, s. 131; *Фрејденберг М. М.* О социальной структуре Трогира в XIII в.— В кн.: Учен. Зап. Ин-та славяноведения. М., 1966, т. 30, с. 25—26.
- <sup>23</sup> *Toma Arhidakon.* Kronika, s. 165.
- <sup>24</sup> *Klaić N., Petricioli I.* Zadar..., s. 64.
- <sup>25</sup> *Toma Arhidakon.* Kronika, s. 95; *Novak G.* Povijest Splita, dio 1, s. 137.
- <sup>26</sup> *Toma Arhidakon.* Kronika, s. 111.
- <sup>27</sup> *Margetić L.* Dioba općinskih zemljišta u nekim srednjovjekovnim dalmatinskim komunama.— In: Starine JAZU. Zagreb, 1975, knj. 56, s. 5—36.
- <sup>28</sup> *Фрејденберг М. М.* Городская община в средневековой Далмации и древнегреческий полис.— In: Fiskovicev zbornik, Split, 1980, II, s. 68—85.
- <sup>29</sup> *Klaić N., Petricioli I.* Zadar..., s. 120—122; *Petricioli I.* Umjetnost XI stoljeća u Zadru.— ZHI, 1967, N 2/3, s. 166.
- <sup>30</sup> *Zlato i srebro Zadra i Nina.* Zagreb, 1972, s. 144—146.
- <sup>31</sup> *Supetarski kartular / Ured. V. Novak.* Zagreb, 1952, s. 28—29; *Cvitanić V.* Bratovštine grada Zadra.— In: Zadar: Zbornik. Zadar, 1964, s. 460.
- <sup>32</sup> *Фрејденберг М. М.* Средневековые города Далмации: исторические судьбы.— ВИ, 1982, № 10, с. 104.
- <sup>33</sup> *Фрејденберг М. М.* Патрициат далматинских городов XII—XIV вв. (По данным из Трогира и Задара).— В кн.: Славянские исследования. Л., 1966, с. 26—30.
- <sup>34</sup> *Фрејденберг М. М.* О многозначности понятия «servus» в Далматинской Хорватии X—XI вв.— В кн.: УЗ Великолуцкого пед. ин-та. Великие Луки, 1962, вып. 20, с. 93—101; *Он же.* Рабы в средневековом городе (Далмация, XIII—XIV вв.).— Etudes balkaniques. S., 1979, N 3, s. 91—103.
- <sup>35</sup> *Stipišić J.* Razvoj splitske notarske kancelarije.— ZHI, 1959, sv. 1, s. 111—123.
- <sup>36</sup> *Klaić N., Petricioli I.* Zadar..., s. 196.
- <sup>37</sup> Мы не согласны с идеей о формировании далматинского нотариата под воздействием византийского (*Чудиновских Э. П.* Далматинский нотариат и его византийские корни.— ВВ, 1973, т. 35, с. 244—248). Нотариата как особого учреждения в Византии того времени не существовало (см.: *Медведев И. П.* Византийские и поствизантийские копийные книги.— Вспомогательные исторические дисциплины, 1974, вып. 6, с. 313).
- <sup>38</sup> *Фејић Н.* Которска канцеларја у средњем веку.— Историјски часопис, 1980, књ. XXVII, с. 10—11.
- <sup>39</sup> *Фрејденберг М. М.* Деревня..., с. 10—12.
- <sup>40</sup> *Teja A.* Il regime giuridico e la funzione degli Statuti nelle città dalmate durante il Medioevo. Zara, 1937, p. 9—10.
- <sup>41</sup> См.: *Trogirski spomenici / Ed. M. Barada.* Zagreb, 1949, dio II, sv. 1 (далее — TS), s. 35, 70, 101.
- <sup>42</sup> CD, IV, s. 105—106; CD, III, s. 4, 178; CD, II, s. 318—319.

- <sup>43</sup> В Дубровнике в 1237—1252 г. более половины судей занимали должности не единожды либо судьями становились их родственники (CD, IV, s. 45—46).
- <sup>44</sup> *Toma Arhidakon. Kronika*, s. 105.
- <sup>45</sup> Первые образцы статуарного права были созданы в далматинских городах в середине XIII в. Сохранились статуты: дубровницкий (1272 г.), задарский (1305 г.), сплитский (1312 г.), трогирский — (1322 г.).
- <sup>46</sup> *Toma Arhidakon. Kronika*, s. 111, 114.
- <sup>47</sup> Историографию вопроса см.: *Klaić N., Petricioli I. Zadar...*, s. 14—24.
- <sup>48</sup> См., например: *Beuc I. Statut...*, s. 507; *Lučić J. Povijest Dubrovnika...*, s. 113—114; *Brandt M. Neki elementi komunalog razvitka srednjovekovnog Zadra do pol. XI st.—Zadarska revija*, 1967, N 2/3, s. 156.
- <sup>49</sup> *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 4. с. 426.
- <sup>50</sup> *Ennen E. Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn*, 1953, S. 298; *Klaić N. Zadar, dalmatinska metropola do XII stoljeća.—Zadarska revija*, 1967, N 2/3, s. 112.
- <sup>51</sup> Сходно эволюционировала городская курия в Равенне (*Бородин О. П. Городская курия в Равенне в эпоху раннего средневековья.— В кн.: Проблемы истории античности и средних веков. М., 1980, с. 45—64*).
- <sup>52</sup> *Brätianu G. I. Privilèges et franchises municipales dans l'Empire byzantine. P., Buc.*, 1936, p. 55.
- <sup>53</sup> *Ferluga J. L'amministrazione bizantina in Dalmazia. Venezia*, 1978.
- <sup>54</sup> *Ibid.*, p. 235; *Он же.* О неким аспектима изградње е тематског уређења на Балканском полуострову.— В кн.: *Зборник радова филозофског факултета. Београд*, 1964, књ. VIII / 1, с. 140.
- <sup>55</sup> См.: *Klaić N., Petricioli I. Zadar...*, s. 54.
- <sup>56</sup> *Ennen E. Frühgeschichte...*, S. 236.
- <sup>57</sup> *Strohal I. Pravna povijest...*, s. 225; *Brezzi P. I comuni medioevali nella storia d'Italia. Torino*, 1959, p. 117.
- <sup>58</sup> *Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte im östlichen Europa. Wiesbaden*, 1982, H. 2. Namentragende Steinschriften in Jugoslawien vom Ende des 7. bis zur Mitte 13. Jahrhundert, N 70, 141.
- <sup>59</sup> *Ivanišević M. Trogir u povijesnim izvorima od 438 do 1097 godine.— Mogućnosti*, 1980, N 10/11, s. 968; «a suis praedecessoribus constructa».
- <sup>60</sup> *Ferluga J. L'amministrazione...*, p. 157.
- <sup>61</sup> *Strohal I. Pravna povijest...*, s. 305, 316.
- <sup>62</sup> Как это делает Н. Клаич; см.: *Klaić N., Petricioli I. Zadar...*, s. 93.
- <sup>63</sup> В числе Quinquennales были и дуумвиры. См.: *Бородин О. П. Городская курия...*, с. 49.
- <sup>64</sup> *Lučić J. Povijest Dubrovnika...*, s. 127; *Clarke M. V. The medieval City State. Cambridge; N. Y.*, 1966, p. 58.
- <sup>65</sup> *Klaić N., Petricioli I. Zadar...*, s. 93; *Brandt M. Neki elementi*, s. 154; *Lučić J. Komunalne uredenje dalmatinskih gradova u XI stoljeću.— In: Zbornik radova za povijesne znanosti JAZU. Zagreb*, 1980, sv. 10, s. 216—220.
- <sup>66</sup> *Lučić J. Povijest Dubrovnika...*, s. 122.
- <sup>67</sup> Еще в конце XIII в. гражданский статус определялся по необходимости в ходе судопроизводства; см.: *TS, dio II, sv. 1, s. 24, 28, 36.*

- <sup>68</sup> *Brezzi P.* I comuni..., p. 33; *Fasoli G.* Governanti e governati nei comuni cittadini italiani fra l'XI ed XIII secolo.— In: *Etudes suisses d'histoire générale*. Bern, 1963, vol. 20, p. 146.
- <sup>69</sup> *Фрейденберг М. М.* Городская община в Далмации X—XI веков и ее античный аналог.— *Etudes balkaniques*, S., 1977, N 2, с. 119—120; *Beuc I.* Statut..., s. 507.
- <sup>70</sup> *Margetić L.* Tribuni u srednjovjekovnim dalmatinskim gradskim općinama.— *ЗРВИ*, 1975, т. XVI, с. 25—29.
- <sup>71</sup> *Margetić L.* Tribuni..., s. 37.
- <sup>72</sup> *Кнабе Г. С.* Римское общество в эпоху ранней империи.— В кн.: *История древнего мира*. М., 1982, т. 3, с. 81; *Fasoli G.* Dalla «civitas» alla comune. Bologna, 1961, p. 56—59; *Lemarigner J.-F.* La France médiévale: institutions et société. P., p. 187.
- <sup>73</sup> Фома Архидиакон считал, что после разрушения Салоны население объединялось «по трибам»; см.: *Toma Arhidakon.* Kronika, s. 30. О связи терминов «триба» и «трибун», где триба рассматривается как часть полисной общины, см.: *Моммзен Т.* История Рима. М., 1936, т. 1, с. 63, 65, 68—70.
- <sup>74</sup> *Margetić L.* Tribuni..., s. 34.
- <sup>75</sup> Об элементах полисной структуры в далматинских городах см.: *Фрейденберг М. М.* Городская община в Далмации..., с. 119—125; *Он же.* Городская община в средневековой Далмации..., с. 68—85.
- <sup>76</sup> Glossar, N 92.
- <sup>77</sup> Glossar, N 91.
- <sup>78</sup> Glossar, N 133.
- <sup>79</sup> См.: *Toma Arhidakon.* Kronika, s. 79.
- <sup>80</sup> *Toma Arhidakon.* Kronika, s. 59.
- <sup>81</sup> CD, III, s. 34, 67, 80, 96, 112, 127, 130, 164, 190, 211, 226, 265, 394, 438; CD, IV, s. 22, 31, 119; CD, III, s. 364, 367.
- <sup>82</sup> *Toma Arhidakon.* Kronika, s. 59, 188.
- <sup>83</sup> CD, II, s. 221—222: «turba nobilium».
- <sup>84</sup> *Klaić N.* O autentičnosti privilegija trogirskog tipa.— In: *Zbornik instituta za historijske nauke u Zadru.* Zadar, 1958, sv. 2, s. 77, 88; *Györffy G.* O kritici dalmatinskih privilegija 12. stoljeća.— *ZHI*, 1969, sv. 6, s. 97—108; *Klaić N.* Još jednom o tzv. privilegijama trogirskog tipa.— In: *Исторически часопис*, 1973, № 20, с. 15—87.
- <sup>85</sup> Glossar, N 33.
- <sup>86</sup> *Toma Arhidakon.* Kronika, s. 64.
- <sup>87</sup> *Баткин Л. М.* Гвельфы и гибеллины во Флоренции.— *Средние века*, 1969, вып. 16, с. 25; *Стоклицкая-Терешкович В. В.* Классовая борьба в Милане в XI в. и зарождение Миланской коммуны.— *Средние века*, 1954, вып. 5, с. 167.
- <sup>88</sup> *Planitz H.* Die deutsche Stadt im Mittelalter. Weimar, 1980, S. 229; *Ennen E.* Frühgeschichte..., S. 271.
- <sup>89</sup> *Lučić J.* Povijest Dubrovnika..., s. 123; *Idem.* Komunalno uređenje..., s. 219.
- <sup>90</sup> *Lučić J.* Povijest Dubrovnika..., s. 134.
- <sup>91</sup> *Ibid.*, s. 66.
- <sup>92</sup> *Barada M.* Dalmatia superior.— *Rad JAZU*, (Zagreb), 1949, knj. 270, s. 110—113.
- <sup>93</sup> *Brezzi P.* I comuni..., p. 17.
- <sup>94</sup> См.: *Чернышов А. В.* Сплитская легенда о Домнии и Анастасии и политическая реальность далматинского средневековья.— В кн.: *Общественное сознание на Балканах в средние века*. Калинин, 1982, с. 131—155.

- <sup>95</sup> *Klatić N.* Kratka šetnja trogirskim srednjovjekovljem.— *Mogućnosti*, 1980, N 10/11, s. 1114.
- <sup>96</sup> CD, II, s. 151: «mater et omnes, qui sub se sunt».
- <sup>97</sup> *Toma Arhidakon.* Kronika, s. 58.
- <sup>98</sup> *Toma Arhidakon.* Kronika, s. 51.
- <sup>99</sup> CD, II, s. 91—92; *Toma Arhidakon.* Kronika, s. 62, 65.
- <sup>100</sup> *Ferluga J.* L'amministrazione..., p. 251 sq.
- <sup>101</sup> *Colak N.* Zemljišni posjedi zadarske komune u 12 stoljeću.— *Rad JAZU*, (Zagreb), 1963, s. 380.
- <sup>102</sup> Речь идет о земельных тяжбах; см.: CD, II, s. 131, 221—222.
- <sup>103</sup> CD, II, s. 203. По мнению Э. Эннен, с прекращением традиционных связей епископа с городской общиной в городах Средиземноморья завершилось раннее средневековье; см.: *Ennen E.* Frühgeschichte..., S. 130.
- <sup>104</sup> *Котельникова Л. А.* Политика городов по отношению к сельским коммунам Северной и Средней Италии.— *Средние века*, 1959, вып. 16, с. 10.
- <sup>105</sup> *Hertter F.* Die Podestalliteratur Italiens in 12 und 13 Jahrhundert.— *In: Beiträge zur Kulturgeschichte des Mittelalters und der Renaissance.* Leipzig; B., 1910, H. 7, S. 81—83.





## Глава восьмая

# МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА БАЛКАНАХ в VI—XII вв.

С тановление и развитие раннефеодальной государственности на Балканах происходило, как это было показано в предшествующих главах, в сложной и постоянно меняющейся международной обстановке на полуострове. Активное участие в этом процессе принимали не только Византия и первые славянские государства на Балканах, но и другие этнополитические объединения местного населения, а также государства и народы соседних регионов Европы. Хотя эти сюжеты затрагивались выше, они, однако, не рассматривались как особая проблема. Данная глава и предназначена для восполнения указанного пробела. Необходимость в этом тем более настоятельна, что, несмотря на значительное число обобщающих работ по истории Византии, Болгарии, сербов и хорватов в раннефеодальную эпоху<sup>1</sup>, в названном аспекте ход событий в специальной литературе почти не изучался. Основной причиной этого являются, с одной стороны, уже неоднократно отмечавшаяся скудость источников, а с другой — традиционно сохраняющееся в историографии направление исследований, отдающих предпочтение изучению двусторонних, а не многосторонних связей и контактов<sup>2</sup>.

Отчетливо сознавая стоящие на пути трудности, авторы не ставят своей целью проследить историю межэтнических и межгосударственных отношений на Балканах на протяжении всего исследуемого периода. Они намерены выделить лишь наиболее общие особенности и тенденции, претендуя скорее только на постановку проблемы. Главное внимание будет уделено двум ее аспектам: примерной периодизации межэтнических связей и межгосударственных отношений и их специфике на разных этапах. Контакты народов Балкан с «внебалканскими» будут затрагиваться лишь в случаях крайней необходимости.

Авторы вынуждены избегать сколько-нибудь подробного пересказа фактов и событий, уже нашедших отражение в

I—VII главах: задача состоит в том, чтобы коротко рассмотреть их и в известной мере обобщить с иной точки зрения. Вне рамок главы оставлено также время, предшествовавшее появлению славян на Балканах.

Изучаемая эпоха может быть разделена, по мнению автора, на 4 периода международных отношений в регионе: 1) от начала массовых вторжений славян до образования Болгарского государства, т. е. с середины VI до конца VII в.; 2) от конца VII до конца IX в., т. е. до оформления и упрочения других славянских государств на Балканах и завершения процесса христианизации славян региона; 3) от конца IX до 20-х годов XI в., т. е. до византийского завоевания Болгарии; 4) с 20-х годов XI в. до 80-х годов XII в., т. е. время гегемонии империи на полуострове. Что касается обоснования предлагаемой периодизации, то доводы авторов в ее пользу будут ясны, как они падеются, из дальнейшего изложения.

На начальном этапе первого периода славяне еще не выступали в качестве основной силы, противостоявшей Византии на полуострове: свои набеги они совершали одновременно или совместно с протоболгарами, гепидами и, особенно, аvaraми. Однако с последних десятилетий VI в., с начала массового переселения, славяне стали главной угрозой имперскому господству на Балканах<sup>3</sup>. Ко второй четверти VII в. реальная власть Византии сохранялась только в районах с крупными городами-крепостями на побережье Черного, Мраморного и Эгейского морей, в Аттике и на востоке Пелопоннеса. Номинально признававшими суверенитет империи и относительно независимыми от славян, став их данниками, были также некоторые города далматинского приморья, большинство жителей которых имели романское происхождение.

С конца 60-х годов VI в. до начала второй четверти VII в. ведущую роль в отношениях «варваров» с империей играл аварский фактор: в своих действиях против Византии значительная часть славян выступала в качестве подданных хагана, под властью которого частично оказались и славяне, поселившиеся в конце VI в. на землях империи (на северо-западе Балкан, в Северной и Средней Македонии). В силу этого и другие славинии (от Подунавья до Эгейского моря) оказались между двумя хорошо организованными в военном отношении силами: между Аварским хаганатом и Византией, вступившими, видимо, уже в начале VII в. (при Ираклии: 610—641 гг.) в борьбу за влияние на славинии.

Правда, занятая войнами на востоке империя в это время еще не развернула против славян военного наступления. Военные акции она осмеливалась пока осуществлять в близких к столице районах Фракии, прибегая в отношении других к дипломатии: соглашениям о мире с помощью даров и даней, привлечению к союзу в качестве федератов.

Знать большинства Славиний стремилась утвердить независимость и от хаганата, и от империи, и ход событий после разгрома аваров под Константинополем в 626 г., казалось, благоприятствовал этому. Серьезный удар по хаганату был нанесен и восстанием славян под руководством Само, образовавших крупное политическое объединение, существовавшее около 35 лет. Роль Славиний на Балканах резко возросла. Попытка хагана образовать против империи единый фронт не только со славянами, но и с персами была отбита (626). Аварский фактор утратил первостепенное значение в международной жизни полуострова. Основной причиной ослабления могущества хаганата на этом этапе были внутренние противоречия между правящей аварской верхушкой и поставленными в приниженное положение ее прото-болгарскими, и особенно славянскими, подданными. С этого времени генеральным направлением в политической жизни полуострова стало противоборство славян и империи<sup>4</sup>.

Разная ситуация сложилась при этом и сохранялась до конца VII в. (а в ряде мест до конца VIII в.) в четырех районах полуострова. Во-первых, в Фессалии и на Пелопоннесе, где славяне, частью вытеснив, частью подчинив местное греческое население, а частично установив с ним мирные связи, жили самостоятельно своими славиниями. Второй особый район составила территория между Балканским хребтом и Дунаем, где в 1-й четверти VII в. упрочила свои позиции славянская знать союза «Семь родов», вступившая в экономические отношения с уцелевшими причерноморскими городами империи и в союзно-федеративные связи с Константинополем<sup>5</sup>. Наибольшую политическую активность в действиях против империи почти до конца VII в. проявляли славяне третьего района, включавшего Южную (отчасти Среднюю) Македонию, соседние области Эпира и Западную Фракию. К концу 670-х годов, отразив последние попытки этой группы славян захватить Фессалонику, империя утвердила свой контроль в Южной Македонии. Характерно, что и в это время резко возросшей со стороны Византии угрозы независимости славиний их знать не пошла по пути дальнейшего объединения своих сил. О наметившемся в этом районе переломе в пользу империи свидетельствует упоминание



навшийся (см. гл. I и V) факт прибытия в 678 г. в Константинополь с предложением мира посольства аварского хагана вместе с послами «правителей, экзархов и гастальдов» «западных пределов», т. е., видимо, вождей вассальных хагану племен, включая хорватов и сербов: учтя успехи империи и опасаясь ее наступления, хаган предлагал мир, претендуя на гегемонию лишь на северо-западе полуострова<sup>6</sup>. Эти земли и образовывали четвертый специфический район полуострова с самого начала славянского заселения. Верховенство аваров, прерванное здесь с приходом хорватов и сербов, было вновь восстановлено усилившимся в 670-х годах хаганатом. В целом этот район был, однако (особенно после 626 г.), в удалении от основных событий, связанных с борьбой славян против империи.

О какой-либо политической активности на Балканах в течение первого периода иных этнических групп (а здесь имелись остатки фракийцев, а также осколки племен готов, гепидов и др.) в источниках нет сведений. Исходя из данных лингвистики, некоторые исследователи полагают, что не затронутыми славянским и аварским нашествием оставались в это время лишь представители древнего иллирийского этнического элемента (предки современных албанцев), обитавшие в труднодоступных районах Эпира; по мнению других ученых, предки албанцев именно в эпоху нашествий V—VI вв. отошли из восточных и центральных областей полуострова в горы Иллирика<sup>7</sup>. Распространено в науке мнение и о том, что в горные районы Балкан была отеснена славянами также большая часть романизированного населения полуострова, обычно именуемая в источниках с конца X в. влахами (или применительно к районам к северу от Дуная и для несколько более позднего времени — волохами)<sup>8</sup>.

Оценивая расстановку политических сил на Балканах к концу первого периода, можно, вероятно, сделать следующие заключения. Во-первых, отношения славян и местных жителей (в основном греков) приобрели к этому времени преимущественно мирный характер; случаи острых столкновений с империей стали скорее исключением, чем правилом; внешняя активность Славиний снизилась; инициатива стала переходить к империи. Во-вторых, в условиях сравнительной безопасности и независимости находились Славинии в забалканском и греко-пелопоннесском районах; нанесен славянам поражение под Фессалоникой и на Струме, Византия постепенно подчиняла Славинии в окружающих город областях, заложив основы для дальнейшего наступле-

ния: связь между Константинополем и Фессалоникой была восстановлена, путь в Грецию и Среднюю Македонию войскам империи был открыт. В-третьих, внутрибалканские контакты и связи в этот период еще не стали непосредственно фактором международных отношений в Европе в целом: помимо Византии, имевшей также владения в Италии и в Азии, на положение дел на Балканах оказывал влияние лишь Аварский хаганат.

В начале второго периода международные отношения на полуострове стали не только межэтническими, но и межгосударственными. Теперь уже не Аварский хаганат, представлявший собой догосударственное межплеменное объединение, а конституировавшееся Болгарское государство выступило в качестве соперника Византии в борьбе за господство над Славиями Северной Фракии и Македонии. Конечно, византийско-болгарский конфликт, углубившийся в середине VIII в. и достигший особой остроты в начале IX в., не определял собой характера международных отношений в масштабах всего полуострова и в течение всего второго периода. И тем не менее именно отношения Византии и Болгарии в VIII—IX вв. оказывали особенно действенное влияние на международную обстановку на большей части Балканского полуострова от Эгейского моря до Дуная и от Черного моря до Адриатики.

Характерно, что до середины IX в. в своем противоборстве с Болгарией за Славинию империя не могла обеспечить одновременного успеха и в этой борьбе, и в походах против Славиний: значительные силы империи были заняты в войнах с арабами. Неоднократно Константинополь предпочитал мир с Болгарией (в 719—755, 815—837, 865—894 гг.), а иногда (в 705, 717—718, 823 гг.) даже прибегал к ее помощи в борьбе со своими внутренними и внешними врагами. Казалось, в конце 50-х — 70-е годы VIII в., во время внутреннего кризиса в Болгарии, гегемония Византии на полуострове стала реальностью<sup>9</sup>, но с 792 г. она вновь была припущдена платить дань болгарскому хану. Инициатива в войнах стала снова переходить к Болгарии. После сокрушительного разгрома армии Никифора I в 811 г. в Болгарии с трудом утвержденные во Фракии и Македонии позиции империи опять оказались под угрозой полной утраты. Стремясь вернуть утраченные здесь в первой половине IX в. земли, Византия прибегла не только к военному противоборству и помощи союзников, но и к христианизации как действенному средству своей внешней политики, встретившись при этом с упорным соперничеством папской курии.

Зная о решении господствующего класса Болгарии принять крещение, империя добилась разрыва ее союза с Восточно-Франкским (Германским) королевством, направленного против Великой Моравии, союзницы империи, отодвинуть к северу и стабилизировать границы в Македонии и Фракии и склонить Болгарию к принятию христианства по восточному обряду (865 г.). Наступила эпоха длительного византийско-болгарского мира, в течение которого Болгария, играя на противоречиях между папством и Константинополем, утвердила автономию своей церкви и упрочила свое международное положение.

Существенное значение для международных отношений на Балканах в этот период имело противостояние империи и Славиний. Здесь наступающей стороной была Византия. Подчиняя Славинии в ходе военных экспедиций, империя утверждала среди славян христианство и организовывала военно-административные области-фемы. Большую роль в этом отношении сыграл поход полководца империи Ставракия (783 г.), достигнувшего Пеллопоннеса<sup>10</sup>. Славинии и в это время по-прежнему не объединялись в постоянные и более крупные военно-территориальные союзы, исключая годы восстаний против упрочивавшейся византийской власти (восстание славян на Пеллопоннесе в 807 г. и мятеж смоленов в Западных Родопах в 837 г.). Узколокальные интересы родо-племенной знати доминировали над устремлениями вождей Славиний. До начала IX в. в ходе болгаро-византийского соперничества знать Славиний, не выражала готовности перейти на его сторону, предпочитая независимость и от него и от империи. Они либо сохраняли нейтралитет, либо переходили со стороны на сторону (смолены)<sup>11</sup>.

Даже входившие в состав Болгарии пограничные Славинии (тимочане), недовольные политикой ликвидации их внутренней автономии, пытались освободиться от власти хана, отдавшись под покровительство соседних государств (Франкской империи, Посавской Хорватии). Видимо, быстрые успехи Болгарии в 20—50-х годах IX в. по «собираению» окрестных славянских земель явились отражением ускорившегося процесса слияния протоболгарской аристократии со славянской в единый и в этническом отношении господствующий класс страны.

Все сказанное позволяет заключить, что время с конца VIII до середины IX в. может быть определено как период ухода с политической арены на полуострове Славиний в качестве особых, автономных военно-территориальных союзов

славян в Эпире, Македонии, Греции и на Пеллопоннесе. К середине 60-х годов, в сущности, впервые после славяно-аварских вторжений империя восстановила свою власть также на побережье Ионического моря и на значительной части Адриатического приморья. Оказавшиеся под византийским господством Славинии утрачивали свою этносоциальную структуру. Начался процесс постепенной эллинизации славянского населения<sup>12</sup>.

Особым, в значительной мере изолированным, как и в ходе первого периода, был до 20-х годов IX в. северо-западный район полуострова с характерным для него «кругом» межэтнических и международных связей. Этот район оказался к тому же более доступным в течение 2-го периода для вмешательства небалканских политических сил. Крупные перемены наступили здесь при повом ослаблении Аварского хаганата в VIII в. Около 745 г. словенцы Карантании, стремясь найти поддержку в борьбе против аварского притеснения, обратились за помощью к герцогу Баварии, являвшемуся вассалом франкского короля, и оказались в вассальной зависимости от франков<sup>13</sup>. Это событие не только предопределило ликвидацию Карантанского княжества уже в начале IX в., но и облегчило проникновение франкского влияния в соседние северо-западные районы Балкан. В 788 г. под власть Карла Великого перешли также Истрия и некоторые далматинские города, признававшие до этого суверенитет Византии. Возможно, к этому времени от Аварского хаганата отделились и другие славянские княжества (на территории современной Хорватии и в соседних районах)<sup>14</sup>. Началась интенсивная христианизация подвластных франкам славянских районов и активная миссионерская деятельность западного духовенства в северо-западных областях Балкан в целом<sup>15</sup>.

В самом конце VIII — начале IX в. Аварский хаганат пал под ударами франков. Его обширные владения, населенные по преимуществу славянами, были разделены между Франкской империей и Болгарией: западные были заняты франками, а некоторые восточные и юго-восточные — болгарами. В междуречье Тисы и Дуная обе волны экспансии почти соприкоснулись, и враждебное противостояние франков и болгар в этом районе в известной мере удерживало обе стороны от дальнейшего продвижения. В 819 г. тимочане, как упоминалось, отдались под покровительство Людевита Посавского. Предпринятая этим князем, находившимся в вассальной зависимости от франкского императора, попытка создать широкую коалицию славянских племен (хорват-

ских и отчасти словенских) против франкского господства окончилась неудачей (819—822 гг.). Разгром Людевита франками обусловил распространение их власти не только снова на «Посавскую Хорватию», но и на тимочан. Болгария восстановила свое господство над отпавшими Славиниями и присоединила часть новых славянских земель в этом регионе в результате походов 827—829 гг. Франки, как видно, не противодействовали этому. Их власть не простиралась далее части хорватских земель и совсем не коснулась боснийских. Тот факт, что тимочане просили сначала покровительства Людовика Благочестивого и, как кажется, не получив искомого, обратились к Людевиту, а также последующая их судьба свидетельствуют скорее не в пользу курса Франкской империи на продолжение экспансии к востоку и югу от хорватских земель. Не случайно вскоре, после распада Франкской империи (843 г.), результаты ее экспансии на северо-западе Балкан были сведены на нет<sup>16</sup>.

Принципиально новым фактором в развитии международных отношений на Балканах в течение второго периода было завершение процесса оформления государств у сербов и хорватов, т. е. у всех славянских народов полуострова, не вошедших в пределы Византии и Болгарии. Природно-географическая и социально-экономическая гетерогенность балканского региона обусловила разновременность выхода на политическую арену населяющих его народов и влияние внешних сил на процесс становления хорватских и сербских государств. Помимо Далматинской и «Посавской Хорватии» (последняя лишь к концу столетия освободится от полувассальной зависимости от Восточно-Франкского королевства), упрочились сербские княжества: Пагания (Арентания), Травуния, Захумье, Дукля, Сербия. Правда, разобщенность и соперничество между собой этих государств облегчали соседним крупным державам (Византии, Болгарии и Восточно-Франкскому королевству) возможность утвердить среди них свое влияние. Византия развернула широкую миссионерскую деятельность на сербских землях. Ее позиции упрочивались и в Далматинской Хорватии. В конце 60—70-е годы хорватские и сербские княжества выступали в качестве союзников империи в ее конфликтах с Болгарией, сицилийскими и африканскими арабами<sup>17</sup>. Вслед за возникшими в начале IX в. феодами империи Кефаллия и Диррахий около середины столетия была основана феода Далмация<sup>18</sup>. Укреплению Сербии пыталась воспрепятствовать Болгария (около 870 г.), потерпевшая, однако, при этом поражение. Против Неретвянского княжества (Арентании) ходил вой-

ной в 887 г. венецианский дож Кандиано, сложивший при этом голову. К концу IX в. положение сербских и хорватских княжеств стабилизировалось.

Таким образом, международные отношения на Балканах в IX в. стали одновременно отношениями межгосударственными. Отныне границы всех балканских государств нуждались в организованной защите на всем их протяжении. Создавалась система регулируемых по дипломатическим каналам межгосударственных связей, которые все чаще выходили за пределы Балканского полуострова. Именно в ходе 2-го периода не только Византия, но и Болгария и сербские и хорватские княжества вступили в систему европейских международных отношений в целом. Болгария имела контакты с Франкской империей, затем с Восточно-Франкским королевством, с Великой Моравией, папством, Древней Русью; некоторые из хорватских и сербских княжеств, помимо Германии и папства, вступали в отношения с Венецией, Королевством Италия, арабами Африки и Сицилии.

В известной общественно-политической изоляции и в односторонних этнических связях с различными государствами на полуострове оставались в этот период только албанцы и влады, общественно-политические объединения которых еще не играли заметной роли в международной жизни региона. Об албанцах от этого времени не сохранилось ни одного упоминания в источниках. Что же касается владов, то, видимо, их активность быстро возрастала. Судя по данным X в. и подходя к вопросу ретроспективно, можно, вероятно, заключить, что в их среде в это время совершался процесс формирования выделяющейся богатством и влиянием социальной верхушки. Безусловно, в этот период влашские общины (катуны), расположенные на территориях разных балканских государств, были вовлечены в систему организованной эксплуатации со стороны центральной власти. Формирующаяся влашская знать, «запоздав» с утверждением своей власти в пределах собственной этносоциальной среды (главным препятствием к этому был пастушеский тип хозяйства владов, связанный с сезонными перекочевками), усиливала свою политическую активность в рамках тех государств, в которых она находилась. Известной региональной этносоциальной консолидации способствовал и такой в целом неблагоприятный для владов в хозяйственном отношении фактор, как установление четких и бдительно охраняемых (например, в Болгарии и Византии) государственных границ. Трассы традиционных перегонов скота оказались прерванными, должны были отчасти измениться и, во

всяком случае, стать более локальными, короткими. Интеграция владыков в экономическую и политическую систему балканских стран должна была заметно ускориться<sup>19</sup>.

Следует, наконец, особо сказать о том, что на характере международных отношений на Балканах серьезно отразилось утверждение христианства как господствующей религии среди подавляющего большинства населения региона. Хотя официально крещение Болгарии датируется 864/865 г., а сербских княжеств — 60—70-ми годами IX в., полное завершение этого процесса относилось едва к концу столетия (достаточно вспомнить о попытке реставрации язычества в Болгарии в 893 г.). Утверждение христианства в Болгарии тесно связано со сложными перипетиями дипломатической и вооруженной борьбы нескольких государств, вдохновляемой, с одной стороны, папской курией, с другой — Византией. Начало этих событий связано с моравской миссией солунских братьев, первоучителей славянства, Кирилла (Константина) и Мефодия, и организацией по восточному образцу церкви Великой Моравии. Однако авторы главы считают этот сюжет не подлежащим рассмотрению в данной главе. Их главная задача — сконцентрировать внимание на событиях в балканском регионе.

С принятием христианства в качестве официальной религии вероисповедные противоречия перестали служить для «старых» христианских держав Востока и Запада предлогом политики подчинения соседних народов. В свою очередь в среде господствующего класса принявших христианство стран (оно обусловило единство идеологии и упрочение центральной власти, поставившей церковь под свой контроль) усилилось в отношениях с соседями сознание собственных этносоциальных и политических интересов, представление о равенстве своих прав в семье христианских народов. Завершилось оформление феодальных народностей: ускорился процесс ассимиляции этнических меньшинств. В пределах Византии он происходил в среде ее славянских подданных, в Болгарии, хорватских и сербских княжествах — среди остатков греческого и романского населения (в городах по Дунаю и в Причерноморье, в Северной Фракии, Средней и отчасти Южной Македонии, на далматинском побережье). Особенность процесса славянизации романского населения в Хорватии и в прибрежной (далматинской) части сербских земель состояла в том, что указанное направление этнической консолидации происходило в условиях господства западного (римского) христианского обряда. Так в течение 2-го периода были заложены основы разделения сербской

народности на две части по вероисповедному признаку, ставшему для обеих частей важным фактором самосознания.

Это обстоятельство обусловило сохранение вероисповедных и идейно-политических противоречий между балканскими государствами и после принятия христианства. В частности, очагом конфликтов теперь уже в лоне «христианской ойкумены» стало надолго хорватское и сербское побережье Далмации, где утвердила свои позиции папская курия. В 879 г. в ответ на признание ставленником Византии хорватским князем Здеславом сюзеренитета империи и церковной зависимости от патриарха Константинополя местная знать, поддержанная приверженным папству клиром, совершила переворот и устранила Здеслава<sup>20</sup>. Несмотря, однако, на церковное единство континентальных хорватских земель и далматинских городов, их интеграция в пределах одной государственно-политической системы растянулась на несколько столетий. Далматинские города сохраняли автономию, иногда были полностью независимыми от хорватских или сербских правителей; нередко они были вынуждены признавать сюзеренитет соседних держав — Венеции, а позднее — и Венгерского королевства.

Идеологической основой позиции Византии в отношениях со славянскими государствами региона (и не только его) служила теперь теория о «сообществе христианских стран» под эгидой ее высшего гегемона, повелителя и арбитра «цивилизованного мира» — императора Константинополя. Церковную зависимость славянских государств от византийского патриарха в столице империи трактовали как неотделимую от зависимости политической. Для правящего класса принявших христианство от Византии славянских стран важнейшей задачей в отношениях с империей стало отстаивать свою политическую самостоятельность и свести к минимуму церковную зависимость от патриарха Константинополя.

Наиболее характерной чертой 3-го периода международных отношений на Балканах (с конца IX до конца второго десятилетия XI в.) была борьба за гегемонию на Балканах Византии и Болгарии, двух крупнейших государств региона. Речь шла теперь не только о господстве над Славиниями, о расширении границ за счет друг друга или о власти над сербскими землями<sup>21</sup> — в завязавшейся смертельной схватке, длившейся с перерывами более полувека (894—896, 904—913, 968—1018 гг.), был поставлен вопрос о самом существовании одной из враждующих сторон как самостоятельного государства.



В это противоборство были вовлечены постепенно не только все иные государства на полуострове, но также прямо или косвенно крупные внебалканские политические силы: печенеги и арабы, Киевская Русь и Венгрия, Германское королевство (затем империя) и Фатимидский Египет. Наиболее опасным для Византии, когда непрерывно наступающей стороной оставалась Болгария, было время правления ее царя Симеона (893—927). Отразив угрозу со стороны венгров, обосновавшихся после разгрома ими Великой Моравии в Паннонии в конце IX в., обеспечив нейтралитет печенегов, подступивших к Нижнему Подунавью примерно в то же время, и усилившейся Древней Руси, Симеон захватил большую часть черноморского побережья Фракии, долину р. Месты почти до низовий, северные районы Фессалии, прилегающие к Фессалонике с севера области. Усвоив имперскую доктрину единого христианского царства во главе с единственным императором, он сделал ее орудием собственной внешней политики, претендуя на создание славяно-греческой империи с ее старым центром в Константинополе, но во главе с болгарской династией<sup>22</sup>.

Для реализации этого замысла болгарскому государю не хватало материальных ресурсов и воинских сил. Поэтому, стремясь повысить военный потенциал и предупредить возможное выступление против Болгарии в качестве союзников Византии сербских и хорватских князей, Симеон одновременно принимал меры к расширению своей власти и на сербо-хорватский ареал. Ему удалось подчинить Сербию (924 г.), но он понес поражение от хорватов<sup>23</sup>. Империя, препятствуя образованию единой славянской коалиции, всячески поддерживала сербов и хорватов против Болгарии не только в период правления Симеона, но и позднее<sup>24</sup>.

С 927 г. до конца 60-х годов отношения Болгарии с Византией носили мирный характер. Болгария, в которой углубились после изнурительных войн Симеона социальные и политические противоречия, отступала перед византийским, пока еще только дипломатическим, давлением. От верховной власти Болгарии освободились сербы; на левом берегу Дуная хозяйничали союзные империи печенеги; начиная с 30-х годов из Паннонии постоянно угрожали венгры, разорявшие земли и Болгарии в своих набегах на Византию. Получив от империи по условиям мира 927 г. некоторые уступки престижного характера, Болгария оказалась в роли младшего партнера в своем союзе с Византией, обязывавшей ее защищать северные границы империи и следовать в русле внешнеполитического курса Константинополя.

Выплачивая еще со времени правления Симеона дань Болгарии, империя в то же время оказывала постоянный нажим на преславский двор, удерживая при императорском дворце наследников болгарского государя в качестве заложников<sup>25</sup>.

Курс на ликвидацию государственной независимости Болгарии начал все более отчетливо проявляться уже в середине X в. Дипломатические акции империи имели целью враждебное окружение Болгарии и всемерное ослабление ее сил. Этим задачам должно было служить и спровоцированное константинопольским двором в 968 г. вмешательство киевского князя Святослава в балканские дела. Оно привело, однако, к неожиданному для имперских политиков повороту в ходе событий: к образованию русско-болгарской, направленной против империи коалиции, в которой на первых порах приняли участие также печенеги и венгры<sup>26</sup>.

В результате поражения Святослава в войне с Византией (971 г.) северо-восточные земли Болгарии и часть ее земель к югу и юго-западу от Балканского хребта были аннексированы империей. Публичное лишение пленного болгарского царя Бориса II знаков царского достоинства должно было символизировать уничтожение Первого Болгарского царства. Оно, однако, не исчезло: в юго-западных и западных районах страны византийские власти утвердиться не смогли. Центральная власть здесь оказалась в руках провинциальных наместников — братьев Комитопулов, объединивших свои усилия и сумевших в 976 г. воссоединить с подчиненными им территориями Северо-Восточную Болгарию. И сами Комитопулы, среди которых главная роль перешла скоро к Самуилу, и их подданные, и византийцы, и другие ипоземные современники рассматривали это государство как продолжавшее свое существование Первое Болгарское царство. Политический центр страны не был, однако, возвращен в Преслав: столица осталась в Македонии, где была наиболее сильной военная и социальная база Самуила. Империя удержала в своих руках болгарские земли в Северной Фракии и в Восточной Македонии (в верховьях Марицы и Струмы).

Чаша весов в болгаро-византийской борьбе временно вновь склонилась на сторону Болгарии, поведшей активную наступательную политику. Самуилу удалось распространить свою власть на Фессалию и Эпир; его войска достигли Пелопоннеса; в конце X в. была снова подчинена Сербия; была присоединена фема Диррахий на Адриатическом побережье. Но и на этот раз решающее значение имело

общее несоответствие между воюющими сторонами в материальных и людских ресурсах. На рубеже X—XI в. наступил перелом в ходе борьбы — перевес окончательно оказался на стороне империи. После упорного сопротивления, в обстановке внутреннего политического разлада и предательства части боярства в 1018 г. Первое Болгарское царство прекратило свое существование.

Но-прежнему в значительной мере особый узел международных связей в течение и 3-го периода составлял сербохорватский район Балкан. О положении сербских земель в это время известно крайне мало. Попытки князя Рашки (Сербии) Мутимира в конце IX в. объединить сербские княжества не привели к успеху. Скоро они были в той или иной мере вовлечены в болгаро-византийскую борьбу. После освобождения от власти Болгарии (927 г.), при Чославе, устанавливая свой сюзеренитет на сербских землях, правители Болгарии оставляли в них в качестве своих наместников-вассалов местных князей. Для понимания межэтнических отношений на сербских землях необходимо иметь в виду, что уже с конца этого периода постепенно начался процесс обособления новой этносоциальной общности (боснийской) с тенденцией превращения ее в раннефеодальную народность<sup>27</sup>.

Примерно сходной была ситуация в X в. в хорватских землях. Освободившись к началу этого столетия от франкской и византийской зависимости, хорватские княжества вскоре объединились в единое сильное государство, охватывавшее и «Посавскую Хорватию», и далматинские города. Князь Хорватии Томислав в 925 г. венчался королевской короной. В соответствии с курсом на упрочение связей с папством тогда же на Сплитском церковном соборе было принято решение о запрете церковной службы на хорватском языке. Но и здесь вторая половина века была ознаменована междоусобиями: хорватская знать выступила против усилившейся центральной власти. Воспользовавшись этим, в 999—1000 гг. Венецианская республика захватила приморские города Северной Далмации.

Таким образом, ко времени завершения завоевания Болгарии Византией в пределах балканского региона не было никакой иной политической силы, способной противостоять византийцам. Казалось, впервые со времени Юстиниана I господство империи вновь безраздельно утвердилось на всем Балканском полуострове. Однако дело обстояло не совсем так. Славянские территории Балкан четко делились с первых лет гегемонии Византии на две крупные зоны. Земли,

входившие прежде в пределы Болгарии (в том числе восточносербские подчиненные Самуилом районы), были преобразованы в провинции империи — фемы (Паристрион, т. е. «Подунавье», Болгария, Диррахий и Сирмий) во главе с наместниками (стратигами, катепанами), ответственными непосредственно перед императором.

Вторую зону составили сербские и хорватские территории. Что касается сербских районов, не входивших в состав Болгарии при Самуиле и его преемниках, то они составили вассальные территории, управляемые местными князьями. Фактически, однако, контроль империи над своими сербскими вассалами был эффективным лишь в прилегающих к пограничным фемам районах и на далматинском побережье. В какой степени зависимости от Византии находились после 1018/19 г. хорватские земли, сохранившиеся источники судить не позволяют. Но северодалматинское хорватское побережье было подчинено непосредственно власти Константинополя: здесь между Задаром на севере Дубровником (Рагузой) на юге была восстановлена утерянная империей в конце X в. фема Далмация<sup>28</sup>.

От 3-го периода международных отношений сохранилось два первых известия о влахах, подтверждающие мнение об их растущей политической активности на Балканах. Согласно одному известию, влахи в Элладе (скорее всего в Фессалии) служили в середине X в. в фемном или местном (провинциальном) тагмном войске империи, составляя, по всей вероятности, особую воинскую единицу. По второму свидетельству, один из Комитопулов — Давид был убит влахами между Касторией и Преспой около 976 г. при неизвестных обстоятельствах. Эти влахи были, возможно, проводниками в горах или погонщиками вьючных животных, исполняя труд в качестве повинности перед центральной властью. Было бы, однако, бесполезным гадать, почему они попали на Давида: сообщение слишком кратко и неопределенно.

Четвертый период международных отношений на Балканах (1018—1186 гг.) вновь, как и самый ранний, рассмотренный выше, был по преимуществу временем межэтнических (а не межгосударственных) связей и контактов. В связи с этим особого внимания заслуживает проблема условий социально-политического и этнокультурного развития завоеванных народов под византийским господством, в том числе спорный в историографии вопрос об эллинизации (или ромеизации) славянского населения бывших территорий Болгарского государства и сербских княжеств.

Византийское владычество имело весьма важные последствия для исторического развития балканских народов, однако оно не привело к исчезновению болгарских и сербских государственно-политических и этнокультурных традиций. Противоборство Византии и Болгарии в 927—1018 гг. происходило в то время, когда уже оформилась болгарская феодальная народность с ее отчетливо выраженным этническим самосознанием<sup>29</sup> и когда уже были заложены основы древнесербской народности<sup>30</sup>. Поэтому правительство империи осуществило целую систему тщательно продуманных мер по утверждению своей власти на завоеванных славянских территориях. Коротко эти меры сводились к следующему<sup>31</sup>.

Северо-Восточная Болгария была отделена от Западной и Юго-Западной не только в административном, но и в церковном отношении: епархии, которые были расположены на территории, являвшейся колыбелью болгарской государственности, были подчинены не охридскому (болгарскому) архиепископу, а патриарху Константинополя. Глава болгарской церкви, имевший в правление Петра ранг патриарха, был низведен на положение автокефального (т. е. решающего внутренние вопросы независимо от византийского патриарха) архиепископа. Фактически же он был подчинен непосредственно императору и без его санкции не мог рукополагать епископов и созывать церковные соборы<sup>32</sup>. По мере освобождения церковных епископских кафедр на вакантные посты последовательно назначались иерархи иноэтничного, неславянского происхождения, по преимуществу греки, не знавшие языка своей паствы, осуществлявшие службу на непонятном местному населению греческом языке, чуждые болгарским культурным традициям и духовным запросам славян.

Целенаправленно были ослаблены позиции местной знати как носительницы государственно-политических традиций: члены правившей болгарской династии, как и наиболее видные представители боярства, были переселены в далекие армянские фемы или даже в самый Константинополь. На восток, в пограничные районы империи, были переведены и наиболее боеспособные отряды (ко времени падения Болгарского государства) войска Самуила и Иоанна Владислава. Частичному переселению в соседние имперские фемы подверглось и простое население Болгарии, особенно из тех ее областей, где Василий II встретил наиболее упорное (в форме партизанской борьбы) сопротивление своим войскам (например, в Пелагонии).

На все высшие и средние посты византийской администрации (военной, судебной, налоговой) в течение всего периода господства империи неизменно назначались знатные греки или представители иных (обычно малоазийских) народов, иного языка, обычаев и традиций, сплошь и рядом пренебрегавшие нуждами подвластного им населения и использовавшие свои посты в целях личного обогащения.

Владения членов болгарской царской династии, а также многих воевод и бояр были включены в состав императорского домена. Эти земли стали фондом раздач и пожалований василевса знатым военным и видным чиновникам, византийским церковным учреждениям и монастырям. В эпоху византийского господства такие пожалования на условиях какой-либо службы императору или дарованные на правах полной собственности феодальные владения на болгарских территориях постепенно увеличивались, продвигаясь все далее на север, особенно на юго-западе, на землях катепаната «Болгария»<sup>33</sup>.

Иноземное владычество, господство в официальной жизни общества (в органах власти и высших церковных учреждениях, в том числе при отправлении литургии в крупнейших храмах) греческого языка оказались объективно отрицательным фактором развития средневековой культуры болгарского народа. Искусство и литература ликвидированного государства не пользовались более той материальной и моральной поддержкой со стороны центральной власти, которая им оказывалась до 1018 г. и которая имела в эпоху средневековья столь большое значение для развития культуры.

Ухудшение условий развития отечественной культуры оказывало существенное влияние на отношения местного населения с имперскими светскими и духовными властями, воинскими контингентами и гарнизонами Византии, размещенными в крепостях на болгарской земле, с представителями иноземного феодального класса, расширявшими здесь свои владения. Прежде всего новая ситуация, в которой оказались деятели болгарской культуры, обычно в условиях того времени тесно связанные с высшими слоями утратившей былое господствующее положение местной знати, стала одним из факторов сохранения и нарастания оппозиционных настроений в среде болгарского боярства. При учете факта широкого распространения в Болгарии до ее завоевания славянской грамоты и утверждения в стране в качестве привычной, ставшей повседневной насущной потребностью славяноязычной литургии, упомянутый фактор не мог не

литать (не говоря уже о факторах административно-экономических) чувств неприязни к новому порядку также в широких слоях местного славянского и иного, негреческого населения.

Лишь среди части социальной верхушки общества на присоединенных к империи землях утвердилось в период византийского господства представление о принадлежности к имперскому правящему классу, непосредственно зависевшее от степени связей знатных местных жителей с властями и вельможами Византии. Общественное поведение этой группировки, влившейся в состав привилегированной светской и духовной знати империи, мало отличалось от позиции других представителей византийского класса феодалов, так как от этого поведения зависели ее материальные интересы и социальное положение. Таких видных болгар (в отличие от другой их части) византийцы называли «заботящимися о делах ромеев» (т. е. поддерживающими власть империи и ее политический курс)<sup>34</sup>.

Характеристика межэтнических контактов и общественных отношений на завоеванных империей землях в период ее владычества не была бы объективной, если не упомянуть о том, что в какой-то мере население бывшего Болгарского государства стало осознавать свою общую принадлежность вместе с жителями прочих провинций Византии к единому в церковно-вероисповедном отношении восточнохристианскому ареалу. Этому содействовало, видимо, не столько верховенство византийских перархов над местной церковью, сколько схизма между западной и восточной церквями в 1054 г., и в особенности действия трижды (в 1096, 1147 и 1189/1190 гг.) прошедших через Балканы крестоносцев Первого, Второго и Третьего походов; враждебные акции западных рыцарей коснулись «схизматиков» в равной мере, будь то славяне или греки. Деятели славянской, болгарской и сербской культуры были в эту эпоху, несомненно, теснее связаны с византийскими и испытали существенное влияние грекоязычной цивилизации. К этому периоду следует, вероятно, отбросить проникновение болгарских и сербских книжников на Афон и возникновение здесь их первых культурных кружков, тесно связанных как с греческими, так и с русскими деятелями культуры, подвизавшимися в этом монашеском центре, являвшемся одновременно очагом образованности. В целом следует, по всей вероятности, заключить, что, стремясь к упрочению своего господства на завоеванных землях и пренебрегая интересами местной славяноязычной культуры, византийские власти не ставили при

этом сознательно цели ее искоренения и преследования. Ухудшение условий развития местной болгарской и сербской культуры было объективным следствием не политики эллинизации (или ассимиляции), а неблагоприятных в целом перемен в политическом, общественном и социальном положении славянской знати и славянского духовенства, в материальном обеспечении деятелей культуры, в организации начального обучения и подготовки кадров славянского духовенства и деятельности местных переписчиков книг и специалистов по художественным ремеслам и т. д.

Итак, ассимиляционный процесс захватил лишь часть славянской знати и лишь часть жителей лимитрофной зоны, граничащей с населенными по преимуществу греками провинциями. Подавляющее большинство болгар не было затронуто эллинизаторскими тенденциями. Сохраняли свой этнокультурный облик и государственно-политические традиции Первого Болгарского царства как большая часть уцелевшего среднего и низшего боярства, не пользовавшегося благоволением императоров, так и часть славяноязычного духовенства. Из этой среды выходили вожди организованных народных движений против византийского господства. Болгарские священники становились ересиархами, вдохновителями и руководителями богомильских общин, настроенных остро враждебно к византийским властям и к официальной церкви<sup>35</sup>.

Особенно сильное недовольство народных масс в болгарских фемах вызывали политика повышения размеров налогов и повинностей, низкая степень соблюдения даже официально признаваемых прав местного населения и его слабая защищенность от произвола должностных лиц, представлявших органы власти империи. Василий II как опытный политик, признававший, что завоевание Болгарии далось ему «не без крови, не без труда и пота», сохранил неизменными взимавшиеся здесь при Самуиле налоги и повинности — и по их форме (натуральной), и по размерам; он не только утвердил прежние, но и расширил имущественные права и льготы болгарского духовенства, оставил он во главе болгарской церкви и ее прежнего главу — Ивана Дебрского<sup>36</sup>. Император опасался обострять обстановку в стране, покоренной в результате ожесточенной борьбы, и стремился создать здесь себе социальную опору<sup>37</sup>.

Политика империи на завоеванных землях не оставалась однако, неизменной. Постепенно на них распространилась общеимперская система управления и централизованной эксплуатации; чрезвычайные, экстраординарные поборы все



чаще касались именно этих территорий. Более низким фактически оказался и правовой статус жителей Болгарии сравнительно с подданными соседних, греческих по своему этническому составу провинций.

В 1037 г., после смерти Ивана Дебрского, в сан архиепископа Болгарии был посвящен грек, и с тех пор ни разу в период господства византийцев этот пост не получал иерарх-славянин. В конце 30-х годов прежние натуральные налоги в Болгарии, несмотря на недостаточный уровень развития товарно-денежных отношений сравнительно с греческими провинциями, были по завышенным ставкам коммутированы в денежные. Эта реформа послужила поводом к первому крупнейшему восстанию в Болгарии против византийского господства (1040—1041 гг.). Весьма важно подчеркнуть, что восстание охватило почти всю территорию бывшего Болгарского государства, исключая лишь его северо-восточную часть. В нем приняли участие и сербы, и албанцы, и влады. Мало того, к Деляну, избранному повстанцами царем Болгарии, присоединилась населенная в значительной мере греками тема Никополя, жители которой страдали от произвола паместника. Восставшие избивали и изгоняли представителей византийской власти, в ходе движения проявлялись классовые, антифеодалные тенденции<sup>28</sup>.

Возглавлявшая восстание болгарская знать преследовала задачу возрождения Болгарского государства во главе с потомком бывшей правящей династии (Делян выступал как внук Самуила). Но восставшие потерпели поражение, одной из главных причин которого был раскол в рядах болгарской знати: против Петра Деляна, пойдя на прямое предательство, выступил другой внук Самуила — Алусиан, обманувшийся в надежде занять место Деляна. В народно-освободительном движении не участвовало население Северо-Восточной Болгарии, где жизнь в это время была дезорганизована частыми и опустошительными набегами кочевых племен печенегов<sup>29</sup>.

Второе крупное народно-освободительное восстание в Болгарии вспыхнуло в 1072 г. Поводом к нему также послужило увеличение налогового гнета. Оно началось в центре катепаната (в Скопье) во главе с представителем рода кавханов Георгием Войтехом. Иначе говоря, и здесь была очевидной тенденция к возрождению государства, завоеванного византийцами. В силу отсутствия в Болгарии потомков бывшей династии восставшие обратились за содействием к правителю сербского княжества Дукля (Зета) —

Михаилу, который послал в Скопье своего сына Константи-на Бодина с военным отрядом. Бодин под именем Петра, данным в знак преемственности власти с последней династией, был коронован в качестве царя Болгарии.

В связи со сказанным необходимо особо остановиться на положении дел в соседних вассальных по отношению к империи землях, не входивших в состав ее провинций Сирмий, Болгария и Далмация. В 1034—1036 гг. в результате восстания Зета освободилась от власти Константинополя. Но повстанцы были разбиты, и князь Зеты — Стефан Войслав был пленен и заключен в темницу в Константинополе. В 1038 г., однако, Стефан бежал и Зета восстала снова. Посланные против нее весной 1040 г. войска были разбиты, а новой карательной экспедиции помешали события в Болгарии. Восстание Деляна, таким образом, отвлекло силы империи в ответственный момент упрочения сил ставшего независимым сербского княжества. Теперь же, через 30 лет, Зета пришла на помощь болгарам в их попытке избавиться от иноземного владычества. Восстание Георгия Войтеха было, однако, скоротечным. Раскол в среде болгарской знати к этому времени стал более глубоким: византийские феодалы упрочили свои позиции в Македонии, как и свои связи с частью болгарского боярства, которое, «заботясь о делах ромеев», сразу же выступило вместе с византийцами против восставших<sup>40</sup>.

Значительно меньшей, чем в 1040—1041 гг., была и охваченная восстанием территория (Северная и Средняя Македония). По тем же, видимо, причинам (вторжения кочевников) не участвовало в восстании Войтеха население северо-восточных болгарских земель.

Рост византийских феодальных владений в юго-западной части болгарских земель, заметное ослабление здесь слоя свободного крестьянства, составлявшего ранее основную движущую силу в народно-освободительной борьбе, разгром двух восстаний на этой территории и следовавшие за этим репрессии — все это, по-видимому, обусловило постепенное перемещение центра освободительной борьбы в центральные и северо-восточные области бывшего Болгарского государства. Сохранившееся и окрепшее еще в конце XI и в XII в. крупное боярство в Македонии придерживалось до времени лояльной политики в отношении к властям империи, а затем (с конца XII в.) стало стремиться не к возрождению независимой Болгарии, а к основанию собственных самостоятельных феодальных княжеств.

В 1074 г. отказали в повиновении Константинополю по-

дунайские города, в 1079 г. вспыхнули бурные, но кратковременные восстания в Средце (Софии) и Месемврии (Несебре), в 1084—1086 г. имели место волнения, к которым были причастны богомилы в округе Филиппополя. Отличительной особенностью этих движений, наиболее характерной именно для Северо-Восточной Болгарии, было все более активное участие в них неславянских этнических элементов. Об этом, однако, целесообразнее особо сказать ниже. Главную силу движения, на которую здесь опиралась поднимающаяся и мало затронутая византийским влиянием болгарская феодальная знать (византийцы опасались основывать за Балканским хребтом собственные частные владения), составлял, как некогда в Македонии, более широкий слой свободного налогообязанного крестьянства, не находившегося в личной зависимости от феодалов. Да и военным позициям империи в этом районе, столь часто подвергавшемуся нашествию кочевников, был нанесен серьезный удар.

Прежде чем сказать о событиях, ознаменовавших крушение византийской гегемонии на Балканах, необходимо хотя бы коротко остановиться еще на двух сюжетах: на ситуации в целом в сербо-хорватском ареале в период господства империи и на положении в эту эпоху неславянских этнических групп на завоеванных Василием II Болгаробойцей территориях.

Завоевание в корне изменило положение хорватских и сербских государственных образований в системе международных отношений, как на самом полуострове, так и на границах с их северными и западными соседями<sup>41</sup>. Если ранее сербские князья опирались на поддержку Византии против Болгарии, то теперь они были вынуждены искать пути освобождения от имперской опеки<sup>42</sup>. Что же касается Адриатического побережья, где под непосредственной властью Византии оставались ряд городов с их округами и некоторые острова, то здесь разгоралось все более острое соперничество за Далмацию: примечательно, что в эту эпоху эти местности и городские центры фигурируют в официальной титулатуре высших представителей власти пяти держав (Византии, Хорватии, Королевства Венгрии, Венеции и даже германских герцогств)<sup>43</sup>.

Начало нового тура длительной борьбы за Далмацию положил хорватский король Крешимир III, напавший в 1018 г. на Задар и другие прибрежные города Нижней Далмации, но потерпевший поражение от войск византийской фемы Лангобардия<sup>44</sup>. Власть империи ослабела здесь к концу XI в.; хорватский король Звонимир подчинил часть

Нижней Далмации, однако наиболее значительные города (Задар, Сплит, Трогир) устояли, опираясь на помощь венецианцев и норманнов Южной Италии; испытывали давление короли Хорватии и со стороны Венгрии и папства<sup>45</sup>. Воспользовавшись феодальными распрями в Хорватии после смерти Звонимира, король Венгрии захватил Славонию («Посавскую Хорватию»), а затем в результате похода в Далмацию склонил к союзу и признанию своего сюзеренитета знать и прочих хорватских земель. В 1102 г. сложилось Венгеро-Хорватское королевство, в пределах влияния которого позднее оказалась и Босния. Однако в отличие от хорватской территории, тесно интегрированной с остальными землями венгерской короны (хорватская знать составила с венгерской единый господствующий класс), вассальная зависимость Боснии была зачастую чисто формальной, в особенности в конце XII в.

Пыталась утвердить свои позиции в Далмации и Венецианская республика. Ее власть в ряде городов Северной Далмации, установленная в 1000 г., была кратковременным эпизодом, но в XII в. ей удалость подчинить Кварнерские острова и один из наиболее крупных центров Нижней Далмации — Задар<sup>46</sup>. Не оставались в стороне от этой борьбы и норманнские правители Южной Италии и Сицилии. Предпринимая усилия по завоеванию византийских земель и надеясь даже на овладение всей империей, норманны одновременно старались утвердиться в Далмации. Этому благоприятствовала позиция некоторых городов Адриатики, которые, используя противоречия великих соседних держав, обращались к королям Сицилии за помощью. Так, крепнувший и превращающийся в крупную торговую республику Дубровник в 70—80-е годы XIII в. временно отдался под покровительство сицилийского короля, признавая его сюзеренитет.

Краткий обзор названных выше событий позволяет заключить, что важнейшим фактором международных отношений на Балканах в XI—XII вв. стали внебалканские политические силы Центральной и Западной Европы. Балканы, и прежде всего в этот период их северо-западный ареал, стали ареной экспансионистских устремлений трех соперничающих с Византией государств — Венгрии, Венеции и Сицилийского королевства. В разное время в ходе XI—XII вв. они становились в известной мере также балканскими державами и обуславливали таким образом все более тесную связь балканского региона с общеевропейской системой международных отношений.

Несомненно, особая роль при этом принадлежала Королевству Венгрия. Включение в его состав Хорватии и Боснии (хотя и в качестве вассальной территории) коренным образом изменило международную систему связей на Балканах: вся северо-западная граница обороны Византийской империи рухнула бесповоротно. Венгерская угроза с севера стала постоянной и реальной опасностью для балканских владений империи (включая сербские и болгарские земли)<sup>47</sup>, как все более грозной становилась для нее в это время в Азии и опасность наступления сил тюркских государственно-политических объединений.

Вместе с тем необходимо указать на то, что венгеро-византийское соперничество было использовано зависимыми от империи сербскими княжествами в целях обретения полной государственной независимости. В конце XI в., когда обнаружилось постепенное ослабление Зетского княжества, преобладание стало переходить к Рапке (Сербии). В 1094 г. ее жупан Вукан отказал в повиновении императору и существенно расширил пределы своего государства за счет земель Византии. Хотя и выпущенный в результате военных походов войск императора Алексея I Комнина признать снова суверенитет империи, он фактически остался независимым. В первой и второй трети XII в. великие жупаны Рапки нашли поддержку в борьбе с Византией со стороны Королевства Венгрии. В 1128 г. венгры в союзе с сербами впервые разорили Белград и Браничево. Эпизодически принуждаемые к признанию верховной власти Византии, сербские жупаны неоднократно восставали, переходили на сторону врагов империи, стремясь упрочить свою независимость. В 1149 г. великий жупан Рапки в союзе с Королевством Венгрия участвовал в войне с Византией на стороне Рожера II Сицилийского. Сербы входили в широкую антивизантийскую коалицию во время войн империи с Королевством Венгрия в 1150—1167 гг., ставших важным фактором общеевропейской политической жизни. Византию поддерживали Венеция и Германия (Гогенштауфены), а также Суздальское и (позднее) Галицкое княжества, Венгрию — итальянские норманны, Франция, Вельфы, сербы и (на первом этапе) Киевское княжество. Победа византийцев и превращение Венгрии в вассала империи обусловили подчинение и сербов. Однако в 1180—1181 гг. и венгры и сербы порвали вассальную зависимость от Византии и перешли в наступление на переживавшую кризис империю. Венгры захватили Сирмию и в 1183 г. в союзе с возвысившимся сербским великим жупаном Стефаном Неманей (основате-

лем новой династии) разгромили Белград, Браничево и Средец. Упрочив свое положение независимого правителя объединенного Сербского государства, Стефан Неманя интенсивно расширял подвластную ему территорию за счет византийских владений.

Чтобы полнее представить себе обстановку на Балканах в XI—XII вв., необходимо принимать во внимание и иные многочисленные войны, которые испытало в этот период население полуострова. Помимо разорений, причиненных упомянутыми походами крестоносцев в 1096 и 1147 гг., следует упомянуть о войнах, которые империя вела в течение этого периода против вторгавшихся в ее земли печенегов, узов, половцев, против мятежных полководцев, стремившихся к узурпации константинопольского престола, против порманов, вторгавшихся в Далмацию, Эпир, Фессалию и Южную Македонию в 1081—1085, 1107—1108, 1147 и 1185 гг.

Несмотря на общебалканский процесс дальнейшего упрочения феодальных народностей болгар, хорватов, сербов и греков и углубляющуюся ассимиляцию представителей этих народов, оказавшихся в пределах иноэтничных государственных образований, несколько этнических меньшинств на Балканах избежали эллинизации и славянизации, постепенно консолидируясь и как этносоциальная и как политическая новая общность. Прежде всего это неоднократно упоминавшиеся выше влады. Их социальная и общественно-политическая роль в XI—XII вв. существенно возросла. Выделившаяся из их среды знать проникала в состав господствующего класса империи, получила заметные административные посты и в провинциях, и в столице. Влашская знать обосновывалась в городах. Часть владов по месту зимовий своего скота переходила к оседлому образу жизни и к запятию земледелием. Появились довольно компактные массивы постоянных влашских поселений (например, в Фессалии, которая стала именоваться Влахией). В 1066 г. влады в союзе с местным славянским и греческим населением подняли в Северной Греции восстание против палогового гнета, выдвинув ряд требований перед Константинополем и угрожая посадить на престол другого императора<sup>48</sup>. Свидетельством признания экономического и общественно-политического значения особого этнического массива, представляемого влахами, была организация для них в конце XI — начале XII в. особого епископства во Вранье, подчиненного Охридской архиепископии. В целом, однако, участвуя в восстаниях в Болгарии в 1040, 1072 и 1186 гг., влады еще не ставили

перед собой особых политических целей, связанных с созданием собственного государственного объединения (на Балканах эти попытки владыки предпримут только в XIII в.). Однако, они, несомненно, имели в конце XII в. какие-то собственные этно-социальные организации, позволившие им принять особенно активное участие совместно с болгарами в восстании против византийского господства в 1186 г.

Именно в период византийского господства впервые вышли на политическую арену (по крайней мере насколько это известно по сохранившимся источникам) также албанцы. Они составляли заметную часть войска Георгия Маниака, поднявшего мятеж против центральной власти и двинувшегося в 1043 г. из Диррахия к Фессалонике, навстречу императорской армии. Следовательно, сходные процессы выхода из гор, перехода к оседлости, основания постоянных поселений, созревания социально привилегированного слоя происходили и в их среде. Контингент, комплектуемый из албанцев, стал на долгое время одной из постоянных единиц византийского войска. Нет сомнений в том, что они участвовали в восстании Деяна. Однако о первых попытках образования самостоятельных албанских государств имеются данные лишь от начала 80-х годов XII в. (о появлении в Эпире двух независимых албанских княжеств)<sup>49</sup>.

Существенной в XII в. в Северо-Восточной Болгарии была также роль поселившихся здесь и постепенно обретавших оседлость половцев, формирующаяся знать которых находилась в тесном контакте с влашской и болгарской. Эти связи, безусловно, способствовали тому единению сил, какое имело место в 1186 г. во время восстания против власти империи, возглавленного Петром и Асенем<sup>50</sup>.

Конечно, причина успеха восстания, в результате которого было создано Второе Болгарское царство, заключалась не только в этом. Общественно-политическая ситуация в завоеванных империей землях исключала возможность их органичной интеграции с прочими провинциями империи в единый государственно-политический организм. В этом смысле византийская «реконкиста» запоздала: в течение почти трех с половиной столетий существования независимого Болгарского государства сложилась самостоятельная феодальная болгарская народность с ее собственным этнокультурным обликом и самосознанием, с устойчивыми политическими традициями. Именно это обстоятельство определило исход борьбы, хотя сыграли роль и помощь владов, и союз с задунайскими половцами, и ослабление сил империи, в которой не прекращалась острая внутривосточная

ская борьба и все явственнее давала о себе знать феодальная раздробленность.

Результатом того же процесса на славянской территории было образование в Македонии в начале 80-х годов XII в. независимого княжества Добромира Хриза, поддерживавшего связи с Асенем и Петром. Несколько иного происхождения были политические объединения, возникавшие в это время в сербо-хорватских землях в обстановке соперничества за гегемонию великих держав. Появляясь как новые или возрождаясь как старые княжества, они использовали противоречия сильных соседей и добивались фактической независимости, сами устанавливая подвластные им границы. Так, в частности, постепенно формировалась Дубровницкая республика, находившаяся сначала под эгидой Византии; самостоятельным в конце XII в. был некоторое время Котор; сложилась и окрепла Боснийская держава бана Кулина (1180—1204 гг.); особая роль на Адриатике принадлежала новому, Омишскому княжеству Качичей.

Восстание в Болгарии весной 1186 г. имело своим поводом, как и восстания Деляна и Войтеха, усиление налогового гнета. Его возглавили братья-боляре из Тырнова, нового поднимающегося городского центра забалканской Болгарии. Они избрали наступательную тактику, и, несмотря на временные неудачи, в 1187 г. империя была вынуждена признать существование независимого государства, обозначаемого в науке как Второе Болгарское царство, но трактуемого как возрожденное старое, некогда уничтоженное Василием II Болгаробойцей.

Видимо, четвертый рассмотренный нами период международных отношений на Балканах не поддается однозначной краткой характеристике. Тем не менее следует, по всей вероятности, подчеркнуть, что для этого периода в целом свойственно постепенное и все чаще в форме непосредственного военного вторжения вмешательство в балканские дела крупных европейских держав, пытающихся перехватить у слабеющей Византийской империи гегемонию на полуострове. Яркое воплощение эта тенденция найдет несколько позже — во время Четвертого крестового похода 1203—1204 гг.

<sup>1</sup> См.: История Византии. М., 1967. Т. 1—2; *Острогорски Г.* Историја Византије. Београд, 1959; и др.; История на България. С., 1982. Т. 2—3; *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. С., 1970. Т. 1—2; Историја народа Југославије. Београд, 1953. Т. 1; Историја српског народа. Београд, 1981. Кн. 1; *Klaić N.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1972;



- Eadem*. Povijest Hrvata u razvijenom srednjem vijeku. Zagreb, 1976; ср.: *Fine J. V. A. The Early Medieval Balkans*. Ann Arbor (Michigan), 1983.
- <sup>2</sup> См.: *Наумов Е. П., Арш Г. Л., Достян П. С., Виноградов В. Н.* Балканы в международной жизни Европы (XV—XIX вв.).— В кн.: Балканские исследования. М., 1982, вып. 7, с. 42.
- <sup>3</sup> *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen.— In: *Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus*. В., 1973; *Кучма В. В.* Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов.— В кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978; *Търкова-Заимова В.* Нашествия и этнические процессы на Балканах. С., 1966.
- <sup>4</sup> См. гл. II, а также: *Zástérová V.* Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Pr., 1974.
- <sup>5</sup> *Литаврин Г. Г.* К проблеме становления Болгарского государства.— ССЛ., 1984, № 4.
- <sup>6</sup> См.: ВИИНУ, т. I, с. 223—224.
- <sup>7</sup> *Гиндин Л. А., Орел В. Э.* Ранние этноязыковые контакты славян на Балканах и лексика южных славян.— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 33—49.
- <sup>8</sup> Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подготовка текста, введение, пер., коммент. Г. Г. Литаврину. М., 1972, с. 519—522 (здесь и библиография).
- <sup>9</sup> См. об этом: *Острогорски Г.* Историја..., с. 177; ср.: *Koledarov P.* Zur Frage der politischen und ethnischen Veränderungen auf dem Balkan im 7. Jh.— *Etudes historique*, 1980, t. X, S. 77—89.
- <sup>10</sup> *Острогорски Г.* Историја..., с. 197.
- <sup>11</sup> *Литаврин Г. Г.* Славини VII—IX вв.— социјално-политическе организацији славян.— В кн.: Етногенез народова Балкан и Северног Причерноморја: Лингвистика, историја, археологија. М., 1984.
- <sup>12</sup> Там же, с. 193—203.
- <sup>13</sup> См.: Историја народа Југославије, т. 1, с. 138—139.
- <sup>14</sup> См. там же, с. 132—133; см. также: *Zgodovina slovenscev*. Ljubljana, 1979, s. 111 сл.; *Веус I.* Još o problemu formiranja feudalnih država u Južnih Slavena.— *Institut za hrvatsku povijest*. Radovi, 1976, N 8, s. 97—98.
- <sup>15</sup> *Станојевић С.* Византија и Срби. Нови Сад, 1906, кн. 2, с. 79.
- <sup>16</sup> *Гюзелев В.* Средновековна България в светлината на нови извори. С., 1984, с. 68—99; *Станојевић С.* Византија..., с. 79.
- <sup>17</sup> См.: Развитие этнического самосознания славянских народов..., с. 287—288 (Константин Багрянородный).
- <sup>18</sup> *Ferluga J.* L'Amministrazione bizantina in Dalmazia. Venezia, 1978, p. 163—164.
- <sup>19</sup> *Литаврин Г. Г.* Влахи византийских источников X—XIII вв.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. М., 1972, с. 112.
- <sup>20</sup> *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453. L., 1974, p. 137; *Dvornik F.* Byzantske misie u slovanů. Pr., 1970, p. 44 sq., 46, 239 sq.
- <sup>21</sup> Ср.: *Станојевић С.* Византија..., с. 107—108; ср.: *Koledarov P.* Bulgaria's place in the medieval World.— *Etudes historique*, 1983, t. XI, p. 57—62.
- <sup>22</sup> Ср.: *Божилев Ив.* Цар Симеон Велики (893—927). Златният век на Средновековна България. С., 1983, с. 111 и сл.
- <sup>23</sup> ИБ, 2, с. 292.

- <sup>24</sup> *Журечек К.* Историја Срба. Београд, 1952, с. 121.
- <sup>25</sup> ИБ, 2, с. 370 и сл., 390.
- <sup>26</sup> *Сахаров А. П.* Дипломатия Святослава. М., 1982, с. 146—161.
- <sup>27</sup> *Наумов Е. П.* Формирование этнического самосознания древнесербской народности.— В кн.: Развитие этнического самосознания..., с. 187, 191—192.
- <sup>28</sup> *Ferluga J.* L'Amministrazione..., р. 203.
- <sup>29</sup> *Литаврин Г. Г.* Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII — первая четверть X в.) — В кн.: Развитие этнического самосознания..., с. 79—82.
- <sup>30</sup> *Наумов Е. П.* Формирование..., с. 190—193.
- <sup>31</sup> См.: *Литаврин Г. Г.* Условия развития болгарской культуры в XI—XII вв.— В кн.: История и культура Болгарии. М., 1981, с. 293—303.
- <sup>32</sup> *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth..., р. 275—283.
- <sup>33</sup> *Литаврин Г. Г.* Юридический статус на българските земи в състава на Византийската империя (1018—1185 гг.) — В кн.: България в света от древността до наши дни. София, 1979, т. 1, с. 228—232; *Он же.* България и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 128—249.
- <sup>34</sup> *Литаврин Г. Г.* Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI—XII вв.— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 170 и след.
- <sup>35</sup> *Ангелов Д.* Богомилство в България. С., 1969, с. 311 и сл., 391 и сл.
- <sup>36</sup> *Иванов Й.* Български старини из Македония. С., 1970, с. 547—564.
- <sup>37</sup> *Литаврин Г. Г.* България и Византия..., с. 73 и след., 250 и след., 351 и след.
- <sup>38</sup> Там же, с. 376—397; *Он же.* Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства.— ВВ, т. 41, 1980, с. 92—97.
- <sup>39</sup> *Литаврин Г. Г.* България и Византия..., с. 376—397.
- <sup>40</sup> *Литаврин Г. Г.* Условия..., с. 299.
- <sup>41</sup> *Klaić N.* Povijest Hrvata..., s. 321; История серпского народа, с. 171—175.
- <sup>42</sup> *Журечек К.* Историја Срба. Београд, 1952, с. 121.
- <sup>43</sup> Там же, с. 132.
- <sup>44</sup> *Klaić N.* Povijest Hrvata..., s. 333.
- <sup>45</sup> *Ibid.*, s. 386, 392.
- <sup>46</sup> *Ibid.*, s. 57.
- <sup>47</sup> История српского народа, кн. 1, с. 199—200.
- <sup>48</sup> *Литаврин Г. Г.* Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г.— ВВ, 1956, т. 11, с. 123—134; *Он же.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 277—280.
- <sup>49</sup> *Jochalos T. P.* Über die Einwanderung der Albaner in Griechenland. Eine zusammenfassende Betrachtung (Diss.). München, 1971; *Ducellier A.* L'Albanon et les Albanais.— Travaux et mémoires, 1968, t. 3; Βρανούση Ε. Οι ἔροι «Αλβανοί» καὶ «Αρβανίται» καὶ ἡ πρώτη μνηεία τοῦ ὁμωνόμου λαοῦ τῆς Βαλκανικῆς εἰς τὰς πηγὰς τοῦ 1<sup>ου</sup> αἰῶνος.— 1970, ΣΥΜΜΕΙΚΤΑ, Ἀθήνη, In: τ. 2, с. 207—254.
- <sup>50</sup> *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates.— BYZANTINA, 1978, t. 10, S. 101 ff.; ср.: *Литаврин Г. Г.* Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства.— ВВ, 1980, т. 41, с. 109—112.





## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соответственно главным задачам данного труда, о которых было сказано во Введении, остановимся прежде всего на общем и особенном в структуре раннефеодальных государств, которые сложились на Балканах в ходе VII—XII вв. Отметим сначала коротко наиболее общие черты сходства между ними, оставив при этом в стороне далматинские города как совершенно особый тип общественно-политической организации.

Одной из важнейших, общих всем балканским государствам черт было опережающее утверждение централизованной (государственной) эксплуатации в качестве преобладающей и первичной формы изъятия прибавочного продукта у непосредственных производителей. Именно эта эксплуатация стала основой материальных ресурсов государственной власти. Организация сбора налогов и выполнения населением трудовых повинностей составила одну из главных функций государства, создавшего для этой цели уже на начальном этапе своего развития особые органы публичной власти и в центре, и на местах.

Основу воинских сил всех государств на Балканах со времени их образования, как и в Византии в ту же эпоху, по крайней мере до середины XI в. (а для Сербии до конца XII в.), составляло по преимуществу также свободное общинное крестьянство, земледельцы и пастухи. Сбор и формирование этих ополчений обеспечивали специальные государственные ведомства и особый чиновный аппарат, действовавший на территории всей страны.

В разных формах и различными темпами во всех государствах полуострова в рассматриваемую эпоху были образованы в пределах установленных монархом границ для каждой из областей страны органы провинциального управления во главе с назначаемыми или утверждаемыми государем и лично ответственными перед ним наместниками. Ни для одного из балканских государств (включая Хорва-

тию до ее подчинения Королевству Венгрия в начале XII в.) не была свойственна характерная для феодальных стран Западной Европы иерархическая структура земельной собственности и, соответственно — вассально-ленная система правоотношений, организации воинских сил и управления провинциями.

С утверждением христианства среди южных славян и с организацией церкви серьезную роль в делах управления и обеспечения прочности монархического феодального строя и единства государства приобрело духовенство, являвшееся в целом, как правило (исключая, может быть, лишь хорватские земли и часть сербских, где утвердилась западно-римская церковь), послушным орудием центральной власти.

Гораздо больше, однако, в раннефеодальный период в государственной структуре стран Балканского полуострова черт отличия, которые к тому же не оставались неизменными в течение исследуемой эпохи: одни из них сглаживались и исчезали, другие, напротив, углублялись, третьи появлялись в ходе внутреннего развития и в результате внешнего воздействия.

Разумеется, здесь невозможно заново отметить все из них. Укажем лишь на самые существенные, как они нам представляются. Вряд ли было бы правомерным, говоря об особенностях, избрать в качестве некоего эталона для сопоставления государственную систему раннефеодальной Византии как наиболее раннего из балканских государств, хотя ее общественно-государственное устройство в XI—XII вв. обрело все более признаков сходства с западноевропейскими феодальными монархиями: аппарат центрального и провинциального управления империи нес на себе явный отпечаток старых многовековых традиций, чуждых политическим структурам молодых южнославянских государств.

В целом можно сказать, что ближе всех других стран на Балканах к государственно-правовой системе Византии в X—начале XI в. оказалась все-таки Болгария: по характеру ее столичных ведомств, организации налогообложения, по ее законодательству, основанному на византийском праве, и функционированию судебных органов, системе провинциального управления, значению столичного города, теории монархической власти, ее регалиям, придворному церемониалу, видам привилегий знати, светской и духовной, формам контроля центральной власти над крупным землевладением, функциям дипломатической службы и т. п. Однако и здесь были налицо разительные отличия, особенно существенные

в VIII—IX вв., в дохристианской Болгарии, когда ярко выраженный и лишь постепенно изживавшийся дуализм, отмеченный сильными пережитками родо-племенного строя, был присущ и государственно-политическому устройству Первого Болгарского царства, и самому его этнокультурному облику. Характерным для Болгарии было и длительное сохранение (вплоть до конца IX в.) института «народных собраний», созывавшихся в кризисных для государства ситуациях. К древним и славянским и протоболгарским традициям восходил здесь также строго соблюдавшийся в целом принцип наследственности верховной власти от отца к сыну и от брата к брату. Междоусобия в борьбе за престол имели место только в середине VIII в. между протоболгарскими родами в условиях еще не совсем конституировавшейся государственной системы, а в X—начале XI в. борьба шла лишь между членами правящей династии. Болгарский трон Первого царства не знал узурпаторов, тогда как в Византии за тот же период они составляли половину всех императоров.

Наиболее яркой спецификой государственной структуры сравнительно с византийской и болгарской отличалась Хорватия. Как во всяком другом раннефеодальном государстве, в котором на длительное время сумела сохранить свои позиции местная родо-племенная знать, процесс формирования централизованного государства затянулся в Хорватии на несколько веков, создание столичного аппарата власти осталось незавершенным. Не было и единой столицы; с трудом упрочивался принцип наследственности власти. На утверждение или выборы государя оказывали сильное влияние собрания знати, присвоившие также себе функции до того долго сохранявшихся народных собраний. Прежде чем было достигнуто единство государства, вспыхивали междоусобия между членами династии. Трон захватывали и высшие сановники государя (бапы).

Рыхлость структуры была характерна и для провинциального управления: существовало одновременно два вида власти — местных жупанов, хранивших традиции племенных княжений, хотя и формально подотчетных государю, и его собственных наместников, не всегда, видимо, имевших возможность употребить свои полномочия. Хотя административные районы в X в. уже не совпадали с бывшим племенным делением, они не стали в полном смысле провинциями единого государства: в каждом таком районе формы управления имели местную специфику. Единая система организации власти на местах утвердиться не смогла.

В несомненной связи со слабостью центральной власти находился крайне медленный, растянувшийся более чем на два века процесс утверждения христианства: определяющую роль в этом деле центральная власть в Хорватии стала играть едва в первой четверти X в.

Сербские княжества IX—XI вв., а затем и единая Сербия рубежа XII—XIII вв., занимали и в географическом смысле, и в рассматриваемом здесь аспекте срединное положение между Болгарией и Византией, с одной стороны, и Хорватским государством — с другой. В периоды объединения почти всех сербских земель в единое государство (под эгидой Дукли-Зеты во второй половине XI в. и в конце XII — начале XIII в.) оно, видимо, обладало сравнительным единством управления и развитой системой власти в центре и на местах. Однако ранее, в IX—X вв., медленно преодолеваемые традиции племенного партикуляризма обусловили в ходе оформления государственности появление системы политического полицентризма: возникли и долго сохранялись шесть независимых друг от друга княжеств. Внутри каждого из них были сильны родо-племенные пережитки, была велика роль местных жупанов, созывались народные собрания, влиявшие на судьбы трона. Патримониальный характер княжеской власти был в Сербии выражен отчетливее, чем в Хорватии, но и здесь троном овладевали иногда узурпаторы, хотя и при вмешательстве внешних сил (Византии). Напряженные междоусобия, династические смуты обусловили в отдельные периоды (до XII в.) чрезвычайное усиление политического влияния латинского духовенства далматинских городов. Упрочение наследственных прав на трон приводило нередко, как, впрочем, и в Хорватии, к разделам государства между сыновьями умершего государя. Возникла тенденция к закреплению прав на эти уделы за представителями разных ветвей правящего дома. Происходило выделение из рамок единого государства и новых формирующихся княжеств (Босния). В целом, однако, временная победа центробежных сил в конце XI в. уже не сопровождалась столь ярко выраженным полицентризмом, какой имел место в конце IX—X в. Тем не менее как о подлинно централизованном государстве о Сербии можно говорить лишь для конца раннефеодального периода (конец XII — начало XIII в.).

Что касается далматинских городов, общественно-политическая организация которых постепенно эволюционировала по пути формирования городских республик-коммун (даже в условиях признания городами сюзеренитета Сербии,

Хорватии или Королевства Венгрия), то никаких данных о каком-либо их влиянии на формы общественной жизни и управления внутренних городов Хорватии и Сербии не имеется, хотя их воздействие на хозяйственное развитие и политическую ситуацию в этих странах несомненно.

Таким образом, можно, по всей вероятности, констатировать, что в аспекте государственно-политической структуры раннефеодальные страны Балканского региона представляют два явно различившихся субрегиона — византийско-болгарский и хорватский, тогда как третий, сербский субрегион обладал некоторыми чертами второго и, в большей мере, первого.

Перейдем теперь к рассмотрению результатов проведенного авторами исследования с двух других точек зрения: во-первых, с точки зрения осмысления причин, обусловивших различия в темпах становления и развития раннефеодальных балканских государств, и, во-вторых, с точки зрения оценки места и значения в особенностях формирования классовых структур на Балканах элементов старого (в одном случае рабовладельческого, в другом — первобытнообщинного) общественного строя и результатов синтеза институтов этих двух формационно различных систем, каждая из которых в период тесного взаимодействия находилась в стадии разложения.

I. Как показал анализ конкретного материала, темпы социально-экономического и государственно-политического развития балканских народов зависели в целом от трех групп факторов: 1) различия в хозяйственно-социальной, общественно-политической и этнокультурной структуре между славянскими военно-территориальными объединениями ко времени расселения славян на землях Балканского полуострова; 2) демографические, экономические, социальные и природные особенности различных областей полуострова, имевшие здесь место к моменту их заселения славянами; 3) конкретные внутренние и внешнеполитические условия, в которых у разных групп славян совершался процесс этнополитической консолидации и упрочения органов государственной власти.

Остановиваясь ниже последовательно на каждой из названных трех групп факторов, рассмотрим лишь наиболее существенное, следуя при этом, разумеется, заключениям авторов соответствующих глав.

1. Видимо, следует решительно отказаться от допущения, что хотя бы часть славян, с которыми в Подунавье в конце V—VI в. столкнулись византийцы, представляла собой

мигрирующие племена кочевников. Этой гипотезе противоречит вся совокупность археологических и современных той эпохе письменных источников. Следовательно, и общественная структура славянских племенных союзов в корне отличалась от кочевнической, отражая социально-политические установления оседлого земледельческого общества периода разложения строя военной демократии. Скотоводство занимало большое место в их хозяйственной деятельности, однако предполагаемый переход к пастушеству в VI — начале VII в. был свойствен, по-видимому, только для части славян (трасса движения которых проходила через Карпаты или в их предгорьях) и только на ограниченный период.

Иными словами, в целом для славян был характерен примерно одинаковый уровень общественного развития ко времени их выхода к границам Восточноримской империи. Тем не менее, следует, вероятно, допустить, что уже вскоре после этого среди славянских племенных союзов наметились некоторые различия, обусловленные разной степенью интенсивности их контактов с восточноримской цивилизацией. Наиболее интенсивными были эти связи у славян левобережья Дуная, где те или иные славянские союзы до переселения на южный берег жили от 50 до 100 лет.

Их отношения (мирные и военные) с остающимся высокоцивилизованным, несмотря на кризис, государством играли роль катализатора общественного развития: славяне становились обладателями более совершенных орудий труда, оружия, предметов быта, изделий, роскоши; они знакомились с передовыми для того времени агротехникой и ремеслом, овладевали стратегией и тактикой византийского войска, накапливали и усваивали новую информацию из области организации социальной и политической жизни общества. Формирующаяся славянская знать обретала новые цели и идеалы на пути упрочения своего общественного престижа и власти над соплеменниками.

Существенную роль для ускорения темпов развития запятых славянами левобережных районов Дуная сыграл, по нашему мнению, также увод славянами во время набегов множества жителей империи: только часть пленников возвращалась за выкуп или попадала на рынки рабов. Большинство же вливалось в местное славянское общество, нередко на равных правах с их бывшими хозяевами, передавая местным славянам и свои производственные навыки, и некоторые элементы и особенности собственного миропонимания. Видимо, в большей мере эти условия были характерны для



славян левобережья Нижнего Дуная, сохранивших независимость от Аварского хаганата. Известно, что и в этом военно-политическом союзе под верховенством кочевников пленные византийцы вовлекались даже в воинские соединения, но в целом и положение невольников в хаганате, и статус славян были менее благоприятными, а следовательно, сравнительно худшими были и условия для общественного прогресса славянского общества. То же, по всей вероятности, следует сказать и относительно крайних и северо-западных территорий полуострова, где влияние хаганата ощущалось сильнее и где славяне обосновывались, приходя главным образом либо с территорий хаганата, либо из областей, лежащих вдалеке от границ империи (к северу и северо-востоку от Паннонии).

Таким образом, большая часть славян, расселившихся позднее в Мисии, Фракии и Македонии, как и в более южных районах полуострова, пришла сюда из левобережья Нижнего Дуная, из района, находящегося в непосредственной близости к провинциям империи, после многих десятилетней тесных контактов с ней. В конце VI в. и византийцы и авары считали экономически процветающими именно эти славянские земли, где, помимо всего сказанного, имел место, как доказывают материалы археологии, длительный симбиоз славян с автохтонным романизированным населением.

Все это оправдывает, на наш взгляд, предположение, что предпосылки поступательного развития славянского общества еще до освоения славянами территорий Балканского полуострова оказались наиболее благоприятными именно для славян Нижнего Подунавья; военно-территориальный союз под пазванием «Семь родов» (или «Семь племен»), игравший впоследствии существенную роль в формировании Болгарского государства, сложился, видимо, здесь по крайней мере на рубеже VI—VII вв.

2. Переходя к вопросу о различиях между балканскими областями, заселенными славянами, следует сразу же указать на то, что к концу VI в. на Балканах практически не оставалось сколько-нибудь протяженной местности, которая не подверглась бы не только разрушительному воздействию дославянских нашествий «варваров» и набегов славян и прочих народов, но и глубокому кризису рабовладельческого строя. Местное население значительно поредело: оно частью укрылось в горах, отхлынуло на юг под давлением «варваров», пало в сражениях и стычках, погибло от лишений, было уведено в плен. Экономика разоренных «варварами» областей была расстроена, города находились в упадке:

значительная их часть (особенно мелкие и средние) лежала в развалинах, часть была покинута жителями. Уцелевшие же города, главным образом на Черноморском, Эгейском, Адриатическом побережьях, аграризировались и утратили прежнее значение.

И все-таки и в данном случае можно сказать, что сравнительно чаще в течение более продолжительных периодов в ходе V—VI вв. в полной власти «варваров» оказывались северо-западные, а не восточные и южные провинции Восточноримской империи. Воздействие местного общественного строя на славян находилось в непосредственной зависимости от степени сохранения на занятых славянами землях автохтонного населения, являвшегося живым носителем производительных сил, производственных отношений и политических институтов, свойственных более развитому сравнительно с «варварским» обществу. И в этом отношении положение было более благоприятным именно на востоке, в центре и на юге Балкан (в частности, во Фракии и в Македонии). И в промежутках между Славиниями, утвердившимися здесь в последней четверти VI — первой половине VII в., и внутри самих Славиний сохранялись поселения греков и эллинизированных фракийцев. Значительно меньше автохтонов в период расселений славян сохранилось в Мисии, но и здесь в сельской местности имелся слой коренных жителей, по преимуществу в горах, а в причерноморских городах Малой Скифии и в их окрестностях автохтоны в первое время после расселения славян в окрестностях, по всей вероятности, даже преобладали над пришельцами, т. е. над славянами и вторгшимися позднее протоболгарами. Признавая власть Константинополя и защищая себя от посягательства протоболгарских ханов, эти города не сумели все-таки сохранить независимость: сначала города по Дунаю (Никополь, Силистра-Доростол), а затем и причерноморские (Томи, Варна, Констанца и др.) в начале IX в. окончательно вошли в состав Болгарии. Их экономический потенциал, таким образом, в период, когда торгово-ремесленная городская деятельность возрождалась на новой, феодальной основе, был интегрирован с хозяйственной системой развивающегося Болгарского государства, содействуя его прогрессу.

Значительно отличалось положение дел на северо-западе Балкан. Прежде всего, главенствующее значение здесь приобрели племена, позднее других обосновавшиеся на новом месте. Хорваты и сербы составили лишь вторую волну славянских переселенцев (их приход датируют 20—30-ми годами VII в.), когда уже здесь господствовали авары, и хор-

ваты и сербы должны были выдержать упорную борьбу с ними.

Кроме того, на большей части этого края уцелело гораздо меньше автохтонного населения (оно было здесь во внутренних районах вообще реже и до вторжений «варваров»). Греков в целом в Иллирике всегда было немного. Что же касается романизированных фракийцев и иллирийцев, то часть их была отброшена славянами в горы (их звали впоследствии «влахами», на арену социальной и политической жизни они выйдут лишь в X в.), где сохранялись и в социально-экономической и экологической изоляции и остатки иллирийцев (их активную роль в событиях источники стали отмечать только с XI в.). Другая часть романского населения была прижата пришельцами к Адриатическому побережью и сконцентрирована в уцелевших городах (Котор, Задар, Сплит и др.). Эти города также пережили полосу глубокого упадка, но влияние их, конечно, сказывалось на экономическом и общественно-политическом развитии соседних сербских и хорватских земель. Но главная особенность по сравнению с причерноморскими городами Малой Скифии здесь состояла в том, что города Адриатики оказались вне сферы прямого подчинения власти хорватских, а порой и сербских государственно-политических объединений. Поэтому их экономический потенциал не служил непосредственно и в значительном его масштабе интересам формирующейся местной славянской государственности. И в торговом и в политическом отношении они были более тесно связаны в VIII—XII вв. с Византией, городами-республиками Италии, в частности с Венецией, с Франкским (Восточногерманским) королевством, затем с Королевством Венгрия.

Таким образом, можно констатировать, что для данного района Балкан была присуща в целом сравнительно большая этническая (славянская) однородность, однако это решительно преобладающее, господствующее славянское население испытало значительно меньшее влияние местных форм общественной жизни.

Укажем еще на одну существенную особенность этого района, в первую очередь континентальных, заселенных сербами территорий. Это особый природно-географический регион. Пересеченная высокими покрытыми лесом горами, тесными ущельями и глубокими узкими долинами местность не содействовала развитию коммуникаций, создавала серьезные трудности для устойчивых хозяйственных связей и политического (и мирного, и военного) взаимодействия. Происходили закрепление и консервация этнополитических раз-

личий между сербскими племенами в пределах ограниченных территорий. Возникающие здесь племенные княжения, а затем и государственные образования были невелики по размерам и с трудом сплачивались в единую государственную систему.

Как и в Хорватии, приморский район, к которому при-мыкали четыре сербские княжества (Пагания—Арентания, Захумье, Травунья и Дукля—Зета), оказался на длительное время — как раз в эпоху упрочения сербской государственности — в основном исключенным из процесса аккумуляции материальных средств и социальных сил, необходимых для консолидации органов государственной власти. Экономическая и социально-политическая организация приморских городов Южной Адриатики, унаследованная от позднеримской эпохи, тяготела к автаркии, к обеспечению условий автономного развития по типу итальянских торговых республик, ориентирующихся на средиземноморскую торговлю.

Таким образом, и вторая группа коротко рассмотренных нами факторов (а именно особенности местности, заселенной разными славянскими племенами и союзами племен) оправдывает, как нам представляется, заключение, что северо-западные районы Балкан в целом сравнительно с северо-восточными, восточными и центральными составляли в VII — начале IX в. менее благоприятный для социально-экономического и общественно-политического развития славян район полуострова.

3. Выше мы старались показать, что особенности рассмотренных двух комплексов факторов в северной половине Балканского полуострова были более благоприятными для восточной его части, содействуя здесь опережающим темпам становления государственности. Однако еще более существенное воздействие на исход этого процесса оказывала третья группа факторов — конкретные обстоятельства внутренние и внешние политические условия, в которых совершалось оформление славянских государств. Иными словами, те преимущества, которые, к примеру, в силу названных выше двух групп факторов имелись у славянского населения, объединившегося в составе Первого Болгарского царства, не были все-таки столь велики, чтобы предопределить здесь намного опережающие темпы эволюции.

Доказательством этого является судьба славиний Македонии, Фракии, Фессалии, Эпира и Пелопоннеса. По своей общественно-политической структуре они вряд ли были менее зрелыми, чем Славиния в Мисии — «Семь родов». Утвердились же эти Славинии в местностях, гораздо более вы-

годных и с точки зрения климатических и природно-географических условий, и с точки зрения возможностей усвоения от автохтонов передового производственного опыта и ознакомления с более развитыми социальными институтами. Некоторые из этих Славиний сохраняли в продолжение VII—IX вв. или полную независимость от империи, или автономию во внутренних делах. И тем не менее ни одна из этих Славиний ни в VII, ни в IX в. не смогла превратиться в подлинное государственное образование. Причины этого заключались, на наш взгляд, прежде всего во внешнеполитической обстановке: Византийская империя оказывала на эти Славинии постоянное дипломатическое и политическое давление и предпринимала против них военные походы. Использовалась целая система средств — от проповеди христианства и мирных союзных договоров до организации карательных экспедиций.

В силу всего этого упомянутые Славинии оказались лишенными возможности и мирного (договорного), и военного (в борьбе друг с другом) объединения вокруг единого центра или нескольких центров. Предоставляемый отдельным Славиниям императором статус «архонтии» даже при условии сохранения внутренней автономии оказывался на деле лишь этапом на пути подчинения Славиний империи, поскольку предполагалось утверждение вождя Славинии в ранге «архонта» со стороны Константинополя. Устанавливался постепенно усиливавшийся контроль за политической ориентацией архонта, неугодный и непокорный архонт мог быть устранен, заменен. Находившиеся близ таких Славиний крупные византийские центры-крепости (Адрианополь, Фессалоника, Веррия, Ларисса, Коринф, Патры и др.) служили при этом в качестве опорных военных пунктов империи в ее действиях против славян.

Одним из следствий византийского влияния на Славинии было ослабление единства их руководящего социального слоя: часть представителей славянской союзно-племенной аристократии, вступая в контакты с византийской знатью, проникалась ее идеалами, тяготела к соединению с ней, искала себе место в имперской иерархии чинов и должностей.

В условиях неравной борьбы с Византией сохранявшие независимость Славинии истощали свои материальные и людские ресурсы, постоянные войны вели к консервации общественной структуры, к замедлению эволюции и в конечном счете к завоеванию и постепенной ассимиляции населения Славиний.

Существенно иной была ситуация, сложившаяся в Мисии и Малой Скифии, на территории между Балканским хребтом и Дунаем. Наиболее крупным среди славянских союзов здесь был союз «Семь родов», в который, видимо, входили как «склавины», так и анты, сохранявшие в союзе свою племенную структуру, имевшие собственных вождей и обладавшие автономией во внутренних делах (северы). Возможно, союз «Семь родов» имел статус федератов империи, т. е. обязывался защищать дунайскую границу от аваров. Есть основания утверждать, что на этой территории не было ни собственно византийских войск и гарнизонов, ни имперской администрации. Иначе говоря, связи местной славянской аристократии с Константинополем вряд ли являлись прочными. По существу самостоятельному развитию местных Славиний (прежде всего союза «Семь родов») содействовала и естественная географическая изоляция данного района, огражденного со всех сторон горами, морем и крупной рекой. Хотя опасность утверждения безраздельной власти империи в этом районе была вполне реальной (византийцы уже считали Мисию и Малую Скифию подконтрольной Константинополю территорией), процесс консолидации военно-территориальных славянских союзов происходил здесь, как показали последующие события, весьма быстрыми темпами накануне появления орды Аспаруха.

Таким образом, рассмотрение и третьей группы факторов позволяет, как нам кажется, прийти к заключению, что условия оформления государственных форм жизни общества были с конца VI до конца VII в. наиболее благоприятными на северо-востоке Балканского полуострова.

Завершая раздел заключения о причинах различий в темпах становления раннефеодальных государств на Балканах, мы должны, однако, констатировать, что все сказанное выше касается лишь начального этапа общественного развития славян на Балканском полуострове, лишь вопроса о причинах в различии темпов становления государственности у разных групп поселившихся здесь славян. В целом, видимо, можно в этом отношении сделать наиболее общий вывод, что находившиеся примерно на одинаковом уровне развития славянские племенные союзы ко времени их появления у границ Восточноримской империи через два—два с половиной столетия пребывания на ее территории уже существенно различались между собой по степени зрелости своей социально-политической структуры. Главная причина этого — различие конкретных условий, в которых славяне оказались в пределах Балканского полуострова.

Действие этого фактора прекратилось позднее, уже в период упрочения и развития образовавшихся раннефеодальных славянских государств на Балканах. Мы не ставим здесь задачу еще раз проанализировать особенности внешнеполитических условий, в которых в течение VIII—XII вв. находились южнославянские государства. Соответствующие обобщения на этот счет уже сделаны в VIII главе. Отметим только, что и для этого периода выводы, сделанные выше относительно третьей группы факторов, сохраняют свою силу. А именно: по крайней мере вплоть до середины X в. ситуация в целом была наиболее благоприятной (так же, как и ранее) для Болгарского государства, несмотря на его непосредственное соседство с могущественной Византийской империей. Хорватские княжества (Далматинская Хорватия и княжество на Саве) лишь изредка и эпизодически обретали условия для независимого развития: здесь устанавливалось то византийское, то франкское господство. В течение трехсотлетия — с начала IX до начала XII в. (т. е. до присоединения хорватских земель к Королевству Венгрия в 1102 г.) только на несколько десятилетий во второй четверти X и во второй половине XI в. — Далматинская Хорватия и Славония объединялись в единое государство. Еще в более трудных условиях в с начала IX в. до 80-х годов XII в. происходило развитие сербских княжеств, за господство над которыми соперничали Болгария и Византийская империя, попеременно устанавливавшие здесь свою власть на большей части сербских территорий.

II. Вопрос о причинах общего и особенного не в темпах развития южнославянских государств, а в самой их внутренней структуре также до некоторой степени связан с проблемой внешнего (франкского, византийского, венецианского) влияния на эти государства. Однако основополагающее значение в этом отношении, прежде всего в дифференциации форм и институтов социально-политической системы разных южнославянских народов, имело не внешнее влияние, а особенности внутренних условий и специфика синтеза общественных порядков «варварского» и восточно-римского мира, институтов первобытнообщинного и поздне-рабовладельческого строя, вступивших в тесное взаимодействие в тот период, когда оба эти строя и сами институты находились в стадии интенсивного разложения.

Общее для всего Балканского полуострова составляло при этом то, что славяне заняли территории с более высокой производственной культурой и в сфере земледелия, и в

области ремесла. Наиболее отчетливые формы континуитет прежней производственной деятельности имел в приморских районах, где сохранились сравнительно компактные массы автохтонного населения. По темпам и интенсивности усвоения его производственного опыта славянами на первом этапе преимущество принадлежало сельскому населению: городские формы жизни в подлинном смысле слова еще долго оставались чуждыми славянам. Однако местные формы землепользования и землевладения отражали более высокую стадию развития социальных отношений и мы вправе предполагать, что повышение уровня развития производительных сил в славянской деревне в результате тесного общения с автохтонами обусловило ускорение перехода от большесемейной и земледельческой общины к соседской. А этому обстоятельству следует, видимо, придавать весьма серьезное значение: в соседской общине прекращались периодические переделы пахотной земли, она переходила в собственность общинника, становилась аллодом. Тем самым закладывались основы для быстрого развития процесса имущественной и социальной дифференциации, т. е. в конечном итоге для процесса классовобразования, основного условия становления государственности. Если не упускать из виду факт всеобщего господства у славян земледелия еще до поселения на Балканах, причем земледелия не только подсечно-огневого, но и пашенного, а также факт овладения ими металлургией железа, то станет понятным быстрый выход славян в новых условиях в области массовых производственных занятий на уровень местного автохтонного населения. Недаром археологи не могут констатировать какие-либо существенные отличия уже для VIII в. в орудиях труда местного и пришлого (славянского) населения. Все это, несомненно, не могло не отражаться на темпах социально-экономического и общественно-политического развития.

Положение дел, однако, в этом отношении было далеко не идентичным для разных районов полуострова. Так, на северо-западе, в сербо-хорватских землях синтез в сельскохозяйственном производстве и, соответственно, в сфере производственных отношений носил более архаические формы, поскольку земледелие в целом и интенсивные его формы, в частности, были характерны здесь еще до прихода славян отнюдь не для всей занятой хорватами и сербами территории: земледелие как господствующий вид занятий доминировало лишь в пригородных приморских районах и в узких речных долинах в горах. На плоскогорьях же и в горной местности преобладало и до расселения славян скотоводст-



во в форме пастушества. Поэтому и синтез здесь имел своеобразные формы: значительная часть славян в этих новых условиях должна была перейти к преимущественному занятию скотоводством, причем в форме (пастушество), мало или совсем неизвестной им ранее. Хотя ранее этот вид производственной деятельности был преимущественным занятием романизированных жителей (влахов), с приходом славян, в частности в континентальные высокогорные районы Хорватии и Сербии, пастушество широко распространилось и среди них. В силу этих объективных условий у части сербо-хорватского населения должны были возобладать соответствующие социальные и общественные институты, отличавшиеся консервативностью и замедленными темпами развития. По всей вероятности, большесемейная община, долго сохранявшаяся у хорватов (в частности, братская семья), вполне отвечала организационным формам ведения хозяйства, основанного на сезонных перегонах скота. Нет необходимости (при отсутствии достаточных данных источников) предполагать, что славяне заимствовали при этом порядке влашских катунов, тем более что по своей сути (большое значение кровнородственных связей) эти порядки были близки к большесемейным, не изжитым к моменту переселения ни у хорватов, ни у сербов.

Отмеченное обстоятельство не могло не отразиться на социальной и общественной структуре раннефеодальных хорватских и сербских княжеств: процесс классовообразования, как и оформления центрального аппарата власти, совершался медленными темпами. Долго отсутствовали и строго установленные нормы и порядок взимания податей и пошлин с населения, как и набора общегосударственного войска из ополченцев-общинников. Со временем в X—XI вв. на территории хорватских княжеств все более отчетливо проявлялось типологическое сходство развития и феодализма, и раннефеодальной государственности не с балканским, а с центральноевропейским регионом. Поэтому, признавая в целом справедливым неоднократно делавшееся в советской науке заключение, что результаты синтеза институтов «варварского» и восточноримского общества проявлялись на Балканском полуострове все менее явственно в направлении от южнобалканских (греческих) районов к северу и северо-западу региона, мы считаем возможным утверждать, что хорватский район следует вообще относить в целом не к балканскому, а к центрально-европейскому региону. Исключение на раннем этапе (до IX—X вв.) составляли только далматинские города, в которых континуитет позднеримских

традиций проявился более отчетливо. Однако и здесь в XII—XIII вв. конституировались такие формы общественно-политической жизни, которые роднят этот район типологически не с балканским, а с итальянским регионом. Даже в пределах Хорватского государства, в которое временами входили северодалматинские города, они оставались чужеродной общественной структурой и, как правило, располагали автономией во внутренних делах, а порой и в определении своего политического курса в отношении соседних городов и государств. В существенной мере тот же путь развития был присущ и южнодалматинским городам, входившим в пределы сербских княжеств. Именно в этом районе сформировался наиболее известный в средние века в Далмации город-республика Дубровник, хотя в ряде городов Южной Далмации (в отличие от Северной), власть правителей сербских государств была временами гораздо более эффективной.

Крайняя скудость сведений о начальном этапе истории образовавшихся в середине IX в. сербских княжеств не предоставляет возможности вообще поставить относительно сербских территорий проблему синтеза. Лишь по сопоставлению с положением дел в Хорватии и соседней Болгарии можно, по-видимому, заключить, что типологически Сербия принадлежала все-таки к балканскому варианту генезиса феодализма и раннефеодальной государственности. Это обусловили следующие факторы: более заметное, чем в хорватских землях, сохранение во внутренних районах при расселении славян местного автохтонного населения; гораздо более эффективное и продолжительное, чем в Хорватии, византийское господство над значительными сербскими территориями (в начале второй половины IX в., в XI и XII вв.), а следовательно, и более тесные связи сербов с населением византийских провинций; несколько раз устанавливавшаяся в конце IX и в X в. на обширной части сербских земель власть Болгарского государства, которая одновременно распространялась и на византийские территории.

Что касается территории Болгарского государства, то в данном случае, видимо, нужно различать несколько периодов еще до эпохи христианизации. В период от заселения Мисии и Малой Скифии славянами до прихода воинства Аспаруха последствия синтеза в производственной сфере, несмотря на тонкий слой уцелевших здесь автохтонов, все-таки должны были ощущаться в первую очередь в этом районе с его эллинизированными приморскими городами, хотя и в меньшей степени, чем в Македонии и Северной Фракии; должны были сказаться также предшествующие

длительные контакты славян левобережья Нижнего Дуная с византийцами. Переход славянских союзов на статус федератов империи и прочные позиции славянской племенной знати, с которой пришлось серьезно считаться победителю Константина IV Аспаруху, свидетельствует о том, что и в социально-общественной сфере забалканские славяне к концу VII в. добились значительного прогресса, что вожди союзно-племенных объединений уже обладали большой властью и вступали в договорные отношения с протоболгарами (а до того с империей) от имени всех своих подданных. О периоде преобладания протоболгар в органах центральной власти (до второй четверти IX в.) мы скажем особо ниже, заметив только, что и в это время (несмотря на осложнившее картину вторжение протоболгар) процесс приспособления некоторых имперских форм общественной жизни не прекратился. Однако наиболее явственно непосредственное усвоение византийских институтов и на уровне официальной власти в провинциальной сельской местности, и в сфере совершенствования органов центрального управления началось со времени распространения болгарского господства на земли империи во Фракии и Македонии (с начала IX в.), и особенно со времени утверждения в стране христианства в качестве официальной религии. Включаемые в состав Болгарии имперские территории, на которых процесс развития феодализма и методы эксплуатации непосредственного производителя со стороны крупных собственников и центральной власти имели более зрелые формы, сохраняли свою прежнюю социально-общественную структуру и играли стимулирующую роль в развитии страны. Организованная по византийскому образцу христианская церковь стала в Болгарии, как и в империи, важным звеном в государственной системе в целом. По самой своей сути церковь была тесно связана со множеством других звеньев государственного аппарата и в центре, и в провинциях. Естественно поэтому, что христианизация предполагала некоторые изменения в организации государственной власти в соответствии с византийскими «образцами».

Особо следует сказать о месте синтеза на Балканах элементов славянского и местного общества с феноменами общественной структуры кочевых народов. Для нас в этом отношении важно определить характер «вклада» в развитие южнославянской государственности аваров и протоболгар. Что касается первых, то вряд ли мы ошибемся, утверждая, что их влияние на социально-экономическое и общественно-политическое развитие было весьма ограниченным, ощуща-

лось лишь на крайнем северо-западе полуострова и только в начальный период рассматриваемой в труде эпохи. В связи с этим заслуживает внимания известный славянам институт «жупанов», возводимый в литературе к аварам. Не отрицая генетическую связь власти родовых славянских старейшин («старцев-жупанов») в VII—IX вв. с полномочиями подчиненных аварскому хагану родовых военных вождей, обозначавшихся тем же термином (в хаганате они выступали в качестве аварских паместников-правителей отдельных населенных славянами районов), мы хотели бы обратить внимание на то, что по своей социальной и общественной сущности этот кочевнический институт в славянском обществе играл функционально иную роль: во-первых, он приобрел территориальный характер, стал прилагаться к представителям славянской знати и со временем (в Болгарии) стал обозначать одного из высших сановников государства, а в Сербии — даже самого правителя государства. Возможно, с институтом кочевнического общества был генетически связан в Хорватии также титул бана, соправителя государя. Однако и в данном случае нет оснований говорить, что должность бана была не претерпевшим никаких изменений институтом, непосредственно заимствованным у аваров (или иного кочевого племени).

Более существенным было влияние на славян протоболгар. В хозяйственной сфере их влияние выразилось скорее всего в расширении таких скотоводческих отраслей, как овцеводство и коневодство, что, по-видимому, содействовало углублению и интенсификации торгового обмена в Болгарии. Однако более существенной была роль протоболгар в военно-политической области: органы центральной власти и формы организации конного (протоболгарского) войска были созданы в соответствии с кочевнической традицией. Этот синтез общественных институтов протоболгар и славян имел место только на части территории государства; в провинциях (особенно в пограничных) славянии долго сохраняли свою структуру, пользуясь внутренней автономией. Когда же славянии стали утрачивать свой статус и превращаться в административные области, подчиненные наместникам хана (князя), институты протоболгарского общества утратили связь с кочевнической традицией. Высшие сановники и вельможи Первого Болгарского царства и в X—XI вв. по-прежнему обозначались как «кавханы», «чергубили», «боляре» (боилы), «тарканы», но по своим социальным и общественно-политическим функциям лица, носившие эти титулы, не имели теперь в сущности ничего общего с теми,

которые обозначались этими терминами в конце VII — начале IX в. И в сфере производственной, социально-экономической, и в сфере общественно-политической в конечном счете возобладали институты местного, земледельческого, славянского и автохтонного общества. Протоболгарское завоевание (или, точнее, основанное на вполне определенных условиях сотрудничество протоболгарской аристократии и славянской знати) форсировало процесс оформления государства, которое в силу этого акта утверждалось в некотором смысле ранее, чем для этого созрели все необходимые условия. Внешняя опасность (от империи и аваров) действовала в этом же направлении. Поэтому Первое Болгарское царство сравнительно долго сохраняло архаические черты; процесс его превращения в развитое европейское государство протекал тем быстрее, чем быстрее уходили в прошлое хозяйственные, социальные, общественные, бытовые нормы жизни кочевой господствующей верхушки, консервативные традиции которой последний раз встали на пути поступательного развития в эпоху принятия и утверждения христианства (в 865 и 893 гг.).

Итак, что касается синтеза в сфере базиса, т. е. производственной деятельности и социальных отношений, то в среде славянского населения, обосновавшегося на Балканах, можно, видимо, констатировать и явления континуитета, и существенные сдвиги (дисконтинуитет), означавшие заметный прогресс в развитии славянского общества, в появлении элементов феодальных отношений, в углублении процесса классового образования и в становлении первичных форм эксплуатации как постоянно функционирующей системы. Иначе говоря, в этой сфере синтез совершался при весьма значительной роли местного восточноримского (ранневизантийского) общества, оказавшего на славян большое влияние и в период крушения рабовладельческой системы в VI—VII вв., и в период генезиса феодальных отношений (VII—XI вв.).

Гораздо менее заметными результаты синтеза были в сфере общественно-политической и идеологической (т. е. в сфере надстройки), особенно в период до принятия оформившимися славянскими государствами христианства в качестве официальной религии. Помимо общих причин, определивших относительно большую консервативность надстроечных явлений сравнительно с базисными, немалое значение на Балканах имело то обстоятельство, что славянские государства возникали, упрочивались и развивались в этом регионе в длительном и упорном противоборстве с

Восточноримской (Византийской) империей. Имперские институты, формы общественной и политической жизни отвергались сознательно как установления, свойственные сильной и враждебной державе. Кроме того, на первом этапе развития государственности славяне были не готовы к адаптации византийских институтов, когда же структура государственной власти славян обрела достаточную зрелость, ее местные формы успели стать традиционными, превратились в фактор самосознания. Принятие христианства в этой связи должно, по нашему мнению, рассматриваться не столько в плане синтеза и внешнего влияния, сколько в качестве закономерного следствия внутреннего развития.

Резко отличающимися представляются последствия синтеза для византийского общества. В основном они имели здесь место также в сфере базиса, но в значительно больших масштабах, чем для славянского общества. Прежде всего славяне сыграли крупную деструктивную роль, ликвидировав на большей части балканских земель остатки рабовладельческих имений и колонатные формы эксплуатации сельского населения. В результате заселения славянами Балканского полуострова стали невозможны и прежние, достигшие крайне обременительных, замедляющих прогресс размеров формы централизованной эксплуатации населения со стороны государства. Славяне нанесли решающий удар и по городам (полисам), хотя и ослабленным ранее, но оставшимся в империи главным оплотом рабовладельческой реакции. Континуитет в производственной и социальной сфере выразился здесь в сохранении старого уровня агрикультуры и остатков императорских имений и владений духовенства, в которых зародились на рубеже V—VI вв., но не получали возможности развития, принципиально новые формы частновладельческой эксплуатации (парикья). Повсеместное преобладание свободной крестьянской общины было главным конструктивным следствием расселения славян на Балканах.

Что же касается надстроечных явлений, то есть, видимо, основание для утверждения, что для государственной структуры империи характерно преобладание континуитета. Общественно-политические институты «варварского» общества не нашли в этом смысле никакого отражения в имперской системе власти. Превращение Славиний сначала в «архонтии», а затем в феи — не путь эволюции самих славиний, а происходивший в империи процесс обновления управления провинциями с целью восстановления господства над населением (греческим и негреческим) и интеграции в состав

государства славянских и иных объединений «варваров» в качестве его новых подданных, палогоплательщиков и воинов. В общем плане, однако, несомненно, что само возникновение фем явилось следствием вторжения, а затем и заселения территории империи «варварами» (на Балканах — прежде всего славянами).

Конечно, сделанные здесь, в заключении, наблюдения могут рассматриваться лишь как предварительные. Поднятые в данном исследовании проблемы стали в настоящее время предметом коллегиального рассмотрения (в рамках специального соглашения о сотрудничестве) медиевистов-славистов и византинистов Болгарии, СССР и Чехословакии. Поэтому мы были бы вполне удовлетворены, если бы положения данной книги содействовали продолжению научной дискуссии по неисчерпаемой проблеме взаимодействия славянского и позднеантичного миров в процессе формирования новых, раннефеодальных государств на Балканском полуострове.



# СИНХРОННАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>408—450 гг. Император Феодосий II. Издание кодекса Феодосия II.</p> <p>451 г. Четвертый Вселенский собор в Халкидоне.</p> <p>Осуждение монофиситства.</p> <p>Конец V в. Замена воинской повинности денежными и натуральными повинностями.</p> <p>500 г. Конституция Анастасия I.</p> <p>513—515 гг. Восстание Виталиана.</p> <p>527—565 гг. Император Юстиниан I.</p> <p>527 г. Начало массовых вторжений славян в Византию.</p> <p>531/2 г. Издание новеллы Юстиниана I, прикреплявшей колон к земле.</p>	<p>Середина V—I-я половина VI в. Поселение славян в левобережье Дуная. 453 г. Распад державы гуннов.</p> <p>513—515 гг. Участие протоболгар в восстании Виталиана.</p>		<p>VI—VIII вв. Упадок муниципального строя в далматинских городах</p>



Продолжение таблицы

Византия	Болгарии	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>540—545 гг.                      Походы антов на Балканский полуостров.                      40-е годы VI—602 г.                      Союзные отношения Византии с алтаи.                      550—551 гг.                      Войны Византии со славянами.                      550—580-е годы VI в.                      Первая волна переселения славян.                      2-я половина VI—1-я половина VII в.                      Конец поздней античности.                      Конец 60-х годов VI в.                      Утверждение аваров в Паннонии.                      580/581—584 г.                      Нападение славян на Фракию и Южный Иллирик.                      582 г.                      Захват аварами Сирмия.</p>	<p>539 г.                      Вторжение «гуннов» (протоболгар?) на земли империи.                      Конец 60-х годов VI в.                      Установление зависимости части славян от Аварского хаганата.                      80-е годы VI в.                      Создание славянских военно-политических союзов в Задунавье.</p>	<p>Сербия</p>	<p>550—551 гг.                      Поход славян в Далмацию.</p>

Продолжение таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>586, 587 (?) г. Осада Фессалоники аваро-славянским войском. Поселение славян на Пелопоннесе.</p> <p>594—602 г. Военные экспедиции империи против славян левобережья Дуная.</p> <p>Начало VII — середина IX в. Переход от рабовладения к феодализму.</p> <p>602 г. Поход аваров против союзного империи объединения антов.</p> <p>Восстание византийского войска на Дунае.</p> <p>602—610 гг. Император Фока.</p> <p>602—626 гг. Вторая волна переселения славян на земли империи.</p> <p>610—641 гг. Император Ираклий. Начало формирования феодного строя.</p>	<p>Конец VI — начало VII в. Образование союза «Семь родов (племен)» в левобережье Дуная.</p> <p>После 602 г. Переселение союза «Семь родов (племен)» и других славянских племен в область между Дунаем и Балканами.</p>		<p>VII—VIII вв. Независимость далматинских городов от Византии.</p> <p>614 г. Разрушение славянами Салоны.</p>

Продолжение таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>Между 615—618 гг., 620 г. Осады Фессалоники славянами и аvaraми.</p> <p>626 г.</p> <p>Осада Константинополя объединенными силами аваров, славян и персов.</p>	<p>Около 626 г. — Конец 70-х годов VII в. Установление договорных (союзных?) отношений славян Нижней Мисии и Малой Скифии с империей.</p>	<p>20—30-е годы VII в. Поселение сербских племен на Балканах.</p>	<p>20—30-е годы VII в. Переселение хорватов на Балканы и их борьба с аvaraми.</p>
<p>626 — середина VII в. Третья волна переселения славян на Балканы.</p>	<p>Начало 30-х годов VII в. Освобождение протоболгар Приазовья от Тюркского ханата.</p>		<p>Конец 4-й — начало 2-й трети VII в. Возникновение союза племен во главе с хорватами в Приморской Далмации.</p>
<p>2-я половина 30-х — начало 40-х годов VII в. Завоевание арабами восточных провинций Византии.</p> <p>657/658 г. Поход Константа II против Славний (Фракии и Македонии?).</p> <p>668—685 гг. Император Константин IV Πογονατ. 674—678 гг. Походы арабов на Константинополь. Разгром арабского флота у Константинополя.</p>	<p>70-е годы VII в. Переселение протоболгар Аспаруха на Дунай.</p>	<p>70-е годы VII в. Распад славянского политического объединения во главе с сербами под натиском аваров.</p>	

Продолжение таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>676—678 гг. Блокада Фессалоники славянами.</p> <p>678 г. Поражение славян на Струме. Прибытие к императору посольства аварского хагана и правителей «западных народов» с предложениями мира.</p>	<p>681 г. Образование Болгарского государства.</p> <p>681—1018 гг. Первое Болгарское царство.</p>		
<p>680—681 гг. Шестой Вселенский собор в Константинополе.</p> <p>680—685 гг. Образование фемы Фракия.</p>	<p>681 — первая треть IX в. Союзно-федеративная славяно-болгарская государственная система.</p>		
<p>80-е годы VII в. Переселение «сермиспан» во главе с Кувером из Аварского хаганата в Македонию.</p> <p>685—695; 705—711 гг. Император Юстиниан II.</p> <p>688/689 г. Поход Юстиниана II против Болгарии и славян Македонии.</p> <p>До 695 г. Образование фемы Эллада.</p>			

Продолжение таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
708 г. Разгром византийского войска болгарам.	705 г. Получение ханом Тервелем титула кесарь и области Загора.	VIII—IX вв. Образование сербских раннефеодальных княжеств.	
717—718 гг. Осада Константинополя арабами. Победа византийского войска в союзе с болгарам.	716—755 гг. Период мирных отношений с империей.		
717—741 гг. Император Лев III Исавр. Издание Эклоги. 726—787 гг. Первый период иконоборчества.	718/719 г. Поддержка болгарами узурнатора Артемия (Анастасия II).		
741—775 гг. Император Константин V Копроним. 767 г. Пленение архонта северов Славуна.	60-е годы VIII в. Обострение борьбы за область. 768—777 гг. Хан Телериг. 774 г. Поход болгар на Берзину.		Середина VIII—IX в. Возникновение прирота в далматинских городах.

Продолжение таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>799 г. Заговор против императрицы Ирины с участием архонта Велантия Акмира.</p> <p>Начало IX—XI в. Утверждение феодальных отношений. Становление раннефеодальной монархии.</p>			
<p>802—811 гг. Император Никифор I Геник.</p> <p>805/807 г. Восстание славян на Пелопоннесе.</p>	<p>803—814 гг. Хан Крум.</p> <p>Начало IX в. Разгром Аварского ханганата франками и болгарями.</p> <p>Начало IX в.—864 г. Ликвидация административного дуализма.</p>		<p>IX в. Формирование основ Хорватского государства.</p>
<p>811 г. Поражение византийских войск в Балканском ущелье. Гибель Никифора I.</p>	<p>811—814 гг. Болгаро-византийские войны: захват болгарскими Девельта, Месември, Адрианополя. Поход Крума на Константинополь.</p>		<p>812 г. Ахенский мир Византии с Карлом Великим. Возвращение далматинских городов под власть Византии.</p>

Продолжение таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
815 г. 30-летний мир с Болгарией.	814—831 гг. Хан Омуртаг.		818—822 гг. Восстание князя Людевита Посавского против франков.
815—843 гг. Второй период иконоборчества.	818—819 гг. Выход тимочан из-под власти болгар.	820—829 гг. Освобождение сербов от византийского сюзеренитета.	821 г. Смерть князя Борны.
820—829 гг. Император Михаил II.	827 г. Подчинение части славян Паннонии болгарским ханом.		
821—823 гг. Восстание Фомы Славянина.	827—829 гг. Переговоры Болгарии с франками о границе.		
843 г. Восстановление иконопочитания.	831—836 гг. Хан Маламир. Гонения на христиан.		839 г. Мир между князем Миславом и венецианским дожем.
	836—852 гг. Хан Пресиан. Присоединение к Болгарии земель смолян и части территорий Средней Македонии. Потеря Болгарией Нижней Паннонии.		

Продолжение таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>855—856 гг. Победа в войне с Болгарией.</p> <p>860 г. Поход русского флота против Константинополя.</p>	<p>852—889 гг. Князь Борис I (Михаил).</p> <p>863 г. Вторжение войск Ростислава Моравского в Болгарию. Мирный договор с Византией.</p> <p>864 (865) г. Принятие христианства Болгарией.</p> <p>Мятеж знати против Бориса I.</p>	<p>2-я половина IX в. Принятие христианства сербами.</p>	<p>Середина IX в. Принятие христианства хорватами.</p> <p>860—870 гг. Образование феодальной монархии.</p> <p>60-е годы IX в., 876 г. Договоры с Венецией.</p>
<p>867—886 гг. Император Василий I. 70—90-е годы IX в. Издание сборников права: «Прохи-рона», «Эпанагоги», «Василик».</p>	<p>870, 879—880 гг. Вселенские сборы: представление болгарской церкви статуса архиепископии и утверждение ее автокефальности.</p>	<p>866—867 г. Осада Дубровника арабами.</p>	<p>871 г. Участие хорватов в военных операциях Византии против арабов у г. Бари.</p> <p>876 г. Освобождение Хорватии от верховной власти франков.</p> <p>879—около 892 г. Князь Бранимир. Отказ от сюзеренитета Византии.</p>



Продолжение таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>886—912 гг. Император Лев VI Мудрый.</p>	<p>886 г. Прибытие учеников Кириллы и Мефодия в Болгарию.</p>		<p>886 г. Избрание епископа г. Нина главой сплитской церкви.</p>
	<p>889—893 гг. Князь Владимир. Попытка восстановить язычество.</p>		<p>892 г. Собрание знати в г. Биаче.</p>
<p>896 г. Разгром византийских войск болгарами под Болгарофигомом. Договор Византии с Симеоном.</p>	<p>893 г. Последнее «народное собрание». Перенесение столицы из Плиски в Преслав.</p>		<p>892—910 гг. Князь Муницимир</p>
<p>913—959 гг. Император Константин VII Багрянородный.</p>	<p>894—896 гг. Первый период войн Симеона с Византией.</p>		<p>910—925 гг. Князь Томислав.</p>
	<p>913 г. Получение Симеоном титула василевса (болгар).</p>		

Продолжение таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>917 г. Разгром византийских войск болгарами у р. Ахелой. 920—944 гг. Император Роман I Лакапин.</p>	<p>918 г. Вторжение болгар в Элладу, взятие Фив.</p>	<p>924 г. Подчинение сербов Болгарии.</p>	<p>925 г. Провозглашение Томислава королем Хорватии.</p>
<p>927 г. Договор с царем Болгарии Петром.</p>	<p>927—970 гг. Царь Петр.</p>	<p>927/928 г. Восстание Часлава. Создание независимого Сербского государства.</p>	<p>925, 928 г. Церковные соборы в Сплите.</p>
<p>930—1020 гг. Борьба центральной власти за сохранение налогообязанного крестьянства.</p>	<p>934 г. Первое нападение венгров на Болгарию.</p>		<p>Разгром хорватами вторгшегося войска болгар.</p>
<p>941—943 гг. Походы киевского князя Игоря против Византии. 944 г. Договор князя Игоря с Византией. 963—969 гг. Император Никифор II Фока.</p>	<p>965 г. Мир Болгарии с венграми.</p>		

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>967 г. Отказ Никифора II Фоки выплачивать дань болгарам.</p> <p>969—976 гг. Император Иоанн I Цимисхий.</p> <p>974 г. Поражение Святослава в войне с Византией. Захват Иоанном I Цимисхием части Болгарии.</p> <p>976—1025 гг. Император Василий II Болгаробойца.</p>	<p>968 г. Первый поход киевского князя Святослава на Дунай.</p> <p>969 г. Захват Святославом Преслава.</p> <p>Отделение от Болгарии западных районов.</p> <p>974 г. Захват Иоанном I Цимисхием Преслава и присоединение к Византии Восточной и части Центральной Болгарии.</p> <p>976—1014 гг. Правление Самуила. Ликвидация византийской власти в Северной Восточной Болгарии и воссоединение страны.</p>		

Продолжение таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>1000 г. Захват Северо-Восточной Болгарии Византией.</p> <p>1018 г.—1180 гг. Гегемония Византии на Балканах.</p> <p>1019—1025 гг. Грамоты Василия II Охридской архиепископии.</p> <p>1042 г. (апрель) Восстание в Константинополе.</p> <p>1054 г. Раскол между западноримской и византийской церквами.</p>	<p>997 г. Коронация Самуила.</p> <p>998, 1000 гг. Присоединение к Болгарии фемы Далмация и Фессалии.</p> <p>1014 г. Поражение Самуила в битве у Беласицы.</p> <p>1018 г. Падение Первого Болгарского царства.</p> <p>1040—1041 гг. Восстание Петра Деляна.</p>	<p>Конец X — начало XI в. Сербские земли в составе Болгарии.</p> <p>20-е годы XI в. Подчинение сербских княжеств Византией.</p> <p>1034—1042 гг. Выступление Стефана Воислава против Византии. Образование самостоятельного Сербского государства (объединение Зеты, Захумья и Травунии).</p>	<p>Ок. 998 г. Создание архиепископии в Задаре.</p> <p>2-я половина XI в. Усиление влияния папства. Вмешательство Венгрии во внутренние дела королевства.</p>

Продолжение таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>1071 г. Разгром византийской армии турками-сельджуками при Манцикерте.</p>	<p>1072 г. Восстание Георгия Войтеха.</p> <p>1074 г. Восстание городов на Дунае.</p>		<p>1070—1250 гг. Становление коммун в далматинских городах.</p>
<p>1081—1118 гг. Император Алексей I Комнин.</p>	<p>1079 г. Волнения в Сердике и Месемврии.</p>		<p>1075—1091 гг. Король Звонимир.</p>
<p>1081—1085 гг. Война с норманнами в Северной Греции.</p> <p>1096 г. Первый крестовый поход. Прибытие крестоносцев в Константинополь.</p>	<p>1084—1086 гг. Волнения богомилов в районе Фелиппополя.</p>	<p>1094 г. Расширение жупаном Вуканом владений Рашки за счет Византии.</p> <p>Конец XI — начало XII в. Ослабление Дукли и отделение от нее Рашки, Боснии, Захумья.</p>	<p>1081, 1085, 1107—1108, 1147, 1185 гг. Вторжения норманнов в Далмацию.</p> <p>Конец XI — начало XII в. Включение Хорватии в состав Королевства Венгрия.</p>

Продолжение таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>Конец XI — начало XIII в. Период развитого феодализма.</p>		<p>Конец XI — 80-е годы XII в. Борьба сербских князей за объединение сербских земель.</p>	<p>1102 г. Коронация венгерского короля Кальмана в качестве хорватского короля.</p>
<p>1143—1180 гг. Император Мануил I Комнин. 1150—1167 гг. Венгеро-византийские войны.</p>	<p>1128 г. Разорение венграми и сербами Белграда и Брачичева.</p>	<p>1107 г. Соглашение Кальмана с далматинскими городами.</p> <p>XII в. Завершение славянизации далматинских городов. Учреждение адвокатуры.</p>	<p>1141—1142 гг. Привилегии Гейзы II Сплиту и Трогиру.</p>
		<p>1149—1151 гг. Участие сербов в войне против Византии на стороне Рожера II Сицилийского.</p> <p>1166—1196 гг. Великий жупан Стефан Неманя.</p>	<p>1165—1180 гг. Усиление борьбы общин с епископами в далматинских городах.</p>

Окончание таблицы

Византия	Болгария	Сербия	Хорватия и далматинские города
<p>1185—1187 гг. Война Византии с норманнами.</p> <p>1204 г. Взятие Константинополя крестоносцами.</p>	<p>1186—1187 гг. Восстание Петра и Асеня и образование Второго Болгарского царства.</p>	<p>ок. 1180 г. Церковный собор в Сербии против богомилов.</p> <p>1190—1191 гг. Реформы государственного управления и ликвидация триумвирата Стефаном Неманей.</p> <p>1196—1217 гг., 1217—1228 гг. Великий жупан Сербии, король Стефан Первовенчаный. Завершение объединения сербских земель.</p>	<p>1185 г. Сплитский собор: обособление далматинского епископата от общины.</p> <p>1-я половина XIII в. Кодификация права в далматинских городах, становление больших патрицианских советов, введение института по-десты.</p>

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века. Свердловск.  
ВВ — Византийский временник.  
ВДИ — Вестник древней истории.  
ВИ — Вопросы истории.  
ВИИНЈ — Византиски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955, т. I; 1959, т. II; 1966, т. III.  
ВО — Византийские очерки.  
ВЯ — Вопросы языкознания.  
ГИБИ — Гръцки извори за българската история. София. 1958, т. II; 1960, т. III; 1961, т. IV; 1964, т. V.  
ГСУ, ФИФ — Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет.  
Еваг. — *Евагрий Схоластик*. Церковная история. — ГИБИ, II.  
ЗРВИ — Сборник радова Византолошког института. Београд.  
ЗСЛ — *Ганев В.* Закон судный людѣмъ. София, 1959.  
ИБ, 2 — История на България. София, 1981, т. 2. Първа Българска държава.  
ИБИД — Известия на Българското историческо дружество. София.  
ИИБИ — Известия на Института за българската история. София.  
ИМ — *Иоанн Малала*. Хронография. — ГИБИ, II.  
Иорд. — *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.  
ИП — Исторически преглед. София.  
Кн. Эп. — Византийская книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962.  
КБ — *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Пер. Г. Г. Литаврина. — В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.



- Лев — *Лев VI Философ*. Тактика.— ГИБИ, IV.  
 ЛИБИ — Латински извори за българската история. Со-  
 фия, 1958, т. I; 1960, т. II; 1965, т. III.  
 Мавр.— *Маврикий*. Стратегикон.— ГИБИ, II.  
 Мен.— *Менандр*. История.— ГИБИ, II.  
 Прок.— *Прокопий Кесарийский*. История воен.— ГИБИ,  
 II. *Он же*. Тайная история.— ГИБИ, II.

ПХ — Пасхальная хроника.— ГИБИ, III.

СА — Советская археология.

ССл.— Советское славяноведение.

Феоф.— *Феофан Исповедник*. Хронография.— ГИБИ, III.

ФС — *Феофилакт Симокатта*. История.— ГИБИ, II.

Хр., I — *Петров П., Гюзелев В.* Христоматия по история  
 на България. София, 1978, т. I.

An. Franc.— *Annales regni francorum* / Ed. F. Kurze. Hannoverae,  
 1895.

BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris.

BHR — Bulgarian Historical Review. Sofia.

BSI — Byzantinoslavica. Prague.

BZ — Byzantinische Zeitschrift.

CD — Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et  
 Slavoniae / Red. M. Kostrenčić. Zagrabiae, 1967,  
 v. I; Red. T. Smičiklas. Zagreb, 1904—1907, v. II—  
 V.

De adm. imp., I, II.— Constantine Porphyrogenitus. De administrando  
 imperio / Ed. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. Bu-  
 dapest, 1949, t. II; London, 1962, t. II. **Commen-  
 tary.**

De cerim.— Constantini Porphyrogeniti imperatoris. De ceri-  
 moniis aulae byzantinae libri duo. Bonnae, 1829,  
 v. I.

Doc.— Documenta historiae Chroatiae periodum anti-  
 quum / Digessit F. Rački. Zagreb, 1879 (Monumen-  
 ta spectantia historiam slavorum meridionalium,  
 vol. 7).

DOP — Dumbarton Oaks Papers.

HS — Thomas Archidiaconus Historia Salonitana / Diges-  
 sit F. Rački. Zagrabiae, 1894 (Monumenta spectan-  
 tia historiam slavorum meridionalium, vol. 26,  
 vol. 3, Scriptorum).

Ioan. Cam.— Ioannis Caminiatae de Expugnatione Thessaloni-  
 cae / Rec. G. Böhlig. Berlin, 1973 (Corpus fontium  
 historiae byzantinae, vol. IV).

- Ioh. Diac.— La cronaca Veneziana del diacono Giovanni.— In: Cronache Veneziane antichissime. Roma, 1890, vol. I, p. 57—171.
- JÖB — Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik.
- L., I, II — *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans. Paris, 1979, I. Le Texte; 1981, II. Commentaire.
- LPD — Ljetopis popa Dukljanina / Priredio V. Mošin. Zagreb, 1950.
- PG — *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series graeca.
- RESEE — Revue des études sud-est européennes.
- RIZ — Radovi Instituta JAZU u Zadru. Zadar.
- TS — Trogirski spomenici / Ed. M. Barada. Zagreb, 1949.
- VAHD — Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. Split.
- ZHI — Zbornik Historijskog instituta JAZU. Zagreb.

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарон, комитопул 178  
 Август, имп. 25  
 Августин 24  
 Авитохол см. Аттила  
 Адамиз 243, 244  
 Акамир 88, 341  
*Аладжов Ж.* 184  
 Александр, виз. имп. 15  
 Александр II, папа 277  
 Александр III, папа 256  
 Алексей I Комнин, виз. имп. 123, 125, 308, 349  
*Алексова Б.* 95, 96  
 Алмош 245  
 Алусиан 304  
 Альфред, епископ 240  
 Ананий Ширакаци 141  
 Анастасий I, виз. имп. 12, 15, 16, 23, 29, 335  
 Анастасий II (Артемий) 340  
*Ангелов Д.* 34, 90, 95, 184, 186—188, 313  
*Андреев И.* 186  
*Андреев М.* 186  
 Андрей, приор 255, 257, 260  
 Анна Комнина 86  
 Аноним Барский 237  
*Ангольак Ст.* 188  
 Апсих 53, 54  
 Ардагаст 48, 49, 54, 55  
 Арпады 230, 247, 272, 277  
 Архиз 208  
 Арш Г. Л. 312  
 Асень 310, 311, 351  
 Аспарух (Аспархрук) 87, 133, 135, 137, 140—144, 146, 147, 149—151, 194, 325, 330, 338  
 Аттила (Авитохол) 35, 36, 135  
  
*Балагури Э. А.* 92  
*Банашевич Н.* 217  
*Баран В. Д.*  
*Баранов И. А.* 184  
*Баришич Ф.* 90, 94  
*Баскаков Н. А.* 184  
 Батбаян 137  
 Баткин Л. В. 283  
*Бегунов Ю. К.* 187  
*Белецкий А. А.* 94  
 Белое 195, 200  
 Бенедикт VIII, папа 275  
*Беуц И.* 230  
*Бешевлиев В.* 183, 184, 186, 187  
*Бобчева С.* 185  
 Божетех 232  
*Божилев Ив.* 187, 312  
 Борис (Михаил) 163—168, 171, 173, 175, 343  
 Борис II 176, 177—179, 297  
 Борич 211  
 Борна 224, 225, 238, 246, 342  
*Бородин О. Р.* 282  
*Брайчевский М. Ю.* 90, 92—94, 96  
 Бранимир 238, 247, 343  
*Бромлей Ю. В.* 245, 248, 249  
*Бурмов А.* 94, 144  
  
*Ваклинов Ст.* 97, 185  
*Вакуленко Л. В.* 90

- Вартоломеев О.* 186  
*Василев Р.* 96  
*Василевский Т.* 96  
 Василий I, виз. имп. 41, 195, 197, 227, 228, 260, 343  
 Василий II Болгаробойца, виз. имп. 125, 171, 176, 177, 179, 180, 203, 300, 303, 306, 311, 346, 348  
 Велисарий 36  
*Велков В.* 31, 32  
*Вернер Э.* 31  
 Вилчина 243  
*Виноградов В. Н.* 312  
*Винокур И. С.* 90, 92  
 Виталин 335  
 Виталис 270, 275  
 Владимир, болг. князь 166, 344  
 Владимир, зетский князь 202, 203, 206  
 Владислав 224  
 Властимир 190, 209  
 Влах, св. 254, 260  
*Войнов М.* 183, 184, 186  
 Вокил (Укил) 152, 153  
*Воронин Н. Н.* 95  
*Врана Й.* 203  
 Вукан 213, 308, 349  
 Вышеслав 246  
*Въжарова Ж.* 92, 95, 96, 185  
  
 Гавриил Радомир 180  
*Ганев В.* 186  
*Гауптман Л.* 247  
 Гвард 232  
 Гарган де Аршиндис 263  
 Гаудий 270  
 Гейза II 273, 350  
*Георгиев П.* 187  
*Георгиева С.* 95  
 Георгий Войтех 304, 305, 349  
 Георгий Маниак 310  
 Георгий Путальский 240  
*Геров Б.* 32  
*Гиѳан Р.* 33  
*Гиндин Л. А.* 36, 91, 94, 312  
  
 Годемир 232  
 Гоислав 229, 232  
 Гойник 209  
*Горюнов Е. А.* 188  
 Готтшалк 239  
*Графенауэр Б.* 94, 248  
*Грачев В. П.* 215, 216, 234, 247  
*Греков Б. Д.* 215  
 Григорий I, папа 57  
 Григорий, епископ 240  
*Гутнова Е. В.* 30  
*Гюзелев В.* 144, 159, 184, 188, 312  
*Гюнтер Р.* 130  
  
 Давид, комитопул 178, 299  
 Даврентий (Добрент) 49, 50  
*Дагрон Ж.* 20  
 Даниэлида 110  
 Девезий 212  
*Державин Н. С.* 215  
 Деса 212  
*Джафаров Ю. Р.* 185  
 Димитрий, св. 63, 65, 70, 85, 133, 150  
*Димитров Б.* 186  
*Димитров Ю.* 185, 187  
 Диоклетиан 25  
*Диттен Г.* 34, 220  
*Добрев П.* 184  
 Добрент см. Даврентий  
 Добромир Хриз 311  
 Домагой 227, 247  
*Достян И. С.* 312  
 Драго 266  
*Драгојловић Д.* 188  
 Драгомир, болг. посол 158  
 Драгомир, жупан 203, 243  
 Драгомоз 225  
 Држислав 229, 230, 232  
*Дринов М.* 97  
*Дуйчев Ив.* 184, 186  
 Дуклянин, поп 200, 202, 203, 207—210, 212  
 Дуло, болг. род 135, 137, 139, 148, 152, 153

*Дуриданов И.* 185

Евагрий 69

Евстафий Ромей 15, 16

Елена, жена Звонимира 230

*Елич Л.* 146

Енраота (Воин) 159, 160

*Еремян С. Т.* 184

Есперих см. Аспарух

Заимов Й. 95, 184

Захария 229

Захарий Ритор 138

*Зазарьина Н. С.* 7

Звиница 159

Звонимир 230—232, 234, 237, 239,  
243, 245, 271, 277, 306, 307, 349

Здеслав 228, 295

*Златарски В.* 311

*Златковская Т. Д.* 91

Зоя, виз. имп. 168

Ибрагим ибн Якуб 180

Иван Владислав 180

Иван Дебрский 303, 304

*Иванов В. В.* 90, 91, 95

*Иванов Й.* 184, 187, 188, 313

*Иванов С. А.* 33, 92, 94, 188

*Иванов Ст.* 96

*Иванов Т.* 32

*Иванова О. В.* 7, 94, 95, 96

*Иванчев Св.* 91

Иванца 171

Игорь, киевский князь 175, 345

Идаризий 49, 53

Иоанн Дьякон 238

Иоанн, архиепископ 270

Иоанн Зонара 87

Иоанн Каменната 162

Иоанн Киннам 210

Иоанн Малала 48

Иоанн Цимисхий 178, 346

Иоанн Эфесский 60, 63, 70

Иоанн Равеннский 226

Иоанн VIII, папа 238

Иоанн X, папа 240

Иордан 14, 35, 37, 38, 41, 42, 60

Ираклий, виз. имп. 24, 28, 56, 65,  
84, 112, 113, 133, 134, 191, 219,  
221, 226, 228, 286, 337

Ираклий, брат-соправитель Кон-  
стантина IV 78

*Иречек К.* 247, 255, 256

Ирина, болг. царица 175

Ирина, виз. имп. 88, 341

Исайя, библ. пророк 135

Испор см. Аспарух

Иречек К. 216—218, 313

*Казанский М. М.* 188

Кальман 219, 245, 271—273, 350

Кандиано 293

Карл Великий 253, 290

Карл Мартелл 152

Карокулины 270

Качичи 311

Кекавмен 205

Келлагаст 49, 53

Киприан 75

Кирилл (Константин Философ)  
294, 344

*Клаич Н.* 230, 231, 247, 248, 258,  
261, 282

Климент Охридский 165, 171

Клук 220

*Ковачевич Ј.* 216

*Кнабе Г. С.* 283

*Козлов А. С.* 31, 33

Козма Пресвитер 165

*Коледаров П.* 95, 98, 144, 185, 188

*Колосовская Ю. К.* 31, 95

*Комша М.* 91

Констант II, виз. имп. 84, 85, 133,  
338

Константин Диоген 204

Константин Бодин 206, 208, 305

Константин IV, виз. имп. 77, 133,  
140, 142, 226, 330, 338

Константин V Копроним, виз.  
имп. 88, 114, 115, 340

- Константин VII Багрянородный, виз. имп. 61, 63, 66, 67, 87, 133, 156, 168, 169, 174, 175, 191—200, 209, 211, 219—221, 224, 228, 229, 238, 239, 241, 244, 252, 253, 259, 260, 344  
 Константин VIII, виз. имп. 176  
 Константин IX Мономах 232  
 Констанций 265  
*Королюк В. Д.* 38, 90—92  
*Корсунский А. Р.* 30, 32, 130  
 Косендзис 220  
 Котраг 137  
 Кракра 179  
*Красильников К. И.* 184  
 Крећић В. 131  
 Крешмир I 229  
 Крешмир II 229, 232  
 Крешмир III 229, 306  
 Крешмир IV (Петр Крешмир) 232, 233, 235, 239, 243, 244  
 Крум 144, 155, 157—159, 341  
 Кубрат 137, 150  
 Кувер 71, 79, 83, 86, 150, 151, 339  
 Кулина 311  
*Курбагов Г. Л.* 30—33, 130  
*Кучма В. В.* 93, 312  
*Кэпштейн Х.* 103  
  
 Лаврентий, архиепископ 277  
 Ласло, венгерский король 230, 245  
*Лебедева Г. Л.* 30, 31, 130  
 Лев III Исавр, виз. имп. 109, 114, 168, 340  
 Лев V Армянин, виз. имп. 168  
 Лев VI Мудрый, виз. имп. 15, 40, 42, 128, 198, 344  
*Левченко М. В.* 185  
*Лемерль П.* 34, 63, 74, 85, 94, 103  
 Лже-Хильвудий см. также Хильвудий 45—47, 52  
*Липшиц Е. Э.* 30, 31, 33, 75, 96, 103, 130  
*Литаврин Г. Г.* 31, 32, 97, 98, 130, 131, 184—188, 216, 217, 280, 312, 313  
*Лишев С.* 96, 184  
 Ловел 220  
 Луминос 134  
*Луциус И.* 275  
*Лучич Й.* 264  
 Людевит Посавский 159, 199, 223—225, 238, 243, 291, 292, 342  
 Людемысл 225  
 Людовик Благочестивый 87, 159, 224, 292  
 Людовик Немецкий 163  
 Лютовит (Литовит) 203—206  
*Львов А. С.* 216  
  
 Мавр 79, 83, 150  
 Маврикий, виз. имп. 39, 41—49, 57, 64, 65, 76  
 Мавродин В. В. 93  
*Магомедов Б. В.* 90  
 Магальберт 229  
 Мадиевичи 266, 276  
*Макова Е. С.*  
*Максимовић Л.* 94  
 Маламир 159, 160, 342  
*Малингудис Ф.* 188  
*Манкен И.* 280  
 Мануил I Комнин 212, 278, 350  
*Маргетич Л.* 259  
 Мария см. болгарская царица  
 Ирина  
*Маркс К.* 282  
*Марьянович-Вуйович Г.* 93  
 Масуди 162  
*Медведев И. П.* 96, 130, 281  
 Мезамир 49  
 Менандр 49, 50, 52, 58, 68, 136  
 Менгацы Маравенья 271  
 Месегалина (Месагалина) 270  
 Мефодий 165, 294, 344  
 Мирослав, брат-соправитель Немани 213  
 Мирослав, сын Крешмира II 229, 232

- Мислав 226, 342  
 Милев А. 187  
 Михаил II, виз. имп. 87, 88, 197, 342  
 Михаил IV Пафлагонянин, виз. имп. 266  
 Михаил, дуклянский князь 206, 207, 209, 210, 305  
 Михаил, сын болг. царя Симеона 173, 175  
 Михаил, захумский князь 201  
 Михаил Сириец 70  
 Михайлов Г. 32  
 Михайлов Е. 91, 188  
 Моисей, комитопул 178  
 Моммзен Г. 283  
 Мостич 171  
 Мунтимир, сербский князь 209, 298  
 Мунцимир, хорватский князь 230, 231, 233, 235, 240, 241, 344  
 Мусокый 48—50, 55  
 Мухло 220
- Наследова Р. А.* 97  
*Наумов Е. П.* 95, 183, 215, 217, 218, 246, 247, 312, 313  
 Никифор I Геник, виз. имп. 69, 104, 115, 158, 160, 289, 341  
 Никифор II Фока, виз. имп. 176, 177, 345, 346  
 Никифор, патриарх 78, 141, 194  
 Никола, комит 177  
 Николаев В. Д. 187  
 Николаевич Н. 30  
 Николай I, папа 161, 162, 227  
 Новаковић Р. 95, 248
- Овчаров Д.* 96, 187  
*Олайош Т.* 185  
 Омуртаг 88, 155, 158—160, 162, 224, 342  
*Орачев А.* 92  
*Орел В. Э.* 312  
*Осипова К. А.* 30
- Острогорски Г.* 216, 311, 312  
 Оттон I 178, 180
- Павлович Л.* 218  
*Паков Б.* 95, 96  
 Первуд 78—84, 133  
*Першиц А. И.* 92, 96  
 Петр Делян 304, 305, 310, 311, 348  
 Петр, хорватский король 245  
 Петр, дож 238  
 Петр, приор 270  
 Петр, виз. полководец 68  
 Петр, серб. князь 199  
 Петр, болг. царь 171, 173—177, 180, 181, 300, 345  
 Петр, епископ 240  
 Петр, болг. царь 310, 311  
*Петров П.* 34, 51, 90—94, 98, 140, 183—186  
*Пигулевская Н. В.* 94  
*Пиотровская Е. К.* 96, 130  
 Пирагаст 48, 55  
*Плетнева С. А.* 92, 138, 149, 184  
*Попович В.* 72  
 Порг (Порин) 224, 228  
 Преснан 155, 160, 163, 168, 342  
 Привуний (Прибина) 229, 232, 243  
*Примов Б.* 186, 188  
 Приск Панийский 35  
*Приходько О. М.* 90, 91  
 Прокопий Кесарийский 36—43, 46, 47, 51, 57, 58, 68, 69  
 Псевдо-Кесарий 35, 48
- Радочичи Н.* 217  
 Радослав 209, 210  
 Растко 213  
 Ратимир 224  
*Рафалович Н. А.* 91  
*Рацци С.* 275  
*Рикман Э. А.* 91, 92  
 Рожер II Сицилийский 308, 350  
 Роман, сын болг. царя Петра 176—179  
 Роман I Лакапин, виз. имп. 169, 173—175, 345

- Роман II, виз. имп. 176  
*Романски Ц.* 91  
*Ропин В. К.* 185  
 Ростислав Моравский 343  
*Русанова И. П.* 90
- Сабин 154  
 Савва, архиепископ 213, 214  
 Саганец 209, 210  
 Само 56, 191, 193, 194, 287  
 Самуил 171, 178—181, 202, 203, 229, 297, 299, 300, 303, 304, 346, 348  
 Сандилх 136  
*Сахаров А. Н.* 185, 188, 313  
*Свердлов М. Б.* 97  
 Светослав, хорватский князь 229, 232  
 Святослав, киевский князь 177, 178, 297, 346  
*Седов В. В.* 38, 90—93, 96, 216  
 Сермон 179  
*Сефтерски Р.* 186  
 Сивин 167  
 Сигеберт 144  
 Симеон 151, 162, 165—171, 173—175, 179, 180, 200, 201, 228, 296, 297, 344  
*Симеонов Б.* 186  
*Скок П.* 280  
*Скржинская Е. Ч.* 37, 91  
 Слав 135  
 Славун 152, 153  
*Соколова Н. В.* 131  
*Соловьев А. В.* 217, 218  
 Срацимир, брат-соправитель Немани 213  
*Сречкович П. С.* 190, 215, 216  
 Ставракий 290  
*Станилов Ст.* 91  
*Станојевич С.* 215, 216, 312  
*Степаненко В. П.* 217  
 Стефан Воислав, зетский князь 204—206, 208—210, 305, 348  
 Стефан Неманя 190, 212—214, 308, 309, 350, 351
- Стефан Первовенчаный 213, 214, 351  
 Стефан Приск 232  
*Стойнев А.* 186  
*Стоклицкая-Терешкович В. В.* 283  
 Стрез 237  
 Строимир 209  
*Строхал И.* 255  
*Сюзюмов М. Я.* 30—33, 96, 131  
*Сымонович Э. А.* 93
- Тангра 139  
*Ташарджийска Цв.* 184  
 Тацит 41, 92  
 Телериг 154, 240  
 Тервель 151, 152, 340  
 Тиверий I, виз. имп. 60  
 Тиверий, виз. полководец 50  
 Тиверий, брат-соправитель Константина IV 78  
 Томислав 228, 229, 239—241, 244, 247, 298, 344, 345  
*Томоски Т.* 98  
*Топоров В. Н.* 90, 95  
*Тотев Т.* 185  
*Третьяков П. Н.* 92, 93  
 Трпимир I 225, 226, 228, 233—235, 237—239  
 Трпимир II 229  
*Трубачев О. Н.* 98, 185  
*Тъпкова-Заимова В.* 93—95, 97, 183, 186, 188, 245, 247, 312
- Угаин 152, 153  
*Удальцова Э. В.* 30, 31, 33, 130  
 Укил см. Вокил  
*Успенский Порф.* 94
- Фејић Н.* 281  
 Феодор, кавхан 180  
 Феодосий II, имп. 26, 335  
 Феодосий, епископ 240  
 Феофан 78, 85, 86, 140—142, 144, 194  
 Феофилакт Болгарский 172



- Теофилакт Симокатта 42, 48, 50,  
 53, 56, 68, 69  
*Ферјанчић Б.* 97, 215, 248  
*Ферлуга Ј.* 215, 216, 247  
*Феррари-Купилли Дж.* 246  
 Филарет 103  
*Физман И. Ф.* 103, 130  
*Фол А.* 32  
 Фома Славянин 88, 104, 115, 342  
 Фома Сплитский (Фома Архидиа-  
 кон) 226, 228, 229, 241, 252, 258,  
 263, 270  
 Фотий 164  
*Фрејденберг М. М.* 94, 281—283  
*Фроянов И. Я.* 93
- Хацон 65, 83, 85  
*Хвостова К. В.* 217  
*Хенинг Й.* 187  
 Хильвудий 45—47  
 Хранко 203, 206  
 Хрват 220
- Цанкова-Петкова Г.* 41, 42, 92, 144,  
 185, 186
- Часлав 175, 201, 204, 208, 298, 345  
*Чекалова А. А.* 32  
*Черепнин Л. В.* 217  
*Чернышов А. В.* 283  
*Чичуров И. С.* 184, 216  
*Чолова Ц.* 187  
*Чудиновских Э. И.* 281
- Шафарик П. И.* 86  
*Шишич Ф.* 216, 217, 218, 220, 246  
*Штаерман Е. М.* 31
- Эверт-Каппесова Х.* 71  
 Эйнхард 144, 159  
*Энгельс Ф.* 282  
*Эннен Э.* 284  
 Эннодий 138
- Юстин I, виз. имп. 36, 168
- Юстин II, виз. имп. 13, 15, 16, 50  
 Юстиниан I, виз. имп. 9, 11, 13—  
 17, 20—25, 27, 29, 36, 45, 49, 52,  
 55, 57, 64, 85, 107, 114, 135, 298,  
 335  
 Юстиниан II, виз. имп. 151, 339
- Яквинта 208  
*Якич-Цестарич В.* 256
- Ahrweiler H.* 131  
*Antoljak St.* 97, 247, 248  
*Avenarius A.* 93, 95  
*Avramea A.* 97
- Babić B.* 93  
*Barada M.* 281, 283  
*Barker J. W.* 33  
*Batović Š.* 246  
*Beck H.-G.* 32, 131  
*Belošević J.* 246, 247, 249  
*Benedicty R.* 93, 97  
*Beuc I.* 245, 247, 248, 281, 282, 312  
*Bierbrauer V.* 96, 246  
*Boba I.* 186  
*Bošković Dj.* 246  
*Božilov I.* 90, 187  
*Brandt M.* 282  
*Brătianu G. I.* 282  
*Brezzi P.* 282, 283  
*Brusić J.* 249  
*Bury J. B.* 32
- Čallany D.* 185  
*Sankova-Petkova G.* 92  
*Charanis P.* 33, 131  
*Čičurov J.* 131  
*Čirković S.* 247  
*Čolak N.* 283  
*Comşa M.* 91, 93, 183  
*Crişan I. H.* 92  
*Cvitanović V.* 281
- Dagron G.* 32  
*Dimitrov D.* 185



*Petricioli I.* 246, 280—282

*Planitz H.* 283

*Pollas D.* 95

*Popović Vl.* 95

*Poutler A.* 183

*Rapanić Ž.* 246

*Reck St.* 188

*Remondon R.* 32

*Rochow J.* 130

*Rogić J.* 248

*Rösch J.* 32

*Rubin B.* 33

*Runciman St.* 131

*Schafarik P. J.* 97

*Schubert W.* 32

*Seibt W.* 97, 188

*Simonyi D.* 184

*Simeonidi H. P.* 94

*Skok P.* 280

*Šišić F.* 245

*Sorlin I.* 90

*Stipišić J.* 281

*Stratos A. N.* 94, 130

*Strohal I.* 280, 282

*Strgačić A. M.* 280

*Suić M.* 246, 248

*Swiencyckij J.* 217

*Täpkova-Zaimova V.* 93, 183, 184

*Teja A.* 281

*Teodor Dan Gh.* 183

*Tinnefeld F.* 32

*Tittman J. A.* 97

*Trojanos Sp.* 33

*Veglery A.* 97

*Vinski Z.* 246, 249

*Vrana J.* 217

*Vryonis S.* 94

*Wasilewski T.* 247

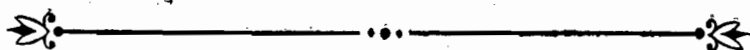
*Weithmann* 94

*Weiss G.* 30

*Zacos G.* 97

*Zakythinos D.* 32, 131

*Zastěrová B.* 93, 97, 98, 216, 245,  
312



## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>ВВЕДЕНИЕ</b> ( <i>Г. Г. Литаврин</i> ) . . . . .	3
Глава первая <b>ВОСТОЧНОРИМСКАЯ ИМПЕРИЯ в V—VI вв.</b> ( <i>Г. Г. Литаврин</i> ) . . . . .	8
Глава вторая <b>СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТИЯ</b> ( <i>О. В. Иванова, Г. Г. Литаврин</i> ) . . . . .	34
Глава третья <b>ВИЗАНТИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО в VII—XII вв.</b> ( <i>Г. Г. Литаврин</i> ) . . . . .	99
Глава четвертая <b>ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ БОЛГАРСКОГО РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (Конец VII — начало XI в.)</b> ( <i>Г. Г. Литаврин</i> ) . . . . .	132
Глава пятая <b>СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕРБСКОЙ РАННЕ- ФЕОДАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ</b> ( <i>Е. П. Наумов</i> ) . . . . .	189
Глава шестая <b>ФОРМИРОВАНИЕ ХОРВАТСКОЙ РАННЕФЕО- ДАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ</b> ( <i>О. А. Акимова</i> ) . . . . .	219
Глава седьмая <b>ГОРОДА-КОММУНЫ ДАЛМАТИНСКОГО ПОБЕ- РЕЖЬЯ (VII — середина XIII в.)</b> ( <i>М. М. Фрейденберг, А. В. Чернышов</i> ) . . . . .	250

Глава восьмая	
МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И МЕЖГОСУДАР- СТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА БАЛКАНАХ В VI—XII вв.	
(Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов) . . . . .	285
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
(Г. Г. Литаврин) . . . . .	314
Синхронная хронологическая таблица	
(О. В. Иванова) . . . . .	335
Список сокращений . . . . .	351
Указатель имен . . . . .	354



РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ  
ГОСУДАРСТВА  
НА БАЛКАНАХ  
VI—XII вв.



Утверждено к печати  
Институтом славяноведения  
и балканистики  
АН СССР

Редактор издательства Л. И. Тормозова  
Художник В. В. Покусаев  
Художественный редактор Н. Н. Власик  
Технический редактор И. В. Бочарова  
Корректор Л. Д. Собко

ИБ № 29812

Сдано в набор 15.05.85  
Подписано к печати 25.09.85  
Т-16749. Формат 84×108<sup>1/2</sup>.  
Бумага книжно-журнальная  
Гарнитура обыкновенная новая  
Печать высокая  
Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр. отт. 19,32. Уч.-изд. л. 23,1.  
Тираж 3000 экз. Тип. зак. 1539  
Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени  
издательство «Наука»  
117864 ГСП-7, Москва В-485  
Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»  
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

В 1986 г.  
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»  
ВЫЙДУТ В СВЕТ:

**Флоря Б. Н.**

**РОССИЯ И ЧЕШСКОЕ ВОССТАНИЕ  
ПРОТИВ ГАБСБУРГОВ**

13 л., 1 р. 10 к.

Монография посвящена восстанию чешских сословий против Габсбургов в 1618—1620 годах и отношению к нему русского правительства. Автором показано, что политика Русского государства объективно способствовала борьбе чешского народа за сохранение своей национальной независимости. Выводы и наблюдения основаны на большом материале источников русского и иностранного происхождения, значительная их часть впервые вводится в научный оборот.

Для историков, международников.

**ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА  
НАРОДОВ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ И РОССИЯ**

1850—1864 гг.

34 л., 4 р.

В настоящем издании опубликованы документы по истории борьбы народов Боснии и Герцеговины против османского ига в XIX в., которые вводят в научный оборот много новых материалов из архивов СССР, СФРЮ, а также Австрии. Источники содержат ценные сведения о жизни населения Боснии и Герцеговины, экономических, социальных, политических и культурных отношениях с Россией, ее роли в борьбе этих народов за национальное освобождение. Документы подготовлены совместно советскими и югославскими историками.

Для историков, международников, этнографов.

**Мурашко Г. П.**  
**ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА**  
**В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1944—1948 гг.**  
**И НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ**  
**СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА**

15 л., 1 р. 20 к.

В монографии рассматриваются вопросы политической борьбы в Чехословакии по послевоенному переустройству чехословацкого общества, характеру осуществляемых преобразований в феврале 1948 г. В центре исследования находятся проблемы стратегии и тактики КПЧ. Выводы и наблюдения автора базируются на большом документальном материале, значительная часть которого вводится в научный оборот впервые.

Для историков, экономистов, международников, общественных деятелей.

**Валев Л. Б.**  
**ИССЛЕДОВАНИЯ**  
**ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ БОЛГАРИИ**

15 л., 1 р. 10 к.

Книга — посмертное издание избранных работ крупного ученого Л. Б. Валева; приурочено к 70-летию со дня его рождения. В нее включены исследования, опубликованные в 40—70-е годы в различных советских и зарубежных изданиях, часть которых публикуется на русском языке впервые, мемуары Л. Б. Валева о его работе на радиостанции «Христо Ботев» в годы Великой Отечественной войны.

Для историков, международных, общественных и политических деятелей, писателей, журналистов.



Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- |        |  |        |  |
|--------|--|--------|--|
| 480091 | Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);           | 197345 | Ленинград, Петрозаводская ул., 7 («Книга — почтой»);                 |
| 370005 | Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);                 | 220012 | Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);                    |
| 232600 | Вильнюс, ул. Университетского, 4;                            | 103009 | Москва, ул. Горького, 19а;   |
| 690088 | Владивосток, Океанский проспект, 140;                        | 117312 | Москва, ул. Вавилова, 55/7;  |
| 320093 | Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);    | 117192 | Москва, Мичуринский проспект, 12 («Книга — почтой»);                 |
| 734001 | Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);             | 630076 | Новосибирск, Красный проспект, 51;                                   |
| 375002 | Ереван, ул. Туманяна, 31;                                    | 630090 | Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»); |
| 664033 | Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);             | 142284 | Протвино, Московской обл. «Академкнига»;                             |
| 420043 | Казань, ул. Достоевского, 53;                                | 142292 | Пушино, Московской обл., МР, «В», 1;                                 |
| 252030 | Киев, ул. Ленина, 42;  | 620151 | Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);             |
| 252142 | Киев, проспект Вернадского, 79;                              | 700029 | Ташкент, ул. Ленина, 73;   |
| 252030 | Киев, ул. Пирогова, 2;                                       | 700100 | Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;                                     |
| 277012 | Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);            | 700187 | Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);                   |
| 343900 | Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»); | 634050 | Томск, наб. реки Ушайки, 18;   |
| 660049 | Красноярск, проспект Мира, 84;                               | 450059 | Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);                            |
| 443002 | Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);             | 450025 | Уфа, ул. Коммунистическая, 49;                                       |
| 191104 | Ленинград, Литейный проспект, 57;                            | 720001 | Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);                 |
| 193164 | Ленинград, Таможенный пер., 2;                               | 310078 | Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»);                   |
| 196034 | Ленинград, В/О, 9 линия, 16;                                 |        |  |

2 р. 60 к.



РАНИНЕФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА НА БАЛКАНАХ